

Демонология

Дж. С. Форсайт

DEMONOLOGIA;
OR,
NATURAL KNOWLEDGE REVEALED;
BEING
AN EXPOSÉ
OF
Ancient and Modern Superstitions,
CREDULITY, FANATICISM, ENTHUSIASM, & IMPOSTURE,
AS CONNECTED WITH THE
DOCTRINE, CABALLA, AND JARGON,

AMULETS,
APPARITIONS,
ASTROLOGY,
CHARMS,
DEMONOLOGY,
DEVILS,
DIVINATION,
DREAMS,
DEUTEROSCOPIA,
EFFLUVIA,
FATALISM,
FATE,
FRIARS,
GHOSTS,
GIPSIES,

HELL,
HYPOCRITES,
INCANTATIONS,
INQUISITION,
JUGGLERS,
LEGENDS,
MAGIC,
MAGICIANS,
MIRACLES,
MONKS,
NYMPHS,
ORACLES,
PHYSIOGNOMY,
PURGATORY,
PREDESTINATION,

PREDICTIONS,
QUACKERY,
RELICS,
SAINTS,
SECOND SIGHT,
SIGNS BEFORE DEATH,
SORCERY,
SPIRITS,
SALAMANDERS,
SPELLS,
TALISMANS,
TRADITIONS,
TRIALS, &c.
WITCHES,
WITCHCRAFT, &c. &c.

THE WHOLE UNFOLDING
MANY SINGULAR PHENOMENA IN THE PAGE OF NATURE.

By J. S. F.

“ The earth hath bubbles, as the water has,
“ And these are of them.”

“ All which, by long discourse, I’ll prove anon.”

London :
JOHN BUMPUS, 23, SKINNER-STREET.

1827.

The Project Gutenberg eBook of Demonologia

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Demonologia

или, естественное знание, раскрытое; являющееся разоблачением древних и современных суеверий, легковерия, фанатизма, энтузиазма и самозванства, связанных с самозванства, связанных с доктриной, кабаллой и жаргоном амулетов, явлений, астрологии, чар, демонологии, дьяволов, гадания, снов, дейтероскопии, излияний, фатализма, судьбы, монахов, призраков, цыган, ада, лицемеров, заклинаний, инквизиции, жонглеры, легенды, магия, маги, чудеса, монахи, нимфы, оракулы, физиогномика, чистилище, предопределение, предсказания, шарлатанство, реликвии, святые, второе зрение, знаки перед смертью, колдовство, духи, саламандры, заклинания, талисманы, традиции, испытания, ис. ведьмы, колдовство и т.д. и т.п., а также множество необычных явлений на страницах природы.

Автор: Дж. С. Форсайт

Дата выхода: 22 декабря 2023 [eBook #72476]

Язык: Английский

Оригинальное издание: London: John Bumpus, 1827

Кредиты: Ричард Тонсинг, Тим Линделл и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Архивом Интернета).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK DEMONOLOGIA ***

Примечание переводчика:

Новая оригинальная обложка, включенная в эту электронную книгу, является общественным достоянием.

Demonologia; OR, NATURAL KNOWLEDGE REVEALED.

W. WILSON, PRINTER, 57, SKINNER-STREET, LONDON.



ДЕМОНОЛОГИЯ, ИЛИ РАСКРЫТИЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЗНАНИЙ;

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДРАССУДКОВ, ЛЕГКОВЕРНОСТИ, ФАНАТИЗМА, ЭНТУЗИАЗМА И МОШЕННИЧЕСТВА, СВЯЗАННЫХ С УЧЕНИЕМ, КАБАЛЛОЙ И ЖАРГОНОМ, АМУЛЕТАМИ, ПРИЗРАКАМИ, АСТРОЛОГИЕЙ, ЗАКЛИНАНИЯМИ, ДЕМОНОЛОГИЕЙ, ДЬЯВОЛАМИ,

ГАДАНИЯ,

СНЫ,

ДЕЙТЕРОСКОПИЯ,

ЭФФЛЮВИЙ,

ФАТАЛИЗМ,

СУДЬБА,

ДРУЗЬЯ,

ПРИЗРАКИ,

ГИПСИ,

АД,

ГИПОКРИТЫ,

ИНКАНТАЦИИ,
ИНКВИЗИЦИЯ,
JUGGLERS,
ЛЕГЕНДЫ,
МАГИЯ,
МАГИКИ,
ЧУДЕСА,
МОНАХ,
НИМФЫ,
ОРАКЛЫ,
ФИЗИОГНОМИЯ,
ЧИСТОТА,
ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ,
ПРЕДСКАЗАНИЯ,
КАКТЕРИ,
РЕЛИГИЯ,
СВЯТЫЕ,
ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ,
ЗНАКИ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ,
ИЗВРАЩЕНИЕ,
СПИРИТЫ,
САЛАМЭНДЕРЫ,
ЗАКЛИНАНИЯ,
ТАЛИСМАНТЫ,
ТРАДИЦИИ,
ТРИАЛЫ и т.д.
ВЕДЬМЫ,
КОЛДОВСТВО и т.д. и т.п.
РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ
МНОЖЕСТВО НЕОБЫЧНЫХ ЯВЛЕНИЙ НА СТРАНИЦАХ ПРИРОДЫ.
Дж. С. Ф.

"Земля имеет пузырьки, как и вода,
"И эти из них".
"Все это, долго рассуждая, я докажу в другой раз".
Лондон:
ДЖОН БАМПУС, 23, СКИННЕР-СТРИТ.
1827.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Страница
<i>Наблюдения над древними и современными суевериями и т.д.</i>	1
<i>Доказательства и испытания вины в суеверные века</i>	9
<i>Астрология и т. д.</i>	18
<i>Практическая астрология и т. д.</i>	25
<i>Естественная астрология</i>	26
<i>Судебная или судебная астрология</i>	27
Происхождение астрологии	28
Астрологические схемы и т.д.	29
Таблица двенадцати домов	30
Знаки домов планет	32
Углы или аспекты планет	33
Применение планет	34
Запрет	35
Разделение	35
Перевод света и добродетели	35
Обновление	35
Сжигание	35
Прием	36
Ретроградация	36
Разочарование	36
Голова и хвост дракона	36
Климакс	37
Удачные и неудачные дни	39
Genethliaci	41
Genethliacum	42
Опровержение астрологии Баркляя	43

<i>О происхождении и мнимой действительности амулетов и талисманов для лечения болезней, защиты от злых духов и т. д.</i>	51
Определение амулетов и т. д.	56
Влияние воображения на разум и т. д.	59
<i>История народных лекарств и т. д. - Как на них повлияло суеверие</i>	67
<i>Алхимия</i>	73
Происхождение, цели и практика алхимии и т. д.	81
<i>Алкахест, или Алькахест</i>	85
<i>Маг</i>	91
<i>Маги, или Магианцы</i>	96
<i>Магия, Магия, Матейя</i>	99
Магия восточных народов, краткий обзор происхождения и развития магии и т.д.	
Халдеи и персы	101
Индийцы	109
Египтяне	110
Евреи	115
<i>Предсказание</i>	123
<i>Фатализм, или предопределение</i>	136
<i>Гадание</i>	142
Искусственное гадание	142
Естественное гадание	142
Аксиномантия	143
Алектормантия	143
Арифмомантия	144
Беломантия	144
Клеромантия	145
Кледонизм	145
Коскиномантия	146
Капномантия	146
Катоптромантия	147
Хиромантия	147
Дактилиомантия	148
Extispicium	148
Гастромантия	149
Геомантия	149
Гидромантия	150
Некромантия	150
Онейрокритика	150
Ономантия, или Ономамантия	152
Оникомантия, или Онимантия	154

Орнитомантия	155
Пиромантия	155
Пискомантия, или сциомантия	155
Рабдомантия	156
<i>Прорицание</i>	157
<i>Уран, или Уран, Соангус</i>	163
<i>Сны и т.д.</i>	164
Бризомантия	164
Происхождение толкования снов	164
Мнения о причинах возникновения снов	166
<i>Судьба</i>	168
<i>Физиогномика</i>	171
<i>Явления</i>	178
<i>Дейтероскопия, или Второе зрение</i>	194
<i>Ведьмы, колдовство, чародеи и т.д.</i>	204
Колдовство, доказанное текстами Священного Писания	225
Постскриптум доктора Мора	226
Признания некоторых шотландских ведьм, взятые из подлинной копии их судебного процесса на суде, состоявшемся в Пейсли, Шотландия, 15 февраля 1678 года, по делу о заколдовывании сэра Джорджа Максвелла	259
Показания некоторых лиц, согласующиеся с признаниями вышеупомянутых ведьм	264
Исповедь Агнес Симпсон королю Якову	267
Белый патер-ностер	270
Черный патер-ностер	270
<i>Колдовство</i>	272
<i>Sortes-Sortilegium</i>	273
<i>Сибиллы</i>	282
<i>Талисманы</i>	283
<i>Филлеры, чары и т.д.</i>	285
<i>Ад</i>	286
<i>Инквизиция</i>	297
Инквизиция, или Священная канцелярия	297
<i>Демон</i>	307
<i>Демонология</i>	308
Выведение странных и отвратительных форм дьяволов и т.д.	315
Повествование о демоне из Тедворта, или Беспорядки в доме мистера Монпессона, вызванные колдовством и злодейством барабанщика	338
<i>Демон из Джедбурга</i>	355
<i>Призрак Юлия Сезара</i>	360

Призраки убитых в битве при Марафоне	360
Знакомый дух, или древний брауни	361
Цыгане-египтяне	362
Жонглеры, их происхождение, действия и т.д.	378
Легенды и т. д. - Чудеса и т. д.	393
Монахи и монахи, святые и отшельники	405
Об отшельнике Столпнике (св. Симеон Стилито, св. Телесефор, св. Синклетий)	427
Святая реликвия - Мания и т. д. и т. п.	431

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Среди многообразных нелепостей и сутяжничества, которые в разные эпохи жизни общества приковывали и приковывают внимание человека, поглощая, так сказать, его более активный интеллект, чудесное и нелепое попеременно и совместно должны были бороться за первенство; Будь то гора на луне или фокусник с бутылкой, живой лев, набитый соломой, или русалка, коклейновское привидение или живой скелет, великан или пигмей - заманчивая приманка неизменно проглатывалась с жадностью и воспринималась со всей торжественностью абсолютной преданности.

Если мы оглянемся назад, в так называемые темные века миров, то есть в те времена, когда люди были простыми *юнцами*, а бразды правления тиранией, суевериями и идолопоклонством контролировались немногими знающими людьми, мы увидим человеческий разум на самой низкой ступени его унижения, гнувшийся либо под плетями деспотизма, или опустившегося ниже уровня человеческой природы под влиянием жречества, - время, когда по чувствам людей скакали грубые копыта, а достоинство творения безнаказанно и с ликованием попиралось ногами в состоянии самого пассивного и вырожденного раболепия: Насколько же теперь должно возбуждать наше удивление и восхищение то верховное Провидение, которое, в своем милосердном внимании к хрупким смертным, различными путями и средствами, наиболее подходящими для его всемогущих целей, постепенно и, как бы нехотя, потащило нас из тьмы к дневному свету, погасив зловоние и испарения железнодорожного масла невежества и суеверий, осветив нас блестящим газом разума и сравнительного понимания, в то время как в менее деспотичные и более терпимые времена нам разрешено рациональное использование тех способностей, которые раньше были прикованы к полу тирании самым унижительным угнетением!

Проделки пап и священников, фокусников и пожирателей огня сравнительно померкли перед пронзительным лучом интеллекта. Ведьмы больше не развязывают ветра, чтобы капсид церковных шпилей и "опрокидывать" замки, не танцуют вокруг заколдованного котла, призывая "гнойного" умиловить их клятвы: Сам Вельзевул со своей когтистой ногой редко, если вообще когда-либо, показывается над "дном бездонной ямы"; призраки и явления "крепко-накрепко зажаты" в Красном море; демоны всех мастей и цветов вечно околдованы; легенды ушли в дымоход долгими зимними вечерами; чудеса - в "*presto, quick, change and begone!*" проворного фокусника, а святые реликвии - в четки фанатика. Амулеты и талисманы

утратили свое влияние; святые неканонизированы, а Святой Патрик, Святой Деннис и др. Монахи и святые монахи больше не предаются разврату в монастыре; отшельник возвращается из уединения пустыни, чтобы встретиться со своими собратьями; паломник откладывает свой посох, оставляет Святую землю ее законным владельцам, а гробницу святого Фомы-а-Бекета - наслаждаться беззаботным спокойствием могилы. Шарлатаны и монтировщики тоже начинают капризничать в более узкой сфере; короче говоря, слово команды, выражаясь морским языком, уже давно дано: "каждый на своем месте, а кок на носу", - земные занятия вытеснили сверхземные спекуляции. Сами астрологи, которые когда-то правили физическим миром, давно уже практически отправлены в могилу куропаток; а наводнения и бури, как выяснилось, - явления, вполне соответствующие естественному миру. Мы также знаем, что солнце неподвижно, что луна не сделана из зеленого сыра и что на небосводе еще есть звезды, которые никогда не смогут изучить телескопы Гершеля, обладающие стократной силой.

Реформация, зародившаяся в путях порока, дала дьяволу в аду и его агентам на земле такой *"живот-го-фистер"*, что с тех пор они никогда не могли прийти в себя, но таким мелким воровским способом, чтобы поставить на место все их демонологические усилия. Это первый раз, когда "старый Ник" был полностью повержен; хотя, судя по количеству новых церквей, построенных, несомненно, с благочестивым намерением держать его в узде, в последнее время он немного продвинулся вперед; Однако они, вместе со "Священным союзом", как кормовые дозорные на новой конструкции, если "гнилой" попытается снова взять нас на бордаж в дыму суеверий, без особого ущерба для корпуса церкви отправят его обратно в Пандемониум, где он будет истощать свою демоническую ярость в сернистом водороде собственного ада; В то время как свет богооткровенной религии, исходящий из этих душеспасительных основ, подобно лампе безопасности сэра Хамфри Дэви, своевременно предупредит нас об удушливой сырости проклятия, прежде чем она успеет взорваться у нас над ухом.

Тем не менее нам следует молиться о том, чтобы заслужить эту защиту, и бдительно следить за ней, ибо неизвестно, в какой час *цель* может нанести нам нежелательный визит; ведь, что бы ни утверждали изнеженные лицемеры и корыстные молитвенники, наши мирские блага, хотя и временные и тленные, так же необходимы для нашего существования и респектабельности здесь, внизу, как наша духовная вера необходима для нашего небесного и вечного счастья наверху, каким бы неравноценным ни было сравнение.

Среди созданий дьявола никто не имеет более достойных притязаний на его милость, нежели издевающийся над людьми лицемер. Лицемер - это род, к которому принадлежит множество видов, подразделы которого слишком многочисленны для нашей цели; поэтому мы предложим лишь несколько замечаний об одном из видов этих вампиров, взятых из повседневных наблюдений. Лицемеры, если они не абсолютные обжоры, хотя многие из них обжоры в избытке, неизменно любят свои безбожные кишки, ради которых они в любой момент готовы пожертвовать своим Богом, своим королем, своей страной и своими друзьями. У них желудок, как у лошади, а резервуар, как у пивовара. Лицемер обстоятельств молится или делает вид, что молится, в несчастье, а в процветании клянется на полном серьезе, как солдат, - он либо ревуший бедлам, либо хнычущий теленок, раздражительный идиот, шут или отвратительная вакханка; - Короче говоря, он способен на такие унижительные выходки и крайности, что, если представится случай, он с одинаковой легкостью встанет с колена прошения, чтобы протянуть руку продажности, да, и чувственности тоже, к объекту своего скрытого и неуправляемого сладострастия. Его раздутые отбивные в одно время напоминают пассивную пару волюнок, а в другое - надуты со всей надменностью нищенской

гордости и сиюминутного излишества. Он никогда не стыдится попрошайничать и только боится воровать - хотя одинаково приспособлен как к одному, так и к другому. Непревзойденный, драчливый и подозрительный эгоист, он не слушает никого, кроме себя, и не имеет иного мнения, кроме своего собственного. В собственном доме он - медведь, в чужом - помеха, а везде - *ничтожество*. Самовосхваление - его постоянная тема; его отвратительная лесть, обращенная либо к себе, либо к другим, неизменно сдобрена самыми *нечестивыми* воззваниями к Божеству, свидетельствующими о его мятежных исповеданиях терпения, покорности, воздержания и всех прочих экзотических добродетелей, которые он знает только по имени. Его потворство - самое низменное и подневольное; и ради достижения какой-то цели, какой бы жалкой или ничтожной, важной или значительной она ни была, он все время остается тем же продажным негодяем. Там, где его ожидания терпят поражение, а тоска его недр остается неудовлетворенной, его подхалимство сменяется клеветой, дерзостью, оскорблениями и самыми беспочвенными подозрениями. В конце концов, пробравшись сквозь мир беспринципной деградации, грязи и непристойности, этот кривляющийся, извивающийся негодяй пытается в конце своей карьеры принести в дар своему Богу то, что было с негодованием отвергнуто Дьяволом, и умирает, как жил, Нищий, в равной степени принадлежащий фортуне и славе, без единого искупительного качества, чтобы сохранить даже свое имя, которое никогда не упоминается, если только не смешивается с тем родственным презрением и ничтожностью, с которыми оно было так тесно связано по своей природе и существованию.

Народные традиции всегда стоит записывать; они иллюстрируют традиции и служат примером нравов: они стремятся сбросить оковы с интеллекта человека и побуждают его к усилиям, совместимым с намерениями его существования. Именно с этой целью были собраны материалы, из которых состоят следующие страницы. Жречество, мать-воспитательница суеверий, сейчас слишком далеко опустилось за горизонт, чтобы когда-нибудь снова появиться на нашем освещенном полушарии. Тем не менее, история их прежнего влияния может просветить и развлечь, а также уберечь нежные идеи от впечатлений, рассчитанных на одурманивание разума и здравого рассудка; таким образом, снимая хрупкую завесу заблуждений и легковерия, путем разоблачения тех заблуждений, которым слишком часто доверяют, потому что часто пропускают без помощи расследования через более тонкую среду моральных и физических исследований.

Демонология.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ДРЕВНИМИ И

современных суевериях и т. д.

Человеческий разум по своей природе настолько пристрастен к чудесному, что, несмотря на блестящие эрупии знаний, которые были извлечены и распространены из хаотического мрака после установления христианской религии и возрождения образования и искусств, влияние древнего суеверия еще ни в коей мере не уничтожено полностью. В настоящее время, однако, оно в основном ограничивается необразованной частью общества; хотя в более отдаленные времена его пределы ни в коем случае не были столь ограниченными. Вера в существование явлений, ведьм, колдунов и магов до сих пор находит поддержку во

многих частях света, хотя в цивилизованной Европе она менее распространена, чем в других странах, за исключением Лапландии и некоторых районов Швеции и Норвегии. Но как сильно мы должны удивляться, когда, оглядываясь на далекие века Греции и Рима, рассадников наук и искусств, обнаруживаем, что величайшие герои и государственные деятели питали и развивали те же нелепые предрассудки, упорно культивировали ту же веру, повинуюсь авгурам, оракулам и прорицателям, от противоречивых и двусмысленных выводов которых зависело их процветание или несчастье. На самом деле, немногим более века назад, разве мы не наблюдаем вещи еще более экстравагантно доверчивые и свирепые; а именно, сожжение женщин за мнимое преступление колдовства, случаи которого мы приводим в основной части этой работы, преступление гораздо более невинное, чем священничество, которое триумфально преобладало в тот же период, и которое до сих пор держит в подчинении умы тысяч людей?

Вера в судебную астрологию поддерживалась и культивировалась людьми, отличавшимися необыкновенным гением и талантами.

Легенды, чудеса, пророчества и т. д. являются реликвиями суеверных веков. Необычно и то, что лишь немногие виды суеверий, если таковые вообще существуют, зародились *среди населения*. Они были изобретениями варварских эпох, предшествовавших рассвету разума, а впоследствии - выдумками людей, движимых амбициями и желанием поработить человеческий разум.

Что касается только римлян, народа, которого нас с младенчества учили уважать, и который, действительно, в свои лучшие времена был по-настоящему почитаем за свою добродетель и доблесть, то что есть в их истории более удивительного, чем их неявная вера в авгуров^[1]? Их веру в предзнаменования или сверхъестественные появления небесных тел, в затмения, кометы и страшные грозы можно простить. Они мало продвинулись в астрономии; они не узнали, что затмение - дело обычного расчета, а грозы в большинстве случаев весьма полезны для земли и никак не связаны с прошлыми или будущими событиями. Но когда мы видим, что они безоговорочно доверяют своим жрецам, которые считают нужным предсказывать добро или зло только по внешнему виду внутренностей принесенных в жертву животных, по полету птиц, кур, лисиц и т. д., мы не можем понять, как такой обман мог существовать, не будучи обнаруженным и разоблаченным здравым смыслом народа. На толпу или простых солдат и моряков влияли не только сообщения авгуров^[2]; их короли или полководцы не предпринимали ни одной экспедиции, не посоветовавшись с этими оракулами, и всегда терпели неудачу, если настолько доверяли себе, что пренебрегали их мнением. В некоторых случаях легко предположить, что они могли быть в согласии с авгурами, чтобы продвинуть какую-то любимую идею, поднять энтузиазм в народе в свою пользу или вдохновить солдат на стойкость в каком-то опасном предприятии. Но не так легко предположить, что так было всегда, потому что, по свидетельствам историков, между ними, как правило, было мало связи; и хотя люди обращались *за приказами* к полководцу, они считали авгуров высшими существами, которые должны были даровать успех.

Искусство предсказания римляне получили от тосканцев, а тосканцы - от греков, которые, вероятно, заимствовали его у халдеев; но развитие этого искусства столь же абсурдно, сколь неясно его происхождение. Удивительно лишь то, что оно оказало столь сильное влияние на народ, во всей истории которого мы находим столько блестящих примеров здравого смысла, образованности и красноречия. Их историки, которые принадлежат к числу наиболее образованных писателей и о способностях которых мы можем судить даже сейчас, подробно описывают процесс обращения к авгурам и его успех. При этом авгуры были людьми, следовавшими друг за другом в правильной последовательности. Неужели никто не мог

выдать тайну? Неужели искусство жонглирования было наследственным секретом, не прерывавшимся ни на минуту? Тирания первой разорвала цепь. Когда Римом правили тираны, они презирали авгуров и преследовали свои нечестивые цели, какими бы ни были внутренности быка; а поскольку они, без сомнения, часто преуспевали в своих предприятиях, авгуры, естественно, впали в уныние. Эти обстоятельства в великой цепи причин и событий, естественно, проложили бы путь к более рациональной религии. Началом реформации мы обязаны Генриху VIII; но если бы папа санкционировал его похоть и вымогательства, это преимущество, вероятно, было бы получено от лучшего государя.

Не менее примечательно и то обстоятельство, что, несмотря на то, что мы читаем о суевериях греков и римлян с удивлением и некоторым презрением, мы не можем оправдать себя тем, что сохранили значительную часть того же суеверного духа. Мы даже обязаны им почти всеми нашими народными причудами. Заяц, перебегающий дорогу, чихающий человек, спотыкающийся, слышащий странные голоса, падение соли на стол - все это было для них предзнаменованием добра или зла, в зависимости от обстоятельств, и остается таковым для тысяч людей в настоящее время, и в этой просвещенной стране. Люди, в иных случаях ничего не смыслящие, были сильно озадачены и даже бледнели при подобных явлениях. К вышесказанному можно добавить: уголь, вылетающий из огня^[3] - часы смерти - осадок сахара, поднимающийся к верху чашки с чаем, и многие другие. Можно также упомянуть об успехе самозванцев, которые притворяются, что вычисляют нативы (см. Астрология) и предсказывают события; а также о многочисленных глупых случаях веры в успех лотерейных билетов.

Поскольку римляне не знали о контролирующем Провидении и о явленной воле Божественного Величества, их доверие к таким предзнаменованиям было простительно, и как бы они ни были обмануты хитростями своих прорицателей, которые могли придумывать *время для* своих пророчеств и выражать их таким образом, что они должны были казаться точно исполненными, мы не можем удивляться, что самые мудрые из них были склонны доверять самозванству. Но то, что мы так сильно привязаны к этому виду гаданий, - слабость, которой мы не должны больше стыдиться. Хотя мы и кичимся своим превосходным пониманием, усовершенствованным знаниями восемнадцати веков, мы виновны в слабости, которую можно оправдать только у непросвещенных язычников. Возможно, к этому вопросу можно было бы отнестись с насмешкой сатиры или молчанием презрения, но чем больше мы его рассматриваем, тем больше мы склонны сомневаться в том, что может существовать человеческое и разумное существо, настолько слабое, чтобы верить, что будущее может быть открыто пустяковыми событиями или самыми низкими представителями человечества под именем фокусников. Но факт не подлежит сомнению: подобные случаи происходят каждый день, и счастье отдельных людей и семей часто оказывается во власти таких самозванцев.

Те, кто склонен к подобному суеверному легковерию, несомненно, относятся к той категории людей, которых называют *благонамеренными*, и были бы очень возмущены, если бы мы спросили их, верят ли они в то, что над ними вершит Божественное Провидение. Они бы ответили: "Конечно, дай Бог, чтобы не верили!" И все же, согласуется ли с нашими представлениями или с явленной мудростью и совершенствами Божества, если предположить, что Он объявит, что будущее заперто от проникновения человечества, и при этом откроет его события по осадку в чашке кофе, пламени свечи или воспламенению сернистого угля? Не является ли такое предложение величайшим оскорблением для него? Мы сделали еще один шаг вперед, но только шаг к самому высокому оскорблению; мы предположили, что Он открывает тайны будущего самым жалким бродягам и самозванцам,

мужчинам и женщинам, которых судья очень правильно наказывает как против их предвидения, так и против их склонности. Здесь можно было бы настаивать на невозможности получения нами каким-либо способом знания о будущих событиях и на жалком состоянии человеческой жизни, если бы мы обладали этим знанием; но это должно быть очевидно для каждого мыслящего человека. Лучшим средством отвращения от легковерия, которое является предметом этого рассуждения, было бы настаивать на грубой и оскорбительной нечестивости попыток проникнуть в то, что Божество объявило скрытым и сокрытым, и притом самыми подлыми и презренными средствами. Пусть те, кто все еще доверяет внешнему виду своей кофейной гущи, рассыпанию соли, прохождению под лестницей или строительными лесами^[4], и всей атрибутике самозванства притворных прорицателей, подумают, с каким приличием, благопристойностью и уважением они смогут впредь обращаться к Божеству под эпитетами *всевидящих* и *всезнающих*; А когда они это сделают, пусть задумаются о достоинстве и важности тех агентов, чьим откровениям они доверяют, в отличие от его постановлений.

К суевериям можно отнести и фатализм; ведь из этого догмата веры следует, что все способы предотвратить predetermined события, то есть все будущие события, какие бы они ни были, не только бесполезны, но и нечестивы. Очевидно, что если бы этого последовательно придерживались, то все усилия, способствующие самосохранению или даже обычным удобствам и жизни, были бы парализованы; не было бы конца всем обязанностям социальной жизни, а может быть, и самому существованию человеческого рода. Хотя этот умозрительный принцип, однако, никогда не был в состоянии полностью преодолеть и погасить чувства и веления природы в такой степени, за исключением нескольких фантастических маньяков, в истории человечества достаточно доказательств его пагубных практических последствий. Один из самых ярких примеров этого можно найти среди исповедующих магометанскую веру, когда они воздерживаются от средств, останавливающих распространение чумы. Среди христианских сект, исповедующих эту доктрину, подобное зло возникало в меньшей степени, примером чему может служить противодействие, с которым столкнулась прививка от оспы из-за этих религиозных предрассудков. См. *"Элементы медицинской логики"* сэра Гилберта Блейна, стр. 208.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ИСПЫТАНИЯ ВИНЫ В СУЕВЕРНЫЕ ВЕКА.

Возможно, было бы неплохо, если бы жестокости, практиковавшиеся в прежние века, в целом лежали на суеверии. Необыкновенные испытания, которым подвергались подозреваемые в каких-либо виновных действиях, проводимые со множеством благочестивых церемоний служителями религии, объявлялись Божьими судами. Виды испытаний были самыми разнообразными, *например* держание в руке раскаленного прута; погружение руки в кипящую воду; хождение с завязанными глазами среди горящих лемехов; прохождение через костры; вызов обвинителя на единоборство, когда часто самому ловкому чемпиону разрешалось занять его место; проглатывание куска освященного хлеба; плавание или погружение в реку за колдовство, или, как это называлось, взвешивание ведьмы; вытягивание рук перед крестом, пока тот, кто быстрее уставал, не опускал руки и не терял свое имущество, что решалось этим очень коротким процессом, называемым *juidcium crucis*, и т. д.

Между епископом Парижа и аббатом Сен-Дени возник спор о покровительстве монастырю, и Пипин, прозванный Коротким, не имея возможности высказать свои претензии, постановил, что он должен быть решен одним из этих судов Божьих, а именно *крестным судом*. Каждый из спорящих выбрал себе человека, и оба они явились в часовню, где вытянули руки в форме креста. Зрители, более организованные, чем в наши дни, тем не менее, хотя и следили за каждым движением спорящих с самым благочестивым вниманием, старый английский дух, который так преобладает в настоящее время, был против всех других соображений: они делали ставки на подвиг, сначала на одну сторону, затем на другую, в зависимости от того, как казалось, что шансы складываются в пользу или против. Первым был испытан человек епископа; он опустил руки и навсегда погубил своего покровителя. Хотя иногда этих испытаний удавалось избежать благодаря хитрости священника, тем не менее, многочисленные невинные жертвы страдали от этих суеверных практик.

Они были очень частыми в период с десятого по двенадцатый век. Вильгельм Руфус, обвинив Хильдеберта, епископа Манского, в государственной измене, был уже на грани того, чтобы согласиться на один из таких процессов, когда его убедил Ив, епископ Шартрский, что они противоречат канонам церковной конституции, и добавил, что таким образом "*Innocentiam defendere, est innocentiam perdere*". В 1066 году аббат Сент-Обен Анжерский отказался подарить виконту Турскому лошадь, которую тот требовал по праву своей светлости, когда аббат впервые вступал во владение этим аббатством; церковник предложил оправдать себя испытанием на ордалии или поединком, для чего предложил найти замену. Виконт сначала согласился на дуэль, но, сообразив, что эти поединки, хотя и санкционированные церковью, зависят исключительно адреса или силы противника и, следовательно, не могут служить весомым доказательством справедливости его притязаний, он предложил компромиссный вариант, ярко характеризующий эти времена: он отказался от своих притязаний при условии, что аббат не забудет упомянуть его, его жену и его братьев в своих молитвах! Так как ориссоны показались аббату сравнительно малозначительными в сравнении с лошадью, предложение было принято.

В X веке вопрос о праве представительства не был решен: речь шла о том, должны ли сыновья сына считаться детьми семьи и наследовать наравне со своими дядями, если их отцы умирали, а деды оставались в живых. Этот вопрос был решен в одном из таких поединков. Победил тот, кто отстаивал право детей представлять своего умершего отца. После этого вечным указом было установлено, что с этого момента они должны участвовать в наследовании наравне со своими дядями.

В одиннадцатом веке тот же способ был использован для решения вопроса между двумя соперничающими литургиями! Пара рыцарей, облаченных в полные доспехи, проверяла, какая из литургий истинная и подлинная.

В капитуляриях Дагоберта говорится, что если два соседа спорят о границах своих владений, то пусть судья выкопает кусок дерна оспариваемой земли, принесет его в суд, и обе стороны коснутся его остриями своих мечей, призывая Бога в свидетели своих претензий; после этого пусть они сразятся, и пусть победа докажет, кто прав, а кто виноват. В Германии в этих судебных поединках практиковалось одно торжественное обстоятельство. Посреди списков ставили *помост*, у которого стояли обвинитель и обвиняемый, один во главе, а другой у подножия, где они склонялись в глубоком молчании в течение некоторого времени перед началом боя. В своем предисловии к "Басням Вэя" мистер Эллис показывает, насколько верно изображены нравы эпохи в этих древних сказаниях, отмечая судебный поединок, введенный писателем XIV века, который в своей поэме представляет Пилата вызывающим

Иисуса Христа на *единоборство*; и другим, который описывает человека, пронзившего бок Христа, как рыцаря, поспорившего с Иисусом.

Судя по всему, судебные поединки практиковались иудеями. Когда раввинам приходилось решать спор о собственности между двумя сторонами, ни одна из которых не могла представить доказательств, подтверждающих претензии, дело заканчивалось единоборством. Раввинам импонировало представление о том, что сознание своей правоты придаст законному владельцу дополнительную уверенность и силу. Однако более философским было бы заметить, что такие судебные поединки чаще благоприятствовали преступнику, чем невиновному, поскольку дерзкий злодей обычно более свиреп и вынослив, чем тот, кого он выбирает в качестве жертвы и кто желает лишь сохранить свои спокойные удовольствия: в этом случае нападающий - самый страшный противник.

В те времена обвиняемых в грабеже судили куском ячменного хлеба, над которым совершалась месса, и если обвиняемый не мог его проглотить, его объявляли виновным. Этот способ испытания был усовершенствован добавлением к хлебу кусочка *сыра*; и так велика была их доверчивость и зависимость от небес в этих нелепых испытаниях, что они очень тщательно выбирали этот священный хлеб и сыр, называемый *корнедом*. Хлеб должен был быть из пресного ячменя, а сыр - из молока овцы в мае месяце^[5].

Кровотечение из трупа было еще одним доказательством вины в суеверные века; до сих пор этот обычай не полностью отменен. Если человека убивали, считалось, что при прикосновении или приближении убийцы кровь вытекает из разных частей тела. Если при этом в глазах, во рту, в ногах или руках трупа происходило малейшее изменение, то предполагалось, что убийца находится рядом, и многие невинные люди, несомненно, должны были пострадать от этой пустой химеры; ведь когда тело наполнено кровью, согрето внезапным внешним теплом и симптомами последующего гниения, некоторые кровеносные сосуды лопнут, как и все они со временем. Эта практика была когда-то разрешена в Англии и до сих пор используется в некоторых нецивилизованных частях этих королевств как средство обнаружения преступника. Она создает богатую картину в воображении наших старых писателей, а их истории и баллады доведены до пафоса, когда они останавливаются на этом сомнительном явлении.

Все эти абсурдные институты, замечает Робертсон, лелеемые и насаждаемые, формируют суеверия эпохи, верящей легендарным историям тех святых, которые заполонили и опозорили римский календарь. Эти баснословные чудеса были объявлены подлинными буллами пап и постановлениями соборов - они были с жадностью проглочены населением; и тот, кто верил, что Верховное Существо чудесным образом вмешалось в те тривиальные случаи, о которых говорится в легендах, не мог не ожидать его вмешательства в дела более важные, когда они были торжественно переданы на его решение. Помимо этого остроумного замечания, факт заключается в том, что эти обычаи заменяли собой письменные законы, которых в тот варварский период не было; а поскольку ни одно общество не может существовать без *законов*, невежественные люди прибегали к этим обычаям, которые, как бы плохи и абсурдны они ни были, служили для прекращения споров, которые могли бы породить более разрушительные практики. Ордалии - это, по сути, грубые законы варварского народа, не получившего письменного кодекса и недостаточно продвинувшегося в цивилизации, чтобы охватить изысканные исследования, тонкие различия и сложные запросы, которые требуются в суде.

Можно предположить, что эти испытания обязаны своим происхождением тому из Моисеевых, которое называется "Воды ревности". У греков тоже были испытания, ведь в

"Антигоне" Софокла мы читаем, что солдаты предлагают доказать свою невиновность, работая с раскаленным железом и проходя между огнями.

Нельзя не улыбнуться причудливым испытаниям сиамцев. Среди прочих методов выяснения справедливости дела, гражданского или уголовного, они особенно привязаны к использованию определенных освященных чистительных пилюль, которые спорящие стороны заставляют проглотить. Тот, кто хранит их дольше всех, выигрывает дело! Известна практика, когда индейцам дают проглотить освященное рисовое зернышко, чтобы обнаружить вора в любой компании, по искажениям и испугу, которые видны на лице настоящего вора.

В средние века им были известны секреты, как пройти невредимыми эти тайные испытания: один из них упоминается Вольтером для прохождения испытания кипящей водой; это утверждение подтверждают некоторые из наших поздних путешественников по Востоку. Дервиши Мевлехе могут держать раскаленное железо между зубами. Подобные искусные приемы часто публично демонстрировались в Париже и Лондоне. О мытарствах англосаксов г-н Шарон Тернер замечает, что руку не осматривали сразу, а оставляли на волю случая, чтобы рука при хорошей конституции успела зажить в течение трех дней (время, необходимое для перевязки и запечатывания перед осмотром) и обнаружить при осмотре те признаки, которые были признаны удовлетворительными. Кроме того, обвиняемые имели возможность *в одиночку пройти в церковь и договориться со священником*. Немногочисленные зрители всегда находились на расстоянии; можно было подменить холодное железо или любое другое не опасное вещество, и огонь вмиг утихал. Нет сомнений, что они владели этими секретами и лекарствами, которые всегда держали под рукой, чтобы пройти через эти испытания в полной безопасности.

В "Horæ Subscēivæ" Камерария приводится анекдот тех времен, который может служить доказательством готовности этого аппарата. Между остинскими монахами и иезуитами существовало соперничество. Генерал-отец остинских монахов обедал с иезуитами; когда стол был убран, он пустился в официальные рассуждения о превосходстве монашеского ордена и в недвусмысленных выражениях обвинил иезуитов в принятии титула "братья", хотя они не давали трех обетов, которые другие монахи должны были считать священными и обязательными. Генерал остинских монахов был очень красноречив и очень авторитетен, а настоятель иезуитов - очень неуч, но не совсем уж полудурок. Он довольно неосторожно вступил в спор с остинским монахом, но задержал его триумф, спросив, не хочет ли он посмотреть на одного из своих монахов, который притворялся не более чем иезуитом, и на одного из остинских монахов, который религиозно исполнял вышеупомянутые три обета, и показать, кто из них будет быстрее подчиняться своим начальникам? Монах Остин согласился. Тогда иезуит, обратившись к одному из своих братьев, святому монаху Марку, который ожидал их, сказал: "Брат Марк, наши спутники замерзли; я приказываю тебе, в силу святого послушания, в котором ты мне поклялся, немедленно принести сюда из кухонного костра и в твоих руках несколько горящих углей, чтобы они могли согреться о твои руки". Отец Марк мгновенно повиновался и, к изумлению остинских монахов, принес в руках запас красных горящих углей и протянул их тому, кто счел нужным согреться, а по приказу настоятеля вернул их в кухонный очаг. Генерал остинских монахов вместе с остальными братьями стоял в изумлении; он с тоской смотрел на одного из своих монахов, словно желая приказать ему сделать то же самое; но остинский монах, прекрасно понимая его и видя, что сейчас не время для колебаний, заметил: "Преподобный отец, воздержитесь и не приказывайте мне искушать Бога! Я готов принести вам огонь в раскаленном блюде, но не голыми руками". Триумф иезуитов был полным; и нет нужды добавлять, что о чуде

разболтали, а остинские монахи так и не смогли его объяснить, несмотря на строгое исполнение ими трех обетов.

АСТРОЛОГИЯ и т. д.

"Это превосходное пижонство мира, что когда мы больны судьбой (часто от избытка нашего собственного поведения), мы делаем виновниками наших бедствий солнце, луну и звезды; как будто мы злодеи по необходимости; глупцы по небесному принуждению; рыцари, воры и предатели - по сферическому преобладанию; пьяницы, лжецы и прелюбодеи - по принудительному подчинению планетарному влиянию; и все, в чем мы злы, - по Божественному натиску; восхитительное уклонение мастера от того, чтобы возложить свой козлиный нрав на звезду! Мой отец сочетался с моей матерью под хвостом Дракона, а мое рождение было под *Урсой Мажор*; так что из этого следует, что я груб и развратен; но я должен был быть тем, кто я есть, если бы самая девичья звезда на небосклоне мерцала во время моего бастардизма" - Шекспир.

Необычно, что люди, наиболее выдающиеся своей образованностью, больше всего предавались излюбленному суеверию - судебной астрологии; как заметил гениальный Тенхове, когда в ученой голове зарождается какая-либо идея, она распускается с особой пышностью. В настоящее время, однако, вера в судебную астрологию может существовать только в народе, который, можно сказать, вообще не верит в нее; ведь простое традиционное чувство вряд ли можно назвать верой.

Говорят, что д-р Фладд^[6] владел списками астролога Симона Формана. Мы видели, что изучение математики, астрономии и медицины рано объединилось в нескольких лицах, связанных с медицинским факультетом. Настоящая астрономия породила судебную астрологию, которая, предоставляя широкое поле для энтузиазма и самозванства, охотно применялась многими, не имевшими никаких научных целей. Она была связана с различными жонглерскими трюками и обманами, использовала непонятный жаргон и проникала во все дела, связанные с надеждами и страхами человечества. Профессорами этой мнимой науки поначалу были, как правило, люди среднего образования, у которых низкая хитрость заменяла знания. Большинство из них занимались эмпирической практикой в области физики, а некоторые, благодаря легковерию того времени, даже достигли в ней известности; но поскольку в основе их искусства лежали глупость и обман, они, тем не менее, приобрели множество прозелитов и обманщиков, как среди осведомленных, так и среди невежественных.

Когда Карл Первый был заключен в тюрьму, с Лилли, знаменитым астрологом, советовались о часе, который должен был благоприятствовать его побегу.

История, которая убедительно доказывает, насколько фанатично Карл II относился к судебной астрологии, и чей ум, безусловно, не был непросвещенным, записана в "Истории Бернета" о его собственных временах. Самые уважаемые персонажи эпохи, сэр Уильям Дагдейл, Элиас Эшмол, доктор Грю и другие, были членами астрологического клуба^[7]. Персонаж Конгрива "Предвидение" в "Любви к любви" был тогда не редкостью, хотя юмор сейчас едва ли можно понять. Драйден предсказал рождение своих сыновей; и, что

примечательно, его предсказание, касающееся сына Чарльза, исполнилось. Этот инцидент относится к столь позднему времени, что можно было бы надеяться, что он прояснится; но если это факт, то следует признать, что он служит рациональным источником ликования для его нерациональных адептов.

В 1670 году страсть к гороскопам и толкованию звезд преобладала во Франции среди первого сословия. Новорожденный ребенок обычно представлял обнаженным перед астрологом, который читал первые линии на его лбу и поперечные линии на руках, а затем записывал его будущую судьбу. Екатерина Медичи привела Генриха IV, тогда еще ребенка, к старому Нострадамусу, которого антиквары почитают больше за его "Хронику Прованса", чем за его ватиканские способности. Вид преподобного провидца с бородой, которая "струилась в воздухе, как метеор", привел в ужас будущего героя, который боялся порки от столь серьезного человека. Можно ли верить тому, что один из этих магов, заверив Карла IX, что он проживет столько дней, сколько ему удастся повернуться на пятках за час, стоя на одной ноге, что его величество каждое утро в течение часа выполнял это торжественное упражнение; главные должностные лица суда, судьи, канцлеры и генералы также, в знак комплимента, стояли на одной ноге и поворачивались кругом!

О некоторых известных своими астрологическими способностями людях рассказывали, что они добровольно уходили из жизни только для того, чтобы проверить свои предсказания: так говорили о Кардане и Бертоне, авторе "Анатомии меланхолии".

Любопытно наблюдать, в какие переделки попадают астрологи, когда их предсказания не подтверждаются. Знаменитый адепт предсказал сильные ветры примерно в 1586 году. Однако никаких необычных бурь не случилось. Боден, чтобы спасти репутацию этого искусства, применил его в качестве иллюстрации к некоторым *революциям* в государстве, примеров которых в тот момент было предостаточно. В числе удачных и неудачных дней они претендуют на то, чтобы назвать дни различных знаменитостей и семей. Один из них очень поразителен: четверг был несчастливим днем нашего Генриха VIII. Он, его сын Эдуард VI, королева Мария и королева Елизавета - все умерли в *четверг*! Этот факт, несомненно, имел большой вес в споре астрологов с их противниками.

Жизнь астролога Лилли, написанная им самим, представляет собой любопытное произведение. Он - *Сидрофель* Батлера. В ней так много бесхитростного повествования и в то же время так много явного самозванства, что трудно понять, когда он говорит то, что действительно считает правдой. В очерке о состоянии астрологии в его время те адепты, чьи характеры он нарисовал, были самыми низкими негодяями в городе. Все они говорят друг о друге как о мошенниках и самозванцах. Такими были Букер, Джордж Уортон, Гэдбери, которые зарабатывали на жизнь, практикуя на доверчивости даже образованных людей вплоть до 1650 года и до XVIII века. В жизни Эшмола можно найти рассказ об этих искусных самозванцах. Большинство из них набрали воздуха в пилуле, а некоторые довели себя до виселицы. Это кажется правдивым изложением фактов. Но Лилли сообщает нам, что во время его различных бесед с *ангелами* их голоса напоминали голоса ирландцев! Эта работа, безусловно, любопытна своими анекдотами о том времени. Характерны любовные похождения Лилли с его любовницей. По его собственным словам, он был очень хитрым человеком и прекрасно управлял делами, которые требовали обмана и изобретательности.

Во времена гражданских войн астрология была в большом почете. У роялистов и повстанцев были свои *астрологи*, так же как и у *солдат*, и предсказания первых имели большое влияние на вторых. В связи с этим любопытство может удовлетворить три или четыре работы, которые стоят слишком дорого; это обстоятельство не может быть вызвано их редкостью; и

мы можем предположить, что у нас все еще есть адепты этой науки, чья вера должна быть сильной, или чей скептицизм слабым.

Халдейские мудрецы были почти сбиты с пути артиллерийским орудием калибра кварто, выпущенным по ним мистером Джоном Чембером в 1691 году. Аполлон не использовал Марсиаса более бесчеловечно, чем его бичующее перо этой мистической расы, и его личность заставляла их чувствовать себя более болезненно. Однако рыцарь из Норвича, тот самый Кихот астрологии, облаченный в зачарованные доспехи своих оккультных авторов, столкнулся с этим язычником в самой величественной карусели. Он выступил с "Защитой судебной астрологии в ответ на трактат, недавно опубликованный мистером Джоном Чембером. Кристофер Найт. Напечатано в Кембридже, 1603 год". Это красивое издание формата кварто объемом около 500 страниц. Сэр Кристофер - ученый и живой писатель, рыцарь, достойный защищать лучшее дело. Но его "Дульсинея" самым чудесным образом поразила его воображение. Защита этой причудливой науки, если ее можно назвать наукой, ничего не доказывает, но все защищает. Она опровергает, согласно собственным представлениям рыцаря, несколько разрозненных фактов в пользу астрологических предсказаний, которые можно почерпнуть в том безмерном количестве небылиц, что позорит историю. Он решительно отрицает или высмеивает то, что величайшие писатели говорили против этого причудливого искусства, в то время как он делает большой акцент на некоторых отрывках из малоизвестных авторов, или, что еще хуже, из авторов, не имеющих авторитета. Самая приятная часть находится в конце, где он защищает искусство от возражений мистера Чембера, обвиняя его. Чембер обогатился за счет медицинской практики, и когда он обвиняет астрологов в том, что они просто стремятся получить несколько жалких пенсов, сэр Кристофер загорается и показывает своими цитатами, что если мы должны презирать искусство за то, что его профессора пытаются на нем прокормиться, или за возражения, которые могут быть выдвинуты против его жизненных принципов, то мы должны на основании этого аргумента самым искренним образом презирать медицинскую науку и медиков! Он приводит здесь все, что может собрать против физики и врачей, и, судя по признаниям Гиппократ и Галена, Авиценны и Агриппы, медицина оказывается более тщетной наукой, чем даже астрология! Сэр Кристофер - проникательный и изобретательный противник; но когда он говорит, что хочет лишь подлить мистеру Чемберу масла в его уксус, он совершенно ошибается в его качестве.

На эту защиту ответил Томас Викарс в своем "Безумии астрологов".

Но великая работа написана Лилли и полностью посвящена адептам. Он ничего не защищает, ибо этот оракул излагает свои *сентенции* и подробно описывает каждое событие, не вызывающее сомнений. Он сидит на треножнике, и каждая страница украшена гороскопом, который он объясняет с максимальной точностью. Этот объемистый памятник глупости эпохи, выполненный в формате кварто, оценивается в несколько гиней! Он озаглавлен "Христианская астрология, скромно изложенная в трех книгах Уильямом Лилли, студентом астрологии, 2-е издание, 1659 год". Здесь также есть портрет этого заклятого мошенника и астролога! Восхитительная иллюстрация для Лаватера!

Мнения Лилли и его притворная наука были такими любимцами эпохи, что ученый Гатакер написал книгу, направленную против этого популярного заблуждения. Лилли, во главе своих друзей-звездочетов, не только официально ответил, но и ежегодно преследовал Гатакера за его предсказания и даже поражал его призрак, когда тот находился за гранью могилы. Гатакер умер в июле 1654 года, и Лилли написал в своем Альманахе за тот год, на август, этот варварский латинский стих

Hoc in tumbo, jacet presbyter et nebulo!

Здесь, в этой гробнице, лежит пресвитер и плут!

У него хватило наглости утверждать, что он предсказал смерть Гатакера! Но на самом деле это была эпитафия "сдаваемому жилью": оно стояло пустым, готовое к заселению первого пассажира. Если бы в том месяце умер еще кто-нибудь из этой компании, занимавший сколько-нибудь видное положение, это было бы столь же уместно по отношению к нему. Но Лилли был изысканным плутом и никогда не ошибался. Предсказав в своем Альманахе на 1650 год, что парламент стоит на шатком фундаменте, когда его ночью забрал гонец, он ухитрился отменить страницу, отпечатал другую и продемонстрировал свои копии перед комитетом, уверяя, что остальные были не его, а подделаны его врагами.

ПРАКТИЧЕСКАЯ АСТРОЛОГИЯ и т. д.

Под словом астрология (происходит от греческого *αστήρ*, звезда, и *λογος*, рассуждение) подразумевается искусство предсказания или предвидения событий^[8] по аспектам, положениям и влиянию НЕБЕСНЫХ ТЕЛ.

Под Аспектом следует понимать угол, образованный лучами двух планет, встречающихся на земле, способный привести в исполнение некую природную силу или влияние; что может быть лучше объяснено следующей таблицей.

СИМВОЛЫ

<i>Шесть северных знаков.</i>	<i>Шесть южных знаков.</i>	<i>Планеты.</i>	<i>Аспекты.</i>
♈ □ Овен.	♎ □ Весы.	♄ Сатурн.	♌ Соединение.
♉ □ Телец.	♏ □ Скорпион.	♃ Юпитер.	□ Секстиль.
♊ □ Близнецы.	♐ □ Стрелец.	♂ Марс.	Δ Трин.
♋ □ Рак.	♑ □ Козерог.	☉ Солнце.	□ Квартиль.
♌ □ Лев.	♒ □ Водолей.	♁ Земля.	♍ Оппозиция.
♍ □ Дева.	♓ □ Рыбы.	♀ Венера.	
		☿ Меркурий.	
		☾ Луна.	

Это искусство, или, скорее, эта умозрительная наука, в основном делится на естественную и судебную.

ЕСТЕСТВЕННАЯ АСТРОЛОГИЯ

Сводится к изучению природных эффектов, таких как смена погоды, ветры, штормы, ураганы, грозы, наводнения, землетрясения и тому подобное. В этом смысле она признается частью натурфилософии. Именно под этим углом зрения мистер Гоад, мистер Бойл и доктор Мид выступали за ее использование. Первый пытается объяснить разнообразие времен года положением, привычками и движением планет, а также объяснить бесконечное множество явлений созерцанием звезд. Достопочтенный мистер Бойл признал, что все физические тела находятся под влиянием небесных тел; и мнение доктора в его трактате о силе Солнца и Луны и т. д. говорит в пользу этой доктрины. Но эти предсказания и влияния высмеиваются и полностью разрушаются самими уважаемыми современными философами, о чем читатель может узнать из книги Rohault's *Tract. Physic.* pt. ii. c. 27.

СУДЕБНАЯ ИЛИ СУДЕЙСКАЯ АСТРОЛОГИЯ

Является дальнейшим притворством для обнаружения или предсказания моральных событий, или таких, которые зависят от свободы воли. В этом отделе астрологии мы встречаемся со всеми пустыми измышлениями о ГОРЯЧЕМ правлении планет, ДОКТРИНЕ ГОРОСКОПОВ, РАСПРЕДЕЛЕНИИ ДОМОВ, ВЫЧИСЛЕНИИ НАТИВИЙ, ФОРТУН, УДАЧНЫХ И НЕУДАЧНЫХ ЧАСОВ и других зловещих фатальностей.

Профессора этой умозрительной науки утверждают, "что небеса - это одна большая книга, в которой Бог написал историю мира, и в которой каждый человек может прочесть свою судьбу и сделки своего времени". Это искусство, говорят они, возникло из тех же рук, что и сама астрономия: пока древние ассирийцы, чье безмятежное безоблачное небо способствовало их небесным наблюдениям, намеревались проследить пути и периоды небесных тел; они обнаружили постоянную устойчивую связь или аналогию между ними и вещами внизу; и, следовательно, были вынуждены заключить, что они являются *parcæ*, или судьбами, о которых так много говорят, которые присутствуют при нашем рождении и распоряжаются нашей будущей судьбой."

Изучение астрологии, столь лестное для человеческого любопытства, рано завоевало расположение человечества, особенно слабых, невежественных и слабоумных людей, чьи глупости побудили скупых, хитрых и коварных мошенников рекомендовать и продвигать ее для своих личных интересов и выгод.

Происхождение астрологии.

Первые упоминания об астрологии мы встречаем в Халдее, а в Риме она была известна под названием вавилонских расчетов, от которых Гораций очень мудро предостерегал своих читателей.

-- nec Babylonios

Tentaris numeros.-Lib. l. od. xi.

то есть не следует обращаться к таблицам или планетарным расчетам, используемым астрологами вавилонского происхождения. Таким было мнение римлян по поводу астрологии. Другие приписывают изобретение этого обмана арабам: как бы то ни было,

судебная астрология слишком часто использовалась жрецами всех народов для увеличения своей власти и вознаграждения.

Египтяне, халдеи, греки и римляне дают нам бесчисленные примеры того, до какой степени астрология использовалась в корыстных целях. Брамины в Индии, которые берут на себя роль арбитров добрых и злых часов и назначают непомерную цену за свое притворное знание планетарного влияния и предсказаний, поддерживают свой авторитет и в наши дни с помощью подобных средств. И среди христиан, несмотря на просвещенную эпоху, в которую мы живем, тоже нет своих астрологов, а также их поклонников и защитников; хотя не все они придерживаются одного и того же технического метода, все же несомненно, что тот, кто претендует на открытие будущих событий иным способом, чем через свет Божественного откровения, может быть правильно отнесен к разряду судебных астрологов.

Астрологические схемы и т. д.

Те, кто претендует на то, чтобы свести астрологическую практику к системе, представляют миру определенные схемы, сформированные на основе аспектов планет, и приписывают каждому знаку определенные качества или силы. Таким образом, чтобы выявить влияние небес на жизнь человека, они возводят ТЕМУ, в данный момент времени, когда человек родился, с помощью которой астрологи пытаются определить звезду, которая председательствовала, или в какой части полушария она находилась, когда человек пришел в мир. Возведение этой ТЕМЫ они осуществляют или, по крайней мере, делают вид, что реформируют, с помощью небесного глобуса, или планисферы, в отношении неподвижных звезд; но в отношении планет они делают это с помощью Астрономических таблиц. Для этого они прибегают к полукругу, который они называют ПОЗИЦИЕЙ, представляя шесть больших кругов, проходящих через пересечение Меридиана и Горизонта и делящих Экватор на двенадцать равных частей. Пространства между этими кругами они называют двенадцатью ДОМАМИ; они ссылаются на двенадцать треугольников, отмеченных в их теме; размещая шесть из этих ДОМОВ над и шесть под горизонтом.

Первый из домов, расположенных под горизонтом на востоке, они называют Гороскопом, или Домом Жизни; второй - Домом Богатства; третий - Домом Братьев; четвертый - Домом Родителей и т. д.; как это ясно выражено в следующих строках:

Vita, lucrum, fratres, genitor, natiq̃ue Valetud,

Uxor, Mors, pietas, et munia, amici inimici.

Которая в переводе некоторых английских студентов, изучающих астрологию, звучит следующим образом:

Первый дом показывает жизнь, второй богатство дает;

Третий - как живут братья, четвертый - как живут родители;

Пятый дом показывает жизнь, шестой - болезни;

Седьмой - брачный союз, восьмой - жало смерти;

Девятая религия; десятая честь показывает;

Дружба - одиннадцатый, а двенадцатый - наши беды.

Таблица двенадцати домов.

Астрологи вписывают свою таблицу ДЕВЯТИ ДОМОВ в подготовленный для этой цели тройной четырехугольник, в котором четыре главных угла, два из которых падают на горизонт, а два других - на меридиан; эти углы делятся на 12 треугольников для 12 домов, в которых помещаются 12 знаков Зодиака, каждому из которых приписывается определенное качество, а именно.

1.-

Овен, обозначаемый знаком ♈ , является, по их экстравагантному мнению, мужским, дневным, кардинальным, равноденственным, восточным знаком, горячим и сухим, - дневным домом Марса.

2.-

Телец, ♉ , - женский, ночной, меланхолический, звериный, яростный знак, холодный и сухой.

3.-

Близнецы, ♊ , - мужской знак, горячий и влажный, дневной, аэриальный, человеческий, двутелый и т.д.

4.-

Рак, ♋ , - женский, ночной, флегматический знак, по своей природе холодный и влажный, единственный дом Луны.

5.-

Лев, ♌ , - знак мужской, дневной, звериный, холерический и бесплодный; властный, царственный знак - горячий и сухой, единственный дом Солнца.

6.-

Дева, ♍ , - женский, ночной, меланхолический и бесплодный знак.

7.-

Весы, ♎ , - знак мужской, кардинальный, равноденственный, дневной, сангвинический и человеческий, горячий и влажный.

8.-

Скорпион, ♏ , - женский, ночной, холодный и флегматический северный знак.

9.-

Стрелец, ♐ , - знак мужской, холерический, дневной, по природе своей горячий и сухой.

10.-

Козерог, ♑ , - женский, ночной, меланхолический, солнцеподобный, подвижный, кардинальный и южный знак.

11.-

Водолей, ♒ , - мужской, дневной, фиксированный, сангвинический и человеческий знак.

12.-

Рыбы, ♓ , - женский, ночной, флегматический, северный двутелесный знак, последний из двенадцати.

Расставив таким образом свои знаки и направив их в своих действиях, они затем приступают к выяснению у своих жильцов, какую планету и неподвижные звезды они имеют для ЛОДЖЕРОВ в момент рождения этого человека; отсюда они делают выводы относительно будущих событий в жизни этого человека. Ибо если в момент рождения этого человека они находят Меркурий в 27°52 мин. Водолея и в *секстильном аспекте* гороскопа, они предполагают, что этот младенец будет человеком, обладающим большой проницательностью, гением и пониманием, а значит, способным к изучению самых возвышенных наук.

С той же нелепой целью астрологи воображают, что в одних и тех же домах находятся различные положения знаков и планет, а также их различные аспекты, оппозиции и соединения, и в соответствии с правилами и аксиомами, которые они сами себе предписали и изобрели, имеют святотатственную наглость судить, *in dernier resort*, о судьбе человечества, хотя их притворное искусство или наука совершенно бесплодны ни в доказательствах, ни в демонстрациях.

Знаки домов планет.

Планеты, за исключением Солнца и Луны, присвоили себе по два знака для своих домов: Сатурн - Козерог и Водолей, Юпитер - Стрелец и Рыбы, Марс - Овен и Скорпион, Солнце - Лев, Венера - Телец и Весы, Меркурий - Близнецы и Дева, а Луна - Рак.

Углы или аспекты планет.

Постоянно перемещаясь между двенадцатью знаками, планеты образуют несколько углов или аспектов; наиболее примечательными из них являются пять следующих, а именно

♌ Конъюнкция.-Δ Трин.-◻ Квадрат.-◻ Секстиль.-♏ Оппозиция.

Соединение - это когда две планеты находятся в одном и том же градусе и минуте знака; и это, согласно астрологическим канонам, либо хорошо, либо плохо, поскольку планеты являются либо друзьями, либо врагами.

Трин - это когда две планеты находятся на расстоянии четырех знаков, или 120 градусов, как Марс в двенадцати градусах Овна, а Солнце в двенадцати градусах Льва. Здесь говорится, что Соль и Марс находятся в *аспекте трина*. А это аспект идеальной любви и дружбы.

Квадратный аспект - это когда две планеты находятся на расстоянии трех знаков или 90 градусов, как Марс в 10 градусах и Венера в 10 градусах Льва. Этот аспект означает несовершенную вражду, и астрологи говорят, что люди, обозначенные таким образом, могут иметь банки, но такого характера, что могут быть прекрасно примирены.

Секстильный аспект - это когда две планеты находятся в двух знаках или на расстоянии 60 градусов, как Юпитер в 15 градусе Овна, а Сатурн в 15 градусе Близнецов; здесь Юпитер находится в секстильном аспекте к Сатурну. Это аспект дружбы.

Оппозиция - это когда две планеты диаметрально противоположны, что происходит, когда они находятся в 6 знаках, или 180 градусах (что составляет одну половину окружности) друг от друга; это аспект совершенной ненависти.

Партильный аспект - это когда две планеты находятся в идеальном аспекте в одной и той же степени и минуте.

Декстерные аспекты - те, которые противоречат последовательности знаков; например, планета в Овне образует секстиль *декстер* к Водолею.

Синистерский аспект - это аспект с последовательностью знаков, так как планета в Овне, например, отбрасывает свой секстиль *синистер* в Близнецы.

В дополнение к этому астрологи используют множество других уловок; поэтому мы читаем о применении-запрете-трансляции-восстановлении-возгорании-исключении-ретроградации и т. д. планет.

Применение планет.

Применение планет осуществляется астрологами тремя различными способами.

1. Когда легкая планета, прямая и быстрая в своем движении, применяется к планете более тяжелой и медленной в движении; как Меркурий в 8° Овна и Юпитер в 12° Близнецов, и оба прямые; здесь Меркурий применяется к секстилю Юпитера, путем прямого применения.
2. Когда они оба ретроградны, как Меркурий в 20° Овна, а Юпитер в 15° Близнецов; здесь Меркурий, более легкая планета, применяется к секстильному аспекту Юпитера; и это происходит путем ретроградации.
3. Когда одна из планет директная, а другая ретроградная; например, если Меркурий ретроградный в 18° Овна, а Юпитер директный в 14° Близнецов; в этом случае Меркурий применяется к секстилю Юпитера, посредством ретроградного движения.

Запрет,

это когда две планеты применяются либо телом, либо аспектом; и прежде чем они приходят к своему *партильному* аспекту, другая планета встречается с аспектом первой и запрещает его.

Разделение,

это когда две планеты в последнее время находились в соединении или аспекте и отделяются от него.

Перевод Света и Добродетели,

это когда легкая планета отделяется от тела или аспекта более тяжелой планеты и сразу же прикладывается к другой, более высокой планете, и таким образом переносит свет и добродетель первой планеты на ту, к которой она прикладывается.

Рефренация,

это когда планета применяется к телу или аспекту другой планеты; и, прежде чем она приходит к ней, становится ретроградной, и таким образом преломляется своим ретроградным движением.

Сгорание.

Считается, что планета сгорает в Соле, когда она находится в пределах 8° 30' от его тела, либо до, либо после его соединения: но астрологи жалуются, что планета больше страдает, когда она применяется к телу Сола, чем когда она отделяется от сгорания.

Рецепция,

это когда две планеты находятся в достоинствах друг друга, и это может быть либо дом, либо ликование, либо триплицитет, либо термин.

Ретроградация,

это когда планета движется назад от 20° к 9°, 8°, 7° и так из Тельца в Овен.

Фрустрация,

это когда быстрая планета прикладывается к телу или аспекту вышестоящей планеты; и прежде чем она доходит до него, вышестоящая планета встречается с телом или аспектом какой-то другой планеты.

Голова и хвост дракона.

К семи планетам, а именно Сатурну, Юпитеру, Марсу, Солу, Венере, Меркурию и Луне, астрологи добавляют два определенных узла или точки, называемые головой Дракона, обозначаемые этим знаком ☿ , и хвостом Дракона ☿ . В эти две конечности зверя наши студенты-астрологи помещают такие добродетели, что могут черпать оттуда богатство, почести, преференции и т.д., достаточные для того, чтобы льстить скупости, честолюбию, тщеславию и т.д. глупцов, которые следуют за ними. Учитывая, однако, что поклонники этого искусства поддерживают свои принципы и защищают свои доктрины примерами, основанными на их собственном опыте и авторитете истории, нам нет необходимости здесь разоблачать слабость и бесполезность их аргументов. Достаточно доказательств Талли, который, среди мрачных облаков суеверия и невежества, в самый расцвет язычества и идолопоклонства, и в то время как сама религия, казалось, одобряла астрологию, сурово осуждает ее в *Lib. 2, de devinat. "Quam multa ego Pompeis, quam multa Crasso, quam multa huic ipsi Cæsari a Chaldæis dicta memini, neminem eorum nisi senectute, nisi domi, nisi cum clantate esse moriturum? ut mihi per Mirum videatur quem quam extare, qui etiam nunc credastis, quorum predicta quotidie videat re et eventis refelli"*^[9] ."

Климакс.

Астрологи использовали свои лучшие приемы и применяли все правила своего искусства, чтобы сделать те годы нашего возраста, которые они называют климактерическими, опасными и грозными.

Климактерий - от греческого κλῑμακτῆρς, что означает "весы" или "лестница", - это критический год или период в возрасте человека, когда, согласно астрологическому жонглированию, в организме должны произойти заметные изменения, и человеку угрожает большая опасность смерти. Первый климакс, говорят они, приходится на седьмой год жизни человека; остальные кратны первому, например 21, 49, 56, 63 и 84; два последних называются великими климаксами, а опасность - более определенной".

Марк Фицинус объясняет основание этого мнения: он говорит нам, что каждой планете назначен год, чтобы управлять телом человека, каждый в свою очередь; теперь Сатурн, будучи самой *зловредной* планетой из всех, каждый седьмой год, который выпадает на его долю, становится очень опасным; особенно 63 и 84, когда человек уже преклонных лет. Согласно этой доктрине, некоторые считают каждый седьмой год установленным

климаксом; но другие допускают это название только для тех, которые возникают при умножении климактерического пространства на нечетное число, 3, 5, 7, 9 и т. д. Другие отмечают каждый девятый год как климаксный.

Сохранилась, хотя и довольно скудная, работа Гевелия под названием *Annus Climactericus*, в которой он описывает потери, понесенные им в результате сожжения его обсерватории и т. д., что, судя по всему, произошло в его великий климакс. Суэтоний говорит, что Август поздравил своего племянника с тем, что он прошел свой первый великий климакс, которого он очень опасался.

Некоторые утверждают, что климактерические годы являются роковыми для политических тел, что, возможно, можно допустить, когда будет доказано, что они являются таковыми для естественных тел; ибо должно быть очевидно, что причина такой опасности ни в коем случае не может быть обнаружена, и какая связь может быть у нее с любым из вышеупомянутых чисел. Хотя это мнение имеет большую древность; Аулус Геллий говорит, что оно было заимствовано у халдеев, которые, возможно, получили его от Пифагора, чья философия во многом зависела от чисел, и который представлял себе необыкновенную силу числа 7.

Основными авторами по теме климактерий являются Платон, Цицерон, Макробий, Аулус Геллий, среди древних; Аргол, Магирус и Салматий, среди современных. Святой Августин, Святой Амвросий, Беда и Бетий поддерживают это мнение.

Счастливые и несчастные дни.

Астрологи также взяли под свой контроль и дни года, которые они предположили разделить на счастливые и несчастные; для этой цели они призвали на помощь даже Священное Писание и обычные верования христиан в прежние века. Они утверждают, что 14-й день первого месяца был благословенным днем у израильтян, что подтверждается, как они полагают, несколькими следующими отрывками из Исхода, с. xii. ст. 18, 40, 41, 42, 51. Левит, с. xxiii. v. 5. Числа, с. xxviii. v. 16. "*Четыреста тридцать лет истекли от пребывания их в Египте, и в тот же день вышли они оттуда*".

Что касается злых дней и времен, астрологи ссылаются на Амоса, гл. 5, ст. 13, и гл. vi, ст. 3. Екклесиаст, с. ix. v. 12. Псалом, xxxvii. v. 19. Обадия, с. xii. Иеремия, с. xlv. v. 21, и к Иову, проклинающему день своего рождения, гл. iii. v. 1-11. В подтверждение этого они также цитируют календарь, извлеченный из нескольких древних римских католических молитвенников, написанных на пергаменте до изобретения печати, в который были вставлены злополучные дни каждого месяца, как в следующих стихах; -

Январь.-*Prima dies mensis, et septima truncat ensis.*

Февраль.-*Quarta subit mortem, prosternit tertia fortem.*

Март.-*Primus mandentem, disrumpit quarta bibentem.*

Апрель.-*Denus et undenus est mortis vulnere plenus.*

Май.-*Тертий оксидит, а Септимус ора редидит.*

Июнь.- *Denus Pallescit, quindenus fædera nescit.*

Июль.- *Ter denus mactat, Julii denus labefactat.*

Август.-*Prima ne cat fortem, perditque secunda cohortem.*

Сентябрь.-*Tertia Septembris, et denus fert mala membris.*

Октябрь.-*Терция и денус, это как чужой морс.*

Ноябрь.-*Scorpius est quintus, et tertius est vita tinctus.*

Декабрь.-*Septimus exanguis, virosus denus ut Anguis.*

Эта поэзия является образцом деревенскости и невежества, по крайней мере, того времени; она убедительно доказывает, что христианство еще имело очень сильный оттенок языческих суеверий, которые вся чистота самого Евангелия до сих пор не смогла полностью изгладить.

То, что представление о счастливых и несчастных днях обязано своим происхождением язычеству, можно доказать из римской истории, где упоминается, что именно в этот день четыре года назад Помпеем-отцом были начаты гражданские войны; Сезар положил им конец своим сыном, Кнеем Помпеем, который был тогда убит; И что римляне считали 13 февраля несчастным днем, потому что в этот день они были низвергнуты галлами при Аллии, а Фабии, напавшие на город Реции, были убиты все, за исключением одного человека: из календаря "Фасторума" Овидия, *Aprilis erat mensis Græcis auspicatissimus*; и из Горация, lib. 2, ода 13, проклинающая дерево, которое едва не упало на него; *ille nefasto posuit die*.

Множество знаменательных событий, произошедших в определенные дни, стали главным средством подтверждения мнения язычников и христиан на этот счет. Например, Александр Македонский, родившийся 6 апреля, победил Дария и умер в тот же день. Император Бассиан Каракалла родился и умер в шестой день апреля. Август был усыновлен 19 августа, начал свое консульство, покорил Триумвиров и умер в тот же день.

Христиане заметили, что 24 февраля четыре раза было удачным для Карла Пятого. Эта среда была удачным днем для папы Сикста V. Ведь в среду он родился, в этот день стал монахом, в тот же день стал генералом своего ордена, в этот день стал кардиналом, в этот день был избран папой, а также в этот день состоялась инаугурация. Тот четверг стал роковым днем для Генриха VIII. короля Англии и его потомков, так как он умер в четверг; король Эдуард VI - в четверг; королева Мария - в четверг; королева Елизавета - в четверг. Французы заметили, что праздник Пятидесятницы был удачен для Генриха III. короля Франции, поскольку в этот день он родился, в этот день был избран королем Польши и в этот день сменил своего брата Карла IX на троне Франции.

Генетлиац.

(От γενεθλη, происхождение, поколение, рождение).

Так называются в астрологии люди, которые составляют гороскопы или предсказывают, что постигнет человека, с помощью звезд, которые были в его рождении^[10]. Древние называли их *халдеями* и общим именем математиков: соответственно, несколько гражданских и канонических законов, которые мы находим принятыми против математиков, касаются только генетлиаков, или астрологов; которые были изгнаны из Рима формальным декретом сената, и все же нашли такую защиту от легковерия народа, что остались незамеченными. Поэтому древний автор говорит о них как о *hominum genus, quod in civitate nostra semper et vetabitur, et retinebitur*.

Genethliacum, (поэма Генетлиака).

Стихотворение в стихах, посвященное рождению какого-либо принца или другого выдающегося человека, в котором поэт обещает ему великие почести, преимущества, успехи, победы и т. д. посредством своего рода пророчества или предсказания. Такова, например, эклога Вергилия к Поллиону, начинающаяся так

Sicelides Musæ, paulo majora Canamus.

Существуют также *генеталийские* речи или орации, произносимые в честь дня рождения того или иного человека.

Опровержение астрологии Баркляя.

Астрологическое суеверие, как говорят, перешло от халдеев, которые передали его египтянам, от которых его получили греки, откуда оно перешло к римлянам, которые, несомненно, первыми распространили его по Европе, хотя некоторые считают, что оно египетского происхождения, и приписывают изобретение Чаму; но именно арабам мы обязаны им. В Риме люди были настолько увлечены ею, что астрологи, или, как их еще называют, математики, сохранили свои позиции, несмотря на все эдикты об их изгнании из города^[11].

Брамины ввели и практиковали это искусство среди индийцев и таким образом сделали себя арбитрами добрых и злых часов, что дает им огромную власть, и в результате этой суперэрогии к ним обращаются как к оракулам, и они заботятся о том, чтобы никогда не продавать свои ответы, кроме как по хорошей цене.

То же самое суеверие, как мы уже показали, преобладает и в более современные эпохи и у других народов. Французские историки отмечают, что во времена королевы Екатерины Медичи астрология была в таком большом почете, что самое незначительное дело не предпринималось и не делалось без консультации со звездами. А во времена правления королей Франции Генриха III и IV предсказания астрологов были обычной темой придворных разговоров.

Этот преобладающий при французском дворе юмор был хорошо освещен Барклаем в его *Argenis*, lib. ii, в связи с одним астрологом, который взялся наставлять короля Генриха в случае войны, угрожавшей в то время фракции Гизов.

"Вы утверждаете, - говорит Барклай, - что обстоятельства жизни и смерти зависят от места и влияния небесных тел в тот момент, когда ребенок впервые появляется на свет; и при этом вы признаете, что небеса вращаются с такой огромной скоростью, что положение звезд значительно меняется в самый незначительный момент времени. Какая же тогда может быть уверенность в вашем искусстве, если не предполагать, что повитухи постоянно следят за часами, чтобы минута времени могла быть передана младенцу, как мы передаем его родовое поместье? Как часто опасность матери мешает этой заботе? И много ли найдется тех, кого не коснулось это суеверие? Но предположим, что они следят за вашим желанием; если ребенок будет долго рожать; если, как это часто бывает, сначала появится рука или голова, а за ними не сразу последуют остальные части тела; какое состояние звезд должно определить для него: когда появилась голова или когда все тело отделилось? Я не говорю уже об обычных ошибках часов и других хронометров, достаточных для того, чтобы ускользнуть от всех ваших забот.

"Опять же, почему мы должны рассматривать только звезды во время его рождения, а не те, что сияли, когда плод был оживлен в утробе матери? И почему должны быть исключены

другие, которые руководили, пока тело оставалось нежным и восприимчивым к самым слабым впечатлениям во время беременности?

"Но если оставить это в стороне и предположить, что лик небес точно известен, то откуда берется это господство звезд над нашими телами и умами, что они должны быть арбитрами нашего счастья, нашего образа жизни и смерти? Разве все те, кто отправился на битву и погиб вместе, родились под одним и тем же положением небес? А когда корабль отчаливает, разве он не принимает пассажиров, кроме тех, кого звезды обрекли на кораблекрушение? Или, скорее, разве люди, родившиеся под каждой планетой, не идут в бой или на борт судна и, несмотря на несходство их рождения, погибают одинаково? Опять же, все, кто родился под одной и той же конфигурацией звезд, не живут и не умирают одинаково. Все, кто родился в одно время с королем, монархи? Или все они живы и по сей день? Я видел здесь месье Виллеруа; нет, я видел вас: все ли, кто пришел в мир вместе с ним, были так же мудры и добродетельны, как он; или все, кто родился под вашими собственными звездами, такие же астрологи, как вы? Если человек встретит разбойника, вы скажете, что он обречен на гибель от руки разбойника; но разве те же звезды, которые, когда путник родился, подвергли его удару меча разбойника, разве они же дали разбойнику, который, возможно, родился задолго до этого, силу и склонность убить его? Ведь вы согласитесь, что в равной степени благодаря звездам один убивает, а другой погибает. И когда человек погибает от падения дома, то не потому ли стены стали неисправными, что звезды обрекли его на гибель; или, скорее, не потому ли он погиб, что стены были неисправны? То же самое можно сказать и о почестях или работе: поскольку звезды, сиявшие при рождении человека, сулили ему преференции, могли ли они оказывать влияние на других людей, не рожденных под ними, благодаря чьей поддержке он должен был подняться? Или как звезды при рождении одного человека аннулируют или отменяют противоположное влияние других звезд, которые сияли при рождении другого?

"Истина в том, что, если предположить реальность всех планетарных сил; как солнце, посещающее бесконечное множество тел одними и теми же лучами, не оказывает на всех одинакового воздействия, так и одни вещи при этом затвердевают, как глина, другие размягчаются, как воск; одни семена лелеются, другие уничтожаются; нежные травы выжигаются, другие защищаются их более грубым соком: Так и там, где рождается столько детей, подобно полю, возделываемому столь различными способами, в зависимости от здоровья, привычек и темперамента родителей, один и тот же небесный приток должен действовать по-разному. Если гений подходящий и благосклонный, он должен преобладать в нем: если противоположный, он будет только исправлять его. Таким образом, чтобы предсказать жизнь и манеры ребенка, нужно заглянуть не только в небеса, но и в родителей, в судьбу, которая сопутствовала беременной матери, и в тысячу других обстоятельств, совершенно недоступных.

"Далее, является ли сила, которая предвещает новорожденному жизнь, например, на сорок лет, или, возможно, насильственную смерть в тридцать лет, той силой, о которой я говорю, которая все еще пребывает на небесах, ожидая назначенного времени, когда, спустившись на землю, она сможет произвести такой эффект? Или же она вливается в самого младенца, чтобы, будучи выпестованной и постепенно взрослея вместе с ним, вырваться наружу в назначенное время и исполнить то, что поручили ему звезды? Существовать на небе оно не может; в этом его зависимость от определенной конфигурации звезд; когда она меняется, связанный с ней эффект должен прекратиться, а на смену ему приходит новый, возможно, противоположный. Какое хранилище вы имеете для прежней силы, чтобы она оставалась в нем, пока не придет время для ее передачи? Если вы скажете, что она наследуется или

пребывает в младенце, чтобы не действовать на него, пока он не вырастет до зрелого возраста, то ответ будет еще более нелепым, чем первый; ведь для этого, в случае кораблекрушения, вы должны предположить причину, по которой поднимаются ветры и корабль дает течь, или лоцман, по незнанию места, наезжает на отмель или камень. Так и земледелец является причиной войны, которая его разоряет, или благоприятного сезона, который приносит ему обильный урожай.

"Вы много хвалитесь событиями нескольких предсказаний, которые, учитывая множество тех, что произвело ваше искусство, явно признают свою несостоятельность. Миллион обманов старательно скрывается и забывается в пользу каких-то восьми или десяти вещей, которые преуспели^[12]. Из стольких предположений должно быть сверхъестественным, если некоторые не попадают в цель; и несомненно, что, рассматривая вас только как догадливых, нет никакой возможности похвастаться тем, что вы в этом преуспели. Знаете ли вы, какая судьба ожидает Францию в этой войне, и при этом не опасаетесь, что постигнет вас самих? Разве вы не предвидели, какое противодействие я должен был оказать вам в этот день? Если вы можете сказать, победит ли король своих врагов, узнайте сначала, поверит ли он вам".

Дес Карт и Агриппа, как они много злословят против некоторых других наук, особенно Агриппа, так и последний из них не благоволит и не щадит астрономию, но особенно астрологию, которая, по его словам, является искусством совершенно ошибочным, и что все суеверности и суеверия вытекают из лона астрологии, их основой являются предположения, и сравнение будущих событий с прошлыми событиями. На что у них нет никаких оснований, поскольку они допускают, что небеса никогда не были и никогда не будут в одном точном положении с момента возникновения мира, и все же они заимствуют эффекты и влияние звезд из самых отдаленных эпох в мире, за пределами памяти вещей, выдавая себя за способных показать скрытые природы, качества ис. всех видов животных, камней, металлов и растений, и показать, как все это зависит от неба и исходит от звезд. Тем не менее Евдокс, Архелай, Кассандр, Галикарнас и другие признают, что невозможно обнаружить что-либо определенное с помощью искусства судебной астрологии из-за бесчисленного множества взаимодействующих причин, которые сопутствуют небесным влияниям; этого же мнения придерживается и Птолемей. Подобным образом те, кто предписывает правила суждений, излагают свои максимы столь разнообразно и противоречиво, что невозможно, чтобы предсказатель из стольких разнообразных и несогласных мнений мог произнести что-либо определенное, если только он внутренне не вдохновлен каким-то скрытым инстинктом и чувством будущих вещей, или если только он не находится в каком-то оккультном и скрытом общении с дьяволом. И древность свидетельствует, что Зороастр, фараон, Навуходоносор, Сезар, Красс, Помпей, Диатар, Нерон, Юлиан Отступник и некоторые другие, наиболее пристрастные к предсказаниям астрологов, погибли, хотя им было обещано все благоприятное и благоприятное. И кто может поверить, что человек, счастливо расположенный под Марсом, находящимся в девятом, сможет изгонять дьяволов только своим присутствием; или тот, у кого Сатурн счастливо расположен во Льве в момент рождения, при уходе из этой жизни сразу же вернется на небо, - все же это ересь, которой придерживаются Петрус Апоненсис, Роджер Бэкон, Гвидо, Бонатус, Арнольд де Вилланова, философы; Алиаценсис, кардинал и божественный, и многие другие знаменитые христианские врачи, против которых астрологи, наиболее ученый Пикус Мирандола написал двенадцать книг, настолько полных, что едва ли один аргумент опущен против них, и нанес смертельный удар астрологии! У древних римлян она была запрещена, а большинство святых отцов осудили и полностью изгнали ее с территории христианства, а в синоде Мартина она была анафематствована. Что касается предсказаний Фалеса, который, как говорят, предрекал нехватку оливок и масла, о чем так часто говорят астрологи, чтобы

поддержать славу своей науки, Декар отвечает с легким основанием и вероятной истиной, что Фалес был великим натурфилософом и поэтому хорошо знал силу воды, (которая, как он утверждал, является принципом всех вещей), он не мог не знать, какие плоды больше всего нуждаются во влаге и насколько они зависят от дождя для своего роста, который тогда, когда его не было, он мог легко узнать, что будет нехватка без помощи астрологии; Но если они хотят, чтобы Фалес предвидел это только благодаря науке этого искусства, то почему другие, претендующие на то, чтобы быть столь хорошо сведущими в его предписаниях, не могут иметь такие же возможности обогащения? Что касается предсказаний смерти императоров и других людей, то это были лишь предположения, поскольку большинство из них были тиранами и ненавистниками, и поэтому они притворно обещали другим империи и достоинства, что иногда подстегивало честолюбивые умы, они не оставляли попыток получить корону, астрологи таким образом вызывали убийства, добавляли достижения тайными инструкциями, а не какими-либо правилами искусства, на которые они публично претендовали, чтобы придать блеск своим действиям и повысить честь своей науки предсказаний: Таким же образом Асклетарион мог предсказать смерть Домициана, а что касается того, что его самого разорвут на куски собаки, то это было всего лишь предположение, поскольку астрологи не распространяют свои предсказания дальше смерти, и поэтому он не предполагал, что его тело будет разорвано на куски после смерти, как это и оказалось, но был жив в качестве наказания за свою смелость в предсказании смерти императора, что было обычным наказанием, если бы это оказалось так, то это было вероятно из обычая, но не из правил астрологии.-См. Blome's Body of Philosophy, pt. iii. chap. 14, в истории природы.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И МНИМОЙ ДЕЙСТВЕННОСТИ АМУЛЕТОВ И ТАЛИСМАНОВ,

В лечении болезней, защите от злых духов и т. д.

Амулеты - это определенные вещества, которым суеверные и легковверные люди придавали особую силу излечения, устранения или предотвращения болезней; для этой цели их обычно носили на шее или других частях тела. Лаодикийский собор запретил церковнослужителям носить амулеты и филактерии под страхом унижения. Святые Хризостом и Иероним также ревностно боролись с подобной практикой. "Nos apud nos, - говорит последний, - superstitiosæ mulierculæ in parvulis evangeliis, et in crucis ligno, et istiusmodi rebus, quæ habent quidam zelum Dei, sed non juxta scientiam usque hodie factitant."-Vide Kirch. Oedip. Египет.

В настоящее время, хотя амулеты ни в коем случае не исчезли полностью, они потеряли свою актуальность; ученый Бойл, тем не менее, рассматривал их как пример проникновения внешних потоков в привычку, чтобы показать большую пористость человеческого тела. Кроме того, он добавляет, что убежден, что "некоторые из этих внешних лекарств действительно помогают"; ведь он сам страдал кровотечением из носа и, будучи вынужденным использовать несколько средств, чтобы остановить эти выделения, нашел мох из черепа мертвого человека, хотя и приложенный только так, чтобы коснуться кожи, пока мох не станет теплым от контакта с ней, был самым эффективным средством. Замечательный случай такого рода сообщил Цвельферу главный врач государства Моравия, который,

приготовив несколько трошек или пастилок из жаб по способу Ван Гельмонта, не только обнаружил, что, будучи носимыми в качестве амулетов, они сохранили его, его домочадцев и друзей от чумы, но, будучи приложенными к карбункулам или бубонам, являющимся следствием этой болезни, у других, они нашли себя значительно облегченными, а многие даже спасены ими. Мистер Бойл также показывает, как выделения, даже от холодных амулетов, могут со временем проникать в поры живого животного, предполагая, что между порами кожи и фигурой корпускул существует соглашение. Беллини продемонстрировал возможность такого развития событий в своем последнем предложении *de febribus*; то же самое доказали доктор Уэйнрайт, доктор Кейль и другие. Существовали также словесные или буквенные чары, которые часто пели или напевали, и которым приписывалась большая степень эффективности; вера в целебные силы музыки дошла и до более поздних времен. В прошлом веке Орацио Беневони написал мессу для прекращения чумы в Риме. Она была исполнена в церкви Святого Петра, где он был *маэстро ди капелла*, а певцы, которых было более двухсот, были расположены в разных кругах купола; шестой хор занимал вершину купола.

Происхождение амулетов можно отнести к самым отдаленным эпохам человечества. В наших поисках, чтобы обнаружить и установить период, когда средства впервые были применены для облегчения телесных страданий, мы вскоре теряемся в догадках или вовлекаемся в басни; мы не можем достичь периода в какой-либо стране, когда жители были лишены медицинских ресурсов, и мы находим среди самых бескультурных племен, что медицина лелеется как благословение и практикуется как искусство, как у жителей Новой Голландии и Новой Зеландии, у жителей Лапландии и Гренландии, Северной Америки и внутренних районов Африки. Личные чувства страдальца, и беспокойство тех, кто рядом с ним, должны были, в самом грубом состоянии общества, побудить дух промышленности и исследований, чтобы получить облегчение, изменение тепла и холода, влаги и сухости; И регулирование и изменение диеты и привычек, должно быть, интуитивно предложили себя для облегчения боли, и когда эти ресурсы не удалось, чары, амулеты и заклинания, были естественными целесообразности варваров, всегда более склонны потакать обманчивой надежды суеверия, чем слушать голос трезвого разума. Следы амулетов можно обнаружить в самой ранней истории. Ученый доктор Уорбертон явно ошибается, когда относит происхождение этих магических инструментов к эпохе Птолемея, которая была не более чем за 300 лет до нашей эры; это сразу же опровергается свидетельством Галена, который говорит нам, что египетский царь Нехепс, живший за 630 лет до христианской эры, писал, что зеленая яшма, вырезанная в форме дракона, окруженного лучами, при наружном применении укрепит желудок и органы пищеварения. Кроме того, в пользу этого мнения говорит авторитет Священного Писания: ведь кольца, которые Иаков закопал под Сехемским дубом, как сказано в книге Бытия, были не чем иным, как амулетами, а Иосиф в своих "Иудейских древностях" (*lib. viii. c. 2, 5*), что Соломон открыл растение, эффективное для лечения эпилепсии, и что он использовал амулет или заклинание для помощи его достоинствам; корень травы был спрятан в кольцо^[13], которое прикладывалось к ноздрям бесноватого; И сам Иосиф отмечает, что он сам видел, как еврейский священник практиковал искусство Соломона с полным успехом в присутствии Веспасиана, его сыновей и трибунов римской армии. Подобные средства не ограничивались темными и варварскими веками; Теофраст объявил Перикла сумасшедшим, потому что обнаружил, что тот носит на шее амулет; а в эпоху упадка Римской империи мы видим, что этот суеверный обычай был настолько распространен, что император Каракалла был вынужден издать публичный указ, предписывающий, чтобы ни один человек не носил никаких суеверных амулетов на своей персоне.

В ходе развития цивилизации различные случайности^[14], и даже ошибки в выборе и приготовлении пищи, должно быть, постепенно раскрыли лечебные свойства многих природных веществ: они были записаны, и подлинная история медицины может датировать свое начало с того периода, когда такие записи начались.

Геродот сообщает нам, что халдеи и вавилоняне выносили своих больных на общественные дороги и рынки, чтобы путешественники могли поговорить с ними и рассказать о средствах, которые были успешно использованы в подобных случаях; этот обычай сохранялся в течение многих веков в Ассирии: Страбон утверждает, что он также преобладал среди древних лузитанцев, или португальцев: таким образом, однако, результаты опыта передавались только по устной традиции. Именно в храме Эскулапия в Греции впервые была записана медицинская информация; болезни и исцеления тогда фиксировались на прочных мраморных табличках; жрецы и жрицы, которые были хранителями храма, готовили лекарства и руководили их применением; а поскольку эти люди стремились выдать себя за потомков Эскулапия, они приняли имя Асклепиадов. Труды Павсания, Филострата и Плутарха изобилуют рассказами об искусстве этих первых врачей. Аристофан в поистине комической манере описывает ремесло и благочестивую скупость этих благочестивых людей, а также упоминает ловкость и быстроту, с которой они собирали и складывали в мешки приношения на алтарь. В этот период пациенты ложились на шкуры принесенных в жертву баранов, чтобы получить небесные видения. Как только считалось, что они спят, жрец, одетый в платье Эскулапа, подражая его манерам, в сопровождении дочерей бога, то есть молодых актрис, тщательно обученных своим ролям, входил и давал медицинское заключение.

Определение амулетов и т. д.

Все средства, действующие как бы симпатически и явно неравные по эффекту, могут быть названы амулетами; используются ли они на расстоянии другим человеком или непосредственно рядом с пациентом: о них рассказывается в различных источниках. У евреев они назывались *камеа*, у греков - *филактерии*, как уже упоминалось, у латинян - *амулеты* или *лигатуры*, у католиков - *Agnus Dei*, или освященные реликвии, а у уроженцев Гвинеи, где они до сих пор пользуются большим почетом, - *фетиши*. Различные виды материалов у этих разных народов почитались и считались способными уберечь от опасности и инфекции, а также избавить от болезней, когда они действительно присутствуют.

Плутарх рассказывает о Перикле, афинском генерале, что когда к нему пришел друг и поинтересовался его здоровьем, он протянул руку и показал ему свой амулет; этим он хотел сообщить правду о своей болезни и, в то же время, о доверии, которое он возлагал на эти обычные средства.

Амулеты продолжают жить среди нас и по сей день; действительно, мало найдется примеров древнего суеверия, часть которого не сохранилась, и нередко их приспосабливают люди вполне здравомыслящие, которые оправдываются тем, что они не тошнотворны, стоят недорого и если не могут принести пользу, то не могут и навредить. Лорд Бэкон, которого никто не может заподозрить в невежестве, говорит, что если человек носить костяное кольцо или планетарную печать, твердо веря, что таким образом он может заполучить свою любовницу или что это сохранит его невредимым на море или в бою, то это, вероятно, сделает его более активным и менее робким; так как смелость, которую они могут внушить, покорит и свяжет слабые умы при выполнении опасного долга.

Есть множество амулетов, используемых простым народом для лечения агуэ; и как бы это ни объяснялось - воображением или тем, что болезнь утихает сама собой, - многие были вылечены с их помощью, когда перуанская кора ранее не помогала. Агуэс, говорит доктор Уиллис, сопротивляющиеся амулеты, часто с успехом прикладывались к запястью. Хорошее действие оказывают абракадабры, написанные в конической форме, *то есть* в форме треугольника Исокеlesa, начиная с А, затем А В, А В R и так далее, и расположенные друг под другом. Траву лунария, собранная при лунном свете, как нас уверяют весьма уважаемые авторитеты, произвела несколько удивительных исцелений. Нааман, как нам говорят (*numero deus impare gaudet*), был исцелен, окунувшись семь раз в реку Иордан. Один старый джентльмен восьмидесяти лет, который почти исчерпал все свои средства на врачей, был излечен от странгурии с помощью новой стеклянной бутылки, которая никогда не была мокрой внутри, только путем приготовления воды в ней и закапывания ее в землю. Кроме того, в бассейне Вифседы совершались определенные формальности для исцеления от болезней. Анодиновое ожерелье доктора Чемберлейна долгое время было *непременным атрибутом* матерей и медсестер, пока его достоинства не были утрачены из-за того, что его почитание было уничтожено; а те, что пришли ему на смену, почти исчерпали себя. В свое время считалось, что серая печеночница не только лечит гидрофобию, но и, если носить ее при себе, предотвращает укусы бешеных собак. Калверт возносил молитвы Святому Губерту за выздоровление своего сына, который был вылечен этим средством. Сын также совершил необходимые обряды у святилища и был излечен не только от гидрофобии, "но и от еще более страшной френзии, которую внушил ему отец". Также использовались кольца от судорог и шкуры угрей, обвязанные вокруг конечностей, для предотвращения этого спазматического заболевания; кроме того, ложась спать, палки клали поперек на пол, и таким образом тоже излечивались. Многочисленны чары, амулеты и заклинания, используемые и в наши дни для удаления бородавок. Лорд Верулам рассказывает (vol. iii. p. 234), что, когда он был в Париже, у него на руках было более сотни бородавок; и что дама английского посла, находившаяся в то время при дворе, и женщина гораздо выше всяких суеверий, удалила их все, только натерев их толстой стороной кожи куска бекона, который они потом прибили к столбу, толстой стороной к югу. Через пять недель, говорит милорд, все они были удалены.

Поскольку лорда Верулама считают величайшим гением, когда-либо созданным этой страной, возможно, не будет лишним для данной темы привести его собственные слова о том, что он заметил относительно силы амулетов. После глубоких метафизических наблюдений в природе и аргументации в пользу колдовства, чародейства и гадания, эффекты которых намного превосходят веру в амулеты, он замечает: "Мы не должны отвергать все подобное, потому что неизвестно, насколько те, что способствуют суеверию, зависят от естественных причин. Амулеты не имеют своей силы от договоров со злыми духами, но исходят целиком из усиления воображения; таким же образом, как образы и их влияние, преобладали в религии; называясь от другого способа использования и применения, сигилами, заклинаниями и заклятиями".

Влияние воображения на разум и т. д.

Воображение, несомненно, оказывает мощное воздействие на разум, и во всех этих чудесных исцелениях является, безусловно, самым сильным ингредиентом. Доктор Стротер говорит, что влияние разума и страстей действует на тело в разумных пределах, как лекарство, и имеет гораздо большую силу на соки, чем физические упражнения. Лицо, замечает он, выдает доброе или злое намерение; и это доброе или злое намерение производит в разных людях силу, чтобы противостоять, или слабость, чтобы уступить

преобладающей стороне. "Наша внешность обнаруживает наши страсти; в наших лицах, говорит доктор Браун, мистически присутствуют определенные символы, которые несут в себе девиз нашей души и поэтому, вероятно, производят тайные эффекты в других частях", или, как Гарт в своем "Диспенсаторе" так прекрасно иллюстрирует эту идею:

"Так бледные взгляды бурный гнев возвещают,

И хладнокровные девы краснеют в пламени:

Видим, как зависть часто превращается в злую маску,

А веселье сидит в глазах и улыбается:

Часто цвет лица выдает душу,

И говорят, какие страсти в чертах.

Поэтому мы смотрим, чтобы найти чудесную причину,

Как тело действует на бесстрастный ум".

Аддисон, рассуждая о силе и удовольствии воображения (Spect. vol. vi.), делает вывод, исходя из удовольствия и боли, которые оно причиняет здесь, внизу, что Бог, знающий все способы причинения нам страданий, может так увлечь нас в будущем прекрасными и славными видениями или замучить такими отвратительными и жуткими призраками, что их даже самих по себе будет достаточно, чтобы составить полный рай или ад для любого будущего существа.

Танцы святого Витта излечивались посещением гробницы святого, расположенной недалеко от Ульма, каждый май. В этом утверждении действительно есть определенный резон, ведь физические упражнения, смена обстановки и воздуха излечивают многие упрямые болезни. Укус тарантула лечится музыкой; и что еще более удивительно, людей, укушенных этим вредным животным, можно вылечить только определенными мелодиями; так, например, одного можно вылечить песней "Нэнси Доусон", а другой может получить аналогичную пользу только от "Молль в лесу" или "Off she goes".

Ученый доктор Уиллис, которого мы уже упоминали, в своем трактате "Нервные болезни" без колебаний рекомендует амулеты при эпилептических расстройствах. "Возьмите, - говорит он, - несколько свежих корней пиона, разрежьте их на квадратные кусочки и повесьте на шею, меняя их так часто, как они высыхают". По всей вероятности, намек на это обстоятельство был сделан для ожерелья Anodyne, которое так сильно требовалось некоторое время назад и принесло столько пользы владельцам; так как доктор, немного далее, прописывает тот же корень для ослабления, лихорадки и конвульсий у детей во время прорезывания зубов, смешанный, чтобы сделать его более чудодейственным, с копытом лося.

Тернер, чьи идеи о гидрофобии столь абсурдны, где он утверждает, что симптомы могут не проявляться в течение сорока лет после укуса; и кто утверждает, "что раб или дыхание такой собаки заразны; и что люди, укушенные, будут снова кусаться, как собаки, и умирать безумными; хотя он смеется над ожерельем Anodyne, рассуждает во многом в том же духе. Не так уж странно, что истечения от внешних лекарств, попадающих в наш организм, должны вызывать столь значительные изменения, когда мы видим, что действенная причина апоплексии, эпилепсии, истерии, чумы и ряда других заболеваний заключается как бы в незаметных испарениях.

Lapis Ætites (кровавый камень), подвешенный на руке, с помощью каких-то подобных тайных средств, как говорят, предотвращает аборт и облегчает роды, когда его носят вокруг бедра. Доктор Сиденхем при страсти в подвздошной области приказывает постоянно класть на живот живого котенка; другие с успехом используют голубей, расчлененных заживо и приложенных к подошвам ног, при язвенных лихорадках и конвульсиях. Придворные царя Давида считали, что облегчение можно получить внешних средств; иначе они не советовали бы ему искать молодую девственницу; несомненно, таким образом они полагали, что девственница юности передаст часть своего тепла и силы разлагающемуся возрасту. "Возьмите сердце и печень рыбы и сделайте дым, и дьявол почует его и убежит". (Tobit, c. vi.).

Во время лондонской чумы мышьяк носили как амулет от заразы. В этот меланхоличный период, по словам Брэдли, Баклерсбери не был посещен этим бедствием, что объяснялось количеством живущих там аптекарей и фармацевтов.

Во время чумы в Марселе, которую Белорт приписывал *личинкам червей, заражающих слюну, пищу и хилез*, и которые, по его словам, *вылуплялись в желудке, попадали в кровь при определенном размере, затрудняя кровообращение, поражая соки* и твердые части тела, он советовал носить амулеты из ртути в мешочках, подвешенных на груди и ноздрях, либо в качестве оберега, либо как средство исцеления; Благодаря этому способу, через *открытые* поры, в кровь попадали выделения, специально уничтожающие всех ядовитых насекомых. "Один знаменитый принц, - продолжает Белорт, - нося такой амулет, спасся от оспы".

Итальянский врач (Клогнини) предписывал носить две или три драхмы сырой ртути в качестве защитного средства от желтухи, а также как консервант от вредных испарений в ненастное время года: "Она разбивает, - замечает он, - и побеждает различные фигурные семена моровой язвы, плавающие в воздухе; или же, смешиваясь с воздухом, убивает их там, где они вылупились".

Другие философы приписывают силу ртути в этих случаях избирательному свойству, порождаемому теплом тела, которое притягивает инфекционные частицы наружу. Ибо, говорят они, все тела непрерывно выделяют вокруг себя в большей или меньшей степени, и неважно, внешние они или внутренние. Воды бани меняют цвет серебра в карманах тех, кто их употребляет; ртуть - то же самое; кантариды, применяемые наружно (или принимаемые внутрь), влияют на мочевой орган; камфора, таким же образом, как говорят, является антифродезиаком. Квинси сообщает, что, только войдя в свежевыкрашенную комнату, вся компания почувствовала в своей моче запах скипидара. Зевота и смех заразительны, как и страх и стыд. Вид кислых вещей или даже мысль о них заставляет зубы стучать. Оспа, чесотка и другие болезни заразны; если так, то ртутные амулеты вполне способны уничтожить зародыш некоторых болезней, если их использовать только как наружное средство, либо вручную, либо носить как амулет, либо вдыхать через нос. Одно слово для всех: амулеты, лекарственные или нет, шаткие и неопределенные, и в наши дни к ним редко прибегают, а тем более доверяют им.

Багливи уточняет учение об эфлювии, приписывая свои исцеления от укуса тарантула особой волнистости любого инструмента или мелодии, создаваемой его ударами в воздухе; которая, вибрируя на внешних частях пациента, передается всей нервной системе и производит то счастливое изменение в твердых и жидких телах, которое так эффективно способствует излечению. Сокращение твердых тел, говорит он, придает новые математические движения и направления жидкостям; в одной или обеих из них сидят все расстройства, и без какой-либо другой помощи, кроме продолжения веры, изменит их качество, философия, столь же удивительная и запутанная, как природа яда, который она

призвана изгнать; но которая, однако, ставляет это наблюдение, что, если частицы звука могут сделать так много, истечение амулетов может сделать больше.

Мавры Барбары, да и вообще все магометанские владения, очень привязаны к чарам, которым и природе они приписывают излечение почти от всех болезней; и это тем сильнее на них влияет вера в предопределение, которое, по мнению этой секты, определяет, от каких зол человек должен пострадать, а также срок, в течение которого ему предписано жить на земле своих предков: Следовательно, они полагают, что вмешательство вторичных средств ничего им не даст; это мнение, как говорят, было у короля Вильгельма, но ни в коем случае не рассчитано на нации, свободу и торговлю; по тому принципу, что, когда они укоренятся, люди, вероятно, будут более внезапны в своей мести и не будут любить медицину и ее занятия, а когда они будут охвачены религиозным энтузиазмом, ничто не сможет оказать им никакой услуги.

"Долгое и сильное увлечение одним предметом, - замечает старый морской хирург^[15], - будь то гордость, любовь, гнев, страх или зависть, вызывает у одних всеобщий трепет; у других - судороги, безумие, меланхолию, чахотку, гепатит или такое хроническое расстройство, как истощение их плоти или сил, так же несомненно, как и прием любых ядовитых лекарств. Любая пугающая, внезапная и неожиданная вещь, воздействуя на мягкие, робкие натуры, не только отражается на лице, но и приводит иногда к очень неприятным последствиям; например, парламентский испуг заставит даже взрослых мужчин обделаться, напугает их до потери сознания, поседеют волосы. Удивление избавляет от кашля; вид с обрыва или стремительное вращение колес вызывает головокружение и т. д. Неужели же эти маленькие случайности или страсти (возможно, из-за каприза или юмора) производят такие эффекты, а амулеты не могут ничего сделать? Нет, как духи во многих случаях прибегают к изобилию, и мы находим, где фантазия определяет, давая радость и веселье сердцу, силу и быстроту конечностям, похоть и яркость глазам, сердцебиение и приапизм; так и амулеты, при сильном воображении, переносятся с большей силой на расстроенную часть; и, при этих обстоятельствах, его естественные силы оказывают лучшее воздействие на обсуждение.

"Лекарства, найденные таким образом, не более восхитительны, чем многие из самих расстройств. Кто может понять, каким непроницаемым способом укус бешеной собаки^[16] или тарантула может вызвать их симптомы? Прикосновение торпеды - онемение? Или женщина оставляет на своем плоде следы своих желаний и испугов? Если им позволено делать одно, то, несомненно, они могут делать и другое; и не чудесами, возможность которых Спиноза отрицает, а естественными и закономерными причинами, хотя и непостижимыми для нас.

"Поэтому лучший способ использования амулетов должен заключаться в том, чтобы приспособить их к воображению пациентов: пусть новизна и неожиданность превосходят изобретение, а юмор поддерживается длинным списком лекарств и квитанций: с помощью этих и подобных средств многие расстройства, особенно у *женщин, которые больны все, или не знают, что у них болит*, были вылечены, я склонен думать, больше благодаря воображению врача, чем его рецепту; который висит на папке как амулет. Шарлатаны, в зависимости от их смелости и манеры обращения (особенно бархат и непогрешимость), добиваются успеха, поражая воображение публики. Если несколько человек, более здравомыслящих, чем остальные, видят выкидыши врачей и не так легко поддаются на уловки с первого взгляда, то, увидев, что человек никогда не стыдится, они вовремя прибегают к его помощи".

Наша неспособность во всех случаях оценить усилия природы по излечению болезней всегда должна делать наши представления о силах искусства подверженными

многочисленным ошибкам и обманам. Нет ничего более естественного и в то же время более ошибочного, чем приписывать излечение болезни последнему лекарству, которое применялось; сторонники амулетов и талисманов^[17] всегда имели возможность таким образом апеллировать к свидетельству того, что они с удовольствием называют опытом, в оправдание своих суеверий; И случаи, которые на самом деле следовало бы считать счастливыми случаями, с триумфом выдавались за искусные методы лечения; и таким образом лекарства и врачи в равной степени приобретали незаслуженную похвалу или несправедливое порицание.

ИСТОРИЯ НАРОДНЫХ ЛЕКАРСТВ И Т. Д. - КАК НА НИХ ПОВЛИЯЛО СУЕВЕРИЕ.

"Маркус сказал, что это факт? Значит, так оно и есть.

Ни одно доказательство не имеет такой силы, как его слово".

Преданность авторитету и устоявшейся рутине всегда была средством противодействия прогрессу разума, продвижению естественных истин и преследованию новых открытий; в то же время, с не менее пагубными последствиями, она увековечила многие из тех огромных ошибок, которые уже были перечислены, а также другие, не менее весомые, которые мы оставим для будущего обсуждения.

Для того чтобы придать некой неактивной субстанции статус, обладающей необыкновенными, а то и чудесными целебными свойствами, требуется лишь санкция нескольких великих имен; и когда она утверждается на такой основе, изобретательность, аргументы и даже эксперименты могут открыть свои бессильные батареи. Таким образом, все *ностры* и патентованные лекарства, которые когда-либо были оценены по достоинству, получили известность. И та же преданность авторитету, который побуждает нас сохранить привычное средство на голое утверждение и предположение либо невежества или пристрастности, будет, таким же образом, против введения новой практики с остротой, если только действительно это будет поддержано авторитетов еще больший вес и рассмотрение.

История различных статей диеты и медицины, будет убедительно доказать, как много их репутация и судьба зависела от авторитета. Например, только через много лет после того, как ипекакуана была импортирована в Англию, Гельвеций, под покровительством Людовика XIV, сумел ввести ее в практику: и похвале Катерины, королевы Карла II, мы обязаны общим введением чая в Англии. Табак, несмотря на свою чарующую силу, претерпел романтические превращения в своей славе и характере; против него последовательно выступали и одобряли врачи, осуждали и восхваляли священники и короли^[18], запрещали и защищали правительства, в то время как, в конце концов, этот некогда незначительный продукт маленького острова или безвестного района сумел распространиться в любом климате и подчинить своей власти жителей всех стран. Араб выращивает его в пылающей пустыне; лапландцы и эскимосы рискуют жизнью, чтобы получить столь вкусный напиток в зимнем уединении; моряк, дайте ему только эту роскошь, и он с бодростью перенесет все другие лишения и бросит вызов ярости бушующих стихий; и в высших слоях цивилизованного общества, в святилище моды, во дворце и в коттедже, чарующее влияние этого необычного растения требует равной дани преданности и привязанности. История картофеля не менее необычна и не менее ярко иллюстрирует властное влияние авторитета. В самом деле,

введение в культуру этого ценного растения в течение более чем двух столетий встречало беспрецедентное сопротивление со стороны вульгарных предрассудков, которые вся философия эпохи не могла рассеять, пока Людовик XV не надел букет цветов калины посреди своего двора, в день веселья и праздника. Тогда народ впервые покорно признал его полезность и начал выражать удивление по поводу безразличия, которое так долго царило в отношении его всеобщего культивирования.

История теплой ванны дает нам еще один любопытный пример превратностей, которым так равномерно подвергается репутация наших ценных ресурсов. То, что в течение стольких веков считалось величайшей роскошью для здоровья и самым эффективным средством от болезней, в правление Августа попало в полную опалу не иначе как потому, что Антоний Муса вылечил императора от опасного недуга с помощью холодной ванны. Поэтому в каждом случае рекомендовалась самая холодная вода. Однако такая практика продержалась недолго. Популярность теплой ванны вскоре утратила всю свою преждевременную и скороспелую популярность; ведь, хотя она и вернула здоровье императору, вскоре после этого она убила его племянника и зятя Марцелла; событие, которое сразу же лишило средство его репутации, а врача - его популярности.^[19]

Иллюстрацией властного влияния авторитета, придающего известность лекарству или лишаящего его той репутации, на которую дают право его достоинства, может послужить история перуанской коры. Это героическое средство было впервые привезено в Испанию в 1632 году, где оно пролежало семь лет, прежде чем были проведены испытания его силы. Первым, кому оно было назначено, стал епископ из Алькалы в 1639 году; но даже в этот период его применение было ограничено, и оно кануло бы в Лету, если бы не верховная власть римской церкви, под чьим покровительством оно смогло одержать временную победу над страстями и предрассудками, которые противились его внедрению. Иннокентий Десятый, благодаря заступничеству кардинала де Луго, бывшего испанского иезуита, приказал должным образом изучить его природу и действие, и, получив заключение о его невинности и пользе, он немедленно стал достоянием общественности. Однако его карьера была внезапно остановлена тем, что осенью 1652 года он, к несчастью, не смог вылечить Леопольда, эрцгерцога Австрии, от интермиттирующего квартета: из-за этого обстоятельства он почти впал в немилость.

По мере того как возвращаются годы и мода, эти забытые средства, каждое в свою очередь, снова становятся популярными и известными; в то время как старые рецепты, как старые альманахи, заброшены, пока не наступит период, который снова адаптирует их к духу и моде времени. Так случилось, что большинство новых открытий в медицине оказались не более чем возрождением и повторением древних практик.

В прошлом веке мадам Нуфлер, французский врач-эмпирик, продавала корень мужского папоротника как секретное средство для лечения ленточного червя: секрет был куплен за значительную сумму денег Люисом XV. Затем врачи обнаружили, что то же самое средство применял при этой жалобе Гален.

История народных средств для лечения подагры также дает достаточно материала для разъяснения этой темы.

Знаменитый порошок герцога Портлендского был не чем иным, как *диацентауреом* Клиуса Аврелиана, или *антидотосом ex duobus centaureæ generibus* Этия, чек на который друг его светлости привез с собой из Швейцарии; в эту страну, по всей вероятности, он был введен ранними медицинскими писателями, которые переписали его из греческих томов, вскоре после их прибытия в западные части Европы.

Активным ингредиентом не менее знаменитого средства от той же болезни, "*Медицинской воды*" (*eau médicinale*), введенной в моду М. Юссоном, чье имя она носит, военным офицером на службе короля Франции, около пятидесяти лет назад, как выяснилось, *является колхикум осенний, или луговой шафран*. При исследовании достоинств этого лекарства было замечено, что аналогичные эффекты в лечении подагры приписывались определенному растению под названием *Hermodactyllus* Орибасием^[20] и Этием^[21], но особенно у Александра Тралльского, врача из Малой Азии, рецепт которого состоял из гермодактилия, имбиря, перца, куминного семени, аниса и алое, что, по его словам, позволит тем, кто примет его, сразу же ходить. Было немедленно начато расследование этого неизвестного растения, и после получения его образца из Константинополя было установлено, что это разновидность колхикума.

Использование пруссиновой кислоты для лечения чахотки, недавно предложенное д-ром Маженди, французским физиологом, является не чем иным, как возрождением голландской практики в этой области; ведь мы информированы Люмеусом, в четвертом томе его "*Amenitates Academicæ*", что дистиллированная лавровая вода часто использовалась в Голландии для лечения чахотки легких. Знаменитый порошок от лихорадки доктора Джеймса, очевидно, был не его оригинальным составом, а итальянским нострумом, изобретенным человеком по имени Лисле, чек на приготовление которого можно найти в "Полном английском диспансере" Колборна за 1756 год. Различные секретные препараты опиума, которые превозносятся как открытие современности, можно найти в работах древних авторов.

ALCHYMY^[22] .

Эта наука, если она заслуживает названия алхимии, или трансмутации металлов в золото, несомненно, была навязчивой идеей, которая, поражая самые слабые стороны человеческого разума, так часто оказывалась успешной в осуществлении своих заблуждений.

Коррина Драйден (миссис Томас) при жизни записала одну из таких галлюцинаций Алхимии. Судя по обстоятельствам, весьма вероятно, что мудрец был обманут не меньше, чем его покровительница. Увлеченный любитель этого иллюзорного искусства встретил человека, который притворился, что обладает способностью превращать свинец в золото, то есть, говоря их языком, *несовершенные металлы в совершенные*. Этому философу-герметик у требовались лишь материалы и время, чтобы совершить свои золотые операции. Его отвезли в загородную резиденцию его покровительницы, построили длинную лабораторию, и, чтобы его работе не мешали никакие помехи, никому не разрешалось входить в нее. Дверь его лаборатории была устроена так, что вращалась на шарнире; таким образом, невидимые и незаметные, ему доставляли еду, не отвлекая от возвышенных созерцаний мудреца.

За два года пребывания здесь он ни разу не позволил себе заговорить со своей очарованной покровительницей, кроме двух-трех раз в год. Когда ее ввели в лабораторию, она с приятным изумлением увидела, что в разных уголках этой волшебной шахты пылают натюрморты, огромные котлы, длинные дымоходы и три или четыре вулканических костра; с не меньшим благоговением она взидала на почтенную фигуру запыленного философа. Бледный и истощенный дневными и ночными бдениями, он на невразумительном жаргоне рассказывал ей о своих успехах, а иногда снисходил до объяснения тайн Арканы, и она видела или ей

казалось, что она видит, как по лаборатории рассыпаются потоки жидкости и груды твердой руды. Иногда ему требовался новый штиль, а иногда - огромное количество свинца. Теперь она начала приводить свое воображение в соответствие со стандартами разума. Прошло уже два года, в лабораторию поступило огромное количество свинца, но ничего, кроме свинца, не вышло. Она рассказала о своих чувствах философу; тот честно признался, что сам удивлен своей медлительностью, но что теперь он напряжется до предела и решится на трудоемкую операцию, которую до сих пор надеялся, что ему не придется выполнять. Его покровительница удалась, и золотые видения ожиданий вновь обрели свой блеск.

Однажды, когда они сидели за ужином, до их слуха донесся ужасный вопль и один треск, за которым последовал другой, громкий, как пушечный выстрел. Они поспешили в лабораторию: два величайших спиртовки лопнули, часть лаборатории и дом были охвачены пламенем. Нам рассказывают, что после очередного подобного приключения эта жертва Алхимии, разорив очередного покровителя, в отчаянии проглотила яд.

Совсем недавно мы узнали об алхимике из жизни художника Ромни. Этот Алхимист, потратив много времени и денег на подготовку к грандиозному представлению и будучи близок к решающему часу, был вынужден, по слишком убедительной просьбе своей жены, покинуть печь однажды вечером, чтобы присутствовать в ее компании за чайным столом. В то время как прозектор находился среди дам, его печь взорвалась! Вследствие этого события у него возникла такая антипатия к жене, что он не мог вынести мысли о том, чтобы снова жить с ней.

Генрих IV был настолько подавлен своими экстравагантными поступками, что, как отмечает Эвелин в своих "Нумизматах", он попытался пополнить свою пустую казну с помощью алхимической спекуляции. *Запись* об этом необычном предложении содержит "самый торжественный и серьезный рассказ о целесообразности и достоинствах философского камня, поощряя поиски его и отменяя все уставы и запреты на противоположное". По всей вероятности, эту *запись* мистер Селден передал своему любимому другу Бену Джонсону, когда тот писал комедию "Алхимик", утверждает гениальный антиквар.

После того как этот патент был опубликован, многие обещали оправдать ожидания короля настолько эффективно (добавляет тот же писатель), что на следующий год он опубликовал еще один патент, в котором сообщил своим подданным, что *счастливый час* приближается, и с помощью Камня, которым он должен овладеть, он выплатит все долги нации *настоящим* золотом и серебром. Люди, выбранные для его новых операций, были столь же примечательны, как и сам патент: это был самый "разношерстный сброд" из монахов, бакалейщиков, торговцев и рыботорговцев!

Этот патент также был выдан с *полномочиями парламента*.

Прайнн, который привел этот патент в своем *Aurum Reginæ*, р. 135, заканчивает его саркастическим замечанием: "Проект никогда не был столь своевременным и необходимым, как сейчас!" И мы повторяем это, а наши преемники, без сомнения, будут нам подражать!

Алхимиков раньше называли *мультипликаторами*; это следует из статута Генриха IV, отмененного в предыдущей записи. Статут чрезвычайно краток, поэтому мы приведем его для удобства читателя.

"Отныне никто не должен прибегать к умножению золота или серебра, или использовать *ремесло умножения*; и если кто-либо из них это сделает, он должен понести наказание за преступление".

Каждый философский ум должен быть убежден, что алхимия не является искусством, которое некоторые причудливо прослеживают до *самых отдаленных времен*; ее скорее можно рассматривать, если противопоставить ей такое расстояние, как современное самозванство. Сезар приказал сжечь трактаты Алхимия во всех римских владениях - Сезар, который заслуживает не меньшего восхищения как философ, чем как монарх.

У г-на Гиббона есть следующий лаконичный отрывок, касающийся Алхимии: "Древние книги Алхимии, столь щедро приписываемые Пифагору, Соломону или Гермесу, были благочестивым мошенничеством более поздних адептов. Греки были невнимательны как к использованию химии, так и к злоупотреблениям ею. В том огромном реестре, куда Плиний занес открытия, искусства и ошибки человечества, нет ни малейшего упоминания о трансмутации металлов; а преследование Диоклесиана - первое достоверное событие в истории алхимии. Завоевание Египта арабами распространило эту тщетную науку по всему миру. В угоду алчности человеческого сердца ее изучали в Китае, как и в Европе, с одинаковым рвением и одинаковым успехом. Мрак средневековья обеспечил благоприятный прием каждой чудесной истории; возрождение образования придало надежде новую силу, а обману - более изощренные искусства. Философия с помощью опыта в конце концов изгнала изучение алхимии; и нынешний век, как бы ни желал богатства, довольствуется тем, что ищет его более скромными средствами торговли и промышленности".

Элиас Эшмол пишет в своем дневнике: "13 мая 1653 года. Мой отец Бэкхаус (астролог, принявший его за сына - обычная практика для таких людей), лежа больным в канаве Флит, напротив церкви Святого Дунстана, и не зная, жить ему или умереть, около одиннадцати часов рассказал мне в *словах* истинную суть *философского камня*, который он завещал мне в качестве наследства". Из этого мы узнаем, что жалкий несчастный знал искусство *изготовления золота*, но всегда жил нищим; и что Эшмол действительно воображал, что владеет *словами тайны*! Однако он создал любопытный памятник ученым глупостям прошлого века в своем "Theatrum Chemicum Britannicum". Хотя Эшмол скорее историк этой тщеславной науки, чем ее адепт, литературный досуг может развлечь его томик, в котором он собрал труды нескольких английских алхимиков, к которым приложил свой комментарий. В нем представлены любопытные образцы росикрусианских мистерий; Ашмол рассказывает истории, которые соперничают по чудесности с самыми дикими арабскими выдумками. О философском камне он говорит, что знает достаточно, чтобы держать язык за зубами, но недостаточно, чтобы говорить. Этот камень обладает не только способностью трансмутировать любую несовершенную земную материю в ее предельную степень совершенства, он может превращать самые низкие металлы в золото, кремний в камень и т. д., но он обладает еще более оккультными достоинствами, когда арканы были введены избранными отцами герметических мистерий. Растительный камень имеет власть над природой человека, зверя, птицы, рыбы и всех видов деревьев и растений, чтобы заставить их процветать и приносить плоды в любое время. Магический камень обнаруживает любого человека, где бы он ни был скрыт, а ангельский камень дарует явления ангелов и возможность беседовать с ними. Эти великие тайны подкрепляются отдельными фактами и иллюстрируются отпечатками самых божественных и непостижимых рисунков, которые, как мы надеемся, понятны посвященным. Однако стоит показать, насколько даже последние были склонны заблуждаться в этих таинственных иероглифах. Ашмол в одном из своих химических трудов приложил фронтиспис, на котором в нескольких отделениях были изображены Фебус на льве, а напротив него дама, представляющая Диану с луной в одной руке и стрелой в другой, сидящую на крабе; Меркурий на треножнике, со схемой небес в одной руке и кадучеем в другой. Они должны были выражать материалы, из которых изготовлен камень, и время года для работы. На алтаре - бюст мужчины, голову которого

покрывает астрологическая схема, упавшая с облаков; на алтаре же - слова: Mercuriophilus Anglicus, *то есть* английский любитель герметической философии. Здесь же дерево и маленькое существо, грызущее корень, столб, украшенный музыкальными и математическими инструментами, и еще один с военными знаками. Эта странная композиция вызвала множество вопросов среди химических мудрецов. Предполагалось, что в ней скрыты глубокие тайны. Стихи были написаны на высочайшем уровне росикрусианского языка. *Эшмол* признался, что имел в виду не что иное, как своеобразный каламбур на собственное имя, ведь дерево - *ясень*, а существо - *крот*. Одна колонна рассказывает о его любви к музыке и масонству, а другая - о его военном призвании и астрологических исследованиях! Впоследствии он сожалел, что никто не добавил второй том к его труду, от которого он сам отказался, ради чести рода Гермеса, и "чтобы показать миру, какие прекрасные люди были когда-то в нашем народе, прославившиеся подобной философией и владеющие столь запредельной тайной".

Современная химия не лишена *надежды*, если не сказать *уверенности*, подтвердить золотые видения алхимиков. Доктор Гертеннер из Геттингена недавно высказал следующее пророчество: "В *девятнадцатом* веке трансмутация металлов будет широко известна и практикована. Каждый химик и каждый художник будет *делать золото*; кухонные принадлежности будут из серебра и даже золота, что больше, чем что-либо другое, будет способствовать *продлению жизни*, отравленной в настоящее время оксидами меди, свинца и железа, которые мы ежедневно проглатываем вместе с пищей^[23] ." Этот возвышенный химик, хотя и не осмеливается предсказать тот универсальный *эликсир*^[24], который должен продлевать жизнь в удовольствие, все же приближается к нему. Один друг-химик заметил, что "металлы кажутся *составными* телами, которые природа вечно готовит; и можно оставить будущим исследованиям науки возможность проследить, а возможно, и имитировать некоторые из этих любопытных операций".

Происхождение, цели и практика алхимии и т. д.

Впервые слово "алхимия" встречается у Юлия Фирмикуса Матерна, автора, жившего при Константине Великом, который в своей "Матезисе", iii. 35, говоря о влиянии небесных тел, утверждает, "что если Луна будет в доме Сатурна в момент рождения ребенка, то он будет искусен в алхимии".

Великие объекты или цели, преследуемые Алхимией, таковы: во-первых, сделать золото; это делается путем разделения, созревания, и путем трансмутации, которая должна быть осуществлена с помощью философского камня. С этой целью Алхимия у некоторых писателей называется также ποιητική, *poetice*, и χρυσοποιητική, *chryso poetice*, *то есть* искусством изготовления золота; отсюда же, по аналогичному принципу, и сами художники называются золотых дел мастерами.

2d. Универсальное лекарство, подходящее для всех болезней.

3d. Универсальный растворитель или алкахест (см. Алкахест).

4. Универсальный фермент, или вещество, которое, будучи нанесено на любое семя, увеличивает его плодovitость до бесконечности. Если, например, нанести на золото, то оно превратится в философский камень из золота, если на серебро, то в философский камень из серебра, а если на дерево, то получится философский камень из дерева; который превращает все, на что его наносят, в деревья.

Происхождение и древность Алхимии вызывают много споров. Если верить легендам и преданиям, она должна быть такой же древней, как и потоп; более того, сам Адам представлен алхимиком как адепт. Большая часть не только языческой мифологии, но и иудейских и христианских откровений, как предполагается, ссылается на него. Так, у Суидаса басня о философском камне упоминается в басне об аргонавтах; другие находят ее в книге Моисея и т. д. Но если изучить æра искусства с помощью памятника истории, то оно потеряет большую часть этой надуманной древности. Ученый датчанин Боррихиус приложил огромные усилия, чтобы доказать, что оно не было неизвестно древним грекам и египтянам. Крунгуис, напротив, с не меньшим усердием берется показать ее новизну. Однако ни один из древних поэтов, философов или врачей, начиная со времен Гомера и до четырехсот лет после рождения Христа, ничего не упоминает об этом.

Первым автором, который говорит об изготовлении золота, является Зосима Помополит, живший в начале пятого века, и у которого есть трактат, посвященный этому, под названием "Божественное искусство изготовления золота и серебра" в рукописи, который, как и раньше, находится в библиотеке короля Франции. Следующим является Энеас Газей, другой греческий писатель, написанный в конце того же века, у которого мы находим следующий отрывок: "Те, кто искусен в путях природы, могут взять серебро и олово, и, изменив их природу, превратить их в золото". Тот же автор сообщает нам, что он "был склонен называть себя хрисохоос, плавильщиком золота, и χημεισ, химиком". Отсюда можно сделать вывод, что представление о каком-то искусстве, подобном алхимии, существовало в ту эпоху; но поскольку ни один из этих художников не сообщает нам, как давно оно было известно, их свидетельства не могут перенести нас дальше той эпохи, в которой они жили.

На самом деле, мы не находим более ранних или простых следов универсальной медицины, упомянутых где-либо еще; ни среди врачей, ни среди натуралистов, начиная с Моисея и заканчивая Гебером Арабом, который, как предполагается, жил в седьмом веке. В труде этого автора, озаглавленном "Философский камень", упоминается лекарство, которое излечивает все прокаженные болезни. Этот отрывок, как полагают некоторые авторы, дал первый намек на суть дела; хотя сам Гебер, возможно, не имел в виду ничего подобного; ведь если обратить внимание на арабский стиль и дикцию этого автора, изобилующую аллегориями, то весьма вероятно, что под человеком он подразумевал золото, а под проказой или другими болезнями - другие металлы, которые по отношению к золоту являются нечистыми.

Суидас объясняет это полное молчание старых авторов в отношении алхимии тем, что Диоклесиан приказал сжечь все книги древних египтян, и что именно в них содержались великие тайны хиромантии. Коррингий ставит это утверждение под сомнение и спрашивает, откуда Суидас, живший всего пятьсот лет до нас, должен знать, что произошло за восемьсот лет до него? На что Боррихий отвечает, что он узнал об этом от Евдема, Элладия, Зосима, Памфилия и т. д., как рассказывает сам Суидас.

Керчер утверждает, что теория философского камня подробно изложена в таблице Гермеса, и что древние египтяне не были невежественны в этом искусстве, но отказались от его продолжения. Они не занимались трансмутацией золота; у них были способы отделять его от всех видов тел, от самого ила Нила и камней всех видов: но, добавляет он, эти секреты никогда не записывались и не обнародовались, а хранились только в царской семье и передавались по традиции от отца к сыну.

Главный пункт, выдвинутый Боррихием, и на котором он, кажется, делает основной акцент, - это попытка Калигулы, упомянутая Плинием, получить золото из орпимента (Hist. Nat. 1. xxxiii.

с. 4.) Но это, как можно заметить, мало что дает для притязаний этого автора; не было ни трансмутаций, ни намека на философский камень, но только немного золота было извлечено или выделено из минерала.

Основными авторами работ по алхимии являются Гебер, монах Бэкон, Сюлли, Джон и Исаак Халландус, Василий Валентин, Парацельс, Ван Зухтер и Сендиругиус.

АЛЬКАГЕСТ, ИЛИ АЛЬКАГЕСТ,

В химии означает наиболее чистый и универсальный менструум или растворитель, с помощью которого некоторые химики пытались превратить все тела в их первую материю и совершить другие необычные и необъяснимые операции.

Парацельс и Ван Гельмонт прямо заявляют, что в природе существует некая жидкость, способная сводить все подлунные тела, как однородные, так и смешанные, к их *ens primum*, или первоначальной материи, из которой они состоят; или к однородному равному и питьевому раствору, который соединяется с водой и соками наших тел, но сохраняет свои радикальные достоинства; и если его снова смешать с самим собой, он будет таким образом превращен в чистую элементарную воду. Это заявление, подкрепленное заверениями Ван Гельмонта, который торжественно объявил, что владеет секретом, вдохновило последующих химиков и алхимиков на поиски столь благородной менструации. Мистер Бойль был настолько увлечен ею, что откровенно признался, что предпочел бы стать хозяином ее, а не философского камня. Короче говоря, нетрудно представить, что тела могут первоначально возникать из какой-то первоматерии, которая когда-то была в жидком состоянии. Так, первобытная материя золота - это, возможно, не что иное, как тягучая жидкость, которая в силу своей природы или сильного сцепления или притяжения между ее частицами приобретает впоследствии твердую форму. И поэтому нет абсурда в представлении о всеобщем *ens*, который разрешает все тела в их *Ens Genitate*.

Алкахест - это тема, которой занимались многие муравьи; например, Пантатем, Филалет, Тахений, Людовик и др. Бурхааве говорит, что из них можно было бы собрать целую библиотеку; а Верденфельт в своем трактате "Секреты адептов" изложил все мнения, которые высказывались по этому поводу.

Термин *Alcahest* не встречается ни в одном языке: Гельмонт утверждает, что впервые заметил его у Парацельса, как слово, неизвестное до времен этого автора, который в своей второй книге "*De Viribus Membrorum*", посвященной печени, приводит следующие весьма примечательные слова: *Est etiam alcahest liquor, magnam sepates conservandi et confortandi*, &c. "Существует также спирт *Alkerhest*, очень эффективный для сохранения печени, а также для лечения гидропсиса и всех других болезней, возникающих из-за нарушений в этой части. Если он однажды победил себе подобных, он становится лучше всех других печеночных лекарств; и хотя сама печень была разрушена и растворена, это лекарство должно заменить ее".

Только этот отрывок, процитированный Парацельсом, стимулировал последующих химиков к поиску Алкагеста; во всех его работах есть только одно косвенное выражение, относящееся к нему.

Поскольку Парацельс часто менял буквы в своих словах, сокращая или иным образом скрывая их; например, для тартара он писал *Sutratat*; для *Nitrum*, *Mutrin*, и т. д., предполагается, что *Alcahest* должно быть словом, замаскированным таким же образом. Поэтому некоторые считают, и с большой долей вероятности, что оно образовано из *щелочи*; следовательно, это щелочная соль винного камня, подвергнутая салатированию. Похоже, что так считал Глаубер, который на самом деле проделывал удивительные вещи с такой менструацией над подданными всех трех королевств. Другие считают, что это слово происходит от немецкого слова *algeist*, то есть полностью спиртовой или летучий; третьи полагают, что слово *Alcahest* происходит от *saltz-geist*, что означает дух соли; ибо универсальная менструация, как говорят, должна быть сделана из воды; и сам Парацельс называет соль центром воды, в которой должны умирать металлы и т. д. На самом деле, соляной дух был великим менструумом, который он использовал в большинстве случаев.

Комментатор Парацельса, давший латинское издание его работ в Делфте, уверяет нас, что алькагест был ртутью, превращенной в дух. Цвельфер считал, что это уксусный спирт, ректифицированный из вердигриса, а Старки полагал, что обнаружил его в мыле.

Тем не менее, для обозначения алькахеста использовались синонимичные и более значимые слова. Ван Гельмонт, старший, упоминает его под сложным названием *ignis-aqua*, огненная вода: но здесь он, похоже, намекает на циркулирующий ликер Парацельса, который он называет огнем, из-за его свойства поглощать все вещи; и водой, из-за его жидкой формы. Тот же автор называет его *liqoer Gehennæ*, адским огнем; это слово также использовал Парацельс. Он также называет ее "*Summun et felicisimum omnium salium*", "высшая и самая успешная из всех солей; которая, получив высшую степень простоты, чистоты и тонкости, пользуется одной только способностью оставаться неизменной и не подверженной воздействию предметов, на которые она действует, и растворять самые упрямые и неподатливые тела, такие как камни, драгоценные камни, стекло, земля, сера, металлы и т. д. в настоящую соль, равную по весу растворенной материи; и это с такой же легкостью, с какой горячая вода растапливает снег". "Эта соль, - продолжает он, - будучи несколько раз сожительницей с "*Sal circulatum*" Парацельса, теряет всю свою неподвижность и в конце концов превращается в бесцветную воду, равную по количеству соли, из которой она была сделана".

Ван Гельмонт утвердительно заявляет, что эта соль - продукт искусства, а не природы. "Хотя, говорит он, однородная часть элементарной земли может быть искусным образом превращена в воду, я отрицаю, что то же самое может быть сделано только природой; ибо ни один природный агент не способен превратить один элемент в другой". И это он предлагает в качестве причины, по которой Элементы всегда остаются неизменными.

Возможно, это прольет некоторый свет на это дело, если заметить, что Ван Гельмонт, как и Парацельс, принимал воду за универсальный инструмент химии и натурфилософии, а землю - за неизменную основу всех вещей, что огонь был назначен достаточной причиной всех вещей, что семенные впечатления были заложены в механизм земли, что вода, растворяясь и ферментируясь с этой землей, как она делает это с помощью огня, порождает все вещи, откуда изначально животное, растительное и минеральное царства: Даже сам человек, по словам Моисея, был создан таким образом.

Как уже было отмечено, главная особенность или свойство Алькахеста - растворять и изменять все подлунные тела, за исключением одной лишь воды.

1. Предмет, подверженный его действию, превращается в три его принципа - соль, серу и ртуть; затем в одну только соль, которая становится летучей; и, в конце концов, полностью превращается в бесцветную воду.
2. Например, золото под его действием превращается в соль золота; сурьма - в соль сурьмы; шафран - в соль шафрана и т. д., обладающих теми же достоинствами или свойствами, что и исходный бетон. Под семенными достоинствами Ван Гельмонт подразумевает те достоинства, которые зависят от структуры или механизма тела, и которые делают его тем, чем оно является на самом деле. Таким образом, действительное и общее *aurum potabile* может быть легко получено алькахестом, как превращение всего тела золота в соль, сохраняющую свои семенные достоинства и при этом растворимую в воде.
3. Все, что оно растворяет, можно сделать летучим с помощью песчаного нагрева; и если после улетучивания растворителя его отгоняют, то остается чистая бессодержательная вода, равная по количеству своей первоначальной сущности, но лишенная своих семенных достоинств. Так, если золото растворить в Алькахесте, металл сначала превращается в соль, которая и есть питьевое золото; но когда менструация, при помощи огня, отгоняется от него, остается просто элементарная вода. Отсюда следует, что чистая вода является последним продуктом или эффектом алькахеста.
4. Она не претерпевает никаких изменений или уменьшения силы при растворении тел, в которых работает; следовательно, не вызывает никакой реакции с ними; это единственная неизменная менструация в природе.
5. Она не способна смешиваться и поэтому не подвержена брожению и гниению; выходит из тела, которое она растворила, такой же чистой, как и при первом применении; не оставляя после себя ни малейшего загрязнения.

МАГИЯ.

Тот, кто практикует искусство магии. (См. "Гадание, колдовство и магия").

Древние маги претендовали на необыкновенную способность толковать сны, предсказывать будущие события и совершать множество чудесных дел, благодаря своему превосходному знанию тайных сил природы, достоинств растений и минералов, а также движения и влияния звезд. А поскольку искусство магии у языческих народов было основано на их системе теологии, а волхвы, которые первыми им занимались, были жрецами богов, они притворялись, что получают эти необыкновенные силы от помощи богов, которую они искали с помощью различных обрядов и жертвоприношений, приспособленных к их соответствующим натурам, с помощью чар и суеверных слов, а также церемоний и мольб: Кроме того, при правильном использовании своего искусства они претендовали на то, чтобы заставить богов исполнить их желания и повеления. Один замечательный писатель показал, что Писание клеймит все эти силы как бесстыдное самозванство и упрекает тех, кто взял их на себя, в полной неспособности обнаружить или совершить что-либо сверхъестественное. (См. Исаия, xlvii. 11, 12, 13. гл. xli. 23, 24. гл. xlv. 25. Иеремия, x. 2, 3, 8, 14. гл. xiv. 14. гл. xxvii. 9, 10. гл. i. 36. Пс. xxi. 6. Иона, ii. 8.) Тем не менее, многие христианские отцы, как и некоторые языческие философы, приписывали действенность магии злым деймонам; и в первобытном

мире было очень распространено мнение, что маги и некроманты, как среди язычников, так и среди еретиков-христиан, имели каждый своего особого деймона, постоянно присутствующего при них и послушного их командам, с помощью которого они могли вызывать души умерших, предсказывать будущие события и совершать чудеса. В поддержку этого мнения утверждается, что имена, под которыми в Писании описаны различные виды прорицателей, подразумевают общение с духовными существами; что законы Моисея (Исход xxii. 18. Лев. xix. 26, 31. Гл. xx. 27. Втор. xviii. 10, 11.) против гаданий и колдовства доказывают действенность этих искусств, хотя на самом деле они доказывают не что иное, как их отвратительную порочность и нечестивость; и что претензии на гадание не могли бы поддерживать свой авторитет во всех языческих народах и во все века, если бы не случались некоторые случаи истинного гадания. Но самый сильный аргумент можно почерпнуть из истории египетских магов, противостоявших Моисею. Что касается дел, совершенных этими магами, то некоторые полагают, что сам Бог уполномочил их творить настоящие чудеса и дал им неожиданный успех; но история однозначно приписывает произведенные ими эффекты не Богу, а их собственным чарам. Другие полагают, что дьявол помогал магам не в совершении истинных чудес, а в обмане чувств зрителей или в представлении перед ними обманчивых видимостей истинных чудес: против этого мнения выдвигается аргумент, что оно умаляет доверие к трудам Моисея. Наиболее распространенным мнением со времен святого Остина было то, что они совершались не только силой дьявола, но были подлинными чудесами и реальным подражанием чудесам Моисея. В одном из последних подробных исследований истинного смысла и замысла этой части истории Писания было показано, что имена, данные магам, выражают их профессию, их претензии на высшее знание и на то, чтобы объяснять и совершать знамения и чудеса, соблюдая правила своего искусства; и поэтому они являются теми людьми, чью способность открывать или совершать что-либо сверхъестественное Писание прямо отрицает. Далее ученый автор выясняет, с какой целью фараон нанял их в этом случае: по его мнению, чтобы узнать от них, было ли знамение, данное Моисеем, действительно сверхъестественным или только таким, какое могло совершить их искусство. Соответственно, можно заметить, что они не пытались превзойти Моисея или опровергнуть его, превосходя или противоположные искусства силы, но просто подражали ему или совершали те же действия, что и он, с целью опровергнуть аргумент, который он приводил из своих чудес в поддержку единственности божественности Иеговы и его собственной миссии. Вопрос не в том, превосходят ли боги Египта богов Израиля, или могут ли злые духи совершить больше чудес, чем те, которые Моисей совершил при содействии Иеговы, а в том, являются ли дела Моисея надлежащими доказательствами того, что бог Израиля - Иегова, единственный властитель природы, и, следовательно, что Моисей действует по его поручению; или же это просто чудеса природы и последствия магии? В этом свете Филон (*de Vita Mosis*, lib. i. p. 616.) и Иосиф (*Antiq. Jud.* lib. ii. cap. 13.) рассматривают этот вопрос. Более того, из принципов и поведения Моисея следует, что он не мог позволить магам творить настоящие чудеса; потому что Писание представляет все тело магов как самозванцев; священные писатели, в частности Моисей, описывают все языческие божества, на вере в существование и влияние которых было основано магическое искусство, как не поддерживаемые никаким невидимым духом, совершенно бессильные и бессмысленные: Религия Моисея была построена на единстве и единоличном господстве Бога, и единственная божественность Иеговы была тем пунктом, который Моисей теперь собирался установить, в прямой оппозиции к принципам идолопоклонства; так что если бы он допустил, что языческие идолы или какой-либо злой дух, поддерживающий их, позволили магам превращать жезлы в змей, воду в кровь и создавать лягушек, он бы противоречил великому замыслу своей миссии и разрушил всю структуру своей религии; Кроме того, Моисей приписывает все чудеса Богу, а свои собственные, как в целом, так и по отдельности,

выдвигает в качестве абсолютного и достоверного доказательства как единственной божественности Иеговы, так и его собственной миссии; чего он не мог бы справедливо сделать, если бы его противники совершали чудеса, да еще такие же, как и он. С другой стороны, утверждается, что Моисей описывает дела магов тем же языком, что и свои собственные (Исх. vii. 11, 12. гл. v. 22. гл. viii. 7.), из чего следует вывод, что они были одинаково чудесными. На это возражение можно ответить, что обычно говорят об известных жонглерах как о делающих то, что они притворяются и кажутся делающими; но Моисей не утверждает, что между его делами и делами магов было полное соответствие, но они делали *так* или подобно, используя слово, которое выражает лишь общее сходство; и он прямо относит все, что они делали или пытались делать в подражание себе, не к призыву силы демонов или каких-либо высших существ, а к человеческой хитрости и самозванству. В оригинале слова, переведенные как "*чары*" (Исх. vii. 11, 22 и гл. viii. 7, 18), означают обман и сокрытие, и их следовало бы перевести как "*тайные проделки*" или "*плутовство*". Наш ученый писатель далее доказывает, что дела, совершаемые магами, не превышали причин или человеческой ловкости, которым они приписывались. Farmer's *Diss. on Miracles*, 1771, chap. 3. § 3. chap. 4. § 1. (См. Magii.)

ВОЛХВЫ, ИЛИ МАГИ,

Название, которое древние персы давали своим мудрецам или философам.

Ученые находятся в большом недоумении относительно слова *magus*, μαγος. Платон, Ксенофонт, Геродот, Страбон и др. выводят его из персидского языка, в котором оно означает жреца или человека, назначенного для священнодействия; как *друид* у галлов; *гимназист* у индийцев; *левит* у евреев. Другие выводят его из греческого μεγας, великий; который, как они говорят, будучи заимствован у греков персами, был возвращен в форме μαγος; но Воссииус, с большей вероятностью, выводит его из еврейского חגה *haga*, медитировать; откуда חגמים *maaghim*, в латинском, *meditabundi*, q. d. люди, пристрастившиеся к медитации.

Волхвы, у персов, соответствуют σοφοι, или φιλοσοφοι, у греков; *sapientes*, у латинян; *друиды*, у галлов; *гимнософисты*, у индийцев; и *пророки* или *жрецы* у египтян.

Древние волхвы, согласно Аристотелю и Лаэртию, были единственными авторами и хранителями персидской философии; а философия, которую они в основном культивировали, была теологией и политикой; они всегда считались толкователями всех законов, как божественных, так и человеческих, за что их очень почитали в народе. Цицерон замечает, что ни один не был допущен к короне Персии, кроме тех, кто был хорошо обучен дисциплине волхвов; которые учили τα βασιλικά, и показывали принцам, как управлять.

Платон, Апулей, Лаэций и другие сходятся во мнении, что философия волхвов была связана главным образом с поклонением богам: именно они должны были возносить молитвы, мольбы и жертвы, как если бы боги были услышаны только ими. Но, согласно Лукиану, Суидасу и др., это богословие, или поклонение богам, как его называли, которым занимались волхвы, было не более чем дьявольским искусством гадания; ведь μαγεία, если брать строго, было искусством гадания.

Порфирий хорошо определяет *волхвов*; Цицерон называет их *divina sapientes* и т. д. *in iisdem ministrantes*; добавляя, что слово *magus* подразумевало то же самое в персидском языке. Эти люди, говорит он, пользуются таким почитанием среди персов, что Дарий, сын Гистаспеса, среди прочего, выгравировал на своем памятнике, что он был господином *волхвов*.

Филон Иуда описывает *волхвов* как прилежных исследователей природы, из любви к истине; они, отделяя себя от других вещей, созерцают божественные добродетели более ясно и посвящают других в те же тайны.

Их потомки, современные *волхвы*, или огнепоклонники, делятся на три класса; из них первые, самые ученые, не ели и не убивали животных, но придерживались старого института воздержания от живых существ. *Волхвы* второго класса воздерживаются только от прирученных животных; последние же убивают всех без разбора, так как для всех них твердой отличительной догмой является *τὸ μετέμχουσιν εἶναι, что существует переселение душ*.

Чтобы подчеркнуть сходство между животными и людьми, они называли последних именами первых; так, своих братьев-жрецов они называли львами; жриц - львицами; слуг - коровами и т. д.

МАГИЯ, MAGIA, MATEIA,

В своем древнем значении означает науку, дисциплину или учение *волхвов*, или мудрецов Персии. Происхождение *магии* и *волхвов* приписывается Зороастру; Салмасий выводит само название от Зороастра, который, по его словам, носил фамилию *Мог*, откуда и *magus*. Другие, вместо того чтобы считать его автором персидской философии, делают его лишь ее восстановителем и улучшителем; утверждая, что многие из персидских обрядов, используемых среди *волхвов*, были заимствованы у Забия, халдея, который во многом был согласен с волхвами персов; отсюда некоторые делают имя *magus* общим и для халдеев, и для персов. Так, Плутарх упоминает, что Зороастр учредил *волхвов* среди халдеев, в подражание которым персы тоже имели своих.

Магия в более современном понимании - это наука, которая учит производить чудесные и удивительные эффекты.

Изначально слово "*магия*" имело очень невинное, даже очень похвальное значение; оно использовалось исключительно для обозначения изучения мудрости и более возвышенных частей знания; но в отношении древних *волхвов*, занимавшихся астрологией, гаданием, колдовством и т. д., термин "*магия*" со временем стал одиозным и использовался только для обозначения незаконной и дьявольской науки, зависящей от дьявола и отлетевших душ.

Если кто-то удивляется, как тщетная и обманчивая наука могла завоевать такой авторитет и власть над умами людей, Плиний объясняет причину этого. Это, говорит он, потому, что она овладела тремя науками, наиболее почитаемыми среди людей, взяв от каждой все, что в ней есть великого и чудесного. Никто не сомневается в том, что она берет свое начало в медицине и что она проникла в умы людей под предлогом предоставления необычных средств. К этим прекрасным обещаниям он добавил все, что есть в религии помпезного и

великолепного, и что, кажется, рассчитано на то, чтобы ослепить и пленить человечество. И, наконец, он смешал судебную астрологию со всем остальным, убеждая людей, интересующихся будущим, что он видит все, что должно произойти на небесах. Агриппа делил *магию* на три вида: *естественную, небесную и церемониальную, или суеверную*.

Естественная магия - это не более чем применение естественных активных причин к пассивным вещам или предметам; с помощью нее производятся многие удивительные, но все же естественные эффекты.

У Баптисты Порты есть трактат о *естественной магии*, или о секретах выполнения очень необычных вещей с помощью естественных причин. *Естественная магия* халдеев была ничем иным, как знанием силы простых веществ и минералов. *Магия*, которую они называют *теургией*, состояла исключительно в знании церемоний, которые необходимо соблюдать при поклонении богам, чтобы быть угодным им. В силу этих церемоний, по их мнению, они могли общаться с духовными существами и лечить болезни.

Небесная магия почти граничит с судебной астрологией; она приписывает духам своего рода власть или господство над планетами, а планетам - власть над людьми, и на этих принципах строит нелепую систему.

Суеверная, или геотическая, магия состоит в обращении к дьяволам: ее эффекты обычно злые и нечестивые, хотя и очень странные, и, кажется, превосходят силы природы: предполагается, что они производятся в силу какого-то договора, молчаливого или явного, со злыми духами; но на самом деле эти предполагаемые договоры не имеют той силы, которую обычно представляют; они не производят и половины тех эффектов, которые обычно им приписывают.

Науде опубликовал апологию всех великих людей, подозреваемых в *магии*. Агриппа говорит, что слова, используемые теми, кто вступил в союз с дьяволом, чтобы вызвать его и добиться успеха в том, что они предпринимают, таковы: *dies, mies, jesquet, benedoeft, douvima, enitemaus*. Существует сотня других суеверных формул слов, предписанных для того же случая, составленных с удовольствием или собранных из нескольких разных языков, или заимствованных из иврита, или составленных в подражание ему.

Магия восточных народов - краткий обзор происхождения и развития магии и т.д.

Халдеи и персы.- Происхождение почти всех наших знаний может быть отнесено к более ранним периодам древности. Это особенно верно в отношении действий, называемых магическими. Мало найдется древних народов, пусть даже варварских, которые не могли бы предоставить множество людей, чьим чарам и заклинаниям, как предполагалось, были подчинены силы природы и нематериального мира. Халдеи, египтяне, да и все восточные народы, привыкли относить все природные эффекты, за которые они не могли отчитаться, к действию демонов. Считалось, что демоны (см. Демонология) управляют травами, деревьями, реками, горами и животными; каждый член человеческого тела находился под их властью, и все телесные болезни возникали по их злобе. Например, если кто-то заболел лихорадкой, то не проявлял особого беспокойства, чтобы выяснить ее причину или принять рациональные меры для ее лечения; несомненно, она была вызвана каким-то злым духом, живущим в теле или влияющим каким-то таинственным образом на судьбу страдальца. Противостоять этому влиянию можно было только с помощью определенных магических обрядов, поэтому соблюдение этих обрядов вскоре получило постоянное распространение на Востоке.

Даже в наши дни многие нецивилизованные люди считают, что вся природа наполнена джинами, одни из которых обладают благотворной, а другие разрушительной силой. Все беды, от которых страдает человек, считаются делом рук этих воображаемых существ, чью благосклонность нужно умиловить жертвоприношениями, заклинаниями, песнями. Если гренландец неудачно ловит рыбу, гурон - охотится или воюет; если даже едва ли полумозглый готтентот находит, что все не в порядке в его уме, теле или судьбе, не следует терять времени, прежде чем вызывать духа. После устранения какого-то настоящего зла, следующим по силе желанием человеческого разума является достижение какого-то будущего блага. Это благо часто не в силах, и еще чаще не в силах склонности человека, чтобы дать; поэтому его нужно искать у существ, которые, как предполагается, имеют значительное влияние на человеческие дела, и которые, будучи возвышенными над низменными страстями нашей природы, считались рассматривать с особой благосклонностью всех, кто признал их власть или призвал их помощь; отсюда многочисленные обряды, которые во все века и страны были соблюдены в консультации с высшим разумом, и столь же многочисленные способы, в которых их удовольствие было передано смертным.

Халдеи больше славились своим мастерством в астрологии, чем в магии; в первом случае они, несомненно, были изобретателями: они настолько прославились в гадании по аспектам, положению и влиянию звезд, что все астрологи стали называться халдеями, особенно у евреев и римлян.

Из всех видов идолопоклонства поклонение небесным телам, по-видимому, было одним из самых древних. Вавилоняне вскоре заметили, что эти тела постоянно меняют свои места и что некоторые из них движутся по регулярным орбитам; они заключили, следовательно, что эта регулярность движения должна обязательно подразумевать какую-то причину, превосходящую просто инертную материю: но первобытное представление об одном верховном существе, управляющем вселенной, было почти вымершим, начиная периода, немного следующего за потопом, и заканчивая призыванием Авраама. Отсюда возникла вера в то, что звезды - это джины, из которых одни были друзьями, а другие - врагами людей; что они обладают неконтролируемой властью над человеческими делами; что их власти подчиняются не только превратности времен года, атмосферы и продуктов земли, но и нравы и мысли смертных. Предполагалось, что они наслаждаются жертвоприношениями и молитвами. Поэтому в их честь был установлен вид поклонения, подчиненный богам. Считалось, что ни одно событие не может быть предсказано, ни одна магическая операция не может быть выполнена без их помощи; они наделяли необыкновенной и сверхъестественной силой всех, кто искал их благосклонности. Считалось, что люди, выдающиеся своей властью или мудростью, после смерти приобщались к роду джинов, а иногда даже богов.

Мало сомнений в том, что Ваал из Писания - это тот же самый Белус, что и у светских историков. Как и Атлас, царь Мавритании, он преуспел в познаниях астрономии; но суеверие наделило знаменитого основателя вавилонской монархии большим достоинством, чем его западного соперника; первому долгое время поклонялись ассирийцы как одному из своих главных богов, в то время как на плечи второго легла трудоемкая и не очень завидная задача поддерживать землю на своих плечах. Действительно, все преемники Белуса пользовались редким счастьем быть почитаемыми как живыми, так и мертвыми. Покидая земной шар, их души, превращенные в гениев, распределялись по необъятному пространству, чтобы руководить народами и направлять влияние небесных светил. Халдейская магия была основана главным образом на астрологии и была хорошо знакома с определенными

животными, металлами и растениями, которые использовались во всех их заклинаниях, и сила которых была получена от звездного влияния. Большое внимание всегда уделялось положению и конфигурации небесной сферы, и только в благоприятные сезоны проводились торжественные обряды. Эти обряды сопровождалось множеством своеобразных и фантастических жестов, прыжками, хлопанием в ладоши, прострациями, громкими криками и нередко нечленораздельными восклицаниями^[25]. Жертвоприношения и всежжения использовались для умиловления высших сил; но наши знания о магических обрядах, применявшихся некоторыми восточными народами, за исключением евреев, крайне ограничены. Все книги, якобы написанные на эту тему, были сметены потоком времени. Однако мы узнаем, что профессора среди халдеев обычно делились на три класса: *аскафимы*, или заклинатели, в чьи обязанности входило устранять настоящие и предотвращать будущие условные беды, создавать талисманы и т. д.; *мекашефимы*, или маги, как их правильно называть, которые были знакомы с оккультными силами природы и сверхъестественного мира; и *хасдимы*, или астрологи, которые составляли, безусловно, самый многочисленный и уважаемый класс. А из того, что мудрецы собрались по случаю необычного сна Навуходоносора, следует, что в Вавилоне были и свои *Ониктики*, или толкователи снов, - разновидность прорицателей, которых породил почти каждый народ древности.

Талисман, вероятно, является изобретением халдеев. Обычно это было небольшое изображение из камня или какого-либо металлического вещества, имевшее различную форму. На нем было несколько таинственных символов, которые вырезались под определенную конфигурацию планет, и некоторые из них считались мощно действенными не только для предотвращения зла, но и для раскрытия темной и далекой картины. Некоторые ученые люди в последнее время выражают сомнения в древности талисмана и даже утверждают, что он не старше египетского амулета, который, вероятно, был изобретен за некоторое время до христианской эры; но у нас есть авторитет священных писаний для утверждения, что Серафим, который, согласно еврейским врачам, давал прорицательные ответы, и который, как по форме, так и по использованию, имел большое сходство с талисманом, был известен в ранний период. Нет ни малейших оснований для вывода, что последний является либо подражанием первому, либо одним и тем же устройством. - Как и халдейские астрологи, персидские волхвы, от которых происходит наше слово "магия", принадлежат к священству. Но поклонение богам не было их главным занятием; они были большими знатоками искусств, о которых мы сейчас говорим. Сначала они отличались пылким стремлением к знаниям; они пытались проникнуть в тайны природы единственным способом, которым эти тайны можно открыть, - экспериментом и разумом. Первый снабжал их фактами, второй учил их, как эти факты могут быть положены в основу более высоких исследований и использованы для общественной пользы. Пока они продолжали эту невинную и похвальную карьеру, посвящая, подобно друидам, незначительную часть своего времени лечению болезней с помощью трав и других природных средств, они заслужили и получили благодарность своих соотечественников; но со временем они захотели увеличить почтение, с которым к ним относились все сословия: они стали стремиться к более высоким почестям, чтобы руководить советами государства и сделать даже своих государей подвластными им. Поэтому к поклонению богам и занятиям медициной и естественной магией они присоединяли притворное знакомство с высшими силами, от которых, как они хвастались, и черпали все свои знания. Подобно Платону, который, вероятно, усвоил многие из их представлений, они учили, что демоны занимают среднее положение между богами и людьми; что они (демоны) руководят не только гаданиями, предсказаниями, заговорами, оракулами и всеми видами магии, но и жертвоприношениями и молитвами, которые от имени людей они приносят и делают приемлемыми для богов. Таким образом, они были

посредниками, чье служение считалось необходимым во всех магических и религиозных обрядах. Волхвы постоянно убеждали своих доверчивых соотечественников, что только им одним дана высокая привилегия общаться с богами и демонами и таким образом предсказывать будущие события; они даже заходили так далеко, что утверждали, будто с помощью своих заклинаний обязывают последних исполнять все их приказы и служить им с тем же почтением, с каким слуги служат своим господам. Аскетизм их жизни был рассчитан на то, чтобы усилить впечатление, которое их хитрость уже произвела на толпу, и подготовить почву для любых посягательств, которые они могли бы совершить впоследствии.

Все три ордена волхвов, перечисленные Порфирием, воздерживались от вина и женщин, а первый из них - от животной пищи. Эти поблажки они считали слишком вульгарными для людей, которые были любимцами Оросмадеса, Аремания и низших божеств, и которые были так тесно связаны с потомством этих божеств, многочисленным сонмом гениев и демонов.

Маги в основном занимались тремя видами гадания: *некромантией*, которая, по-видимому, состояла из двух частей: предсказания будущих событий путем осмотра мертвых тел и вызова ушедших духов, которых заставляли раскрыть темные постановления судьбы - наука, которая во все века была почти повсеместно распространена на земле; *Леканомантия*, с помощью которой демоны, повинаясь определенным мощным песням, были вынуждены войти в сосуд, наполненный водой, и ответить на любые вопросы, заданные им; и *гидромантия*, которая отличается от *леканомантии* тем, что голос демона не слышен, но его форма ощутима в воде, в которой он представляет, либо с помощью своих спутников, либо в письменных стихах, причину и результат какого-либо конкретного события. Был ли знаменитый Зороастр знаком с этими тремя видами, точно установить невозможно. Его называют изобретателем магии; насколько это справедливо, весьма сомнительно. Было сделано предположение, и, возможно, более правдоподобное, что он не столько изобрел, сколько методизировал это искусство. Он также мог настолько расширить его границы, что затмил славу своих предшественников; и из этого, как и из других соображений, честь изобретения могла быть приписана ему.

Индейцы... Об индейской магии мы знаем еще меньше, чем о магии любого другого древнего народа. Однако у нас есть основания заключить, что многое в ней было схоже с тем, за что волхвов, от которых она, вероятно, произошла, так высоко ценили. Но в одном отношении гадание индейцев отличалось от гадания всех других народов: они допускали в него дела государственной важности, но категорически исключали его из всех частных забот. Причина такого запрета, вероятно, заключалась в том, что эта наука считалась слишком священной, чтобы использовать ее в обычных жизненных ситуациях. Гимнософисты или брахманы (не совсем понятно, что между ними было какое-то различие) относились к ней с таким же почтением, как и волхвы, и, вероятно, были более достойны ее. Некоторые из них жили в лесах, другие - в непосредственной близости от городов. Они совершали религиозные обряды; с их помощью короли поклонялись божествам страны; некоторые из них претендовали на высшие силы, лечили болезни с помощью чар и предсказывали будущие события по звездам; но в целом это были полезные и почтенные люди. Их мастерство в медицине было велико: забота, которую они проявляли в воспитании молодежи, в приобщении ее к великодушным и добродетельным чувствам, делала им особую честь; а их изречения и рассуждения, записанные историками (если эти историки действительно заслуживают полного доверия), доказывают, что они привыкли к глубоким размышлениям о принципах гражданского управления, морали, религии и философии. Они сохраняли свое достоинство под властью самых могущественных принцев, которых не снисходили до

визитов или малейших просьб. Если последние желали получить совет или молитву первых, они были вынуждены либо идти сами, либо посылать гонцов.

Египтяне также имели своих магов с глубокой древности. Хотя эти маги не могли соперничать с Моисеем, они значительно превосходили халдейских астрологов, персидских волхвов и индийских гимнософов; похоже, что они обладали более глубоким пониманием арканов природы, чем любые другие профессора этого искусства. Какими необыкновенными силами их жезлы превращались в змей, воды Нила - в кровь, а земля Египта - в лягушек, немало озадачило мудрых и добрых людей. Из всех способов решения, которые образованность и благочестие иудейских или христианских комментаторов применяли к этой сложной проблеме, ни один не кажется настолько созвучным смыслу священного текста и в то же время не выдерживающим стольких возражений, как этот; что маги в данном случае не были самозванцами и что они действительно совершили с помощью сверхъестественных средств чудеса, описанные вдохновенным автором^[26]. Земля, воздух и океан могут содержать много такого, о чем наша философия и не мечтала. Если это соображение должно смирить гордыню учености, оно может напомнить христианину, что тайные вещи принадлежат не ему, а высшим силам.

Египтяне утверждали, что, помимо богов, существует множество демонов, которые общаются со смертными и часто становятся видимыми благодаря определенным церемониям и песням; что джинны оказывают привычное и сильное влияние на каждую частицу материи; что тридцать шесть этих существ управляют различными членами человеческого тела и что с помощью магических заклинаний его можно укрепить или ослабить^[27], поразить болезнями или избавить от них. Таким образом, в каждом случае болезни сначала должным образом вызывали духа-предводителя пораженной части. Но маги не полагались только на свои тщетные призывы; они были хорошо знакомы с достоинствами определенных трав, которые они мудро использовали в своих попытках исцеления. Эти травы пользовались большим уважением: так, *циноцефалия*, или, как ее называли сами египтяне, *асирит*, использовалась как средство против колдовства, а *непентес*, который Елена преподнесла в зелье Менелаю и который, как считалось, мог изгонять печаль и возвращать разум к его привычной или даже большей жизнерадостности, был египетского происхождения^[28]. Но какими бы ни были достоинства этих трав, они использовались скорее для магических, чем для лечебных целей; каждое лекарство хитроумно приписывалось демонам-предводителям, с которыми, как хвастались немногие, они были тесно связаны посредством своего искусства.

Египетские амулеты, конечно, не такие древние, как вавилонский талисман, но по своему назначению они были совершенно аналогичны. На нескольких мумиях, которые в разное время были привезены в Европу, были обнаружены маленькие фигурки, предположительно предназначавшиеся для амулетов. Плутарх сообщает нам, что солдаты носили кольца, на которых было начертано изображение насекомого, похожего на нашего жука; а от Илиана мы узнаем, что судьи всегда подвешивали на шею маленькое изображение истины, сделанное из изумрудов^[29]. Суеверная вера в силу амулетов далеко не исчезла в наш век; копты, арабийцы, сирийцы, да и почти все жители Азии к западу от Ганга, будь то христиане или магометане, все еще используют их против возможных бед.

Потомки фараонов, как и халдейские цари, всегда были большими любителями астрономии; и хотя подданные последних не были столь выдающимися, как первые, в этой родственной науке, у нас есть все основания заключить, что они добились в ней немалых успехов. Геродот и другие древние историки утверждают, что астрология культивировалась этим народом с самых отдаленных времен. Обычно они предсказывали общий ход жизни, нрав и даже

способ смерти любого человека, обращаясь к божеству, председательствующему в день его рождения, а их восточные соседи нередко определяли положение звезд в момент родов.

Поскольку Моисей провел большую часть своей жизни в Египте и мало что знал о других народах на личном опыте, можно предположить, что, предостерегая израильтян от преобладающих суеверий, он обращает особое внимание на те, что наблюдались в стране, в которой так долго жило потомство Адама. Конечно, он часто упоминает магические обряды и идолопоклонство хананеев, но в этом случае он, похоже, говорит скорее на основе информации, полученной от других, чем на основе собственного опыта. Если принять этот вывод, у нас будут основания полагать, что египтянам были известны как колдовство, так и некромантия, и что одни дни считались удачными, а другие - неблагоприятными для осуществления какого-либо важного дела. Внимательное прочтение Пятикнижия и обращение к греческим историкам, писавшим о делах Египта, чьи труды необходимы для разъяснения многих неясных аллюзий в священном тексте, снабдит более любознательного читателя информацией о некоторых незначительных моментах, которые мы вынуждены опустить, поскольку наша работа носит разносторонний характер.

Евреи^[30] .- До сих пор у нас было слишком много оснований жаловаться на скудость информации, предоставленной древними писателями о магии восточных народов; но когда мы переходим к рассмотрению магии евреев, мы уже не испытываем столь сильного недостатка. Священное Писание, работы местных писателей, и, прежде всего, кропотливые исследования ученых христианских комментаторов, предоставляют нам обильные материалы, из которых мы выберем те, что лучше всего подходят для того, чтобы дать вразумительный, но обязательно краткий, взгляд на предмет. - Многие еврейские врачи приписывают своей магии нелепую древность. Они утверждают, что она имеет божественное происхождение; что она была известна Адаму и Аврааму, оба из которых были одушевлены одной душой; что последний обучал ей своих детей через наложниц; и что он носил на шее драгоценный камень, вид которого излечивал все болезни, и который, после его смерти, Бог повесил на солнце! Но если оставить эти дикие басни, мы имеем достаточно оснований утверждать, что евреи очень рано пристрастились к магическим искусствам. Эта склонность, зародившаяся в Египте, была значительно усилена последующим общением с жителями Сирии, и прежде всего с их халдейскими завоевателями. Так, в Книге Царств мы читаем, что они пользовались гаданиями и наблюдали за криками птиц. Отсюда частые и ужасные обличения, используемые вдохновенными писателями против практиков их запрещенных искусств.

Лайтфут доказал, что евреи после возвращения из Вавилона, полностью оставив идолопоклонство и не имея более дара пророчества, постепенно оставили колдовство и гадание, до прихода нашего Спасителя. Талмуд, который они до сих пор почитают с благоговением, граничащим с идолопоклонством, изобилует наставлениями по надлежащему соблюдению суеверных обрядов. После разрушения города и храма многие израильские самозванцы пользовались большим уважением за свое притворное мастерство в магии. Под видом толкования снов они ежедневно получали возможность практиковать самые постыдные мошенничества. Многие раввины были так же хорошо осведомлены о школе Зороастра, как и о школе Моисея. Они прописывали всевозможные заклинания: одни - для лечения ран, другие - против страшных укусов змей, третьи - против воровства и чародейства. Подобно волхвам, они хвастались, что с помощью своего искусства общаются с высшими существами. Так, Бат-Кул, *дочь голоса*, - так они называли эхо: они считали его оракулом, которому во втором храме суждено было восполнить недостаток Урима и Туммима, таинственных оракулов первого. С Бат-Кулом связано множество абсурдных историй. Так,

когда два раввина отправились посоветоваться с ней о судьбе другого раввина, Самуила, вавилонянина, они прошли перед школой, в которой услышали, как мальчик читает вслух, и *Самуил умер*. (Поинтересовавшись, они обнаружили, что объект их беспокойства больше не является жителем земли; таким образом, случайное совпадение, которому ни один разумный человек не удивился бы, было с уверенностью приписано прорицательским способностям Бат-кула. Два других раввина, Иона и Иоса, отправились навестить Аху в его болезни; по дороге они сказали: "Давайте послушаем, какой приговор вынесет Бат-Кул о судьбе нашего брата". И тут же они услышали голос, как будто женщина обратилась к своей соседке: "Свеча гаснет; да не погаснет свет в Израиле". (Lightfoot, vol. II. p. 267.) Сомнений в том, что эти слова исходили от Бат-Кула, было не больше, чем в том, что Элиас теперь помогает при обрезании каждого еврейского ребенка.

Гадания израильтян были основаны влиянии звезд и действиях духов: этот необычный народ не считал, подобно халдеям и волхвам, небесные тела богами и джиннами, но приписывал им огромную власть над поступками и мнениями людей. Отсюда и поговорка: "Такой-то может быть благодарен своим звездам", когда речь идет о человеке, отличающемся богатством, властью или мудростью. Маззал-инструмент был счастливым, а маззал-ра - зловредным влиянием; предполагалось, что судьба каждого человека регулируется либо одним, либо другим. Подобно представлениям, из которых исходили их суеверные мнения, евреи составляли гороскопы и предсказывали судьбу каждого человека с момента его рождения. Так, если кто-либо рождался под властью Солнца, ему предсказывали, что он будет справедливым, щедрым, открытым и капризным; под Венерой - богатым и распутным; под Меркурием - остроумным и с хорошей памятью; под Луной - болезненным и непостоянным; под Сатурном - неудачливым; под Юпитером - справедливым, а под Марсом - удачливым.

Что касается духов, чьи услуги так часто использовались в гаданиях, мы имеем полную информацию от Манассии, Бен-Израиля и других. "Злые духи, - говорит автор, - бывают нескольких видов, из которых одни умны и хитры, другие невежественны и глупы. Первые, перелетая с одного края земли на другой, знакомятся с общей причиной человеческих событий, как прошлых, так и настоящих, а иногда и будущих. Поэтому многие смертные вызывают этих духов, с помощью которых они совершают удивительные вещи. В книгах кабалистов и некоторых других авторов содержатся имена духов, которых обычно вызывают, и конкретный рассказ о церемониях, которыми они сопровождаются. Если (продолжает тот же автор) эти духи являются одному человеку, они не предвещают ничего хорошего; если двум людям вместе, они не предвещают ничего плохого: никогда не было известно, чтобы они появлялись перед тремя смертными, собранными вместе".

Магические обряды у евреев совершались, да и сейчас совершаются, главным образом, по различным важным поводам, например, при рождении ребенка, бракосочетании и т. д. Считается, что в таких случаях злые духи проявляют особую активность в своей злобе, которой можно противостоять только с помощью определенных заклинаний^[31]. Так, Товит по указанию ангела Рафаила изгнал демона Асмодея, которого он заставил с помощью благоухания сердца и печени рыбы улететь в верхний Египет. (Товит, гл. viii. ст. 2 и 3).

Иосиф не считает магию такой древней, как многие писатели этого народа; он считает Соломона первым, кто практиковал искусство, столь могущественное против демонов, и знание которого, как он утверждает, было передано этому принцу по непосредственному вдохновению. Последний, продолжает слабоверующий историк, изобрел и передал потомкам в своих трудах определенные заклинания для лечения болезней, а также для изгнания и вечного изгнания злых духов из тел одержимых. Этот способ лечения, отмечает

он далее, очень распространен в нашей стране. Согласно его описанию, он заключается в использовании определенного корня, который запечатывают и держат под носом одержимого; затем произносят имя Соломона с предписанными словами, и демон вынужден немедленно удалиться. Он даже не стесняется утверждать, что сам был очевидцем такого эффекта, произведенного на человека по имени Елеазар в присутствии императора Веспасиана и его сыновей. Этот рассказ не удивит нас, если учесть глубокую злобу, которую питает иудей к христианской религии, и его постоянные попытки обесценить чудеса нашего Спасителя, приписывая их магическому влиянию и представляя их как легко выполнимые для всех, кто знаком с оккультными науками.

Мы вряд ли поверили бы рассказу, если бы он не был основан на непререкаемом авторитете, что в великий день умилоствления иудеи XVI века, чтобы отвратить ангела Самуила, пытались умиротворить его подарками. В этот день, как ни в какой другой в течение года, они верили, что ему дана власть обвинить их перед судилищем Божиим. Поэтому они стремились помешать своему главному врагу выдвинуть против них обвинения, сделав так, чтобы он не мог узнать о назначенном дне. Для этого они использовали несколько необычную хитрость: читая обычную часть закона, они старались опустить начало и конец, - упущение, которого дьявол никак не мог ожидать по столь важному поводу. Они не сомневались, что в данном случае их хитрость оказалась более чем подходящей для него.

Кабала в основном посвящена чарам, которые накладываются с помощью определенного количества символов. Он дает указания, как выбирать и сочетать некоторые отрывки и имена собственные из Священного Писания, которые, как считается, делают сверхъестественные существа видимыми и производят множество чудесных и удивительных эффектов. Таким образом, *Малха-шева* (царица Савская, посетившая Соломона), которую часто вызывали и так же часто заставляли появиться. Но самые известные чудеса происходили с именем Бога. Священное слово "Иегова" при чтении с точками умножается еврейскими врачами на двенадцать, сорок две и семьдесят две буквы, из которых составляются слова, обладающие, как считается, чудодейственной силой. Этими буквами Моисей победил египтян; этими буквами Израиль был спасен от ангела-губителя в пустыне; этими буквами Илия разделил воды реки, чтобы открыть проход себе и Елисею; этими буквами дерзко и нечестиво утверждалось, что Вечный Сын Божий изгоняет злых духов. Имя дьявола также используется в магических средствах. Пять еврейских букв, из которых состоит это имя, в точности составляют число 364, что на один день меньше, чем дней в году. Иудеи утверждали, что благодаря чудесному свойству числа, заключенного в имени Сатаны, он не может обвинять их в течение равного количества дней: отсюда и хитрость, о которой мы уже говорили, чтобы лишить его возможности причинять им вред в тот единственный день, когда эта возможность ему дана.

Неисчислимо множество приемов, содержащихся в Кабале, для предотвращения возможных бед, таких как чума, болезни и внезапная смерть. Но мы не видим ни необходимости, ни даже пользы в дальнейшем обсуждении этой темы. Мы сказали достаточно, чтобы убедить читателя в грубом суеверии и отвратительной практике тех, кто даже в своем нынешнем состоянии деградации и бесчестия имеет высокомерие называть себя *особым народом Божиим*, - как множество светов, просвещающих язычников.

ПРОРОЧЕСТВО.

Пророчество, гадание, предсказание будущих событий либо по Божественному Откровению, либо с помощью искусства и человеческих изобретений, либо по догадкам.

Немногие великие моральные или политические революции происходили без сопутствующих им *прогностических предсказаний*; и люди философского склада ума, в разгар своего отдыха, освобожденные от заблуждений партий и сект, пока они отстранены от своих противоречивых интересов, редко испытывали изумление, которое переполняет тех, кто, поглощенный активной жизнью, является простым созданием ощущений, взволнованных тенями истины, несущественной видимостью вещей. Интеллектуальные нации продвигаются по вечному кругу событий и страстей, которые сменяют друг друга, и последние обязательно связаны с предыдущими: только одинокая сила какого-нибудь случайного происшествия может прервать этот слитное развитие человеческих дел. То, что каждое великое событие сопровождается предвестием или предсказанием, заметил еще лорд Бэкон. "Пастухи народа должны понимать предсказания *государственных бурь*; полые порывы ветра, кажущиеся на расстоянии, и тайные вздымания моря часто предшествуют буре". Именно такие предсказания были у политичного епископа Уильямса во времена Карла Первого, который ясно предвидел и предсказал окончательный успех пуританской партии в нашей стране: заботясь собственной безопасности, он оставил правительство и встал на сторону поднимающейся оппозиции в тот момент, когда такие перемены в государственном управлении были отнюдь не очевидны. (См. Rushworth, vol. i. p. 420.)

Дагдейл, наш созерцательный антиквар, в духе прозорливости, должно быть, предвидел приближающуюся в 1641 году сцену разрушения наших древних памятников в соборных церквях. Он поспешил продолжить свои странствующие труды по снятию чертежей и расшифровке надписей, как он говорит, "чтобы сохранить их для будущих и лучших времен". Именно прозорливому духу Дагдейла потомки обязаны древними памятниками Англии, которые несут на себе следы спешки, а также усердия, которые их увековечили. Сэр Томас Мор был не менее прозорлив в своих взглядах; когда его сын Ропер заметил ему, что католическая религия при "Защитнике веры" находится в самом процветающем состоянии, ответ Мора свидетельствовал о политической прозорливости: "Это правда, сын Ропер! И все же я молю Бога, чтобы мы не дожили до того дня, когда мы с радостью вступим в союз и соперничество с еретиками, чтобы позволить им иметь свои церкви в покое, чтобы они были довольны позволить нам иметь наши в покое". Умы людей, обладавших большой политической проницательностью, в тот момент, несомненно, были полны неясных указаний на приближающиеся перемены. Эразм, находясь перед гробницей Бекета в Кентерберии и видя, что она завалена огромным количеством драгоценностей, пожелал, чтобы они были розданы бедным, и, чтобы святыня была украшена только ветвями и цветами: "Ибо, - сказал он, - те, кто собрал всю эту массу сокровищ, однажды будут разграблены и станут добычей тех, кто находится у власти". Предсказание буквально исполнилось примерно через двадцать лет после того, как было сделано. *Падение религиозных домов* было предсказано неизвестным автором (см. "Видения пахаря Пира"), писавшим в царствование Эдуарда Третьего. Событие, с которым мы все хорошо знакомы, произошло через двести лет после этого, при Генрихе VIII. Сэр Уолтер Рэли предвидел последствия действий сепаратистов и сектантов в Национальной церкви, которые произошли примерно в 1530 году. Его памятные слова гласят: "Время даже приведет к тому, что, если ему не противостоять, Бог будет *из церквей превращен в амбары*, а оттуда снова в поля и горы, и под *изгородами*. Весь порядок дисциплины и церковного управления будет оставлен на волю *новых мнений* и людских причуд, и возникнет столько видов религии, сколько приходских церквей в Англии". Тацит

также предвидел бедствия, которые так долго опустошали Европу после падения Римской империи, в труде, написанном за пятьсот лет до этого события! В этом возвышенном предвидении будущего он заметил: "Когда римляне будут изгнаны из тех стран, которые они завоевали, что тогда произойдет? Восставший народ, освобожденный от своего хозяина-насильника, не сможет просуществовать, не уничтожив своих соседей, и между всеми этими народами начнутся жесточайшие войны". Солон в Афинах, созерцая порт и цитадель Мунихии, вдруг воскликнул: "Как слеп человек к будущему! Если бы афиняне могли предвидеть, какое зло это принесет, они бы даже съели его собственными зубами, чтобы избавиться от него". Предсказание подтвердилось более чем через двести лет! Фалес пожелал быть похороненным в безвестном квартале Милезии, заметив, что именно это место со временем станет форумом. Карл Великий в старости, наблюдая из окна замка за наступлением норманнов на его побережье, увидел, как на глазах престарелого монарха навернулись слезы. Он предсказал, что раз они осмелились угрожать его владениям, пока он был жив, то что же они сделают, когда его не станет! Меланхоличное предсказание их последующих вторжений и затяжных бедствий французского народа на протяжении целого столетия.

В любопытном трактате "О гадании", или знании будущих событий, Цицерон сохранил полный отчет о государственных ухищрениях, которые практиковало римское правительство, чтобы внушить народу надежды и страхи, с помощью которых оно регулировало общественное мнение. Языческое вероучение, ставшее теперь устаревшим и нелепым, привело к тому, что к этому трактату редко обращаются; однако он остался как глава в истории человечества!

По-видимому, в умах, воспринимающих обширные представления о человеческой природе, есть нечто такое, что служит им своего рода гаданием, и сознание этой способности утверждается некоторыми. Цицерон обращается к Аттику с тем, что он всегда судил о делах республики как хороший прорицатель; и что ее низвержение произошло, как он предвидел, за четырнадцать лет до этого. (Ep. ad Att. lib. 10, ep. 4.)

Цицерон предсказал не только то, что случилось в его времена, но и то, что произошло много позже, согласно Корнелию Непосу. Философ не скрывает ни тайного откровения, ни провидческого второго зрения; он честно говорит нам, что это искусство было приобретено только благодаря учебе и управлению государственными делами, и напоминает своему другу о нескольких замечательных случаях его успешных предсказаний. "Я не предсказываю человеческие события, - говорит Цицерон, - с помощью искусства, практикуемого авгурами; но я использую другие знаки". Затем Цицерон выражается с осторожной неясностью философа, который не мог открыто высмеивать господствующие суеверия, хотя природа его "знаков" вполне понятна, когда в великих ожидаемых событиях соперничества Помпея и Сезара он показывает, какие средства он использует для своей цели: "С одной стороны, я рассматриваю юмор и гений Сезара, а с другой - условия и манеру ведения гражданских войн". (Ep. ad Att. lib. 6, ep. 6.) Одним словом, политический прорицатель, изучая личный характер, предугадывал поступки человека. Другие тоже утверждали, что обладают этой способностью. Дю Вард, выдающийся канцлер Франции, считал, что эта способность была у него интуитивной, исходя из наблюдений, сделанных на собственном опыте. "Рожденный, - говорит он, - с конституциональной немощью, с умом и телом, плохо приспособленными к труду, с самой предательской памятью, не обладающий никаким природным даром, я, тем не менее, способен в любое время проявлять проницательность, столь великую, что не знаю, с тех пор как я достиг зрелости, чтобы какая-нибудь важная вещь случилась с государством, с обществом или с самим собой в частности, которую я не предвидел^[32]". Та же способность,

по-видимому, описывается замечательным выражением, использованным Фукидидом в его характеристике Фемистокла, близкий перевод которого приводится ниже. "Благодаря свойственной только ему проницательности, которой он не был обязан ни раннему воспитанию, ни последующему обучению, он был чрезвычайно счастлив в формировании быстрого суждения в вопросах, которые допускали мало времени для обдумывания; в то же время он намного превосходил всех в *выведении будущего из прошлого*; или был лучшим угадывателем будущего из прошлого".

Если эта способность к моральным и политическим предсказаниям когда-нибудь будет рассматриваться как наука, ей можно дать название, поскольку автор жизни Томаса Брауна, приложенной к его трудам, претендуя на эту честь для этого философа, называет ее "стохастической", термин, происходящий от греческого и от стрельбы из лука, что означает "стрелять в цель".

Аристотель, собравший все любопытные знания своего времени, сохранил несколько замечательных мнений об искусстве *гадания*. Подробно описывая различные уловки, практикуемые притворными прорицателями наших дней, он раскрывает *тайный принцип*, с помощью которого один из них регулирует свои предсказания. Он откровенно заявил, что будущее всегда очень туманно, в то время как прошлое легко узнать, поэтому *его предсказания никогда не были направлены на будущее*; ведь он решал, исходя из прошлого, как оно проявлялось в человеческих делах, что, однако, он скрывал от народа. (Арист. Риторика, lib. vii. с. 5.)

Что касается моральных предсказаний в отношении отдельных людей, то многие открыли для себя будущий характер. Революционные склонности кардинала Реца еще в юности были обнаружены проницательным кардиналом Мазарином. Тогда он написал историю заговора Фреско, так горячо восхищаясь своим героем, что итальянский политик после ее прочтения предсказал, что молодой автор станет одним из самых буйных духов эпохи! Отец маршала Бирона даже среди славы своего сына обнаружил облако, которое, невидимое для других, должно было заслонить его. Отец, конечно, хорошо знал пламенные страсти своего сына. "Бирон, - сказал домашний провидец, - советую тебе, когда наступит мир, пойти и посадить капусту на своем огороде, иначе, предупреждаю тебя, ты потеряешь голову на эшафоте!"

Лоренцо Медичи изучил нрав своего сына Пьеро; Гвиччардини сообщает нам, что он часто жаловался своим самым близким друзьям, что "предвидел, что неосмотрительность и высокомерие его сына приведут к гибели его семьи".

В беседе короля с архиепископом Уильямсом, приведенной Хаккетом, есть необычное предсказание Якова Первого о том, к каким бедам приведет насилие со стороны Лауда. Когда королю было трудно продвигать Лауда, он объяснил, почему намерен "держать Лауда подальше от всех мест правления и власти, потому что я нахожу, что у него беспокойный дух, и он не может видеть, когда дела идут хорошо, но любит метаться и изменения, и доводить вещи до реформации, плавающей в его собственном мозгу, что ставит под угрозу стойкость того, что находится в хорошем состоянии. Я говорю не наобум; он сам дал мне понять, что он такой". Затем Джеймс рассказывает об обстоятельствах, на которые ссылается; и в конце концов, когда архиепископ, а затем и орган Бекингема продолжали преследовать его, добрая натура короля, как обычно, легко уступила; однако он не преминул закончить свое выступление таким предсказанием: "Тогда возьмите его к себе! Но, клянусь моей душой, вы раскаетесь в этом!"

Будущий характер Кромвеля был очевиден для двух наших великих политиков. "Этот грубый, бесперспективный человек, - заметил лорд Фолкленд, указывая на Кромвеля, - будет первым

человеком в королевстве, если нация придет в упадок!" А архиепископ Уильямс доверительно сообщил Карлу Первому, что "в Кромвеле было *что-то такое*, что предвещало нечто опасное, и он хотел бы, чтобы Его Величество либо склонил его на свою сторону, либо убрал его!"

Несравненный характер Буонапарте, описанный маркизом Уэлсли, предсказал его падение в момент наивысшего могущества. "Его жажда власти, - говорит этот великий государственный деятель, - столь неумеренна, его ревность к независимости столь яростна, его острота аппетита столь лихорадочна, во всем, что касается его честолюбия, даже в самых пустяковых вещах, что он должен погрузиться в ужасные трудности. Он принадлежит к тому типу умов, которые по своей природе создают для себя великие перемены".

После начала Французской революции лорда Мэнсфилда однажды спросили, когда она закончится? Его светлость ответил: "Это событие, *не имеющее прецедента*, а значит, *не поддающееся прогнозированию*". Однако дело в том, что у нее было и то, и другое; поскольку наша собственная история, в правление Карла Первого, предоставила нам прецедент; а прогнозов было так много, что можно было бы собрать целый том отрывков из различных писателей, которые предсказывали ее.

Есть одно предсказание, которое делает честь политической проницательности, а также знанию человеческой природы, высказанное епископом Батлером в проповеди перед Палатой лордов в 1741 году; он рассчитал, что безрелигиозный дух породит в то или иное время политические беспорядки, подобные тем, которые в XVII веке возникли из-за религиозного фанатизма. "Нет ли опасности, - заметил он, - что все это может вызвать нечто подобное *тому нивелирующему духу*, основанному на атеистических принципах, который в прошлом веке преобладал над восторженными? Не говоря уже о том, что в нем могут *объединиться разные типы людей на этих противоположных принципах!*" Все это буквально свершилось!

Если предсказание строится на фактах, которые, по нашему собственному предубеждению, должны существовать, оно должно быть химерическим. Монах Каррон в своей "Хронике", напечатанной в 1532 году, объявляет, что мир, как и его "Хроника", близок к концу; что Турецкая империя не продержится много лет; что после смерти Карла V Германская империя будет разорвана на куски самими немцами. Этот монах уже не сойдет за пророка; он принадлежит к тому классу летописцев, которые пишут, чтобы потешить собственные предрассудки, как некая дама-пророчица, которая в 1811 году предсказала, что в Чипсайде примерно в это время будет расти трава!

Даже если событие не всегда оправдывает предсказание, предсказатель, возможно, был не менее прав в своих принципах гадания. Катастрофы человеческой жизни и повороты великих событий часто оказываются случайными. Маршал Бирон, о котором мы уже говорили, мог взойти на трон, а не на эшафот; Кромвель и де Рец могли стать лишь любимыми генералами или министрами своих государей. Случайные события не подвластны человеческому предвидению; их следует отнести к тем вульгарным суевериям, которые претендуют на открытие развязки человеческих событий, не претендуя ни на какое человеческое знание. В науке философа нет ничего сверхъестественного.

Предсказания иногда осуждались как ложные, которые при тщательном рассмотрении едва ли можно считать неудавшимися: они могли осуществиться и вновь обратиться к нам. В 1749 году доктор Хартли опубликовал свои "Наблюдения над человеком" и предсказал падение существующих правительств и иерархий в двух простых предложениях, среди которых были следующие

Прор. 81. *Вероятно, что все гражданские правительства будут опрокинуты.*

Предложение 82. *Вероятно, что нынешние формы церковного правления будут упразднены.*

Многие действительно были страшно встревожены этими предсказанными падениями церкви и государства. Леди Шарлотта Вентворт спросила Хартли, когда произойдут эти ужасные события? Ответ предсказателя был не менее ужасен: "Я старик и не доживу до них". В последующих революциях Америки и Франции, а возможно, и Испании, вряд ли можно отрицать, что эти предсказания не оправдались.

Философский предсказатель, предвидя какой-нибудь важный кризис, исходя из видимости вещей, не станет опрометчиво назначать срок; ведь кризис, который он предвидит, рассчитан тем неизбежным ходом событий, которые порождают друг друга в человеческих делах; но срок всегда сомнителен, будучи либо замедлен, либо ускорен обстоятельствами такого рода, которые не могут войти в его моральную арифметику. Существует, однако, дух политической вакцинации, предполагающий выход за границы человеческого предвидения, который энтузиасты часто приписывают высшему источнику вдохновения; но с тех пор как "язык пророчеств" прекратился, подобные притязания не менее нечестивы, чем нефилософичны. Никто не обладал более необычной долей этой ужасной пророческой уверенности, чем Нокс-реформатор: он, кажется, предсказал несколько примечательных событий и судьбы некоторых людей. Нам сообщают, что, будучи осужденным на галеру в Рошель, он предсказал, что "в течение двух или трех лет он должен проповедовать Евангелие в церкви Святого Джайлса в Эдинбурге" - невероятное событие, которое, тем не менее, произошло, как он и предсказывал. О Марии и Дарнли он сказал, что, "поскольку король, в угоду королеве, отправился на мессу, Господь в своей справедливости сделает ее орудием его низвержения". Другие поразительные предсказания о смерти Томаса Мейтленда и Киркалди из Грейнджа, а также торжественное предупреждение регенту Мюррею не ехать в Линлитгоу, где на него было совершено покушение, заставили варварский народ поверить, что пророк Нокс получил немедленное сообщение с небес.

Составитель альманаха, испанский монах, предсказал в ясных и точных словах смерть Генриха Четвертого Французского; и Пьерес, хотя и не верил в суетную науку астрологии, все же, встревоженный тем, что жизнь любимого государя может оказаться под угрозой, посоветовался с некоторыми друзьями короля и представил испанский альманах его величеству, который вежливо поблагодарил их за заботу, но совершенно пренебрег предсказанием: Событие произошло, и в следующем году испанский монах распространил свою славу в новом альманахе. Это предсказание испанского монаха было результатом либо того, что он был знаком с заговором, либо того, что его сделали орудием для целей тех, кто был в курсе. Судя по всему, об убийстве Генриха в Испании и Италии говорили еще до того, как это событие произошло.

Отделяя человеческое предсказание от вдохновенного пророчества, мы можем лишь приписать способностям человека то приобретенное предвидение, которое мы продемонстрировали, и которое, несомненно, осуществляли некоторые великие умы. Его принципы были открыты в необходимой зависимости следствий от общих причин, и мы показали, что, движимые одними и теми же мотивами и ограниченные одними и теми же страстями, все человеческие дела вращаются по кругу; и мы открыли истинный источник этой пока еще несовершенной науки моральных и политических предсказаний в глубоком, но дискриминационном знании прошлого. Авторитет священен, когда опыт позволяет проводить параллели и аналогии. Если можно предвидеть многое, что может обрушиться,

когда это произойдет, прозорливый государственный деятель и моралист может предусмотреть защитные меры, чтобы сломить воды, потоки которых они не всегда могут направить; и почтенный Хукер глубокомысленно заметил, что "лучшие вещи были свергнуты не столько силой и мощью противников, сколько недостатком совета в тех, кто должен был поддерживать и защищать то же самое^[33] ."

"Философия истории, - замечает один поздний писатель и прекрасный обозреватель, - смешивает прошлое с настоящим и настоящее с будущим; каждое из них - лишь часть другого. Фактическое состояние вещи обязательно определяется ее предшественником, и так постепенно по всей цепи человеческого существования, в то время как, как удачно выразился Лейбниц, настоящее всегда наполнено будущим. Таким образом, новый и прекрасный свет бросается на летопись человечества, благодаря аналогиям и параллелям разных эпох, сменяющих друг друга. То, как семнадцатый век повлиял на восемнадцатый, и результаты девятнадцатого, как они проявятся в двадцатом, может открыть источник ПРЕДСКАЗАНИЙ, к которым, как бы трудно ни было привязать их даты, их не будет при исследовании причин и прослеживании их неизбежных последствий. Народ живет лишь среди теней вещей в видимости НАСТОЯЩЕГО; ученые, занятые ПРОШЛЫМ, могут лишь проследить, откуда и как все приходит; но тот, кто является одним из народа и одним из ученых, истинный философ, рассматривает естественные тенденции и окончания, которые готовятся к БУДУЩЕМУ."

ФАТАЛИЗМ, ИЛИ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ.

Под именем материализма обозначаются вещи, сильно отличающиеся от общепринятых представлений: то же самое относится и к фатализму. Если утверждать, что все вещи в мире и сам мир необходимы, что все происходящее - следствие случайности или слепой необходимости и что никакой высший разум не смешивается и не смешивается с существующими объектами, то это учение - своего рода фатализм, мало чем отличающийся от атеизма. Но этот фатализм не имеет ничего общего с доктриной, утверждающей врожденность способностей души и разума и их независимость от организации. Поэтому, исходя из первого соображения, мы не можем быть обвинены в фатализме.

Другой вид фатализма - тот, который учит, что на самом деле существует Верховное Существо, создатель вселенной, а также всех законов и свойств, связанных с ней; но что он установил эти законы таким неизменным образом, что каждая вещь, которая происходит, не могла произойти иначе. В этой системе человек обязательно увлекается причинами, которые заставляют его действовать, без какого-либо участия воли. Его действия всегда являются необходимым результатом, без добровольного выбора или моральной свободы; они не подлежат ни наказанию, ни заслугам, и надежда на будущее вознаграждение исчезает, как и страх перед будущим наказанием.

Таков фатализм, с которым суеверное невежество обвиняет физиологию мозга^[34], то есть доктрину, касающуюся функций самой благородной организации в мире. "Я убедительно доказал, - говорит доктор Галл, - что все наши моральные и интеллектуальные склонности являются врожденными; что ни одна из наших склонностей или талантов, даже понимание и воля, не могут проявиться независимо от этой организации. К этому также можно добавить, что от человека не зависит, будет ли он одарен органами, свойственными его виду, следовательно, такими или иными склонностями или способностями. Следует ли теперь

сделать вывод, что человек не является хозяином своих *поступков*, что не существует свободной воли, следовательно, ни заслуженного, ни недостойного поступка?"

Прежде чем опровергнуть этот вывод, давайте с откровенностью, достойной истинной философии, разберемся, насколько человек подчинен неизменным законам своего Творца, насколько мы должны признать неизбежную необходимость, судьбу или фатализм. Распутать запутанные идеи - лучший способ представить истину в самом ясном свете.

Человек вынужден признать мощнейшее и решительное влияние множества вещей на его счастье или несчастье и даже на все его поведение, не имея возможности ни прибавить, ни убавить от этого влияния. Никто не может вызвать себя к жизни; никто не может выбрать время, климат или нацию, в которой он родится; никто не может установить нравы, законы, обычаи, форму правления, религиозные предрассудки или суеверия, которыми он будет окружен с момента своего рождения; никто не может сказать: я буду хозяином или слугой, старшим сыном или младшим; у меня будет крепкое или ослабленное здоровье; я буду мужчиной или женщиной; у меня будет такое или такое телосложение: Я буду дураком, идиотом, простаком, человеком разумным или человеком гениальным, вспыльчивым или спокойным, с мягким или резким характером, скромным или гордым, глупым или осмотрительным, трусливым или склонным к сладострастию, скромным или независимым: Никто не может определить степень благоразумия или глупости своих начальников, вредный или полезный пример, с которым он встретится, результат его связей, случайные события, влияние на него внешних вещей, состояние его отца и матери или его самого, или источник раздражения, которое испытают его желания или страсти. Отношения пяти органов чувств с внешними вещами, а также количество и функции органов и членов, были установлены таким же неизменным образом; так и природа является источником наших склонностей, чувств и способностей. Их взаимное влияние и отношения с внешними объектами были бесповоротно определены законами нашей организации.

Как от нас самих не зависит, что мы имеем или видим, когда предметы поражают наши уши или глаза, так и наши суждения неизбежно являются результатом законов мышления.

"Суждение, совершенно справедливо, - говорит мистер Трейси, - в этом смысле не зависит от воли; оно не зависит от нас, когда мы воспринимаем реальное отношение между двумя нашими восприятиями, чтобы не чувствовать его таким, каково оно есть на самом деле, то есть таким, каким оно должно казаться каждому существу, организованному так же, как мы, если бы оно находилось точно в такой же ситуации". Именно эта необходимость составляет определенность и реальность каждой вещи, с которой мы знакомы. Ибо если бы от нашей фантазии зависело только то, как мы относимся к большому, как к малому, к хорошему, как к плохому, к истинному, как к ложному, то в мире не существовало бы ничего реального, по крайней мере для нас. Не было бы ни величия, ни малости, ни добра, ни зла, ни лжи, ни истины; все было бы только нашей фантазией. Такой порядок вещей невозможно даже представить; он подразумевает противоречие.

Поскольку первобытная организация, пол, возраст, конституция, образование, климат, форма правления, религия, предрассудки, суеверия и т. д. оказывают самое решительное влияние на наши ощущения и идеи, на наши суждения и определение нашей воли, на природу и силу наших склонностей и талантов, следовательно, на первые мотивы наших поступков, то следует признать, что человек в некоторые из самых важных моментов своей жизни находится под властью судьбы, которая иногда приковывает его, как инертный снаряд к скале, а в другие моменты уносит его в вихре, как пыль.

Поэтому неудивительно, что мудрецы Греции, Индии, Китая и Японии, христиане Востока и Запада, магометане в своих различных доктринах развивали этот вид фатализма. Во все времена наши моральные и интеллектуальные способности получали свое происхождение от Бога; и во все времена учили, что все дары людей пришли с небес; что Бог от вечности избрал избранных; что человек сам по себе не способен ни на какие добрые мысли; что все различия между людьми, касающиеся их способностей, исходят от Бога; что к определенным действиям способны лишь те, кому это дано высшей силой; что каждый действует в соответствии со своим врожденным характером, подобно тому как смоковница не приносит винограда, а лоза - фиги, и как соленый источник не течет в пресной воде; наконец, что все не могут погрузиться ни в тайны природы, ни в постановления Провидения.

Именно такому фатализму, такому неизбежному влиянию высших сил учили отцы церкви. Святой Августин желал, чтобы именно это учение проповедовалось, чтобы мы громко исповедовали веру в непогрешимость Провидения и нашу полную зависимость от Бога. "Точно так же, говорит он, никто не может дать себе жизнь, никто не может дать себе разумение". Если кто-то не знает истины, то это, согласно его учению, потому, что он не получил необходимой способности к ее познанию. Он опровергает возражения, которые могут быть выдвинуты против справедливости Бога: он замечает, что благодать Божья не распределила одинаково между всеми временные блага, такие как адрес, сила, здоровье, красота, остроумие, склонность к искусствам и наукам, богатство, почести и т. д. Святой Киприан уже в то время говорил, что мы не должны гордиться своими качествами, потому что мы ничем не обладаем от себя.

Если бы люди не были всегда убеждены в том, что внешние и внутренние условия, связанные с определением нашей воли, влияют на наши поступки, то почему во все времена и среди всех народов были приняты гражданские и религиозные законы, чтобы подчинить и направить желания людей? Нет ни одной религии, которая не предписывала бы воздержание от определенных видов пищи и напитков, пост и умерщвление тела. Со времен Соломона Премудрого и до наших дней мы не знаем ни одного наблюдателя человеческой природы, который бы не признавал, что физическое и моральное состояние человека полностью зависит от законов творения.

ДИВИНАЦИЯ,

Это искусство или действие предсказания будущих событий, которое древние делили на искусственное и естественное.

Искусственное гадание,

Это то, что происходит путем рассуждения на основе определенных внешних признаков, рассматриваемых как указания на будущее.

Естественное гадание,

Это то, что предвидит вещи на основе простого внутреннего чувства и убеждения разума, без какой-либо помощи знаков; и бывает двух видов, один от природы, а другой посредством притока. Первый - это предположение, что душа, собранная внутри себя, а не рассеянная

или разделенная между органами тела, имеет, исходя из своей собственной природы и сущности, некоторое предвидение будущих вещей: засвидетельствуйте, что видно в снах, экстазах, границах смерти и т. д. Второй предполагает, что душа, подобно несовершеннолетнему, получает некое вторичное озарение от присутствия Бога и других духов.

Искусственное гадание также бывает двух видов: одно утверждается на естественных причинах; *например*, предсказания врачей о возникновении болезней по пульсу, языку, моче и т. д. Таковы и предсказания политика: "*O venalem urbem, et mox pepturam, si emptorem inveneris!*" Вторая исходит из произвольно поставленных экспериментов и наблюдений, и в большинстве своем является суеверной.

Системы гадания, сводящиеся к этой теме, почти неисчислимы, *например*, по птицам, внутренностям птиц, линиям руки, точкам, отмеченным наугад, числам, именам, движению сита, воздуху, огню, Сортам Пренестинским, Вергилиевым и Гомеровским; и многим другим, основные виды и названия которых таковы: -

Аксиномантия,

Древний вид гадания или метод предсказания будущих событий с помощью топора или секиры. Слово происходит от греческого, ἀξίνη, *securis*; μαντεία, *divinatio*. Это искусство было в большом почете у древних; по мнению некоторых, оно выполнялось путем накладывания агатового камня на раскаленный докрасна топор.

Алектормантия,

Древний вид гадания с помощью петуха, который использовался греками следующим образом: на земле чертили круг и делили его на 24 равные части или пространства: в каждом пространстве писали одну из букв алфавита, и на каждую из этих букв клали пшеничное зерно. После этого в круг помещали петуха и внимательно следили за зернами, которые он собирал. Буквы, соответствующие этим зернам, затем складывались в слово, которое и было ответом. Так Либаний и Ямблик искали, кто должен стать преемником императора Валенса; и петух, ответивший на пробел ΘΕΟΔ, привел их к Феодору, но по ошибке, вместо Феодосия.

Арифмомантия,

Это вид гадания или метод предсказания будущих событий с помощью чисел. Гематрия, которая составляет первый вид еврейской Кабалы, является разновидностью арифмомантии.

Беломантия,

Это метод гадания с помощью стрел, практикуемый на Востоке, но главным образом у арабов.

Беломантия проводилась разными способами: один из них заключался в том, чтобы пометить посылку стрел и положить одиннадцать или более из них в мешок; затем их вытаскивали и в соответствии с тем, как они были помечены, или иначе, судили о будущих событиях. Другой способ заключался в том, чтобы иметь три стрелы, на одной из которых было написано: "*Бог запрещает мне это*", на другой - "*Бог приказывает мне это*", а на третьей - вообще ничего. Их клали в колчан, из которого наугад вытягивали одну из трех; если она оказывалась со второй надписью, то то, о чем они советовались, должно было быть сделано; если с первой, то дело оставляли в покое; а если оказывалась без надписи, то

вытягивали заново. Беломантия - древняя практика, и, вероятно, именно о ней упоминает Иезекииль, гл. xxi, ст. 21. По крайней мере, святой Иероним понимает ее так, а отмечает, что эта практика была распространена среди ассирийцев и вавилонян. Нечто подобное упоминается и в Осии, гл. vi. Только вместо стрел там упоминаются шести, что скорее относится к рабдомантии, чем к беломантии. Гроций, как и Иероним, смешивает эти два явления вместе и показывает, что они были распространены среди волхвов, халдеев и скифов, от которых перешли к славонцам, а затем к германцам, которые, как замечает Тацит, пользовались беломантией.

Клеромантия,

Это вид гадания, осуществляемый путем бросания игральных костей или мелких костей и наблюдения за точками или знаками, которые появляются.

В Буре, городе в Ахайе, был храм и знаменитый храм Геркулеса; где каждый, кто обращался к оракулу, после молитвы идолу, бросал четыре кости, точки которых были хорошо просканированы жрецами, и он должен был извлечь из них ответ.

Кледонизм.

Это слово происходит от греческого κληδων, , которое означает две вещи: слух, сообщение, и avis, птица; в первом смысле *кледонизм* должен обозначать вид гадания по словам, произносимым время от времени. Цицерон отмечает, что пифагорейцы наблюдали не только за словами богов, но и за словами людей, и, соответственно, считали произнесение некоторых слов, например *incendium*, во время еды очень неудачным. Так, вместо слова тюрьма они использовали слово *domicilium*; а чтобы избежать эриний, говорили *эвмениды*. Во втором смысле, кледонизм должен казаться гаданием по птицам; то же самое с орнитомантией.

Коскиномантия.

Как следует из самого слова, это искусство гадания с помощью сита.

Решето подвешивают, после повторения определенной формы слов его берут только между двумя пальцами и повторяют имена подозреваемых: тот, при чьем имени решето повернется, задрожит или затрясется, считается виновным в соответствующем зле. Несомненно, это очень древняя практика. Феокрит в своем третьем "Идиллионе" упоминает женщину, которая была очень искусна в этом деле. Иногда сито подвешивали на нитке или закрепляли на остриях ножниц, давали ему возможность вращаться и называли, как и прежде, подозреваемые стороны: таким образом коскиномантия до сих пор практикуется в некоторых частях Англии. Из сочинений Феокрита следует, что она использовалась не только для того, чтобы узнать неизвестных, но и для того, чтобы вывести секреты тех, кто был таковым.

Капномантия,

Это вид гадания с помощью дыма, который использовался древними во время жертвоприношений. Общее правило гласило: если дым был тонким и легким и поднимался прямо вверх, это было хорошим предзнаменованием; если же наоборот - плохим.

Существовала и другая разновидность капномантии, которая заключалась в наблюдении за дымом, возникающим от маковых и джессиминовых семян, брошенных на горящие угли.

Катоптромантия,

Это еще один вид гадания, использовавшийся древними, который осуществлялся с помощью зеркала.

Павсаний говорит, что этот способ гадания был в ходу у ахейцев; больные, которым грозила смерть, опускали зеркало или зазеркалье, закрепленное ниткой, в фонтан перед храмом Цереры; затем, глядя в стекло, если они видели ужасное обезображенное лицо, то принимали это за верный знак смерти; если же, напротив, лицо выглядело свежим и здоровым, то это было признаком выздоровления. Иногда использовались стаканы без воды, и в них, как говорят, были представлены образы будущих событий.

Хиромантия,

Искусство предсказания судьбы, темперамента и нрава человека по линиям и очертаниям рук.

Существует множество авторов этого тщетного и пустякового искусства: Артемидор, Фладд, Иоганн де Индагин, Таконер и М. де ле Шамбре, которые являются одними из лучших.

М. Де ле Шамбре настаивает на том, что наклонности людей можно узнать по линиям на руках; существует очень близкое соответствие между частями руки и внутренними частями тела, сердцем, печенью и т. д. "от которых во многом зависят страсти и наклонности". Однако он добавляет, что правила и предписания хиромантии недостаточно обоснованы; эксперименты, на которых они основаны, не были хорошо проверены. В заключение он замечает, что необходимо провести новый набор наблюдений, сделанных со справедливостью и точностью, чтобы придать хиромантии ту форму и основательность, которых требует научное искусство.

Дактилиомантия.

Это разновидность гадания с помощью кольца. Делалось это следующим образом: кольцо, подвешенное на тонкой нити, держали над круглым столом, на краю которого были сделаны метки из 24 букв алфавита. Кольцо, покачиваясь или вибрируя над столом, останавливалось на определенных буквах, которые, соединяясь вместе, составляли требуемый ответ. Но этой операции предшествовали и сопутствовали несколько суеверных церемоний; во-первых, кольцо должно было быть освящено с большим таинством; человек, державший его, должен был быть одет в льняную одежду до самых башмаков; его голова должна была быть обрита наголо, а в руке он должен был держать вербену. Прежде чем приступить к делу, боги должны были быть умиротворены молитвами и т. д.

Вся процедура этого таинственного обряда описана в 29-й книге Аммиана Марцеллина.

Экстиспиций,

(От *exta* и *spicere* - смотреть, рассматривать).

Офицера, который показывал и осматривал внутренности жертв, звали Экстиспекс.

Этот метод гадания или предсказания будущего широко практиковался по всей Греции, где существовали две семьи, *Джамиды* и *Клитиды*, посвященные или выделенные специально для его осуществления.

Гетрурийцы в Италии были первыми *экстиспиками*, среди которых это искусство также было в большом почете. Лукан дает нам прекрасное описание одной из этих операций в своей первой книге.

Гастромантия.

Этот вид гадания, практиковавшийся еще древними, осуществлялся с помощью слов, выходящих или кажущихся выходящими из живота.

Существует и другой вид гадания, называемый тем же именем, который осуществляется с помощью очков или других круглых прозрачных сосудов, внутри которых с помощью магического искусства появляются определенные фигуры. Отсюда и название, связанное с тем, что фигуры появляются как бы в животе сосудов.

Геомантия,

Проводилась с помощью множества маленьких точек или черточек, сделанных наугад на бумаге, и последующего рассмотрения различных линий и фигур, которые эти точки изображают; таким образом формировалось мнимое суждение о будущем и решался предложенный вопрос.

Полидор Вергилий определяет геомантию как вид гадания, осуществляемого с помощью расщелин или углублений, сделанных в земле; изобретателями ее он считает персидских волхвов. De invent. rer. lib. 1, с. 23.

Геомантия образована от греческого γη *terra*, земля, и μαντεία, гадание; это древний обычай бросать маленькие камешки на землю, а затем формировать свои догадки, вместо вышеупомянутых точек.

Гидромантия, ὕδρομαντεία,

Искусство гадания или предсказания будущих событий с помощью воды; это один из четырех общих видов гадания: три других, относящихся к другим элементам, а именно огню и земле, называются пиромантия, аэромантия и геомантия, о которых уже говорилось.

Варро утверждает, что персы были первыми изобретателями гидромантии; он также отмечает, что Нума Помпилий и Пифагор использовали ее.

Существуют различные гидромантические машины и сосуды, которые имеют необычайно любопытную природу.

Некромантия,

Это искусство общения с дьяволами и совершения удивительных вещей с их помощью; в частности, вызывание мертвых и вымогательство у них ответов. (См. Магия.)

Онейрокритика,

Это искусство толкования снов; или метод предсказания будущих событий с помощью снов.

Из нескольких отрывков Писания следует, что в иудейской диспенсации существовала такая вещь, как предсказание будущих событий с помощью снов; но для этого требовался особый дар или откровение. Отсюда следует, что сны на самом деле означают нечто грядущее, и все, чего нам не хватает, - это *Oneirocritica*, или искусства знать, что именно: все же общее мнение сегодняшнего дня таково, что сны - это просто химера, вызванная различными

причинами, не имеющая никакого отношения к реализации будущих событий, но в то же время, действительно, имеющая некоторое отношение к уже произошедшему.

Что касается сна Иосифа, то "Бог, знающий все, мог открыть ему, что лежит в чреве судьбы, и для этого он мог воспользоваться сном; не иначе как он мог бы предсказать это по любой другой случайности или обстоятельству, если только Бог, чтобы придать делу большее значение, специально не сообщил такой сон фараону, чтобы вписаться в народное представление о снах и гаданиях, которое в то время было так распространено среди египтян".

Толкователей снов, или тех, кто судит о событиях по обстоятельствам сновидений, называли *онейрокритами*. Греческим книгам под названием "Онейрокритика" не стоит доверять: они изобилуют суевериями того времени. Ригго дал нам собрание греческих и латинских работ такого рода; одна из них приписывается *Астрампсиху*, другая - Никифору, патриарху Константинополя; к ним добавлены трактаты Артимедора и Ахмета. Но сами книги - не что иное, как грезы или бодрствующие сны, призванные объяснить и объяснить спящих.

Секрет *онейрокритики*, по мнению всех этих авторов, заключается в отношениях, которые должны существовать между сном и обозначаемой вещью; но они далеки от того, чтобы придерживаться отношений согласия и подобия; часто они прибегают к другим, несходным и противоречивым.

Ономантия, или Ономамантия^[35],

Это искусство предсказывать хорошую или плохую судьбу, которая постигнет человека, по буквам его имени. Этот способ гадания был очень популярным и авторитетным среди древних.

Пифагорейцы учили, что умы, поступки и успехи людей зависят от их судьбы, гения и имени, и сам Платон склоняется к тому же мнению.

Qualem creavit moribus,

Jussit vocari NOMINE

Mundi supremus arbiter.

Таким образом он развлекается с пирующей Мерой, поскольку, если бы ее имя говорило, что она будет пить чистое вино без воды, или, как он это называет, *merum tereim*. Так, Ипполита разорвали на куски его собственные лошади, как гласило его имя; так, Агамемнон означал, что он надолго задержится в Трое; Приам - что он будет выкуплен из рабства в детстве. Сюда же можно отнести и случай с Клавдием Рутилием:...

Nominibus certis credam decurrere mores?

Moribus aut Potius nomina certa dari?

В истории часто встречается не менее справедливое наблюдение, что величайшие империи и государства были основаны и разрушены людьми с одним и тем же именем. Так, например, Кир, сын Камбиза, основал персидскую монархию; Кир, сын Дария, разрушил ее; Дарий, сын Гистаспеса, восстановил ее; и снова Дарий, сын Асамиса, полностью уничтожил ее. Филипп, сын Аминта, значительно расширил Македонское царство, а Филипп, сын Антигона, полностью его утратил. Август был первым императором Рима; Августул - последним.

Константин первым основал Константинопольскую империю, а Константин полностью проиграл ее туркам.

Существует аналогичное наблюдение, что некоторые имена постоянно неудачны для принцев: *например*, Кайус - у римлян; Джон - во Франции, Англии и Шотландии; Генрих - во Франции.

Одно из главных правил ономантии у пифагорейцев гласило, что четное количество гласных в имени означает недостаток левой стороны человека, а нечетное - правой. -Другое правило, примерно такое же, как и это, гласило, что наиболее счастливы те люди, в чьих именах числовые буквы, сложенные вместе, составляют наибольшую сумму; по этой причине, говорят они, Ахилл победил Гектора; числовые буквы в первом имени составляли большее число, чем во втором. И, несомненно, по такому же принципу молодые римляне поднимали тосты за своих любовниц на собраниях столько раз, сколько букв содержали их имена.

"Nævia sex cyathis, septem Justina bibatur!"

Родингий описывает необычный вид ономантии. -Феодот, король готов, желая узнать об успехе своих войн с римлянами, приказал одному еврею-ономанту запереть несколько свиней в маленьких стойлах, дать некоторым из них римские, а другим готские имена, с различными знаками, чтобы их различать, и держать их там до определенного дня; когда этот день наступил, при осмотре стойл нашли мертвыми тех, кому были даны готские имена, и живыми тех, кому были даны римские имена. -После чего еврей предсказал поражение готов.

Оникомантия, или Онимантия.

Этот вид гадания осуществляется с помощью ногтей на пальцах. Древняя практика состояла в том, чтобы натереть ногти юноши маслом и сажеей, или воском, и подержать ногти, подготовленные таким образом, против солнца; на них должны были появиться фигуры или символы, которые указывали на требуемую вещь. Поэтому и современные хироманты называют ту часть своего искусства, которая связана с осмотром ногтей, оникомантией.

Орнитомантия,

Это вид гадания или метод получения знаний о будущем с помощью птиц; у греков она была тем же, чем авгуры были у римлян.

Пиромантия,

Разновидность гадания с помощью огня.

Древние считали, что могут предсказывать будущее, наблюдая за огнем и пламенем; для этого они рассматривали его направление, или в какую сторону он поворачивается. Иногда они добавляли в огонь другие предметы, *например*, сосуд, наполненный мочой, с горлышком, обвязанным шерстью, и внимательно следили за тем, с какой стороны он вспыхнет, и по этому направлению делали свои предсказания. Иногда в него бросали смолу, и если она мгновенно загоралась, то это считалось благоприятным предзнаменованием.

Пискомантия, или научная магия,

Искусство древних вызывать или призывать маны или души умерших людей, чтобы получить информацию о грядущих событиях. Ведьма, которая вызвала душу Самуила, чтобы

предсказать Саулу события битвы, которую он собирался дать, сделала это с помощью сциомантии.

Рабдомантия,

Древний метод гадания, осуществлявшийся с помощью жезлов или шестов. Святой Иероним упоминает этот вид гадания в своем комментарии к Осии, глава vi. 12; где пророк говорит от имени Бога: *Мой народ спрашивает совета у своих колود, и посох их говорит им*; под этим отрывком отец понимает греческую рабдомантию.

То же самое встречается и в книге Иезекииля, ххi. 21, 22, где пророк говорит: *Ибо царь Вавилонский стоял на распутье, в начале двух путей, для гадания; он делал стрелы свои яркими, или, как переводит святой Иероним, он смешивал стрелы свои; он советовался с образами; он смотрел в печень.*

Если в этих двух отрывках говорится об одном и том же виде гадания, то рабдомантия должна быть тем же видом суеверия, что и беломантия. На самом деле эти два понятия обычно путают. Септуагинта сама переводит רַבְדּוֹס Иезекииля רַבְדּוֹס, жезл; хотя в строгом смысле это означает стрелу. Однако несомненно, что инструменты гадания, упомянутые Осией, отличаются от тех, о которых говорит Иезекииль. В первом случае это עֵצוֹ *etso*, מַקְלוֹ *taklo*, его дерево, его посох: во втором רַבְדּוֹס *hitism*, стрелы. Хотя возможно, что они могли использовать жезлы или стрелы безразлично; или военные могли использовать стрелы, а остальные - жезлы.

Из законов фрисонов следует, что древние жители Германии практиковали рабдомантию. Скифы также были знакомы с ее использованием, а Геродот отмечает, *lib. vi.*, что женщины среди аланов искали и собирали прекрасные прямые палочки или жезлы и использовали их в тех же суеверных целях.

Среди других видов гадания, не упомянутых здесь, можно перечислить следующие: *Хиромантия*, осуществляемая с помощью ключей; *Алфитомантия* или *Алеуромантия*, по муке; *Керауноскопия*, по созерцанию грома; *Алектомантия*, по петухам; *Литомантия*, по камням; *Эйхномантия*, по лампам; *Ооскопия*, по яйцам; *Леканомантия*, по тазу с водой; *Пальпитатим*, *Салисатио*, παλμος, по пульсации или движению некоторых членов, и т. д. и т. п.

Все эти виды гадания были осуждены отцами Церкви и Соборами, как предполагающие некий договор с дьяволом. Фладд написал несколько трактатов о гаданиях и их различных видах; Цицерон написал две книги о гаданиях древних, в которых он опровергает всю эту систему. Кардан также в своей 4-й книге *de Sapientia* описывает все их виды.

ОРАКУЛ.

Слово "оракул" допускает под этим названием два значения: во-первых, оно предназначено для выражения ответа, обычно облеченного в очень темные и двусмысленные термины, который, как предполагается, давали демоны древности, либо устами своих идолов, либо устами своих жрецов, тем, кто советовался с ними о вещах, которые должны произойти. Пифия^[36] всегда была в ярости, когда произносила оракулы.

Абланкур замечает, что изучение или исследование смысла *оракулов* было бесплодным занятием; их никогда не понимали, пока они не совершались. Историки рассказывают, что Крёз был одурачен двусмысленностью и двусмысленностью оракула.

Κροίσος Ἄλυν διαβας μεγάλην ἀρχὴν καταλνσκει.

Cræsus Halym superans magnam pervertet opum vim.

Прорицание также используется для обозначения демона, давшего ответ, и места, где он был дан. (Vide Demon.)

Главные оракулы древности: оракул Абæ, упоминаемый Геродотом; оракул Амфиаруса; оракул Бранхида в Дидиме; оракул Лагеря в Лакедемонии; оракул Додоны; оракул Юпитера Аммона; оракул Набарки в стране анариаков, близ Каспийского моря; Трофоний, упоминаемый Геродотом; Хрисополис; Кларос в Ионии; Маллос; Патарея; Пелла в Македонии; Фазелиды в Киликии; Синопа в Пафлагонии; голова Орфея, упоминаемая Филостратом в жизни Апполония, и т. д. Но из всех прочих оракул *Аполлона Пифийского* в Дельфах был самым знаменитым; к нему, короче говоря, всегда обращалось большинство принцев тех веков как к *последнему советнику* в экстренных случаях. Г-н Бейль отмечает, что сначала он давал свои ответы в стихах, а затем перешел на прозу, поскольку люди начали смеяться над убожеством его стихосложения.

Среди ученых существует общее мнение, что все оракулы были просто обманом и самозванством, рассчитанным либо на скупые цели языческих жрецов, либо на политические взгляды князей. Бейль утверждает, что это были всего лишь человеческие проделки, к которым дьявол не приложил руку. В этом мнении его твердо поддерживают Ван Дейл, голландский врач, и М. Фонтенель, которые много писали на эту тему.

В вопросе *об оракулах* есть два момента: были ли они человеческими или дьявольскими машинами, и прекратились ли они с появлением и проповедью Евангелия?

Плутарх написал трактат о прекращении некоторых *оракулов*: и Ван Дейл имеет целый том, доказывающий, что они не прекратились с пришествием Христа; но что многие из них прекратились задолго до этого времени, и что другие продержались до падения язычества, под империей Феодосия Великого, и когда оно рассеялось, эти институты не могли больше сопротивляться.

Ван Дейлу ответил немец, некто Мёбиус, профессор теологии в Лейпсике в 1685 году. Фонтенель поддержал систему Ван Дейла и усовершенствовал ее в своей истории оракулов; в ней он разоблачил слабость аргумента, используемого многими писателями в пользу христианства, исходя из прекращения *оракулов*.

Бальтус, ученый иезуит, ответил и Ван Дейлу, и Фонтенелю. Он старается доказать, что существовали настоящие *оракулы*, причем такие, которые нельзя приписать никаким ухищрениям священников или жриц; и что некоторые из них умолкли в первые века существования Церкви, либо с приходом Иисуса Христа, либо по молитвам святых. Эта доктрина подтверждается письмом отца Буше, миссионера отца Бальтуса; в нем говорится, что то, что отец Бальтус заявляет о древних оракулах, ежедневно проверяется на опыте в Индиях.

По словам Буше, оказывается, что дьявол все еще произносит оракулы в Индии, и не через идолов, которые могли бы стать предметом самозванства, а устами священников, а иногда и

прохожих; добавляется, что эти оракулы тоже прекращаются, и дьявол становится немым, когда среди них проповедуется Евангелие.

Именно Евсевий первым попытался убедить христиан в том, что с приходом Иисуса Христа оракулы замолчали; хотя из законов Феодосия, Грациана и Валентиниана следует, что к оракулам все еще обращались еще в 358 году. Цицерон говорит, что оракулы стали немыми, поскольку люди, становясь все менее доверчивыми, начали подозревать их в обмане.

Плутарх называет две причины прекращения оракулов: первая - недовольство Аполлона, который, похоже, "впал в уныние", когда его допрашивали о стольких пустяках. Другой - что, поскольку гении, или демоны, управлявшие оракулами, умирали и вымирали, оракулы неизбежно должны были прекратиться. Он добавляет третью и более естественную причину прекращения *оракулов* - плачевное состояние Греции, разоренной и опустошенной войнами. Вследствие этого бедствия, из-за незначительных доходов священники опустили до нищеты и презрения, которые не могли покрыть обман.

Большинство отцов церкви считали, что *оракулы* дает дьявол, и считали, что ему доставляет удовольствие давать сомнительные и двусмысленные ответы, чтобы иметь возможность посмеяться над ними. Воссигус допускает, что именно дьявол говорил оракулы, но считает, что неясность его ответов объяснялась его незнанием точных обстоятельств событий. Искусная и тщательно продуманная неясность, в которую, по словам, были облечены ответы, свидетельствует о том, что дьявол был поставлен в неловкое положение; ведь те двойные смыслы, которые они обычно несли, обеспечивали их исполнение. Когда предсказанное не происходило, *оракул*, так сказать, всегда понимался неправильно.

Евсевий сохранил несколько фрагментов из книги философа Энома, который, обидевшись на то, что его так часто обманывали оракулы, написал обширное опровержение всех их дерзостей в следующем духе: "Когда мы приходим посоветоваться с тобой, - говорит он Аполлону, - если ты видишь, что находится в чреве будущего, почему ты используешь выражения, которые не будут поняты? Если да, то тебе доставляет удовольствие издеваться над нами; если нет, то будь осведомлен о нас и научись говорить яснее. Я говорю тебе, что если ты имеешь в виду эквивокацию, то греческое слово, с помощью которого ты утверждаешь, что Крёс должен свергнуть великую империю, выбрано неудачно; оно не может означать ничего, кроме того, что Крёс победит Кира. Если все неизбежно должно произойти, зачем ты забавляешь нас своими двусмысленностями? Что ты, несчастный, делаешь в Дельфах, занимаясь пустыми пророчествами?"

Но еще больше Энамаус негодует на оракула за ответ, который Аполлон дал афинянам, когда Ксеркс собирался напасть на Грецию со всеми силами Азии. Пифия объявила, что Минерва, покровительница Афин, тщетно пыталась утихомирить гнев Юпитера, но Юпитер, в угоду своей дочери, пожелал, чтобы афиняне спаслись в деревянных стенах, и что Саламину предстоит увидеть потерю множества детей, умерших вместе со своими матерями, либо когда Церера будет разбросана по всему миру, либо собрана вместе. На этом Энамай теряет всякое терпение с дельфийским богом: "Это состязание, - говорит он, - между отцом и дочерью, очень подобает божествам! Прекрасно, что на небе есть противоположные склонности и интересы! Бедный волшебник, ты не знаешь, кто эти дети, которые увидят гибель Саламиса: греки или персы. Несомненно, они должны быть либо теми, либо другими; но тебе не следовало бы так открыто говорить, что ты не знаешь, кто из них кто. Ты скрываешь время битвы под этими изящными поэтическими выражениями: *то ли Церера разбросана по миру, то ли собрана вместе*; и ты хочешь обмануть нас таким напыщенным языком! Кто не знает, что если происходит морское сражение, то оно должно быть либо во

время посева, либо во время сбора урожая? Уж точно не зимой. Пусть все идет как идет, ты обеспечишь себя этим Юпитером, которого Минерва пытается умиротворить. Если греки проиграют битву, Юпитер окажется неумолимым до последнего; если выиграют ее, то Минерва в конце концов одержит верх".

OURAN, ИЛИ URAN, SOANGUS,

Название воображаемой группы магов на острове Громбокканор, в Ост-Индии.

Слово означает "люди-дьяволы"; эти люди, как кажется, обладают искусством становиться невидимыми, проходить там, где им вздумается, и таким образом причинять бесконечные беды; по этой причине люди смертельно их ненавидят и боятся и всегда убивают их на месте, когда им удастся их схватить.

В португальской истории, напечатанной в 1581 году, фолио, упоминается о подарке, сделанном королем острова португальскому офицеру по имени Бриттио, *Ourans*, с которым, как утверждается, он совершал набеги на жителей Тидоре, убил большое количество людей и т. д.

Чтобы проверить, действительно ли они обладают приписываемыми им способностями, одного из них привязали к шее веревкой, без всякой возможности освободиться естественным путем; однако утром оказалось, что он соскользнул с ошейника. Но чтобы король Тидоры не жаловался на то, что Бриттио вел на него войну с дьяволами, говорят, что в конце концов он отпустил их на их собственный остров.

СНЫ и т. д.

Искусство предсказывать будущие события по снам называется

Бризомантия.

Макробий упоминает пять видов снов: 1-й - видение; 2-й - открытие чего-то между сном и бодрствованием; 3-й - внушение, брошенное в наше воображение, называемое Цицероном "везум"; 4-й - обычный сон; 5-й - божественное явление или откровение во сне; таковы были сны пророков и Иосифа, а также волхвов Востока.

Происхождение толкования снов.

Вымышленное искусство толкования снов зародилось у египтян и халдеев, стран, плодотворных на всевозможные суеверия. От них оно перешло к римлянам, которые, считая некоторые сны достойными внимания, специально назначали людей для их толкования.

Верующие в сны как предсказания будущих событий приводят в подтверждение этого мнения множество снов, которые были предвестниками весьма необычных событий: среди них - сон Кальпурнии, жены Юлия Цезаря, приснившийся ей в ночь перед его смертью, что она видела его заколотым в Капитолии: Арторию, врачу Августа, перед битвой при Филиппах

приснилось, что лагерь его господина разграблен; императору Веспасиану приснилось, что старуха сказала ему, что его удача начнется, когда Нерону вырвут зуб, что и произошло.

Сесар, которому приснилось, что он совершает кровосмешение со своей матерью, был коронован как император Рима; а афинский тиран Гиппиас, которому приснилось то же самое, умер вскоре после этого и был погребен в земле своей матери. Императору Маврикию, убитому Фокой, за некоторое время до этого события приснилось, что образ Христа, стоявший над медными воротами его дворца, позвал его и упрекал в грехах, а потом спросил, где он получит положенное за них наказание - в этом мире или в следующем; и Маврикий ответил, что образ велел отдать его с женой и детьми в руки Фоки. Тогда Маврикий, пробудившись в великом страхе, спросил Филиппа, своего зятя, не знает ли он в армии солдата по имени Фока, тот ответил, что есть комиссар, которого так называют; и Фока стал его преемником, убив его жену и пятерых детей. Арлет, во время беременности от Вильгельма Завоевателя, приснилось, что из ее чрева пролился свет, который осветил всю Англию. Маке, матери Вергилия, приснилось, что она родила лавровую ветвь.

Нелепая увлеченность сновидениями до сих пор так заметна даже среди людей, чье образование должно было бы лучше их информировать, и особенно среди представительниц прекрасного пола, что среди них редко проходит беседа, в которой тема какого-нибудь глупого противоречивого сна или чего-то еще не занимает ведущее место в их сплетнях. "Мне приснилось прошлой ночью, - говорит один, - что у меня выпал один из зубов" - "Это знак, - отвечает другой, - что вы потеряете друга или кого-то из ваших родственников" - "Боюсь, что так и будет, - отвечает сновидец, - потому что мой кузен (брат или другой человек, связанный с семьей или ее интересами) очень болен" и т. д.

Мнения о причинах снов.

Авицен считает причиной сновидений высший разум, движущий луну среди того света, которым освещены фантазии людей во время сна. Аристотель относит причину их возникновения к здравому смыслу, но помещает ее в фантазию. Аверроэс помещает ее в воображение. Демокрит приписывает ее маленьким образам, или представлениям, отделенным от самих вещей. Платон, среди конкретных и конкретных понятий душу. Альбертус - высшим влияниям, которые непрерывно поступают с неба через многие специфические средства. А некоторые врачи приписывают их причину парам и гуморам, а также привязанностям и заботам людей, преобладающим в бодрствующем состоянии; ибо, говорят они, из-за обилия паров, которые выдыхаются вследствие неумеренного питания, мозг настолько забивается ими, что образуются чудовища и странные химеры, примеров которых у самых неумеренных едоков и пьяниц предостаточно. Некоторые сны, утверждают они, частично зависят от температуры тела, а частично - от юмора, которым оно в основном наполнено; к этому можно добавить опасения, которые предшествовали предыдущему дню, что часто наблюдается у собак и других животных, которые лают и шумят во сне. Сны, по их наблюдениям, зависят от гуморов и температуры тела; холерикам снится огонь, битвы, желтые цвета и т. д.; флегматикам - вода, ванны, морские путешествия и т. д.; меланхоликам - густые испарения, пустыни, фантазии, отвратительные лица и т. д.; сангвиникам - веселые пиры, танцы и т. д. Те, у кого задняя часть мозга забита вязкими примесями, врачи называют это *ephialtes incubus*, или, как его еще называют, ночным кошмаром, во сне воображая, что они задыхаются. А те, у кого отверстие желудка заполнено злокачественными примесями, страшатся странных видений из-за тех ядовитых паров, которые поднимаются к мозгу и мутят его".

Цицерон рассказывает историю о двух аркадянах, которые, путешествуя вместе, прибыли в Мегару, город в Греции, между Афинами и Коринфом, где один из них остановился в доме друга, а другой - на постоялом дворе. После ужина тот, кто поселился в частном доме, лег спать и, засыпая, увидел сон, что ему явился его друг на постоялом дворе и просит его о помощи, потому что трактирщик собирается его убить. Тот немедленно встал с постели, сильно испугавшись этого сна, но, придя в себя и снова заснув, его друг явился ему во второй раз и попросил, чтобы, поскольку он не успеет помочь ему, тот позаботился хотя бы о том, чтобы его смерть не осталась безнаказанной; что трактирщик, убив его, бросил его тело в телегу и засыпал навозом; поэтому он просил, чтобы тот был у городских ворот утром, пока телега еще не выехала. Пораженный этим новым сном, он рано подошел к воротам, увидел телегу и спросил водителя, что в ней; водитель тотчас убежал, мертвое тело вытащили из телеги, а трактирщика задержали и казнили.

СУДЬБА.

Судьба, в общем смысле, обозначает неизбежную необходимость, зависящую от какой-то высшей причины. Этот термин часто использовался древними философами. Он образован *от fando*, от говорить; и в первую очередь подразумевает то же самое, что и *effatum*, то есть слово или указ, произнесенный богом; или фиксированный приговор, посредством которого божество предписало порядок вещей и назначило каждому человеку то, что должно его постигнуть. Греки называли θμάρμενῃ, *quasi*, θρμός, *pexus*, изменение или необходимый ряд вещей, неразрывно связанных между собой; а современные люди называют это Провидением. Но независимо от этого смысла слова, в котором оно используется иногда для обозначения причин в природе, а иногда божественного назначения, слово судьба имеет более далекое значение, будучи использовано для выражения некоторого вида необходимости или другого, или вечного назначения вещей, посредством которого все агенты, как необходимые, так и добровольные, побуждаются и направляются к своим целям.

Некоторые авторы делят судьбу на астрологическую и стоическую.

Астрологическая судьба обозначает необходимость вещей и событий, возникающую, как предполагается, из влияния и положения небесных тел, которые дают закон элементам и смешанным телам, а также воле людей.

Стоическая судьба, или фатальность, или фатализм, определяется Цицероном как порядок или ряд причин, в котором причина связана с причиной, каждая из которых порождает другие; и таким образом все вещи вытекают из одной первопричины. Хрисипп определяет его как естественную неизменную последовательность всех вещей, *ab eterno*, каждая из которых влечет за собой другую. Этой участи они подвергают и самих богов. Так, поэт замечает, что "родитель всех вещей в начале создал законы, которыми он связывает не только другие вещи, но и самого себя". Сенека также замечает: *Eadem necessitas et deos alligat. Irrevocabilis divina pariter et humana cursit vehit. Ipse ille omnium conditor et rector scripsit quidam fata, sed sequitur; semel scripsit, semper paret*. Эту вечную череду причин поэты называют μοῖραι, а также *parcæ*, или судьбами.

Некоторые более поздние авторы делят судьбу на физическую и божественную.

Первая, или физическая судьба, - это порядок и ряд физических причин, соотнесенных с их следствиями. Этот ряд необходим, а необходимость естественна. Основой или фундаментом этой судьбы является природа, или сила и способ действия, которыми Бог изначально наделил несколько тел, элементов и т. д. По этой воле огонь согревает, тела сообщают друг другу движение, происходят приливы и отливы и т. д. И следствиями этой судьбы являются все события и явления во вселенной, кроме тех, что происходят от человека.

Вторая, или божественная, судьба - это то, что чаще всего называют Провидением. Платон в своей "Федоре" включает оба этих понятия в одно определение, намекая на то, что они являются одним и тем же, активно и пассивно рассматриваемым. Так, *Fatum Est ratio quædam divina, lexque naturæ comes, quæ transiri nequeat, quippe a causa pendens, quæ superior sit quibusvis impedimentis*. Хотя из двух высказываний Бетия это кажется более ясным: "Фатум, говорит он, *est inhærens rebus molilibus despositio per quam providentia suis quæque nectet ordinibus*".

ФИЗИОГНОМИКА^[37] , ΦΥΣΙΟΓΝΩΜΙΑ.

В физиогномике, похоже, что-то есть, и, возможно, она несет в себе гораздо более чистую философию, чем та, с которой были знакомы эти авторы (см. примечание). По крайней мере, мы смеем утверждать, что из всех причудливых искусств древних, которыми перестали пользоваться современные, ни одно не имеет такого фундамента в природе, как это. Существует очевидное соответствие или аналогия между лицом и умом; черты и линии одного направляются движениями и привязанностями другого: есть даже особое расположение членов лица, и особое расположение лица, к каждой конкретной привязанности, и, возможно, к каждой конкретной идее ума. В самом деле, язык лица (*физиогномика*) так же богат, нет, возможно, так же отчетлив и понятен, как и язык (*речь*). Благодаря щедрой природе, она не ограничила нас одним единственным методом общения друг с другом и изучения мыслей друг друга; у нас их несколько: мы не полностью зависим от языка, который может быть связан, и уха, которое может быть глухим: но в этих случаях у нас есть другой ресурс, а именно. Лицо и глаз, которые дают нам еще одно преимущество, что, сравнивая сообщения языка (члена, чрезвычайно склонного к обману) с сообщениями лица, можно обнаружить уклончивость первого.

Основа физиогномики заключается в том, что различные объекты, представляющиеся чувствам, а также различные идеи, возникающие в сознании, производят определенное впечатление на духов; и каждое впечатление соответствует или адекватно его причине, - следовательно, каждое производит различное впечатление. Если спросить, как такое впечатление может быть произведено, то на это легко ответить; вкратце, это следствие экономности Творца, который установил такую связь между несколькими частями творения, чтобы мы могли быть осведомлены о приближении или удалении вещей, вредных или полезных для нас. Если это не достаточно философски для нашей цели, возьмем манеру картезианского языка: *животные духи, движимые в органе объектом, продолжают свое движение до мозга, откуда это движение передается в ту или иную часть тела, наиболее соответствующую замыслу природы; предварительно произведя соответствующее изменение в лице посредством его нервов, особенно Pathetici u Motores Occulorum*. См. работу д-ра Гёртера, anno 1604.

Лицо здесь выполняет функции циферблата, а колеса и пружины внутри машины, приводящие ее мышцы в движение, показывают, чего следует ожидать от ударной части. Не то чтобы движение духов продолжалось всю дорогу от впечатления объекта, поскольку впечатление может закончиться в веществе мозга, общем фонде духов; остальное, по мнению доктора Гёртера, может происходить примерно так же, как воздух подается в трубы органа, которые, будучи открытыми, врываются внутрь, а когда клавиши отпускаются, снова останавливаются.

Так, если в результате повторяющихся действий или частых развлечений, связанных с частной страстью или пороком, к которым торопит природный темперамент или тянет обычай, лицо часто принимает ту позу, которая сопутствует таким действиям; животные духи совершают такие путешествия по нервам, (в которых состоит сущность привычки), что лицо иногда неизменно устанавливается в этой позе, (как у индийских религиозных людей, которые долго сидят в странных позах в своих пагодах), или, по крайней мере, оно неощутимо и механически падает в эту позу, если только какой-нибудь настоящий объект не исказит его от этого, или какая-нибудь диссимуляция не скроет его. Эта причина подтверждается наблюдениями: так, мы видим больших любителей выпить, у которых глаза обычно направлены к носу; мышцы брюшного пресса (некоторые называют их бибаторием, или бибаторными мышцами) часто используются для придания им такой позы, чтобы видеть их любимый напиток в бокале во время питья. Таким образом, и у развратных людей можно заметить *oculorum mobilis petulantia*, как называет это Петроний. Отсюда же можно объяснить выжидательное лицо квакера, ожидающего, когда дух побудит его к действию; меланхоличное лицо большинства сектантов; заученное лицо людей с большим прилежанием ума; мстительные и кровавые люди, как палачи на деле; и хотя молчание в некотором роде может некоторое время выдаваться за мудрость, рано или поздно святой Мартин проглядывает сквозь маскировку, чтобы все разрушить. "*Изменчивое лицо*, - продолжает доктор Гёртер, - по моим наблюдениям, свидетельствует об *изменчивом уме*, но я ни в коем случае не хочу, чтобы сказанное понималось как исключение; ибо я не сомневаюсь, что иногда встречаются люди с великими и добродетельными душами под очень неперспективной внешностью".

"Если бы наши наблюдения были чуть более строгими и тонкими, мы, несомненно, могли бы различать не только привычки и темперамент, но и профессии. В самом деле, много ли нужно проницательности, чтобы различить свирепый взгляд солдата-ветерана, спорный взгляд опытного адвоката, торжественный взгляд государственного министра или многие другие подобные взгляды?"

Очень примечательный физиологический анекдот привел Де Ла Пляс в своей книге "Интересные и малоизвестные пиесы" (*Pièces Interrestantes et peu connues*). Vol. iv. p. 8.

Друг заверил его, что видел объемную и секретную переписку, которая велась между Людовиком XIV и его любимым врачом де ла Шамбре по поводу этой науки: вера монарха, по-видимому, была велика, а цель, к которой стремилась эта переписка, действительно необычна и, возможно, едва ли правдоподобна. Кто поверит, что Людовик XIV был настолько убежден в таланте, который приписывал себе де ла Шамбр, определять по физиогномике людей, не только о настоящем складе их характера, но и о том, к какой работе они приспособлены, что король вступил в *тайную переписку*, чтобы получить критические заметки своего *физиогномиста*. То, что Людовик XIV придерживался этой системы, не замеченный своими придворными, также необычно; но из этой переписки следует, что это искусство положительно влияло на него при выборе офицеров и фаворитов. На одной из

оборотных сторон этих писем де ла Шамбре написал: "Если я умру раньше его величества, он подвергнется большому риску сделать много неудачных выборов".

Эта коллекция физиологической переписки, если она действительно существует, могла бы стать любопытным изданием. Однако мы ничего о нем не слышали.

Де ла Шамбре был энтузиастом-физиогномистом, о чем свидетельствуют его работы: "Характеры страстей", четыре тома in quarto; "Искусство познания человечества" и "Познание животных".

Лаватер цитирует его "голос и интерес" в пользу любимой науки. Не менее любопытно, однако, добавить, что Филипп граф Пемброк при Якове I составил особую коллекцию портретов с целью физиогномических исследований.

Великий принц Конде был большим знатоком физиогномики, которая показывала особые привычки, движения и позы привычной жизни и механической работы. Иногда он заключал пари со своими друзьями, что угадает по походке и воздуху на Пон-Нёфе, какой профессии люди, проходящие мимо.

Прославленный маршал Лаудон в молодости должен был поступить на службу к великому Фридриху, королю Пруссии; но этот монарх, при всей своей проницательности, составил весьма ошибочное суждение о молодом офицере (как он сам убедился впоследствии) и заявил, что никогда не поступит; вследствие этого Лаудон поступил на службу к императрице-королеве Марии Терезии и стал одним из самых грозных противников его прусского величества. Маршал Туррен был гораздо более точен в своем мнении о нашем прославленном Джоне герцоге Мальборо, чье будущее величие он предсказал, когда тот служил во французской армии в чине прапорщика Черчилля и был известен под невоенным именем "красавца англичанина".

В изобразительном искусстве, кроме того, мы видели не менее точные предсказания будущего величия. Когда ученики Рубенса играли и шутили друг с другом в отсутствие своего учителя, один из них случайно ударился о картину, над которой только что работал Рубенс, и значительная часть ее была полностью изуродована. Другой ученик немедленно взялся за исправление и закончил работу до возвращения хозяина. Рубенс, рассматривая свою работу, заметил изменения, и эти изменения удивили и смутили его. Наконец, заподозрив, что кто-то был занят, он потребовал объяснений, добавив, что исполнение было столь мастерским, что он простит дерзость за ее достоинства. Ободренный этим заявлением, молодой художник признался и объяснил все, умоляя, что его официоз был лишь для того, чтобы уберечь товарища от гнева хозяина. Рубенс ответил: "Если кто из моих учеников и превзойдет меня, то это будешь ты". Этим учеником был великий Вандик.

Лаватер, возродивший физиогномику, бесспорно, довел ее до большого совершенства. Но можно справедливо усомниться, не обманывается ли он, думая, что ее можно преподавать, как другие науки, и не много ли в его системе причудливого и необоснованного. Однако каждый человек по своей природе имеет что-то от этой науки, и нет ничего более обычного, чем подозревать человека, который никогда не смотрит в лицо своему соседу. В таких людях есть своя степень хитрости, которая всегда опасна, но ни в коем случае не нова. "Есть человек лукавый, который печально опускает голову свою, но внутренне он полон лукавства. Опускает лицо свое и делает вид, что не слышит". Человека можно узнать по его виду, а того, у кого есть понимание, по его лицу, когда ты его встретишь" - В нескольких афоризмах Лаватера встречается нечто подобное следующему: "Наряд человека, его чрезмерный смех и походка показывают, что он из себя представляет".

АППАРИЦИИ.

Частичная темнота или неясность - самые сильные средства, с помощью которых можно обмануть зрение: поэтому ночь - подходящее время для явлений. Действительно, состояние ума в это время подготавливает его к принятию этих галлюцинаций воображения. Страх и осторожность, которые необходимо соблюдать ночью; возможность, которую она предоставляет для засад и убийств; лишение нас общества и отсечение многих приятных идей, которые объекты при свете никогда не перестают вызывать, - все это обстоятельства, вызывающие ужас: и, возможно, в целом, так много нашего счастья зависит от наших чувств, что лишение любого из них может сопровождаться пропорциональной степенью ужаса и беспокойства. Представления, сложившиеся у древних о *душе*, можно проиллюстрировать этими принципами. В темноте или в сумерках воображение часто превращает неодушевленное тело в человеческую фигуру; при приближении к дому такого же облика не обнаруживается: поэтому им иногда казалось, что они видят своих предков; но, не обнаружив реальности, они называли эти иллюзии *теньями*.

Многие из этих сказочных повествований могут происходить из *снов*. Бывают моменты дремоты, когда мы чувствуем, что спим^[38]. Исходя из этого принципа, Гоббс так изобретательно объяснил призрак, который, как говорят, явился Бруту, что мы не можем удержаться от соблазна вставить его собственные слова. "Мы читаем, - говорит он, - о М. 1600 Бруте (который получил жизнь от Юлия Цезаря, а также был его любимцем и, несмотря на это, убил его), что в Филиппах, в ночь перед тем, как он дал бой Августу Цезарю, он увидел страшное явление, которое историки обычно называют видением; но, учитывая обстоятельства, можно легко судить, что это был всего лишь короткий сон. Ибо, сидя в своей палатке, задумчивый и встревоженный ужасом своего необдуманного поступка, ему, дремавшему на холоде, было нетрудно увидеть во сне то, что его больше всего пугало; и этот страх, как постепенно заставлял его просыпаться, так же постепенно должно было исчезнуть и явление; и не имея уверенности, что он спал, он не мог иметь причин считать это сном или чем-то иным, кроме видения." - Известная история, рассказанная Кларендоном, о явлении отца герцога Бекингема, допускает аналогичное решение. В королевстве не было человека, о котором бы так много говорили, как о герцоге; и из-за испорченности своего характера он мог стать жертвой энтузиазма времени. Сэр Джордж Вилиерс, как говорят, явился человеку в полночь - поэтому велика вероятность, что тот спал; сон, напугавший его, произвел сильное впечатление и, скорее всего, повторился.

Следует признать, что популярная вера в то, что ушедшие духи время от времени общаются с людьми, изобилует любопытными домыслами. Некоторые христианские богословы, имея на то все основания, не признают никакого достоверного источника, из которого человеку могло бы быть передано впечатление о будущем состоянии, кроме как от еврейских пророков или от самого Спасителя. Однако несомненно, что вера в наше существование после смерти с незапамятных времен преобладала в странах, на которые никогда не распространялось знание Евангелия, как, например, среди некоторых племен Америки. Могло ли это понятие возникнуть интуитивно? Или это экстравагантное предположение, что вера могла часто возникать из тех призрачных иллюзий, которым люди в каждую эпоху, должно быть, подвергались из-за периодического влияния болезнетворных причин? И

каково было бы естественное убеждение, если бы дикарь увидел перед собой явление ушедшего друга или знакомого, наделенного подобием жизни, движением и признаками рассудка, возможно, даже ведущего с ним беседу? Уверены, вряд ли у вас не возникнет убеждения в существовании жизни после смерти. Страницы истории свидетельствуют о том, что...

"Если в родословную можно хоть сколько-нибудь верить,

нисходящие духи беседовали с человеком,

и открывали ему тайны неведомого мира".

Но если это мнение о загробной жизни и зародилось у языческих народов, то оно обязательно должно быть пропитано грубейшими нелепостями, свойственными столь падкому источнику разума. И все же разум с жадностью цеплялся за подобные экстравагантности; "ибо, - как заметил сэр Томас Браун, - это самый тяжелый камень, который меланхолия может бросить в человека, - сказать ему, что он находится в конце своей природы; или что нет никакого будущего состояния, к которому все это, кажется, прогрессивно и тщетно". Поэтому только свет откровения должен был придать этой вере последовательность и соответствие божественной истине, а также связать ее с рациональной системой наград и наказаний.

Исходя из вышеизложенных замечаний, нас не должно удивлять, что убежденность в периодическом появлении призраков или ушедших духов с самой далекой древности была народным верованием, не ограниченным каким-либо отдельным племенем или расой людей. В Европе греки и римляне считали, что после распада тела каждый человек обладает тремя различными видами призраков, которые носят названия *Manes*, *Anima* и *Umbra*. Ими распоряжались следующим образом: *Manes* спускались в адские области, *Anima* возносились в небеса, а *Umbra* витали вокруг могилы, не желая покидать связь с телом. Например, Дидо, собираясь умереть, грозит преследовать Энея своей *умброй*; в то же время она ожидает, что весть о его наказании вновь придет к ее *манам* внизу^[39].

Мнения о привидениях, бытовавшие в христианскую эпоху, а особенно в средние века, весьма разнообразны; однако они, с приложенными к ним авторитетами, были самым тщательным образом собраны Реджинальдом Скотом. Его исследования изобилуют развлечениями и поучениями. "И, во-первых, - говорит он, - вы должны понять, что они считают, что все души на небесах могут спуститься и явиться нам, когда они перечислены, и принять тело, спасающее их собственное: в противном случае (говорят они) такие души не должны быть совершенными счастливыми. Они говорят, что можно очень легко отличить добрые души от злых. Ибо проклятая душа имеет очень тяжелый и печальный вид, а душа святого - веселый и счастливый лик: эти - белые и сияющие, другие - черные. И эти проклятые души также могут выходить из ада по своему желанию, хотя Авраам заставил Дивеса поверить в обратное. Они утверждают, что проклятые души ходят чаще всего: рядом с ними - души чистильщиков, и реже всего - души святых. Также они говорят, что в прежние времена души появлялись редко, а после конца света их больше не увидят: во времена благодати они будут появляться чаще всего. Хождение этих душ (говорит Михаил Андраас) является прекраснейшим аргументом в пользу доказательства чистилища; ибо (говорит он) эти души засвидетельствовали то, что утверждали папы в этом отношении, а именно, что не одно это место наказания, но что они освобождаются оттуда посредством месс и других удовлетворительных дел, чем также ратифицируется и подтверждается благодать месс.

"Эти небесные или очистительные души (говорят они) чаще всего появляются у тех, кто носит в дни янтаря; потому что в это время мы лучше всего можем похвалить одного и составить компанию другому. Также говорят, что души чаще всего появляются ночью, потому что тогда люди могут быть в лучшем расположении духа и наиболее спокойны. Также они никогда не появляются перед всем народом, а лишь перед немногими, и обычно перед одним-единственным; потому что так можно сказать ложь без всякого контроля. Кроме того, чаще всего их видят те, кто готов умереть: Фразелла видел папу Фликса, Урсина - Петра и Павла, Галла Романа - св. Петра; и как Муса Майд видел нашу Госпожу: это самые определенные явления, признанные и разрешенные в Римской церкви; также они могут быть видны одним, а другим в этом присутствии не видны вовсе; как Урсин видел Петра и Павла, и все же многие из присутствовавших в тот момент не могли видеть ни одного такого явления, но считали его ложью, как и я. Михаил Андраас признает, что паписты видят больше видений, чем протестанты: он говорит также, что добрая душа не может принимать иной облик, кроме человеческого; проклятая же душа может принимать и принимает облик черноморца, или зверя, или змеи, или, в особенности, еретика".

Таковы сведения, которые Скот приводит относительно мнения папистов об ушедших духах. В другой части своей работы он триумфально вопрошает: "Где души, которые роились в прошлые времена? Где духи? Кто слышит их звуки? Кто видит их видения? Где те души, которые зарабатывали такие деньги для тренталов, чтобы облегчить свои муки в чистилище? Неужели они все уехали в Италию, потому что здесь, в Англии, их стало больше? Весь этот курс можно считать ложной практикой и поддельным видением, или, скорее, развратным изобретением. Ибо на небесах души людей не пребывают в печали и заботах, и там они не изучают, как им найти и получить благоговейное погребение здесь, на земле. Если бы они это делали, то не медлили бы так долго. Итак, не будем больше терпеть, чтобы над нами надругались, ни колдующие священники, ни меланхолические ведьмы; но будем благодарны Богу, избавившему нас от такой слепоты и ошибки^[40]". Это поздравление истинного протестанта в ранний период Реформации; и несомненно, что с неверием в будущее состояние чистилища, о котором учила римская церковь, общение живых с мертвыми стало менее частым. Тем не менее, некоторые верования такого рода все же преобладали, хотя и были менее приправлены суеверием. Автор, называющий себя Теофилом Инсуланом, который полвека назад писал о втором зрении в Шотландии, называет *нерелигиозными* тех, кто сомневается в реальности явлений ушедших душ. "Такие призрачные визитеры, - серьезно утверждает он, - не выполняют легкомысленного поручения, чтобы ввести нас в заблуждение, но используются великим Творцом, как многочисленные глашатаи, для более полной демонстрации его силы, чтобы возвещать вести для нашего обучения; и, поскольку мы склонны к унынию в религиозных вопросах, чтобы подтвердить нашу веру в существование духов (основа всех религий) и достоинство человеческой природы". Однако, отдавая должное этому анонимному писателю, которого мы вряд ли бы заметили, если бы он не повторил в этом утверждении мнение, давно ставшее популярным, мы расскажем о противоположных настроениях, высказанных по этому поводу гораздо более острым, хотя и менее серьезным автором. Например, представление о торжественном характере призраков и о том, что они никогда не занимаются легкомысленными делами, слишком удачно высмеяно Гроузом^[41]. "В большинстве отношений к привидениям, - говорит этот приятный писатель, - предполагается, что они являются простыми эфирными существами, не имеющими субстанции, и что они могут проходить сквозь стены и другие твердые тела по своему желанию. Обычное время появления призраков - полночь, и редко до наступления темноты, хотя некоторые дерзкие духи, как говорят, появляются даже при дневном свете. Призраки обычно появляются в той же одежде, которую они носили при жизни, хотя иногда они одеты во все белое; но это

относится главным образом к призракам церковных дворов, у которых нет никакого конкретного дела, а появляются они, по-видимому, для *общественного блага*, или чтобы напугать пьяных деревенщин, чтобы они не опрокинулись на могилы. Я не могу узнать, что призраки носят в руках факелы, как их иногда изображают, хотя часто говорят, что в комнате, где они появляются, если в ней нет огня или свечей, светло как днем. Таскать за собой цепи не в моде у английских призраков; цепи и черные одеяния - это, в основном, амуниция иностранных призраков, которых видят в произвольных правительствах: мертвые или живые, английские духи свободны. Если во время призрака в комнате находится зажженная свеча, она будет гореть синим пламенем: это настолько общепризнанно, что многие выдающиеся философы занимались ее объяснением, ни разу не усомнившись в истинности этого факта. Собаки тоже обладают способностью видеть духов^[42]."

Этот автор приводит еще несколько подробных сведений о привидениях, для вставки которых у нас нет места; однако было бы непростительно не обратить внимания на приложенный им рассказ об ужасно важных поручениях, с которыми отправляются духи. "Несколько примечательно, - добавляет он, - что призраки не ходят по своим делам, как люди этого мира. В случаях убийства призрак, вместо того чтобы пойти к ближайшему мировому судье и изложить свои сведения, или к ближайшему родственнику убитого, появляется у какого-нибудь бедного рабочего, который не знает ни одной из сторон; задерживает занавеску у какой-нибудь дряхлой сиделки или милостыни; или витает вокруг места, где лежит тело. Такой же кружной путь проделывается и в отношении возмещения ущерба сиротам или вдовам, когда кажется, что самым верным способом было бы пойти к человеку, виновному в несправедливости, и постоянно преследовать его, пока он не будет запуган, чтобы возместить ущерб. Указывать на утерянные письма также обычно не принято; призрак обычно обращается к третьему лицу, не знающему всего дела и незнакомому со всеми заинтересованными лицами. Но было бы самонадеянно вдаваться в эти вопросы: призраки, несомненно, имеют формы и обычаи, свойственные только им".

Взгляд Гроуза на характер ушедших духов довольно верен, хотя я, конечно, читал о некоторых духах, чьи поручения на земле были гораздо более непосредственными. Один призрак, например, заставил человека вернуть земли, которые были завещаны беднякам деревни. Второй дух использовал тот же план для возвращения имущества, в котором был обманут племянник; а третий явился в дом не иначе как для того, чтобы устроить в нем ссору - погромить стулья, столы и прочую мебель. Глэнвилл рассказывает историю, датированную 1632 годом, в которой некий человек, якобы получив информацию от духа-женщины, которая умерла ужасной смертью, привел служителей правосудия к яме, где был спрятан растерзанный труп, и обвинил двух человек в ее убийстве; на основании этой выдуманной истории бедняги были осуждены и казнены, хотя они до последнего торжественно отстаивали свою невиновность. В данном случае слишком очевидно, кем было совершено это зверское деяние.

Другие явления такого рода можно рассматривать как иллюзии хорошо известных болезней. Таким образом, нет никаких трудностей в том, чтобы считать следующее явление, приведенное по авторитетному свидетельству Обэри и Тернера, имеющим своим источником *Delirium Tremens*, вызванный пьянством. "Мистер Кассио Берроуз, - говорит рассказчик этой очень интересной, но, как мы полагаем, достоверной истории, - был одним из самых красивых мужчин в Англии, очень доблестным, но очень гордым и жаждущим крови. В Лондоне жила очень красивая итальянская леди, которую он соблазнил. "Джентльмен умер, и после этого в одной лондонской таверне он заговорил об этом (вопреки своему священному обещанию), "и тогда, выходя" (за дверь), ему явился призрак

джентльмена. После этого ему не давало покоя ее явление, даже иногда в компании, когда он пил. Перед ее появлением он ощущал некую зябкость духа. Она явилась ему утром, перед тем как он был убит на дуэли".

Причины многих явлений, которые были зафиксированы, не так легко, как в предыдущем рассказе, получить удовлетворительное объяснение. Так, например, произошло с виконтом Данди, чей призрак примерно в то время, когда он пал в битве при Килликранки, явился лорду Балкаррасу, находившемуся тогда в заключении по подозрению в якобитизме в Эдинбургском замке. Призрак откинул полог кровати своего друга, пристально посмотрел на него, некоторое время опирался на каминную полку, а затем вышел из комнаты. Граф, не понимая в тот момент, что смотрит на призрака, призвал Данди остановиться. Вскоре пришло известие о судьбе несчастного героя. Теперь об этой и других подобных историях, какими бы достоверными они ни были, самые интересные подробности умалчиваются. О состоянии здоровья лорда Балкарраса в то время не сочли нужным рассказать ни слова. Поэтому ни один аргумент в пользу или против популярной веры в привидения не может быть получен из анекдота, в котором так мало внимания уделено важнейшим обстоятельствам, от которых зависит развитие истины. Что касается появления призрака Данди именно в тот момент, когда он пал в бою, то следует учесть, что, согласно известной доктрине случайностей, которую так хорошо исследовали математики, это событие могло произойти как тогда, так и в любое другое время, в то время как гораздо большая часть других явлений, менее удачливых в таком предполагаемом подтверждении их сверхъестественного происхождения, спокойно предается забвению. Таким образом, в обязанности суеверия входит тщательный отбор всех удачных совпадений такого рода и регистрация их в своих чудесных томах, где на протяжении веков они служат для того, чтобы вводить мир в заблуждение и вводить его в заблуждение.

К этой истории мы добавим еще одну, из "Мира духов" Бомонта, не по какой-либо другой причине, а потому, что она рассказана лучше, чем большинство историй о привидениях, с которыми я знаком. Она датирована 1662 годом и рассказывает о явлении, которое видела дочь сэра Чарльза Ли непосредственно перед своей смертью. Нет никаких разумных сомнений в подлинности этого рассказа, поскольку он был составлен епископом Глостерским на основе показаний отца молодой леди.

"У сэра Чарльза Ли от его первой леди была только одна дочь, которая умерла при родах; и когда она умерла, ее сестра, леди Эверард, пожелала получить образование ребенка, и она была ею очень хорошо воспитана, пока не стала пригодной для замужества, и для нее была заключена пара с сэром Уильямом Перкинсом, но затем ей помешали необычным образом. В ночь на четверг она, думая, что видит свет в своей комнате, после того как легла в постель, постучалась к своей горничной, которая вскоре пришла к ней; она спросила: "Почему она оставила свечу гореть в своей комнате?". Служанка ответила: "Она не оставила ни одной, и не было ни одной, кроме той, что она принесла с собой в то время". Тогда она сказала, что дело в огне, но тот, как сказала ей служанка, совсем погас; и сказала, что, по ее мнению, это был всего лишь сон. Тогда она сказала, что, возможно, так оно и есть, и снова погрузилась в сон. Но около двух часов ее снова разбудили, и она увидела между занавеской и подушкой явление маленькой женщины, которая сказала ей, что она ее мать, что она счастлива и что к двенадцати часам этого дня она должна быть с ней. После этого она снова постучалась к служанке, позвала ее одеваться, а когда оделась, ушла в свою каморку и не выходила оттуда до девяти, а потом принесла письмо, запечатанное ее отцом; принесла его своей тетке, леди Эверард, рассказала ей о случившемся и заявила, что, как только она умрет, его можно будет отправить ему. Леди подумала, что она внезапно сошла с ума, и тут же послала в

Челмсфорд за врачом и хирургом, которые немедленно приехали; но врач не смог обнаружить никаких признаков того, что воображала леди, или какого-либо недомогания ее тела: несмотря на это, леди потребовала, чтобы ей пустили кровь, что и было сделано. И когда молодая женщина терпеливо позволила им делать с ней все, что им вздумается, она пожелала, чтобы капеллана послали читать молитвы; и когда молитвы закончились, она взяла свою гитару и псалтырь, села на стул без рук, и играла и пела так мелодично и восхитительно, что ее музыкальный мастер, который был тогда там, восхитился этим. А ближе к двенадцати часам она поднялась и села в большое кресло с руками, и, сделав пару сильных вдохов, тут же скончалась, причем так внезапно, что лекарь и хирург очень удивились. Она умерла в Уолтеме, в Эссексе, в трех милях от Челмсфорда, и письмо было отправлено сэру Чарльзу, в его дом в Уорикшире; но он был так огорчен смертью дочери, что не приехал, пока ее не похоронили, а когда приехал, велел забрать ее и похоронить вместе с матерью в Эдмонтоне, как она хотела в своем письме".

Это одна из самых интересных историй о призраках. И все же, при строгом рассмотрении, манера изложения одного из главных обстоятельств этого дела слишком сильно влияет на сверхъестественную атмосферу, придаваемую другим его происшествиям. Ведь что бы ни утверждал врач *прежних времен* относительно крепкого здоровья молодой леди в период, когда она видела призрак своей матери, можно спросить, стал бы любой практикующий врач наших дней с гордостью такое мнение, особенно когда смерть последовала так быстро после призрачного впечатления.

--"На ее щеке появился румянец;

Но теперь я вижу, что это не живой оттенок,

но странный, похожий на неестественный красный.

Который осень накладывает на погибший лист".

Возможно, сама томящаяся женщина невольно способствовала более строгому подтверждению предсказания призрака. Это было необычайное усилие, которому подвергся ее нежный организм ближе к ожидаемому часу распада, чтобы она могла уйти со всех сцен земного наслаждения с достоинством покойной христианки. И какой сюжет может быть более достойным мастерства живописца, чем изображение юной и прекрасной святой, ободренной светлой перспективой будущего, и пока трепетное пламя жизни, на мгновение разгоревшееся в пыл святого, не угасло навсегда, перебирающей струны своей гитары дрожащими пальцами и мелодично сопровождающей ноты своим голосом в хвалебном гимне своему небесному Создателю? Очарованный таким зрелищем, философ на время отбросил бы свой обычный холодный и скептический настрой и, поддавшись суеверным впечатлениям менее рассудительных сторонних наблюдателей, принял бы вместе с ними участие в самом благодарном из религиозных утешений, которые это зрелище должно было непреодолимо вдохновлять.

Что касается подтверждения, которое миссия призрака, как предполагается в том же рассказе, получила от завершения предреченной смерти, все, что можно сказать о нем, это то, что совпадение было *удачным*; ведь без него история, вероятно, никогда бы не встретилась с регистратором, и мы потеряли бы один из самых милых анекдотов, которые когда-либо предоставляла частная жизнь. Но, с другой стороны, можно привести большинство популярных историй о призраках, в которых явления либо посещали наш мир без какой-либо видимой цели и поручения, либо в обстоятельствах своей миссии демонстрировали всю непоследовательность поведения, так хорошо показанную в цитате,

которую я привел из Гроуза, касающейся ушедших духов. "Как ни редко случается, - пишет Николай в мемуаре, который он читал Берлинскому обществу о появлении призраков, вызванных болезнью, - что люди верят, что видят человеческие формы, тем не менее примеров тому не мало. Один уважаемый член этой академии, отличающийся своими заслугами в науке ботаники, чья правдивость и доверчивость не вызывают сомнений, однажды увидел в этой самой комнате, в которой мы сейчас собрались, фантом покойного президента Мопертьюи". Но, судя по всему, этот призрак видел философ, и, следовательно, не было сделано никаких попыток связать его с суеверными домыслами. Однако неопределенность предсказаний о призраках не лишена иллюстрации в застольной беседе Джонсона. "Один знакомый, - замечает Босуэлл, - на правдивость которого я могу положиться, рассказал мне, что, идя однажды вечером домой в Килмарноке, он услышал, как его позвал из леса голос брата, который уехал в Америку; а в следующем пакете было сообщение о смерти этого брата". Макбеан утверждал, что этот необъяснимый зов был очень хорошо известен. Доктор Джонсон рассказывал, что однажды в Оксфорде, когда он поворачивал ключ в своей комнате, он услышал, как его мать отчетливо зовет Сэма. Она была тогда в Личфилде; но *ничего не последовало*". Это случайное признание, которое в ходе разговора сделал человек, сам сильно запятнанный суевериями, исключает дальнейшие замечания о предполагаемой природе и предназначении призраков, которые сейчас, действительно, были бы весьма излишними. "Однажды одна дама спросила меня, - пишет мистер Кольридж, - верю ли я в призраков и явления? Я ответил честно и просто: "Нет, мадам! Я сам видел их слишком много"^[43]."

ДЕЙТЕРОСКОПИЯ, ИЛИ ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ.

Чем ближе мы приближаемся к тому времени, когда суеверия будут повсеместно уничтожены, тем больше мы предаем забвению древние представления прежних дней о любой степени сверхъестественного воздействия или связи. Однако не так давно *второе зрение*, как его называют, свойственное шотландским горцам, стало предметом споров, и хотя, как утверждают некоторые, "все аргументы против него", тем не менее, можно с уверенностью сказать, что у нас есть множество подтвержденных фактов в его пользу. В целом мы считаем, что этот вопрос предстает в своем истинном свете в следующем сообщении джентльмена из Шотландии, который имел возможность узнать факты, о которых он рассказывает, и у которого, очевидно, достаточно здравого смысла, чтобы не заводить их дальше, чем они могут вынести. То, что в этой части острова называется французским словом "*предчувствие*", представляется мне разновидностью второго зрения, и это отнюдь не редкость: почему в "оживленных местах обитания людей" оно встречается реже, чем в уединенных жилищах горцев, объясняется следующей деталью, и, как мы полагаем, на весьма справедливых основаниях.

"Из всех предметов, которые философы выбирали для упражнения своего умения рассуждать, нет ни одного более достойного их внимания, чем созерцание человеческого разума. Здесь они найдут обширное поле, где смогут широко размахнуться и проявить свои способности; но в то же время следует заметить, что здесь, если философ не призовет на помощь религию, он заблудится в лабиринте бесплодных догадок, и здесь, в частности, он будет вынужден ссылаться на *великую первопричину*; Поскольку разум человека (что бы ни утверждали о материальных субстанциях) никогда не мог сформироваться случайно; и он

найдет его привязанности столь бесконечно разнообразными, что вместо того, чтобы пытаться исследовать их, он будет теряться в восхищении.

"Приписываемая нашим соседям из Шотландского нагорья способность предвидеть будущие события или, как принято выражаться, *второе зрение*, пожалуй, одна из самых необычных. Было приведено множество аргументов как за, так и против реального существования этого удивительного дара. Я не буду защитником ни одной из сторон, но позволю себе привести пару фактов, которые, как мне известно, хорошо подтверждены, и из которых каждый волен делать выводы, какие ему заблагорассудится.

"Покойный преподобный Д. М'Суин был священником прихода в высоких частях Абердиншира и был уроженцем острова Скай, где продолжала жить его мать. 4 мая 1738 года мистер М'Суин вместе со своим братом, который часто приезжал навестить его со Скай, гулял в поле. После некоторого перерыва в их беседе, во время которого священник, казалось, погрузился в раздумья, брат спросил его, что с ним; тот ответил, что вряд ли сможет сказать, но он уверен, что их мать умерла. Брат попытался разубедить его в этом, но тщетно. А когда брат вернулся домой, то обнаружил, что его мать действительно умерла в тот самый день, когда он гулял со священником.

"В апреле 1744 года один человек по фамилии Форбс, прогуливаясь по Каллоден-Муир с двумя или тремя другими людьми, внезапно как бы погрузился в раздумья, и когда через некоторое время после этого его прервали его спутники, он очень точно описал битву, которая произошла на этом самом месте два года спустя, над чем его спутники от души посмеялись, поскольку в то время не было никаких ожиданий относительно прихода претендента в Британию".

Можно привести множество подобных примеров, но, боюсь, и этих достаточно, чтобы поразить легкое верие большинства людей. Но недоверчивым я скажу лишь, что я очень далек от того, чтобы приписывать второе зрение шотландским горцам в большей степени, чем нам самим. Я совершенно уверен, что нет человека, которого бы иногда не посещали предчувствия, или, как их можно назвать, размышления, которые он не в силах предотвратить; и хотя его мысли, возможно, не заняты какой-либо конкретной необходимостью, он все же склонен опасаться того, что происходит в той четверти, где его больше беспокоит. С этим мнением согласны все языческие мифологи, особенно Гомер и Вергилий, где можно было бы привести множество примеров, оправданных в случае чего; но есть авторитет, который я почитаю больше, чем все остальные вместе взятые, я имею в виду ту ныне сильно заброшенную книгу под названием Библия, где мы встречаем множество примеров, подтверждающих существование такой привязанности в уме; и это также у людей, которые не были причислены к пророкам. Я приведу один или два примера. Первый - 14-я глава 1 Царств, где почти невозможно представить, что если бы Ионафан не был убежден в каком-то предчувствии в своем уме, что он непременно добьется успеха, то он и его оруженосец, которых было всего двое, никогда бы не столкнулись с целым гарнизоном врага. Другой пример - в 6-й главе Есфири, где царь Персии (который не был пророком) был так сильно обеспокоен своим умом, что не мог спать, и не мог назвать ни одной причины, по которой он был таким, пока эта причина не была обнаружена из средств, которые использовались для отвлечения его меланхолии, а именно: чтения записей, где он обнаружил, что забыл сделать вещь, которую он был обязан выполнить. Многие из самых рассудительных современных авторов также поддерживают это мнение. Эддисон заставляет своего Катона, за некоторое время до его рокового ухода, выражаться так: "Что означает эта *тяжесть*, которая висит на мне?". Шекспир также заставляет Банко воскликнуть, когда тот собирается отправиться в путь: "Тяжелая повестка висит на мне, как свинец". Де Фо делает

подобный случай средством спасения жизни Крузо, в то же время призывая своих читателей не относиться легкомысленно к этим душевным переживаниям, а быть начеку, молить Бога помочь им и вынести их, а также направлять их в том, что может произойти с их ущербом в результате этого.

"Чему же мы должны приписать эти необычные эмоции? Приписать ли их действию духовных существ, называемых Ангелами-хранителями, или, что более правильно, "Божественности, которая живет в нас и указывает на *будущее*?" Как бы то ни было, наше дело - извлечь максимальную пользу из таких подсказок, которые, я уверен, каждый человек испытывает, возможно, чаще, чем осознает.

"В больших городах спешка и рассеянность, сопутствующие богачам, и скудный досуг, которым располагают бедняки, следуя тем занятиям, к которым их побуждает необходимость, не позволяют им обращать внимание на случаи, подобные вышеописанным, которые могут произойти с ними самими. Но совсем иначе обстоит дело в горных районах Шотландии, где они живут уединенно, мало чем занимаются или видят, что делается, и, следовательно, сравнительно мало о чем задумываются. Когда случается какая-нибудь вещь такого рода, у них есть досуг, чтобы поразмыслить над ней, и они не могут изгнать ее из своей головы, благодаря чему она производит глубокое и неизгладимое впечатление, и часто случаются различные обстоятельства, по которым ее можно истолковать, подобно древним оракулам жрецов языческих божеств. Такое уединенное положение наших соседей порождает и мнение худшего свойства - веру в духов и явления, к которой ни один народ на земле не пристрастен больше, чем шотландские горцы: это мнение они впитывают с молоком матери, и оно растет с их годами и ростом. Нет ни одной долины, ни одного проселка, где бы не водились свои *гоблины* и *феи*. И действительно, облик страны в некоторых местах таков, что даже для философского взгляда он имеет весьма торжественный вид. Падение катаракты воды с крутых склонов, свист ветра среди вереска, скал и пещер, обломок скалы, сорвавшийся с вершины и увлекающий за собой сотню других, так что все это выглядит как крушение природы; крики ночных птиц, стрекотание вересковых петухов, бледный свет луны на унылой перспективе, то тут, то там одинокое дерево на возвышении, которое страх увеличивает до необычных размеров; учитывая все это, не стоит удивляться, что даже просвещенный ум должен быть поражен благоговением: Каковы же должны быть эмоции человека, предвзятого с младенчества, когда он остается один в такой ситуации?"

До прошлого века дух Брауни в горных районах Шотландии был еще одним объектом второго взгляда, о чем свидетельствует следующая история. - "Сэр Норманд Маклеод и некоторые другие играли за столами в игру, называемую ирландцами "фалмер-мор", в которой участвуют по три человека с каждой стороны и каждый из них бросает кости по очереди; случилось так, что в расстановке людей за столом возникла одна трудность; это обязывало игрока, прежде чем сменить человека, так как от ее решения зависел выигрыш или проигрыш в игре. Наконец дворецкий, стоявший позади, посоветовал игроку, куда поставить своего человека; тот подчинился и выиграл партию. Это показалось необычным, и сэр Норманд, услышав, как кто-то шепчет ему на ухо, спросил, кто так искусно посоветовал ему? Тот ответил, что это дворецкий; но это показалось еще более странным, так как он не умел играть за столом. Тогда сэр Норманд спросил его, давно ли он научился играть, и тот признался, что никогда в жизни не играл; но он видел, как дух Брауни протягивал руку над головой игрока и касался пальцем той части стола, где должен был находиться человек^[44]."

Однако наибольшего внимания заслуживает то обстоятельство, что объекты второго зрения, как предполагается, имеют отношение к предполагаемому дару пророчества провидца. В

одной из многочисленных иллюстраций этой способности говорится, что "сэр Норманд Мак Леод, живший на острове *Бернера*, который лежит между островами Норт-Уист и Харрис, отправился на остров Скай по делам, не назначив времени своего возвращения: его слуги в его отсутствие находились ночью в большом зале, и один из них, привыкший видеть второе зрение, сказал остальным, что они должны удалиться, поскольку в эту ночь у них будет много народу. Один из его сослуживцев ответил, что на это мало похоже, а если ему и было видение о компании, то оно вряд ли свершится этой ночью; но провидец настаивал на том, что так оно и есть. Они продолжали доказывать, что это маловероятно из-за темноты ночи и опасности пройти через скалы, которые окружают остров; но через час после этого один из людей сэра Норманда пришел в дом, попросив их дать огня и т. д., поскольку его хозяин недавно высадился на берег.

Следующие иллюстрации второго зрения приведены доктором Ферриаром в его "Теории явлений".

"Один джентльмен, связанный с моей семьей, офицер армии и, конечно, не склонный к суевериям, в начале жизни, в середине прошлого века, был поселен вблизи замка одного джентльмена на севере Шотландии, который, как предполагалось, обладал вторым зрением. О старом вожде ходили странные слухи. Он разговаривал с призраком, который бегал по стенам дома, и после этого никогда не был весел. Его пророческие видения вызывали удивление даже у легковверных; а его отшельнические привычки способствовали распространенному мнению. Мой друг уверял меня, что однажды, когда он читал пьесу семейным дамам, вождь, проходивший по комнате, внезапно остановился и принял вид провидца. Он позвонил в колокольчик и приказал конюху оседлать лошадь, немедленно отправиться в одно из окрестных мест и осведомиться о здоровье леди. Если сведения окажутся благоприятными, он велел конюху отправиться в другой замок, чтобы спросить о другой леди, которую он назвал.

"Читатель немедленно закрыл свою книгу и заявил, что не будет продолжать, пока не объяснит эти резкие распоряжения, поскольку он уверен, что они были сделаны вторым зрением. Начальник очень неохотно пустился в объяснения, но в конце концов показалось, что дверь открылась и в комнату вошла маленькая женщина без головы, что это явление указывает на смерть какого-то его знакомого, а единственные два человека, похожие на эту фигуру, - это те дамы, о здоровье которых он послал спросить.

"Через несколько часов после этого слуга вернулся с сообщением, что одна из дам умерла от апоплексического удара примерно в то время, когда появилось видение.

"В другой раз вождь был прикован к постели из-за недомогания, и мой друг читал ему в штормовую зимнюю ночь, пока рыбацкая лодка, принадлежащая замку, была в море". Старый джентльмен неоднократно выражал беспокойство за своих людей и, наконец, воскликнул: "Моя лодка потеряна!" Полковник ответил: "Откуда вы это знаете, сэр?" Ему ответили: "Я вижу, как двое лодочников вносят третьего утопленника, всего мокрого, и укладывают его рядом с вашим креслом". Кресло было сдвинуто с большой неосторожностью; в течение ночи рыбаки вернулись с трупом одного из лодочников!"

Возможно, стоит выразить сожаление, что подобные истории цитируются в философском труде доктора Ферриара "Явления". Недавно мы видели, как они были выдвинуты доктором в качестве аргумента в пользу вульгарной веры в явления и включены в один том с историей миссис Вил.

Колдуны, колдовские ремесла, волшебники и т. д.

"Что это такое,
Так увядшие и дикие в своих нарядах,
Не похожи на жителей Земли,
и все же находятся на ней? Живете ли вы? Или вы что-то такое.

Чтоб люди сомневались? * * * *

* * * * *

* * * Вы должны быть женщинами,
но ваши бороды не позволяют мне понять.

Что вы таковы." - Макбет.

Колдовство подразумевает вид чародейства, особенно распространенный, как предполагается, среди старух, которые, заключив общественный договор с дьяволом, если таковой существует, как принято представлять, могли во многих случаях изменять ход непреложных законов природы;-поднимать ветры и бури, совершать действия, требующие больше, чем человеческая сила, кататься по воздуху на метлах, превращаться в различные формы, причинять страдания и мучить тех, кто мог оказаться несносным для них, острыми болями и затяжными болезнями, - в общем, делать все, что они пожелают, с помощью дьявола, который всегда должен был быть на их зове.

Все страны могут похвастаться своими ведьмами, колдунами и т. д. Они были свойственны каждой земле и каждой эпохе. Самое раннее упоминание о них содержится в священном писании, которое содержит неопровержимые доказательства того, что независимо от того, существовали они или нет, те же самые суеверные идеи преобладали и продолжали преобладать вплоть до последнего столетия. Век разума, однако, проник в глубины невежества и распространил свет Евангелия среди доверчивых и неосведомленных людей, к большому огорчению ведьм и злых духов.

Во времена расцвета такого невежества и суеверия было принято множество жестоких законов против колдовства, в результате чего множество невинных людей, мужчин и женщин^[45], многие из которых, несомненно, были без друзей, угнетенные возрастом, нуждой и болезнями, были осуждены и сожжены за силы, которыми они никогда не обладали, за преступления, которые они не замыслили и не совершали. К счастью для человечества, эти ужасающие законы давно отменены. Просвещенный век с ужасом смотрел на фанатизм язычников и доказывал свое освобождение от темных и убийственных пут невежества и варварства отказом от верований, которые не имели иной цели, кроме как запятнать достоинство творения, привязав человеческий разум к самому низменному состоянию вырождения и рабства.

Обманы жонглеров, основанные на оптических иллюзиях, электрической силе и магнетическом притяжении, к счастью, в значительной степени помогли снять завесу с притворного сверхъестественного воздействия. Оракулы древности были признаны простым механизмом, папистские чудеса - промахом рук; все остальные сверхъестественные фарсы разделили ту же участь. Мы больше не слышим о ведьмах, привидениях и т.д. Маленькие дети ложатся спать без тревоги, а люди ходят по безлюдным тропинкам в любое время года, не опасаясь заклинаний или заклинаний.

Однако в поддержку существования ведьм, магов и т. д. было найдено множество сторонников; и справедливости ради следует сказать, что все, кто приводил доводы "за", использовали более сильные и убедительные аргументы, чем те, кто приводил доводы "против". Если Библия является стандартом нашей святой религии, а в этом мало кто сомневается, то она должна быть и основой нашей веры; ибо все, что в ней написано, является СЛОВОМ БОЖЬИМ, а не посылом для *размышлений*, *головоломок* или *quidproquos*, чтобы озадачить и победить тех, кто обращается к этому священному тому за информацией или наставлениями. Мы также не верим всему жаргону и ортодоксальным измышлениям священников, которые придумывают конструкции к некоторым отрывкам, недоступным пониманию людей более просвещенных, чем они сами, особенно когда они осмеливаются говорить нам, что такое-то и такое-то слово или предложение должно быть истолковано таким-то и таким-то образом, а не иначе. Эта партийная цель никогда не принесет пользы делу религии и истины.

В ходе этой статьи мы процитируем тексты Писания, в которых упоминаются ведьмы, точно так же, как и те, в которых говорится о явлениях и т. д. не предлагая никаких решительных комментариев в ту или иную сторону, кроме того, что в данном случае мы также отдадим предпочтение нормам христианской религии, которые составляют часть закона страны; сохраняя при этом наше прежнее мнение, что, несомненно, когда-то велись переговоры между людьми и духами; И для этого утверждения мы ссылаемся на саму Библию, чтобы доказать, что существовали ведьмы, колдуны, маги, которые обладали силой делать многие чудесные вещи посредством демонического воздействия, но что стало с ними, или в какое именно время эта сила или связь исчезла, мы не можем сообщить нашим читателям, хотя мы можем рискнуть заверить их, что в настоящее время среди жителей земли не существует такого дьявольского господства.

То, что этот суеверный страх привел к преследованию многих невинных существ, которые, как предполагалось, были виновны в колдовстве, не подлежит сомнению; наши собственные своды законов изобилуют наказаниями за колдовство; И, как уже упоминалось, в не столь отдаленные времена наши суды были опозорены уголовными процессами такого рода, а судьи, которые до сих пор котируются как образцы юридических знаний и проницательности, не только разрешали рассматривать такие дела присяжным, но и выносили приговоры, которые приговаривали отъявленных чародеев к смертной казни. В Польше даже в 1739 году жонглера подвергали пыткам, пока от него не добились признания, что он колдун; после этого, без дальнейших доказательств, его повесили; а примеры в других странах можно было бы множить до бесконечности. Но это, хотя и превосходит по жестокости, не сравнится по абсурдности с кровожадным и фанатичным увлечением инквизиции в Португалии, которая фактически приговорила огню, как одержимую дьяволом, лошадь, принадлежавшую англичанину, который научил ее выполнять некоторые необычные трюки; и бедное животное, как с уверенностью говорят, было публично сожжено в Лиссабоне в соответствии с приговором, в 1601 году.

Единственная часть Европы, в которой колдовские действия пользуются большим доверием, где, по сути, предполагаемые волшебники практикуют заклинания, с помощью которых они претендуют на получение знаний о будущих событиях, и в которых легкое верие людей побуждает их оказывать самое безоговорочное доверие. В таких случаях обычно используется магический барабан. Этот инструмент представляет собой кусок дерева полуовальной формы, полый с плоской стороны и покрытый кожей, на которой изображены различные безлюдные фигуры, среди которых, со времен введения христианства в этой стране, обычно пытаются изобразить деяния Спасителя и апостолов. На это покрытие кладут

несколько латунных колец разного размера, а сопровождающие располагаются в разных античных позах, чтобы облегчить заклинание; затем в барабан бьют рогом оленя, отчего кожа вибрирует, кольца приходят в движение вокруг фигур, и, в зависимости от положения, которое они занимают, прорицатель произносит свое предсказание^[46].

"Средство, - говорит один из поздних писателей^[47], - специально предназначенное для лечения этих душевных недугов, заключается в культивировании естественных знаний; и не менее любопытно и отраднo наблюдать, что, хотя света науки достигает лишь небольшая часть общества, польза от нее распространяется повсеместно; ведь вера в призраков и ведьм, а также судебная астрология едва ли существуют в наши дни даже среди самых низких слоев населения. Об этом эффекте знания, изгоняющего тщетные страхи суеверий, прекрасно сказано в последних словах следующих восхитительных строк, цитируемых из Вергилия, *например*

Felix qui potuit rerum cognoscere causas,

Atque metus omnes et inexorabile fatum,

Subjicit pedibus, *Strepitumque Acherontes avari.*

Но чтобы показать, с каким пылом поддерживалась вера в ведьм и явления около полутора веков назад, мы представляем читателям, как это скучно, "доктора Генри Мора, его письмо с постскриптумом к мистеру Дж. Гланвилу^[48], напоминающее ему о большой целесообразности и полезности его нового предполагаемого издания "Деймона из Тедворта", и вкратце представляющее ему удивительную слабость и гуллери мистера Вебстера^[49] демонстрации колдовства".

"Сэр,

"Когда я был в Лондоне, я зашел к вашему книготорговцу, чтобы узнать, в чем заключается бесцеремонность этого нового предполагаемого впечатления от истории о Деймоне из Тедворта (см. с. 223), которое не обманет мир, коснувшись той славы, распространившейся за границей, будто мистер Момпессон и вы сами признали, что это дело было сущим трюком или самозванством. Но история с вашими хитроумными рассуждениями о колдовстве уже так часто печаталась, что, по его словам, ему следовало бы позаботиться о том, чтобы решиться на новый оттиск, если только у него не будет какого-нибудь нового материала такого рода, который мог бы сделать это издание более продаваемым; и поэтому он ожидал выхода той нашумевшей истории о призраке в *Эксетере*, которую так часто видели в связи с раскрытием убийства, совершенного около тридцати лет назад. Но события этого дела, связанные с судебным процессом, не оправдали ожиданий, и он не захотел им воспользоваться, так как оттуда ему сообщали многое в пользу наиболее заинтересованной стороны. Но мне рассказывали об одной миссис *Бриттон*, о ее явлении своей служанке после смерти, очень хорошо подтвержденном, хотя и не о таком трагическом событии, как в *Эксетере*, которое он считал значительным. Но о раскрытии убийства я не встречал ни одной истории, более ясной и неприметной, чем та, что изложена в книге мистера Джона Вебстера "Предполагаемое колдовство": сама книга, признаюсь, слабая и дерзкая; но эта история весомая и убедительная, и такой, как он сам (хотя в остальном он аффектированный кавилер против почти всех историй о колдовстве и явлениях) вынужден согласиться, как вы увидите из его собственного признания. Я, для вашего удобства или потому, что у вас, возможно, нет этой книги, перепишу ее со слов самого писателя, хотя это и кое-что, гл. 16, стр. 298, около года Господа нашего 1632, (насколько я могу вспомнить, поскольку потерял

свои записи и копию писем к сержанту *Хаттону*, но уверен, что прекрасно помню суть истории).

"Неподалеку от Честер-ле-Стрит жил некто *Уокер*, йомен с хорошим состоянием и вдовец, у которого была молодая женщина, содержавшая его дом, которую соседи подозревали в том, что она беременна, и однажды ближе к вечеру она была отослана с неким Марком Шарпом, который был кольером, или тем, кто копал угли под землей, и родился в Блейкберн-стате, в *Ланкашире*; И долгое время о ней ничего не было слышно, и не было по этому поводу ни шума, ни шума. В следующую зиму некий *Джеймс Грэм*, или *Грим* (так в той стране их называют), будучи мельником и живя примерно в двух милях от того места, где жил *Уокер*, однажды ночью один на мельнице очень поздно молот кукурузу, и около 12 или 1 часа ночи он спустился по лестнице, когда засыпал кукурузу в бункер: двери мельницы были закрыты, на полу стояла женщина, волосы на ее голове свисали вниз и были все в крови, а на голове пять больших ран. Он сильно испугался и изумился, начал благословлять себя и наконец спросил ее, кто она и что ей нужно? На что она ответила: *я дух такой-то женщины, которая жила с Уокером, и, когда у него родился ребенок, он обещал отправить меня в укромное место, где за мной будут хорошо присматривать, пока я не окажусь в постели и не поправлюсь, а потом я снова приду и буду жить в его доме. И вот*, говорит явление, *однажды поздно вечером я был отослан с неким Марком Шарпом, который на болоте, назвав место, известное мельнику, зарубил меня киркой, какой люди копают угли, и нанес мне эти пять ран, после чего бросил мое тело в угольную яму неподалеку, а кирку спрятал под берегом; туфли и чулки его были окровавлены, он попытался их отмыть, но, видя, что кровь не выходит, спрятал их там. И далее явление* сказало мельнику, что он должен быть тем человеком, который откроет его, иначе она должна по-прежнему являться и преследовать его. Мельник вернулся домой очень печальным и тяжелым, но ни словом не обмолвился о том, что видел, а старался, как мог, оставаться на мельнице в течение ночи без посторонних, думая таким образом избежать встречи с этим страшным явлением. Но, несмотря на это, однажды вечером, когда начало темнеть, явление снова встретилось ему, показалось очень свирепым и жестоким и пригрозило, что если он не раскроет убийство, то она будет постоянно преследовать и преследовать его; однако, несмотря на это, он скрывал его до сочельника *Святого Фомы*, перед *Рождеством*, когда вскоре после захода солнца в его саду снова появилась она и так угрожала ему и напугала его, что он честно пообещал раскрыть его следующим утром. Утром он отправился к магистрату и рассказал обо всем со всеми обстоятельствами; после тщательных поисков тело было найдено в угольной яме с пятью ранами на голове, киркой, ботинками и чулками, еще окровавленными, во всех обстоятельствах, как явление, о котором говорил мельник; после этого *Уокер* и *Марк Шарп* были задержаны, но ни в чем не признались. На следующей ассамблее, кажется, в *Дареме*, они предстали перед судом, были признаны виновными, осуждены и казнены; но я никогда не слышал, чтобы они признали этот факт. Некоторые сообщали, что явление явилось судье или старшине присяжных, который был жив в Честер-ле-Стрит около десяти лет назад, как мне достоверно сообщили, но в этом я не уверен: в живых еще много людей, которые могут вспомнить это странное убийство и его раскрытие; ведь о нем говорили, а иногда и сейчас говорят в Северной стране так много, как ни о каком другом, о котором почти никогда не слышали, и печатали, хотя теперь его не достать. Я рассказываю об этом с большой уверенностью (хотя могу и ошибиться в некоторых обстоятельствах), потому что видел и читал письмо, которое было послано сержанту *Хаттону*, жившему тогда в *Голдсбруге*, в *Йоркшире*, от судьи, перед которым предстали *Уокер* и *Марк Шарп* и которым они были осуждены, и имел его копию примерно до 1658 года, когда у меня отобрали его, а также многие другие книги и бумаги; И это, признаюсь, одна из самых убедительных историй, несомненной правдивости, которые я когда-либо читал, слышал или знал, и несет в себе

самую очевидную силу, чтобы заставить самых недоверчивых убедиться, что действительно иногда бывают такие вещи, как явления." Таким образом, он.

"Эта история настолько значительна, что я упоминаю о ней в своей "Scholea", о бессмертии души, в моем *Volumen Philosophicum*, том. 2, с которой я познакомил своего друга, благоразумного и умного человека, доктора Дж. Д. Он по собственной воле предложил мне, поскольку дело имело большое значение, послать к его другу на севере для большей уверенности в истинности рассказа, что я охотно и сделал. Ответ на это письмо от его друга мистера Шепердсона таков: *Я сделал все, что мог, чтобы осведомиться о проезде Шарпа и Уокера; я смог встретить очень мало людей, которые были тогда людьми или присутствовали на суде, кроме этих двух, о которых говорится в прилагаемой бумаге, оба они были людьми в то время и оба присутствовали на суде; что касается мистера Ламли, то он жил по соседству с Уокером и то, что он передал под его рукой, может подтвердить, если представится случай. Другой джентльмен написал свое свидетельство собственной рукой, но я, не присутствуя при этом, не запомнил его имени. Я мог бы послать к вам двадцать человек, которые могли бы сказать так много и больше со слов, но я счел наиболее подходящими тех, кто может говорить от своих собственных глаз и ушей*". Итак, - продолжает доктор Мор, - мистер Шепердсон, осторожный и верный осведомитель доктора. Теперь о мистере Ламли, или мистере Ламли. Будучи старым джентльменом и присутствуя на суде над Уокером и Шарпом по делу об убийстве Анны Уокер, он утверждает, что хорошо помнит, что упомянутая Анна была служанкой Уокера и что она, как предполагается, была с ребенком, но не сказала, от кого; но, будучи удалена к своей тетке в том же городе по имени Дама Кэр, сказала своей тетке (Даме Кэр), что тот, у кого она родит, позаботится и о ней, и о нем, и попросила ее не беспокоиться о себе. Через некоторое время после того, как она побывала у тетки, было замечено, что Шарп пришел в Ламли однажды ночью, будучи присяжным братом упомянутого Уокера; и они вдвоем в ту ночь вызвали ее из дома тетки, в ту же ночь она была убита; примерно через четырнадцать дней после убийства одному Грейму, фуллеру, на его мельнице, в шести милях от Ламли, явилось подобие женщины с волосами на голове и пятью ранами на ее голове, как упомянутый Грейм дал показания в суде; Этот вид предложил ему пойти к мировому судье и рассказать ему, как Уокер и Шарп изувечили ее в таком-то месте, как она была изувечена; но он, опасаясь разглашения такого рода вещей против человека, пользующегося доверием, каким был Уокер, не сделал бы этого; после чего упомянутый Грейм пошел к мировому судье и рассказал обо всем^[50]. После этого мировой судья выдал ордера на Уокера и Шарпа, и заключил их в тюрьму; но они нашли залог, чтобы явиться на следующее заседание суда, на котором они предстали перед судом, и по свидетельству обстоятельств, а также по свидетельству Грейма о явке, они оба были признаны виновными и казнены.

"Другое свидетельство - это показания мистера Джеймса Смарта и Уильяма Ламли из города Дарема, которые утверждают, что суд над Шарпом и Уокером состоялся в августе 1631 года перед судьей Давенпортом. Один мистер Фанхайр дал показания под присягой, что он видел, как подобие ребенка стояло на плечах Уокера во время суда, и в это время судья был очень встревожен и вынес приговор в ту ночь, когда состоялся суд, что никогда не использовалось в Дареме ни до, ни после; из этих двух свидетельств можно вычислить несколько вещей или добавить их в историю мистера Уэбстера. Уэбстера, хотя достаточно очевидно, что в главном они согласны; ведь это лишь небольшое разногласие в отношении годов, когда мистер Уэбстер говорит о годе Господа нашего 1632, а мистер Фанхайр - о 1631. Но если в Дареме присяжные бывают только раз в году, я не очень хорошо понимаю, как Шарп и Уокер должны быть задержаны через некоторое время после дня святого Фомы, как у мистера Вебстера, и судимы на следующей присяге в Дареме, да еще в августе, по

свидетельству мистера Смарта. Из показаний мистера Ламли выписано христианское имя молодой женщины, а также название города, расположенного неподалеку от Честер-ле-Стрит, а именно Ламли: обстоятельства, связанные с тем, что Уокер отослал свою родственницу с Марком Шарпом, выписаны из рассказа мистера Ламли, а время исправлено, если сказать, что до появления призрака после убийства оставалось около четырнадцати дней, тогда как мистер Вебстер считает это долгим временем."

Мы не будем следовать за ученым доктором через все его письмо, которое в основном состоит в исправлении некоторых небольших расхождений в рассказе об убийстве Анны Уокер и казни убийц на основании косвенных доказательств, подкрепленных рассказом мельника о явлении, между рассказом мистера Вебстера и тем, что здесь рассказывают Ламли и Шарп. Рассказ мистера Вебстера, судя по всему, был взят из письма, написанного судьей Дэвенпортом сержанту Хаттону, в котором подробно описывалось все происшествие, насколько оно входило в сферу его судебного наблюдения и исполнения им своих обязанностей; как выяснилось, доктор Мор также видел это явление. Море также видел; копия этого письма, по его словам, находилась при нем в течение некоторого времени, но, к сожалению, была утеряна: его рассказ, таким образом, основан на воспоминаниях о содержании этого письма, но поскольку в существенных моментах, за исключением даты года, разница между рассказом Вебстера и рассказом, полученным из памяти доктора, очень незначительна, мы не будем делать никаких дополнительных замечаний, кроме того, что все это настолько напоминает другие подобные истории, являющиеся результатом суеверия и невежества, что претендует на равную долю доверия: Ибо если в то время, о котором мы упоминаем, за ведьму вешали, сжигали или топили женщину по ее собственному свидетельству или по свидетельству некоторых из ее злобных и менее миролюбивых соседей, то не может вызывать удивления, что два человека, за действительно совершенное преступление, должны быть повешены как убийцы на основании свидетельства о явлении убитого человека, переданного через орган мельника, проживавшего всего в шести милях от места происшествия.

О том, что доктор Генри Мор был не только энтузиастом и провидцем (оба этих качества, соединенные в одном человеке, представляют собой скандирующего безумца), но и юмористом, когда хотел быть шутливым, и, похоже, он ни в коем случае не был неспособен ослабить серьезность своего лица, когда ему это было нужно, можно судить по следующим выдержкам из продолжения его письма преподобному Джозефу Гланвиллю: - "Эта история Анны Уокер

"Эту историю об Анне Уокер (пишет доктор М.), я думаю, вы сделаете все возможное, чтобы поместить ее среди ваших дополнений в новый оттиск нового издания вашего "Деймона из Тедворта", поскольку она так прекрасно засвидетельствована и во всех отношениях не имеет прецедента; и поспешите, как только сможете, сделать этот оттиск, чтобы не вводить в заблуждение полубезумный мир, который так ликует и торжествует по поводу уничтожения веры в это повествование, как будто крик об истинности этого "Деймона из Тедворта" - это действительно убийство дьявола, и что они могут теперь, с большим весельем и безопасностью, чем когда-либо, петь на громкой ноте этот безумный пьяный треп -

Хай-хо! Дьявол мертв и т. д.

Эта дикая песня, хотя и может показаться легкомысленной, но, поверьте мне, ее применение несет в себе трезвый и весомый намек, а именно. что люди этого сорта ужасно боятся, чтобы существовал какой-либо дух, чтобы не было дьявола и отчета после этой жизни; и поэтому они нетерпимы ко всему, что подразумевает это, чтобы они могли с более полным размахом

и с полной безопасностью от последующей расплаты предаваться своим собственным похотям и юмору; И я знаю по долгому опыту, что ничто так не выводит их из этой тупой летаргии атеизма и уныния, как рассказы такого рода, ибо они, будучи плотными и грубыми духом, самые тонкие и основательные умозаключения разума мало действуют на них; Но этот род разумных экспериментов режет их и жалит очень больно, и так пугает их, что менее значительная история, чем история барабанщика Тедворта или Энн Уокер, доктор физики восклицает сейчас же: *если это правда, то я все это время был в неправильном ящике и должен начать свой рассказ заново.*

"Я помню одного моего знакомого старого джентльмена, отличного мирового судью и математика, но что он был за философ, вы можете понять из стишка его собственного сочинения, который он похвалил меня, когда я сидел на лошади в его дворе; стишок этот таков:...

Ens - ничто, пока смысл не узнает;

Смысл кончается ничем, так что ничего не выходит.

Эта его рифма так понравилась ему самому, что при чтении второго стиха старик повернулся на носке так проворно, как можно наблюдать, как сухой лист кружится в углу фруктового сада под действием небольшого вихря. С этим философом у меня было много бесед о бессмертии души и ее гибели: когда я его совсем разжалобил, он только посмеялся надо мной и сказал: это логика, Х., назвав меня моим христианским именем; на что я ответил: это разум, отец Л., (так я и некоторые другие называли его), но вы, кажется, за новые огни и непосредственные вдохновения, которых, признаюсь, он был так же мало, как и других; но в те времена я говорил так только для того, чтобы пошутить над ним, а на самом деле ничто, кроме осязаемого опыта, не могло его подвигнуть, и, будучи человеком смелым и ничего не боясь, он рассказал мне, что использовал все магические обряды колдовства, какие только мог, чтобы вызвать дьявола или духа, и имел самое искреннее желание встретиться с ним, но так и не смог этого сделать. Но вот он рассказал мне, что, когда он еще не успел об этом подумать, когда его слуга снимал сапоги в холле, какая-то невидимая рука так хлопнула его по спине, что все зазвенело; значит, подумал он, меня приглашают поговорить с духом; и поэтому, как только он снял сапоги и надел туфли, он вышел во двор и на соседнее поле, чтобы найти духа, который дал ему этот знакомый шлепок по спине, но не нашел его ни во дворе, ни на соседнем поле.

"Но хотя он и не почувствовал этого удара, хотя и счел его впоследствии (обнаружив, что из него ничего не вышло) просто галлюцинацией; однако незадолго до его смерти это имело для него большую силу, чем все философские аргументы, которые я мог ему привести, хотя я мог его обмануть и не обмануть, как мне вздумается; Но все мои доводы, какими бы вескими они ни были, не произвели на него никакого впечатления, так что после нескольких размышлений такого рода, в которых я хотел доказать ему отличие души от тела и ее бессмертие, когда ничто из таких тонких соображений не произвело в его уме большего эффекта, чем, как говорят, молния, хотя она плавит меч на нечеткой консистенции ножен: *Что ж, сказал я, отец Л., хотя ничто из этого вас не трогает, у меня есть еще кое-что, и то, что вы сами признали за истину, что может сделать дело: помните ли вы хлопок по спине, когда ваш слуга снимал с вас сапоги в прихожей? Уверю вас, сказал я, отец Л., этот гоблин будет первым, кто поприветствует вас на том свете.* После этого выражение его лица заметно изменилось, и он был больше озадачен протиранием своей памяти, чем всеми рациональными и философскими аргументами, которые я мог привести".

Как различные комментаторы Священного Писания примирились с существованием духов, ведьм, хобгоблинов, дьяволов и т. д. мы не можем решить за неимением перед нами фолианта; но если в настоящее время нет ни одного из этого зловещего братства, "блуждающего в воздухе", то все они должны быть затоплены в Красном море, готовые быть вызванными из "мерзкой глубины" одним только царем духов; ибо, как ни уверена Библия в том, что это слово истины, мы находим в ней такие описания духов, явлений, ведьм и чертей, от которых у обычного человека волосы встали бы дыбом. И только из этого источника доктор Мор доказывает их существование, которое он полностью подтверждает своим старым увлечением, "Деймоном из Тедворта" и несчастной Анной Уокер.

"В самом деле, - говорит ученый бог, - если бы в человечестве осталась хоть капля скромности, библейские истории могли бы с избытком уверить людей в существовании ангелов и духов".

В другом месте он замечает: "Я считаю особым провидением, что время от времени появляются такие свежие примеры явлений и колдовства, которые могут всколыхнуть и пробудить в их оцепеневших и вялых умах если не уверенность, то хотя бы подозрение в существовании других разумных существ, помимо тех, что облечены в тяжелую землю или глину; В этом, говорю я, божественное провидение явно заинтересовывает силы темного царства, позволяя злым мужчинам и женщинам, а также бродячим духам этого царства, заключать лиги или заветы друг с другом; признание ведьм против их собственной жизни является столь явным доказательством, помимо чудесных подвигов, которые они совершают, что существуют плохие духи, что обязательно откроет дверь к вере, что существуют хорошие, и, наконец, что есть Бог." Несомненно, в этом заявлении доктора есть много правдоподобного, подкрепленного сильными и подходящими аргументами. Но поскольку не в нашей компетенции опровергать или объяснять тексты или отрывки Писания, тем более искривлять их в соответствии с конкретными целями, мы ответим, заметив, что, хотя мы не вполне согласны с верой в несуществование ведьм, явлений, и т. д. в более ранний период существования мира, мы от всей души искренне верим, что в настоящее время нет никаких гостей такого рода, ни в воде, ни бродящих на свободе и невидимых на земле, ни плавающих в эфире, ведущих или способных вести беседу или общаться, словом, делом или знаком, с существами этой земли, цивилизованными или нецивилизованными, кроме тех, кто предназначен Богом небесным для того, чтобы составлять различные порядки, классы и роды ее привычных и предполагаемых обитателей. Однако, поскольку мы живем в толерантный смешанный век, нам не в чем упрекнуть тех, кто придерживается веры, противоположной нашему вероучению.

Теперь, прежде чем представить читателям некоторые из этих мрачных историй о ведьмах, волшебниках, явлениях и т. д. былых времен, мы приведем постскриптум к письму доктора Мора, написанному автором. Мор к письму автора "Saducismus Triumphatus"; по сути, постскриптум, который с большим правом можно было бы назвать трактатом по предмету, к которому он относится; но редкость документа, а также его любопытство, большая образованность и изобретательность, которые он выдает, будут, мы уверены, приняты как извинение за то, что мы рассматриваем его в этой части нашей статьи, по предмету, который он так сильно затрагивает. Мы приводим его тем охотнее, что он служит примером некоторых отрывков Писания, которые никогда не были обработаны, по крайней мере, так хорошо, последующими авторами, которые пытались проиллюстрировать их.

Колдовство доказывается следующими текстами Писания.

Исход, с. ххii, ст. 18. *Не позволяй жить ведьме.*

2 Паралипоменон, с. хххiii, ст. 6. *И он заставил детей своих пройти через огонь в долине сына Хиннома; также он соблюдал времена, и пользовался чарами, и пользовался колдовским ремеслом, и имел дело с вещим духом и с чародеями; он делал много зла в очах Господа, чтобы возбудить Его к гневу.*

Галатам, с. v, ст. 20. *Идолопоклонство, чародейство, ненависть, разногласия, вражда, гнев, распри, смуты, ереси.*

Михей, с. v, ст. 12. *Истреблю колдунов из рук твоих, и прорицателей не будет у тебя более".*

Деяния, с. хiii, ст. 6, 8. *Пройдя через остров до Пафоса, они нашли некоего колдуна, лжепророка, Иудея, которого звали Вар-Иисус.*

Колдун же Елима (так его зовут по толкованию) противостоял им, стараясь отвратить от веры заместителя".

Деяния, с. viii, v. 9. ¶ *Был же некий человек, именем Симон, который прежде в том же городе употреблял чародейство и околдовывал жителей Самарии, выдавая себя за некоего великого человека.*

Второзаконие, с. хviii, ст. 10, 11. *Не должно быть среди вас никого, кто заставляет сына своего или дочь свою проходить через огонь, или кто пользуется гаданием, или наблюдателем времен, или чародеем, или колдуном.*

ни заклинателя, ни общающегося со знакомыми духами, ни некроманта.

12. *Ибо все, делающие сие, мерзость; и за сии мерзости Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего.*

Постскриптум доктора Мора.

Следующий скудный, любопытный и научный документ, давно вышедший из печати, представляет собой постскриптум, написанный доктором Мором, который, судя по всему, упорно отстаивал существование сверхъестественных сил, вопреки мнению многих выдающихся людей, писавших в то время на ту же тему; и как бы ни была обесценена вера в ведьм и т. д. в более поздние годы, рискнем сказать, что мало кто из современных людей мог бы взяться за перо и предложить столь искусное опровержение. как бы ни была обесценена вера в ведьм и т. д. в последующие годы, мы рискнем сказать, что мало кто из современных людей, мирян или богов, мог бы взяться за перо и предложить столь искусное опровержение, как это сделал доктор Мор в поддержку своих мнений, основанных на Писании.

"Это письмо лежало у меня некоторое время, прежде чем я счел нужным передать его, а тем временем я не раз встречался с теми, кто, казалось, имел определенное мнение о критике и толковании мистера Уэбстера. Уэбстера о критике и толковании Писания, как будто он так хорошо себя там изжил, что впредь нельзя ожидать никаких доказательств того, что он ведьма, к чему он так стремится; И я, размышляя над этим отрывком в моем письме, который не придерживается осуждения всей книги Вебстера за слабый и дерзкий кусок, в настоящее время счел нужным, (чтобы вы не сочли это порицание чрезмерным или несправедливым) это бесконечная задача - показать все слабости и дерзости его рассуждений, вкратце, в качестве постскриптума, намекнуть на слабости и дерзости этой части, которая считается

главным произведением, чтобы таким образом вы поняли, что мое суждение не было необдуманным в отношении всего произведения.

"А для этого мы должны прежде всего обратить внимание на то, каков реальный объем его книги; если вы прочтете ее, то, несомненно, обнаружите следующее: Что те, кого обычно считают ведьмами и колдунами, - всего лишь рыцари и королевы, по его выражению, и откровенные мошенники, или глубокие меланхолики; но они имеют не больше общего со злым духом или дьяволом, или дьявол с ними, чем он с другими грешниками или злыми людьми, или они с дьяволом. Во-вторых, мы должны беспристрастно определить, что является истинным понятием ведьмы или колдуна, что необходимо для выявления дерзостей Вебстера.

"Что касается слов *witch* и *wizzard*, то, судя по их обозначению, они означают не больше, чем мудрый человек или мудрая женщина. В слове *wizzard* это ясно с первого взгляда. И я думаю, что наиболее простой и наименее опереточный вывод имени ведьмы - от *wit*, чье производное прилагательное могло бы быть *wittigh* или *wittich*, а по сокращению - *witch*; так как существительное *wit* происходит от глагола *to weet*, что значит знать. Так что ведьма, таким образом, не более чем знающая женщина; что в точности соответствует латинскому слову *saga*, согласно Фестусу, *Sagæ dictæ anus quæ multa sciunt*. Так в целом: но бесспорное употребление приписало этому слову такое умение и знание, которое выбивалось из общего пути, или было необычным. Эта особенность также не подразумевала в нем никакой противозаконности. Но было еще одно ограничение, самое правильное из всех, и только в нем в наши дни употребляются слова *ведьма* и *волшебник*. А именно: для того, кто обладает знанием или умением делать или рассказывать вещи необычным образом, и это в силу явного или неявного общения или конфедерации с каким-то злым духом. Это верное и адекватное определение *ведьмы* или *колдуна*, которое, к кому бы оно ни относилось, является таковым, *и наоборот*. Но доказать или защитить, что таких людей нет и никогда не было, - это, как я уже сказал, главная цель книги Вебстера: для этого он пытается в шестой и восьмой главах устранить все свидетельства Писания; как слабо и дерзко он это сделал, я сейчас покажу со всей возможной краткостью и проницательностью.

"Слова, на которые он опирается, - это Втор. с. xviii, ст. 10, 11: "Не должно быть среди вас никого, кто пользуется гаданием, или наблюдателем времен, или чародеем, или ведьмой, или заклинателем, или общающимся со знакомыми духами, или гадателем, или некромантом". Первое слово на иврите קסם קסמים - *q, kosem kesamim*, прорицатель. Здесь, поскольку קסם *kasam* иногда имеет неопределенный смысл и означает прорицание с помощью естественного знания или человеческого благоразумия или проницательности; поэтому из этого слова нельзя вывести ничего о такой ведьме, которая, как воображают, заключает видимый союз с дьяволом, или имеет его тело, или совокупляется с ним, или действительно превращается в кошку, зайца, волка или собаку. Действительно, хороший вывод, и очень подходящий, как видно из приведенного выше определения. Но хотя это и невозможно вывести, все же в том, что это гадание, которое здесь запрещено, ясно объявлено мерзким и отвратительным, как в ст. 12, очевидно, что понимается такое гадание, которое действительно является таковым; что не может быть вполне понятным, если не подразумевать явного или скрытого осуждения неких злых невидимых сил, которые помогают любому виду тех гаданий, которые могут быть охвачены этим общим термином. Так что это, несомненно, одно из названий колдовства, согласно его подлинному определению. Сами слова Саула, обращенные к ведьме из Эндора, звучат כסמי נא לי באוב ; то есть: "Погадай мне, молю тебя, по знакомому духу твоему". Это больше, чем естественное знание или человеческая проницательность.

Следующее слово - מֵגִנּוֹן *megnonen*, которое, хотя наш английский перевод переводит [gnon] (*tempus*), означает "наблюдатель времени"; скорее, это должен быть объявитель сезонности времени, или несезонности времени, или несезонности в отношении успеха; вещь, о которой спрашивают и у ведьм, однако обычный смысл, передаваемый сведущими в языке, - *præstigiatur*, навязывающий зрение, *Sapientes prisci*, говорит Баксторф, а גִּנָּי [gnajin, oculus] *deduxerunt et* מֵגִנּוֹן [*megnonen*] *esse eum dixerunt, qui tenet et præstringit oculos, ut falsum pro vero videant*. Вот еще одно слово, обозначающее ведьму или волшебника, который получил свое название от того, что навязывает зрение и заставляет стороннего наблюдателя поверить, что он видит формы или превращения того, чего не видит! Как, когда Энн Боденхэм предстала перед Энн Стайлз в облике огромной кошки; зрение Энн Стайлз было так навязано, что ей показалось, что дело сделано, хотя ее глаза были лишь обмануты. Но такой обман, конечно, не может быть осуществлен без сговора со злыми духами. Ибо думать, что это слово означает *præstigiator*, в том смысле, в каком мы переводим его на английский, *жонглер*, или *фокус-покус*, - это настолько причудливое представление, что ни один человек, обладающий глубоким умом, не может его вынести. Как будто веселый жонглер, разыгрывающий фокусы на ярмарке или рынке, является такой мерзостью для Бога Израиля или его законоучителя Моисея; или как будто фокус-покус настолько мудр, что с ним можно советоваться как с оракулом: ведь сказано, ст. 14: "О народах, которыми ты будешь владеть, они советуются מֵגִנּוֹנִים", *"megnonenim*. Что, они обращаются к жонглерам и фокус-покусам? Нет, конечно, они обращаются к ведьмам или колдунам, а также к прорицателям, как Анна Стайлз к Анне Боденхем". Поэтому здесь, очевидно, второе имя ведьмы.

Третье слово в тексте מְנַחֵשׁ - *menachesh*, что в нашем английском переводе означает "чародей". И, с позволения г-на Вебстера (который так оскорбляет их предполагаемое невежество), я думаю, что они перевели его очень грамотно и разумно; ибо очаровывать и очаровывать, как признает сам Вебстер, и слова, близкие по значению, являются одним и тем же, слово מְנַחֵשׁ *menachesh* здесь вполне может означать чародеев, или обаятелей; но именно такие, которые убивают змей своими чарами, от מְנַחֵשׁ *menachash*, что означает змею, откуда происходит נִחֵשׁ *nichesh*, убивать змей, или избавляться от них. Ибо глагол в *pihel* иногда (особенно когда он образован от существительного) имеет противоположное значение. Так, от שָׁרַשׁ *radix* происходит שָׁרַשׁ *radices evulsit*, от דָּשַׁן *cinis* דָּשַׁן *removit cineres*, от חָטָא *peccavit* חָטָא *pepiavit à peccato*; и, наконец, из שֶׁרֶפֶן *serpens*, делается שֶׁרֶפֶן *liberavit à serpentibus, nempe occidendo vel fugando per incantationem*. И поэтому кажется, что в наших английских переводчиках было много мастерства и глубины суждения, которые передали מְנַחֵשׁ *menachesh*, чародей, особенно когда понятие авгура или прорицателя, которое Септуагинта называет Οὐνιζόμενον (есть так много безобидных видов этого), может показаться менее подходящим для этого черного списка: ибо нет такой мерзости в авантюризме, чтобы сказать, когда дикие гуси летят высоко в больших компаниях и много гогочут, что приближается тяжелая погода, но избавиться от змей с помощью чар - это выше сил природы; и поэтому это указание на того, кто имеет помощь какого-то невидимого духа, чтобы помочь ему в этом подвиге, как это происходит в некоторых других; и поэтому это другое название того, кто действительно является ведьмой.

"Четвертое слово - מְכַשֵּׁפִים *mecasseph*, которое наши английские переводчики переводят как "ведьма"; за это я с ними не спорю, если только они не понимают его так, что оно должно исключать других из числа ведьм в том смысле, который я определил, а это невозможно. Но это, как и вышесказанное, всего лишь другой термин, обозначающий то же самое, то есть ведьму вообще, но названную так здесь из-за престижного навязывания взгляду зрителей. Баксторф сообщает нам, что Абен Эзра определяет тех, кто быть מְכַשֵּׁפִים [*mecassephim*] *qui mutant et transformant res naturales ad aspectum oculi*. Не как жонглеры и фокус-покусы, как

нелепо намекнул бы Вебстер, а так, как я понял вещь во втором имени; ибо это всего лишь несколько имен ведьмы, которая может иметь несколько больше свойств, чем подразумевает одно имя. Поэтому неудивительно, что переводчики переводят их не всегда одинаково. Но в этом пункте закона Моисея перечислено столько имен, что, как и в нашем обычном законе, смысл может быть более определенным и не оставлять места для уклонений. А то, что здесь это название относится не к каким-либо фокусам, как у обычных жонглеров, обманывающих глаза людей на рынке или ярмарке, а к тем, кто вызывает магические призраки для обмана зрения людей, а значит, несомненно, ведьм, ясно из Исхода, глава xxii, стих 18: "Не позволяй, *מכשפה mecassephah*, то есть "ведьме", жить". Это был бы закон крайней суровости или, скорее, жестокости по отношению к бедному фокус-покусу за его трюки.

"Пятое имя - *חֹבֵר chobher chebher*, которое наши английские переводчики переводят как очарователь, что то же самое, что и *enchanter*. Вебстер по этому имени очень утомительный и плоский, много слов и мало веса в них. Я кратко передам его значение следующим образом: Это *חֹבֵר chobher chebher*, то есть *socians societatem*, - другое название ведьмы, названной так специально либо по соединению вместе змей с помощью чар, из-за чего люди обычно превращают ее (по примеру Септуагинты, *ἐπάδων ἐπαοιδῆν*,) в заклинателя, или чародея, или же от общества или союза ведьмы с некоторыми злыми духами; Что Вебстер признает мнением двух очень ученых людей, Мартина Лютера и Перкинса, и я добавлю третьего, Абен Эзра, (как отметил Мартиниус), который дает эту причину слова *חֹבֵר chobher*, чародей, которое означает *socians* или *jungens*, viz. *Quòd malignos spiritus sibi associat*. И, конечно, человек может очаровывать достаточно долго, до боли в сердце, пока не заставит собраться рядом с собой хоть одну змею, если только ему не поможет эта конфедерация духов, подгоняющих их к заклинателю. Он без всякой пользы пересказывает шестой стих пятьдесят восьмого псалма; В то время как с иврита, *מַחְשֵׁי חֹבֵר מְלַחְשִׁים לִקּוֹל*, если повторить *ἀπὸ κοινοῦ לקοῦ* перед *חֹבֵר*, то можно с легкостью и точностью перевести это так: 'Не слышащий голоса бормочущих чародеев, не слышащий голоса сговорившихся волшебников или искусных чародеев'. Но поскольку чары, если только они не очень поверхностны и легковёрны, сами по себе не могут оказывать такого воздействия, есть все основания (как следует из самого слова, и как заявил Абен Эзра,) приписать этот эффект помощи, конфедерации и сотрудничеству злых духов, и поэтому *חֹבֵר chobher*, *חֹבֵר חֹבֵר chobher chebher*, будет однозначно означать ведьму или колдуна в соответствии с истинным определением этих слов. Что же касается перевода этого стиха Дж. Вебстером, стр. 119, таким образом: *Quæ non audiet vocem mussitantium incantationes docti incantantis*, (который, по его словам, несомненно, является самым подлинным переводом этого места), то пусть любой искусный человек применит его к еврейскому тексту, и он сразу же обнаружит, что это грамматическая бессмыслица. Если бы смысл был в этом, то должно было бы быть *חֹבֵר חֹבֵר chobher chebher*.

"Шестое слово - *שׁוֹאֵל shoel obh*, что в нашем английском переводе означает "советник со знакомыми духами"; но в Септуагинте *ἑταστροφικός*. Который, таким образом, должен означать того, кто имеет этого знакомого духа: и поэтому *שׁוֹאֵל shoel obh*, как я полагаю (учитывая, что остальные слова следует понимать именно так), следует понимать самого колдуна или волшебника, который спрашивает совета у своего знакомого и в силу этого дает ответы другим. Причиной названия *שׁוֹאֵל obh*, вероятно, послужил сначала тот дух, который находился в теле праздника и раздувал его до размеров, напоминающих бока бутылки. Но после, без всякой связи с этим обстоятельством, *OBH* означает столько же, сколько и *pytho*; так же и *pytho*, хотя вначале оно получило свое название от *pythii vates*, означает не более чем *spiritum divinationis*, в общем, дух, который говорит о скрытых вещах или о том, что

должно произойти. И в этом *OBH* и *pytho* также сходятся: они оба обозначают либо сам дух прорицания, либо ту сторону, которая обладает этим духом. Но здесь в *למי שובח*, *shoel obh*, переведенном в Септуагинте *Ἐγγασείμυθος*, *OBH* обязательно означает сам дух, как и *pytho*, Деян. xvi. 16, если читать *πνεῦμα πύθωνα*, как Исаак Казобон; но если *πύθωνος*, то его можно понимать и так, и так. Об этом *πνεῦμα πύθων* сказано в том месте, что "Павел, опечалившись, обратился и сказал духу тому: повелеваю тебе, именем Иисуса Христа, выйти из нее, и он вышел в тот же час"; что означает так ясно, как ничто другое не может означать, что этот *pytho* или дух прорицания, этот *OBH* был в ней: ибо ничто не может выйти из мешка, чего не было в мешке, как гласит испанская пословица; так и этот *pytho* не мог выйти из нее, если только это не был дух, отличный от нее; поэтому я поражаюсь профанной наглости Дж. Уэбстера, который делает это *pinto* в упомянутой служанке ничем иным, как нечестивым юмором обманного и жульнического гадания: и добавляет, что этот дух был изгнан из той служанки не больше, чем семь дьяволов из Марии Магдалины, что он понимал бы только под ее несколькими пороками; это глупое фамильярное представление он возлагает на Беза, а также на Эди. И как он несправедлив к Безе, так и грубо нечестив и богохульствует против духа Христова в святом Павле и святом Луке, выставляя их обоих такими глупцами, что они верят, будто в служанке был дух или прорицающий дьявол, хотя, по его словам, ничего подобного не существует. Разве может быть что-то более безумное или нелепое, чем этот отрывок святого Павла, если в девице не было ни духа, ни дьявола? Но что же будет делать этот профан в отношении своих любимых колдуний, заступником которых он является поклявшимся и решительным покровителем добра или зла?

"Но то, что *ובח*, *obh*, означает сам дух, который прорицает, а не только того, кто его имеет, явствует из Levit. xx. 27, *Vir autem sive mulier cū fuerit [אובבוח] in eis pytho*. И 1 Sam. xxviii. 8, *Divina quæso mihi [באוב] per pythonem*. В Септуагинте это *ἐν τῷ Ἐγγαστρίμυθῳ* то есть дух, который иногда входит в тело собеседника и оттуда дает ответы; но здесь это означает только знакомый дух. И наконец, *אובבעל*, *bagnalath obh*, 1 Sam. xxviii. 7, *Quæ habit pythonem*; здесь *OBH* должно означать сам дух, владельцем или обладателем которого была она из Эндора; то есть это был ее знакомый дух. Но посмотрите, какую наглость и глупость можно сделать здесь: *אובבעל*, *bagnalath obh*, у Вебстера должно означать не того, кто имеет знакомый дух, а хозяйку бутылки. Кто, как не хозяин бутылки, или, скорее, тот, для кого бутылка стала хозяином, и, выпив, он сделал свой ум чрезмерно мутным и пенистым, мог наткнуться на такое глупое толкование? Но поскольку *ובח obh* в одном месте Писания обозначает бутылку, оно должно обозначать ее и здесь, и это должен быть инструмент, из которого эта жуликоватая королева Эндора "шепчет, пиликает или щебечет, как цыпленок, вылезавший из скорлупы", с. 129, 165. И не она ли, умоляю вас, иногда вставляет в него свое перо, как в тростник, как сказано об этой птице, и плачет, как маслбойка? Конечно, он мог бы с таким же успехом истолковать *אוב בעל bagnalath obh*, о великом туне из Гейдельберга, о котором Том. Кориат уделяет этому особое внимание, как и бутылке.

"И действительно, насколько я понимаю, речь должна идти не о бутылке, а о каком-то огромном туне, то есть о такой просторной бадье, которую, по его изворотливому воображению, построил Манасс; *μανείον* forsooth, или оракульное сооружение для "жуликов и царедворцев, чтобы играть в них свои коварные фокусы"; из этого места 2 Chron. xxxiii. 6, *אוב עש*, *Et fecit pythonem*. Итак, говорит он, как мог Манассия сделать знакомого духа? Или сделать того, кто имел знакомого духа? Поэтому он сделал бутылку, тун, или большую ванну, *μαντείον*, или оракульное сооружение, "чтобы мошенники или королевы могли разыгрывать в нем свои коварные трюки". Очень мудрый аргумент, но из самой глубины своего невежества в еврейском языке, тогда как если бы он заглянул в словарь Баксторфа, то мог бы понять, что *עש* означает не только *fecit*, но и *paravit*, *comparavit*, *acquisivit*, *magni fecit*, ни

одно из этих слов не подразумевает создание *ОВН* в его смысле, но только назначение их получения и их одобрение. Ибо в смысле Вебстера он не делал *יִדְעוֹנִי jidegnoni*, то есть волшебников, и все же Манассес говорит, что делает их обоих одинаково. *אֹב וִידְעוֹנִי 'sh*, *Et fecit pythonem et magos*. Так ясно, что *אֹב obh*, означает *pytho*, и адекватно в том же смысле, что и *pytho*, либо знакомого духа, либо того, кто обладает этим духом прорицания. Но в *בַּעַל אֹב bagnalath obh*, он обязательно означает самого знакомого духа, который помогал ведьме из Эндора; таким образом, очевидно, что она по праву называется ведьмой. Что же касается его рассказов о поддельных чревовещателях (а кто знает, может быть, некоторые из его поддельных чревовещателей окажутся настоящими), то это всего лишь нитяная софистика саддукеев и атеистов, призванная отвлечь веру от всех правдивых историй с помощью поддельных или притворных.

"Седьмое слово *יִדְעוֹנִי jidegnoni*, которое наши английские переводчики переводят как *wizzard*. И Вебстер настолько любезен, что допускает, что они перевели это слово правильно. Таким образом, Вебстер допускает, что это ведьмы, то есть он-ведьмы, но не она-ведьмы. Как нежно относится мужчина к этому полу! Но слово приглашает его к этому *יִדְעוֹנִי jidegnoni*, происходящее от *scire*, и отвечающее именно *wizzard* или *wise man*. А разве ведьма от *wit* и *weet* не означает также мудрую женщину, как я уже отмечал выше? Что же касается смысла этих слов, от которых они произошли, то здесь нет никакого вреда; и поэтому, если бы это было все, *יִדְעוֹנִי jidegnoni*, не было бы в этом черном списке. Поэтому здесь оно понимается в более ограниченном и худшем смысле: так, как в наши дни мы обычно понимаем под ведьмой и колдуном таких мудрецов и женщин, чье мастерство происходит от конфедерации злых духов, и поэтому они являются настоящими колдунами и ведьмами. В каком дурном смысле понимается *יִדְעוֹנִי jidegnoni*, мы можем узнать из Левит. xx. 27: "Мужчина или женщина, у которых есть знакомый дух или которые колдуют, *jidegnoni*, должны быть преданы смерти, и они должны побить их камнями" и т. д.

"Последнее слово - *הַמֵּתִים doresh hammethim*, которое наши переводчики справедливо переводят как *некроманты*; то есть те, кто либо по собственному желанию, либо по желанию других, вызывают призраки умерших для консультаций; это более конкретный термин, чем *אֹבְבַעַל bagnal obh*: Но тот, кто является *bagnal obh*, может быть также *doresh hammethim*, некромантом, как это видно на примере ведьмы из Эндора. Здесь Вебстер под *הַמֵּתִים hammethim*, мертвыми, понимает мертвые статуи; но пусть он, если сможет, покажет во всем Писании, где слово *הַמֵּתִים hammethim*, используется для обозначения того, что не было когда-то живым. Он считает, что попал гвоздем в голову в том месте из Исаии, viii. 19: "И когда скажут вам: ищите [הַאֲבֹת, то есть *אֹבְבַעַל*, таких, какой была ведьма Эндора] тех, кто имеет знакомых духов, и колдунов, которые пищат и бормочут; [в иврите есть *הַמְהִימִים* и *הַמְצַפְצִפִּים*; то есть, говорят жалобным рокошущим или бормочущим голосом, когда вызывают духа или дают ответ. Если это значит "пищать, как курица", - сам Исаия пищал, как курица, xxxviii. 14], то не должен ли народ искать своего Бога? для живых, (*הַמֵּתִים* doresh hammethim) для мертвых?". Где *хамметим* настолько далек от обозначения мертвых статуй, что его необходимо понимать как призраки мертвецов, как здесь, во Второзаконии. Никто, кроме того, кто либо по глупости, либо умышленно забыл историю о воскрешении Самуила этой *אֹבְבַעַל bagnalath obh*, ведьмой из Эндора, не мог бы утверждать, что *הַמֵּתִים hammethim*, здесь в Исаии, следует понимать как мертвые статуи, в то время как волшебники или некроманты были так непосредственно упомянуты ранее, особенно Вебстер, который признает, что *שׁוֹאֵל shoel obh*, означает некроманта в этом списке имен Второзакония. И поэтому, мол, тавтология, что и *doresh hammethim* должно означать то же самое. Но я утверждаю, что это не тавтология, поскольку последнее выражено более четко и ясно. И кроме того, это перечисление не предназначено для точного логического разделения ведьм или колдовства

на столько разных видов, но для перечисления нескольких названий этого дурного ремесла, хотя они будут мешать друг другу и не иметь столь точно различающихся значений. Но, как я уже говорил, это более полное их перечисление сделано для того, чтобы запрет в такой форме был более надежным ограждением от греха. И что же теперь получит Дж. Вебстер, если *doresh hammethim* не будет означать ведьму из Эндора, когда он обязательно будет означать некроманта, что так же противоречит его зубу, как и другое? Ведь этот некромант также является ведьмой или колдуном, согласно определению, данному выше.

"Остальная часть этой главы столь незначительна, и я уже так долго на ней останавливался, что перейду к следующей, после того как пожелаю обратить ваше внимание на то, насколько слабым и детским, или диким и дерзким был мистер Вебстер в толковании Писания до сих пор, в убеждении своих мудрых дам, чтобы оградиться от упреков в том, что их называют ведьмами; тогда как в этом месте Второзакония едва ли найдется хоть одно слово, которое не подразумевало бы ведьму или колдуна, согласно его настоящему определению. И, похоже, он и сам сознает слабость своего выступления, когда после всех этих препирательств в конце концов сводится к тому, что во всем Ветхом Завете нет ни одного имени, обозначающего такую ведьму, которая губит людей или зверей, заключает видимый договор с дьяволом, или на чьем теле сосет, или с кем вступает в плотское соитие, или действительно превращается в кошку, зайца, собаку или тому подобное. И показать, что это не более чем так, - вот задача, которую мы поставили перед собой в этой главе.

"Но, уверяю вас, если вы внимательно прочтете его книгу, то обнаружите, что основная ее суть заключается в том, чтобы доказать, как я уже отмечал выше, что не существует такой ведьмы, с которой дьявол имеет больше дел, чем с любым другим грешником, чего, несмотря на это его заключение, о котором он говорил чуть раньше, бесконечно мало: и поэтому эта шестая глава, состоящая примерно из тридцати страниц in folio, - сущая дерзость. И при всем том ведьмы будут, независимо от того, отмечены ли в них эти особенности или нет; ибо Моисею достаточно было назвать те неблагозвучные термины в целом, которые подразумевают ведьму согласно тому общему понятию, которое я изложил выше; а если это запрещено, а именно: иметь какое-либо отношение к злым духам, быть всасываемым ими или иметь с ними какие-либо похотливые или благоговейные отношения, то это еще более запрещено.

"Но и на некоторые из этих особенностей можно, по-видимому, намекать некоторыми словами, тем более что они иногда передаются искусными толкователями: так, מַכְשֵׁפַּת (*Mecasseph*) переводится *Vatablus*, а вульгарная латынь *Maleficus*, в *Септуагинте* *φάρμακος*, то есть *Veneficus*: это слово означает озорство, как для человека, так и для зверя. Кроме того, *Mecasseph* несет в себе также значение превращения; и, возможно, в этом и состоит разница между מַכְשֵׁפַּת *Mecasseph* и מַגְנוֹנִת *Megnonen*, что первый использует престижные превращения для больших бед, как в случае, когда Олаус Магнус рассказывает о тех, кто превратился в волков, по мнению людей, и впоследствии пал на беспокоящихся овец. Другие, превращаясь в астральном духе в различные облики, проникают в дома и причиняют зло людям и детям, о чем, как я помню, сообщает Ремегиус. Поэтому не стоит удивляться, что этот резкий закон Моисея направлен против מַכְשֵׁפַּת *Mecassephah*, такой ведьмы, как эта: "Не позволяй ведьме жить"; возможно, это более особое значение этого слова. А если речь идет о заключении договора с дьяволом, то как естественно, что имя חֹבֶבֶר *Чоббер-Чоббер* обозначает и этот подвиг? Что же касается сосания и совокупления, то, хотя это и верно, но, признаюсь, в этом, насколько я вижу, нет ни малейшего намека, так как, действительно, ни то, ни другое не было необходимо. Но это те самые отбросы, *fex magorum et sagarum*, которые тонут в тех мерзостях, против которых уже поставлен достаточный заслон этим запретом в

целом под столь многими названиями. А другое - грязное, низменное и мерзкое, что упоминание о нем не подходило ни для священного стиля Моисеева закона, ни для лет народа.

Переходя к восьмой главе, я лишь попутно отмечу бесстыдную наглость Дж. Уэбстера, который в угоду своим любимым ведьмам, чтобы они никогда не думали, что делают что-то с помощью дьявола, выставляет победу Моисея, с которым была могучая рука Божья, или Христа (который был ангелом, первым явившимся Моисею в кусте и выведшим детей Израиля из Египта в землю обетованную) победой только над столькими фокусами, столькими жонглерами, которые, как кажется, были стары и превосходны в трюках Legerdemain; что является самым низким умалением славы этой победы и самым гнусным поношением Бога Израиля и личности Моисея, на которое только может наткнуться злобное остроумие любого дьявола или тупость любой погруженной в себя души. Несомненно, здесь имел место настоящий конфликт между царством света и царством тьмы и злыми духами, которые помогали חרטומים Хартуммим, магам Египта; которые до этого имени, чтобы никто не ошибся, называются מכשפים, мекассафим, такие маги, которые могут демонстрировать зрению разнообразные престижные превращения с помощью дьявола, и называются хорошими толкователями малификами, как я отметил выше; то есть, они были волшебниками, или колдунами. Это же слово используется в суровом законе Моисея: "Не позволяй жить ведьме". Разве эти маги не являются примером того, что существуют ведьмы, то есть такие несчастные, которые творят странные чудеса с помощью или в союзе со злыми духами?

"О нет, говорит мистер Вебстер, это всего лишь חכמים Чакаммим, мудрецы и великие естествоиспытатели, которые все, что они делали, делали בלחץ להם, по их ярким сверкающим ламинам, ибо так להם, как мы видим, должно означать. Но какая необходимость в том, чтобы להם означало "пластинка"? Есть только присутствие этого одного места, Быт. iii, 24. הרב להם, где только רב означает пластинку, и то длинной формы, едва ли обычной для тех магических пластинок с небесными подписями на них, которые Дж. Вебстера; но להם означает просто flamma; так что בלהטם по этому счету должно означать их пламя, если это от להם ardere, flammare: и поэтому Баксторфий благоразумно помещает это слово под להם abscondit, obvolvitur, читая בלאטם, а להם, что равносильно тому, чтобы сказать: occultis suis rationibus Magicis, что кратко переводится по-английски: "своими чарами"; что удивительно хорошо согласуется с מכשפים Mecassephim, что равнозначно Præstigiatores Magici, или таким, которые делают странные чудесные вещи скрытым образом, с помощью злых духов. Но то, что египетские маги должны были делать те вещи, которые записаны о них в Исходе, с помощью каких-то ламелей или пластин из металлов, с определенными скульптурами или фигурами, под таким-то или таким-то созвездием, - вещь настолько глупая, что ни один человек, который сам не был бы околдован какой-нибудь старой ведьмой или хобгоблингом, никогда не сможет найти здесь убежище, чтобы спасти себя или своих старых дам от того, что они будут причислены к ведьмам на основании этой истории в Исходе. Ибо если могут быть ведьмы, то есть маги, какими были эти египтяне, то я оставляю Дж. Уэбстера ломать голову, чтобы найти причину, почему не могут быть и ведьмы-женщины.

"И действительно, случай с ведьмой из Эндора, если перейти к восьмой главе, является настолько очевидным доказательством этого, насколько может пожелать любой человек, чей разум не ослеплен предрассудками. Но тут Дж. Вебстер, не дерзко, признаюсь, для общего сведения, (отбросив множество утомительных частных дерзостей, которыми он засорял свои рассуждения) прибегает к двум способам, чтобы доказать, что во всем этом повествовании не было ничего от ведьмы. Во-первых, он делает вид, что вся сделка со

стороны эндорской женщины была не более чем сговором и обманом, поскольку Савл не был с ней в одной комнате или, по крайней мере, ничего не видел, если бы был. И далее: Самуил, о котором говорится, что он явился, не мог быть ни Самуилом, явившимся в теле из могилы, ни душой, ни дьяволом, который явился, а значит, это должен быть какой-то сговорившийся плут, подстрекаемый ведьмой. Чтобы обнаружить слабость его прежнего утверждения, нам достаточно обратиться к тексту, который гласит: 1 Цар. xxviii, ст. 8.

И сказал Саул: молю тебя, прорицай мне духом знакомым и приведи ко мне того, кого я назову тебе, לִי קְסוֹמִי-נָא , то есть исполни обязанности прорицательницы, или мудрой женщины: "Я молю тебя, בְּאֵחַ Веобх, в силу знакомого духа, чьей помощью ты пользуешься, а не в силу бутылки, как хотел бы сказать мистер Уэбстер. Вебстер. Думает ли он, что та девица в Деяниях, о которой говорится, что она имела πνεῦμα πύθωνος, то есть имела בְּאֵחַ Obh, носила с собой бутылку *aqua-vitæ*, подвешенную к поясу, из которой она могла гадать и бормотать, щебетать или подглядывать, как цыпленок из яичной скорлупы, или опускать в нее нос, чтобы плакать, как горлица, или выпивать из бутылки драм, чтобы сделать свой ум более быстрым и прорицательным. Кто, как не тот, кто выпил слишком много бутылок, мог впасть в такое причудливое воображение? Поэтому בְּאֵחַ Obh в этом месте не означает, как, впрочем, и нигде больше, прорицательную бутылку или ραυτεῖον, в которую Саул мог бы по желанию женщины из Эндора удалиться, а сам ожидать ответов в соседней комнате; но означает тех знакомых духов, благодаря помощи которых она была задумана для выполнения всех этих чудесных действий мудрой женщины. Но перейдем к стиху 11.

"И сказала женщина: кого мне привести к тебе? И сказал он: приведи ко мне Самуила". Конечно, поскольку Саул и женщина находятся в одной комнате, и женщина спрашивает: "Кого мне привести к тебе?", а он отвечает: "Приведи ко мне Самуила", то подразумевается, что Самуил был так приведен, чтобы Саул мог видеть его, а не только ведьму. Но мы продолжаем, стих 12.

"И когда женщина увидела Самуила, то закричала громким голосом; и обратилась женщина к Саулу, говоря: что ты обманываешь, ибо ты Саул? Хотя женщина могла и раньше подозревать, что это Саул, но теперь, увидев, что Самуил явился, и не в том виде, в каком обычно являлись ее духи, и не в том оттенке, в каком, скорее всего, была столь святая душа, она вскрикнула громким голосом, "а не бормотала, не щебетала и не пищала, как цыпленок, вылезавший из скорлупы", что теперь она уверена, что это Саул, ибо она не такая дура, чтобы думать, что ее искусство может вызвать настоящего Самуила, но что причиной этого было присутствие Саула: и Иосиф прямо пишет: "Ἡ θεασάμενον τὸ γύναιον ἄνδρα σεμνὸν καὶ θεοπρεπῆ ταραττέται, καὶ πρὸς τὴν ὅψιν οὐπλαγὲν, οὐ σύ, φησὶ ν, ὁ Βασιλεὺς Σαοῦλος; i. m. e. "Женщина, увидев могилу богоподобного человека, поразилась этому и, удивляясь видению, обратилась к царю и сказала: не ты ли царь Саул?". Стих 13.

"И сказал ей царь: не бойся, ибо что ты видела? И сказала женщина: Саул, я видела богов, восходящих из земли". Здесь царь заверяет женщину, что, хотя он и Саул, ей не будет причинено никакого вреда, и поэтому просит ее не бояться. Но она, обратив лицо к Саулу, когда говорила с ним, а он - к ней, и таким образом ее взгляд отвлекся от предмета, Саул спросил ее: "Что ты видела?", и она ответила: "Я видела богов" и т. д. Для богов, я полагаю, любой свободный переводчик с греческого, латыни и английского сказал бы: δαίμονας, *genios*, духи. А מַלְאָכִים означает ангелов, а также богов; и, вероятно, эти мудрые женщины принимают духов, с которыми они общаются, за добрых ангелов, как ведьма Энн Боденхэм сказала моему достойному и ученому другу, что эти духи, такие, как у нее, были добрыми духами и делали бы человеку все добрые дела во все дни его жизни; И, вероятно, эта женщина из Эндора была такого же мнения о себе, и поэтому нам не нужно удивляться, что

она называет *יהוים* *Элохим*, особенно Самуила, появляющегося среди них, не говоря уже о присутствии Саула. А то, что за раз появляется более одного духа, неоднократно подтверждается магическими иллюстрациями Энн Боденхэм, чью историю, признаться, я считаю очень правдивой.

"Итак, дело обстоит следующим образом: Женщина и Саул находятся в одной комнате, она, отвернувшись от Саула, бормочет про себя какую-то магическую форму вызова духов; когда они начинают появляться и подниматься, казалось бы, из земли, при виде лица Самуила, она взывает к Саулу и, повернувшись к нему лицом, говорит с ним. То, что Саул до сих пор ничего не видел, хотя и находился в той же комнате, может быть связано либо с тем, что тело женщины находилось между его глазами и ними, либо с тем, что средства передвижения этих духов еще не были настроены на такой сговор, чтобы поразить глаза Саула, как это произошло с ведьмой. А что одни могут видеть предмет, а другие не видеть его, тому пример - ребенок на плечах Уокера, видимый мистеру Фэрхайру и, возможно, судье, но невидимый остальным членам суда; и таких примеров множество. Но я перехожу к стиху 14.

"И сказал ей: какого он вида? И она сказала: приходит старец, покрытый мантией". Он спрашивает здесь в единственном числе, потому что его мысли были сосредоточены только на Самуиле. И ответ женщины в точности соответствует тому, что явил ей дух, когда она смотрела на него, а именно: *וְהָיָה זֶקֶן עֹלֵל* "старец, поднимающийся"; ибо он только поднимался, когда она смотрела на него, и, соответственно, описывает его: Ибо *לֵלֵךְ* здесь - частица настоящего времени, и женщина описывает Савла по его возрасту, привычкам и движению, в котором он находился, пока она смотрела на него. Так что подлинный и грамматический смысл этого ответа на вопрос "в каком он виде?" таков: "Идет старик, покрытый мантией, - вот его вид и состояние, в котором я его видела". Поэтому Саул, будучи так сильно заинтересован в этом, либо женщина, либо он сам изменили свои позы или положения, либо Самуил этим достаточно сконспирировал свое транспортное средство и приспособил его для зрения Саула, следует в тексте: "И увидел Саул, что это Самуил, и опустил лицом своим на землю и поклонился".

"О наглая профанация и глупость извращенных шаркунов и перебежчиков! У кого, услышав этот отрывок, хватит ума отрицать, что Саул что-то видел, и только потому, что использовано слово "воспринял", а не "увидел", когда слово "воспринял" явно подразумевает, что он видел Самуила, и еще кое-что, а именно, что по его прежним знакомым разговорам с ним он был уверен, что это был он. Он предстал перед ним в столь изысканном виде и настолько поразил его чувства, что он не мог не признать (ибо так означает еврейское слово *וַיֵּדַע*), что это он, иначе зачем бы он склонился лицом к самой земле, чтобы оказать ему честь?

"Нет, нет, - говорит Дж. Вебстер, - сам он ничего не видел, но стоял и ждал, как утопленная кукла (посмотрите, какого низкого духа этот оруженосец ведьм, говорящий таким языком о принце в его беде), в другой комнате, чтобы услышать, чем все закончится; ибо все, что он понял, было от ее хитрых и лживых связей. То, что эта галантная ведьма осмелилась так надругаться над принцем, прикинувшись таким же глупцом и ничтожеством в своих умственных способностях, как он был выше остальных людей даже на голову и плечи, и только для того, чтобы обезопасить своих старых жен от подозрений в колдовстве, - вещь крайне грубая и нестерпимо подлая. И в самом деле, если учесть, что Саул, как говорят, поклонился Самуилу (что явно подразумевает, что существовал некий Самуил, который был объектом его взгляда и почтения), его собственное сердце не оправдывает его в этом

безумном приключении, и он переключается с него на мысль, что это был конфедеративный плут, что женщина из Эндора вышла в комнату, где находился Саул, чтобы сыграть роль Самуила, предварительно надев на него свой собственный короткий плащ, в котором она ездила на ярмарки или рынки со своей маундой под мышкой. Этому деревенскому сутулому в женской мантии царь Саул, склонившись лицом к самой земле, должен был выразить свое глубокое повиновение. Чем же так похожи друг на друга плащ рыночной женщины и мантия Самуила, которую Иосиф называет διπλοῖδα ἰερατικήν, "священнической привычкой"? Или, если нет, то как эта женщина, так внезапно удивившись, смогла снабдить себя таким священным обычаем, чтобы облачить в него своего единомышленника? Неужели Савл был так же слеп, как утонувшая кукла, что не смог разглядеть столь грубого и дерзкого самозванца, как этот? Разве мог он не понять, что это не Самуил, когда они вместе пришли посоветоваться? Как мог этот плут изменить свое лицо, сделав его таким же, как у Самуила, который был точно известен Саулу? Как он мог так внезапно подражать его голосу, а ведь они проговорили вместе очень много времени?

К тому же, глупцы говорят не то, что истинно, а то, что приятно". Кроме того, эта женщина из Эндора, хотя и была пифонессой, но обладала очень добрым и благодушным характером, что замечает Иосиф и превозносит ее за это, и поэтому она не могла удовольствоваться тем, чтобы еще больше уязвить угнетенный дух страдающего царя Саула; это еще один признак того, что эта сцена разыграна *добросовестно* и что в ней не было никакого жеманства. Как и то, что она так великолепно рассказывала о том, что ей показалось, будто она видела возносящихся богов. Могла ли она приключиться, чтобы деревенская сутулая женщина в линиях плаща сыграла роль столь богоподобного и божественного Самуила, который был Θεῶν μορφῇ ὄμοιος, , как описывает его женщина в Josephus Antiq. Judaic. lib. vii. c. 15, ко всему этому можно добавить, что само Писание, написанное по вдохновению, прямо говорит, стих 20, что это был Самуил. И сын Сираха, глава xlv. говорит, что Самуил сам пророчествовал после своей смерти, ссылаясь на эту историю о женщине из Эндора. Но для наших новых вдохновенных провидцев, или святых, С. Скот, С. Эйди и, если хотите, С. Вебстеру, клятвенному защитнику ведьм, который так безумно и дерзко, вопреки всякому смыслу и разуму, вопреки всей древности, всем толкователям и самому вдохновенному Писанию, не будет иметь в этой сцене никакого Сэмюэля, кроме хитрого плута-конфедерата, следует ли верить вдохновенному Писанию или этим надутым шутам, надутым лишь невежеством, тщеславием и глупой неверностью, пусть судит любой.

"Теперь мы переходим к другому его утверждению, и здесь мы будем кратки, поскольку уже превысили меру постскриптума. "Это не была ни душа Самуила, - говорит он, - соединенная с его телом, ни его душа, вышедшая из тела, ни дьявол, и поэтому это должен быть какой-то сообщник, подкупленный этой хитрой, мошеннической королевой Эндора". Но я коротко отвечаю, что это была душа самого Самуила; и что это плод огромного невежества Дж. Вебстера в здравых принципах теософии и истинной божественности, которое позволило ему собрать не менее десяти аргументов, чтобы опровергнуть это утверждение, и все они мало подходят к цели: настолько мало, что я считаю нецелесообразным особенно отвечать на них, но намекну лишь на несколько истин, которые разрушат всю их группу.

"Итак, я говорю, что отшедшие души, как и другие духи, имеют в себе ἀπεξούσιον, подобно душам в этой жизни, и обладают способностью и правом двигаться сами по себе, если нет явного закона против такого или такого замысла, к которому стремится их движение.

"Опять же, они обладают способностью являться в своих личных формах тем, кто имеет к этому повод, как душа Анны Уокер мельнику; и что это их способность, естественная или приобретенная, не является чудом. И еще,

"В-третьих, что именно сильное пронзительное желание, глубокое страдание и душевная мука Саула в его затруднительных обстоятельствах и великое сострадание и доброта духа в святой душе Самуила были тем действенным волшебством, которое заставило его снизойти до беседы с Саулом в доме женщины в Эндоре, как острое чувство справедливости и мести заставило душу Анны Уокер явиться мельнику с ее пятью ранами на голове.

"Суровая и жесткая строгость, которую, по мнению Уэбстера, призрак Самуила должен был применить к женщине, или резкие упреки Саулу; что касается последнего, то это несколько выражено в тексте, и у Саула было наготове оправдание, а добрая душа Самуила понимала, что он находится в затруднительном положении. Что же касается первого, то, хотя душа Самуила, возможно, и напугала бедную женщину и так расшатала ее, что после этого она ни на что не годилась, но не обратила ее, неудивительно, что он прошел мимо нее; доброта и терпение более подобают святой ангельской душе, чем крикливость и ярость, как это воображает тот грубый гоблин, который действует телом и пером Вебстера.

"Что касается ушедших душ, то то, что они никогда не имеют никакой заботы или внимания к кому-либо из своих собратьев здесь, на земле, прямо противоречит известному примеру той великой души и всеобщего пастыря всех добрых душ, который явился Стефану при его побиении камнями и святому Павлу перед его обращением, хотя тогда в своем прославленном теле; что является большим снисхождением, чем душа Самуила, которая также была князем, на плечи которого легли великие дела народа Израиля: Опустим другой примечательный пример ангела Рафаила, названного так (по его должности в то время или по ангельскому чину, в который он был принят после смерти), но это действительно была душа Азари, сына Анании Великого, и братьев Товита, *Товит*, ст. 12. Это также не противоречит тому, что происходит, *Tob. xii. 15*, не противоречит сказанному, если его правильно понимать: Ибо его слова: "Я Рафаил, один из семи святых ангелов, которые представляют молитвы святых и входят и выходят перед славой святого", в каббалистическом смысле означают не более чем то, что он был одним из всеобщего общества святых ангелов (и Рафаилом в порядке Рафаилов), которые служат святым и подкрепляют молитвы добрых и святых людей, присоединяя к ним свои собственные; И поскольку они движимы Богом, служат их нуждам, не молясь сами, что было бы для них мерзостью, но крайне склонны поддерживать прошения святых искренних душ, и вперед участвовать в их исполнении, как истинно добрый человек скорее облегчит нуждающемуся существо, услышав его стоны к Богу в молитве, чем если бы он сам просил милостыню, хотя он мог бы сделать это без греха. Этот каббалистический рассказ, как мне кажется, бесконечно более вероятен, чем то, что Рафаил наврал Товиту, сказав, что он сын Анании, хотя это не так. И пусть так, скажет Дж. Уэбстер, к чему все это, если книга Товита апокрифична и, следовательно, не имеет авторитета? Что не имеет авторитета? Конечно, бесконечно более авторитетной, чем у мистера Вагстаффа, мистера Скота и мистера Эди, которых мистер Вебстер так часто и благоговейно цитирует.

"Но, - добавляет он далее, - эти видения являлись добрым и святым людям или избранным сосудам, а царь Саул был жалким отступником". Это уже третий либеральный почетный знак, которым этот невоспитанный защитник ведьм одарил страдающего принца. Сначала "утонувшая кукла", с. 170, затем "смятенный бедлам" на той же странице, мимо которой я уже проходил; а теперь "жалкий развратник". Но, несомненно, Саул был храбрым князем и полководцем, как справедливо описывает его Иосиф, а развратником - только в образе, как Измаил и Исав; это тайна, о которой, похоже, не знал Дж. И потому неудивительно, что душа Самуила была так добра к нему, что явилась к нему в глубине его бедствия, чтобы успокоить его, ясно сказав ему, что он должен проиграть сражение, и он сам и его сыновья будут убиты,

чтобы таким образом он мог показать пример храбрейшей доблести, когда-либо совершенной любым полководцем, в том, что он не потерпит, чтобы его страна была захвачена врагом, пока он жив без сопротивления; Но хотя он знал, что его ждет неудача, а сам он и его сыновья погибли в бою, все же в таком справедливом и почетном деле, как защита своей короны и своей страны, он дал бы врагу сражение в поле и пожертвовал бы собственной жизнью ради безопасности своего народа. Из осознания этого благородного духа Саула и его решительной доблести в этом деле, возможно, и пришли от Самуила эти слова: "Завтра ты и сыновья твои будете со мной" (как благоприятный намек на их благосклонное принятие в другом мире), в *קִרְבַּן הַמָּוֶת*, *in thalamo justorum*, как отмечает Мюнстер у раввинов.

"Наконец, что касается этого слабого обвинения в том, что мнение о том, что явившаяся душа Самуила - попсовая, то это очень плебейски и идиотски сказано, как если бы все, за что выступают попсы, было бы попсовым. Мы разделяем наше рвение против стольких вещей, которые нам кажутся попскими, что едва ли оставляем справедливую долю отвращения к тому, что действительно таковым является: Таковы, например, эта грубая, злобная и скандальная невозможность "транссубстанции", различные способы пышного идолопоклонства и лживых самозванств, неуверенность в своей верности законным государям из-за суеверной приверженности духовной тирании Папы, и эта варварская и свирепая жестокость по отношению к тем, кто не является ни таким глупцом, чтобы быть убежденным верить в такие вещи, которые они навязывают людям, ни таким лжецом по отношению к Богу и собственной совести, чтобы, зная лучше, все же исповедовать их.

"Что касается другого мнения, которого придерживается большая часть реформированных богословов, что это был дьявол, явившийся в облике Самуила; и хотя Гроций также, кажется, склоняется к этому, утверждая, что тот отрывок из *Порфирия о воздержании животных*, где он описывает один вид духа как *Γένος ἀπατηλῆς φύσεως, παντόμορφόν τε καὶ πολύτροπον, ὑποκρινόμενον καὶ θεοῦς καὶ δαίμονας καὶ ψυχὰς τεθνηκότων*. (что, признаюсь, очень подходит к этой истории; и я не сомневаюсь, что во многих некромантических явлениях появляются не души умерших, а смехотворные духи), однако я уверен в появлении души Самуила в этой истории по причинам, указанным выше, и так же уверен, что в других некромантических явлениях, это может быть дьявол или такие духи, как описал выше Порфирий, "которые меняют себя во всевозможные формы и облики, и в одно время играют роли деймонов, в другое - ангелов или богов, а в третье - душ умерших".¹ И я признаю, что такой дух, как этот, мог бы олицетворять здесь Самуила, если бы Вебстер утверждал обратное, ибо его аргументы действительно удивительно слабы и деревянны, как можно понять из того, что я намекал относительно прежнего мнения, но сейчас я не могу более подробно излагать.

"Ибо я сделал свой постскрипtum гораздо длиннее, чем мое письмо, прежде чем я осознал это; и мне нет нужды расширять его для вас, которые уже так хорошо разбираются в этих вещах и могут с быстротой ваших частей в настоящее время собрать все меры Геркулеса за его ногу, и достаточно понять к этому времени, что это не поспешное порицание моего письма, что книга Вебстера - всего лишь слабое дерзкое произведение, и сама она настолько слаба и дерзка, что не достигает той цели, которую ставит перед собой, а именно доказать, что не существует такого понятия, как ведьма или волшебник, то есть ни одного упоминания о них в Писании, под любым именем "того, кто имеет больше общего с дьяволом, или дьявол с ним, чем с другими нечестивыми людьми"; то есть о том, кто в силу завета, неявного или явного, делал странные вещи с помощью злых духов, но что "есть много видов обманщиков и самозванцев, и разных людей под пассивным заблуждением меланхолии и фантазии", что является частью его самого титульного листа.

"Тем самым он недвусмысленно намекает, что во всех страхах перед ведьмами нет ничего, кроме кузенажа или меланхолии. Но чтобы немного смягчить или приглушить величие этого ложного утверждения, он добавляет: "И что нет никакой телесной лиги между дьяволом и ведьмой; и что он не сосет тело ведьмы, не имеет плотского совокупления с ней, и ведьмы не превращаются в собак или кошек" и т. д. Все эти вещи, как вы можете видеть в его книге, он понимает самым грубым образом, как если бы у ведьм были рты из плоти, чтобы сосать их, и тела из плоти, чтобы лежать с ними, и при этом он может понимать телесную лигу, как если бы это была не лига или соглашение, если только какой-нибудь адвокат не составил документ и не начертал его на пергаменте или толстом пергаменте, и не было бы стольких свидетелей с рукой и печатью стороны. Не было и превращения в собак или кошек, если только оно не было реальным и телесным или грубо плотским; в это не верит ни один из его колдунов, как он грубо и неряшливо называет этого ученого и серьезного человека, доктора Казобона и остальных. Только это спорный случай их телесного превращения, между *Бодинусом* и *Ремигуусом*; о чем подробнее в моей *Схологии*. Но то, что без этой плотской трансформации женщина не может считаться ведьмой, - настолько глупое предположение, что сам Вебстер, конечно, должен стыдиться его.

"Поэтому, если его книга написана только для того, чтобы доказать, что не существует такой вещи, как ведьма, которая заключает пергаментный договор с дьяволом по совету адвоката, и действительно и плотски превращается в собаку, кошку или зайца и т.д. и с плотскими губами, которые сосет дьявол, и является той, с кем дьявол плотски ложится; объем ее явно дерзок, когда ни доктор Казобон, ни кто-либо другой не придерживается ничего подобного. Но что касается истинного и адекватного понятия ведьмы или чародея, такого, как я описал вначале, то все его аргументы слишком слабы и дерзки, чтобы опровергнуть существование такой ведьмы, как эта, которая между обманщиками, самозванцами и меланхоликами, с одной стороны, и теми грубыми ведьмами, которых он описывает, с другой стороны, и уносится прочь, как волосок в зеленом мешке между двумя землями кукурузы, ни один из его аргументов не достигает ее и не попадает в поле ее зрения, а сам он тем временем стоит на одной стороне среди обманщиков и самозванцев, и его книга, что касается главного замысла, к которому он стремится, является сущим обманом и самозванцем.

"К. К. К. 25 мая 1678 года".

Признания некоторых шотландских ведьм, взятые из подлинной копии судебного процесса над ними, состоявшегося 15 февраля 1678 года в Пейсли, Шотландия, по делу о заколдовании сэра Джорджа Максвела.

Суть признаний, сделанных перед судьями. Сначала Аннабиль Стюарт, 14 лет или около того; она заявила, что была доставлена в присутствие судей за преступление колдовства; и заявила, что однажды в прошлый урожай дьявол в облике черного человека пришел в дом ее матери и потребовал, чтобы она отдалась ему; и что дьявол обещал ей, что она не должна нуждаться ни в чем хорошем. -Декларирует, что, будучи соблазненной своей матерью, *Дженнет Мати* и *Бесси Вен*, которая была офицером на их нескольких встречах, она положила руку на макушку головы, а другую - на подошву ноги и отдалась дьяволу. Утверждает, что мать обещала ей за это новое пальто. Заявляет, что ее духа звали *Еннипа* и что дьявол взял ее за руку и уколол ей руку, которая продолжала болеть в течение получаса. Утверждает, что дьявол в облике черного человека лежал с ней в кровати под одеждой, и ей показалось, что он холодный. Заявляет, что после этого он посадил ее рядом с собой, и утверждает, что присутствовала в доме своей матери, когда было сделано восковое чучело, и что оно было сделано для изображения сэра Джорджа Максвела. Заявляет, что чернокожий

мужчина, Джаннет Мати, мать декларанта (чей дух звали *Лемдледи*; Бесси Вейр, чей дух звали Софа; Маргарет Крейг, чей дух звали Регерум, и Маргарет Джексон, чей дух звали Локас) - все присутствовали при изготовлении упомянутого чучела; и что они привязали его на вертел и повернули перед огнем; и что его повернула Бесси Вейр, говоря при повороте: сэр Джордж Максвел, сэр Джордж Максвел, и что это было выражено всеми ими и декларантом. Заявляет, что эта картина была сделана в октябре прошлого года. И далее заявляет, что в третий день января сего года Бесси Вейр пришла в дом своей матери и просила ее прийти к ее брату Джону Стюарту в следующую ночь; и что, соответственно, она пришла на место, где нашла Бесси Вейр, Марджери Крейг, Маргарет Джексон и ее брата Джона Стюарта, а также человека в черном плаще с синей полосой и белыми наручниками, в калошах, и что ноги у него были обуты: что декларант сидела с ними у огня, когда они делали глиняное изображение, в которое вставляли булавки в грудь и бока; что они вставляли по одной в каждую сторону и одну в грудь; что черный человек вставлял булавки в изображение из воска, но не уверена, кто вставлял булавки в изображение из глины; что сделанные чучела - это те, которые она видела сделанными; что черного человека зовут Эджсал.

Это заявление было сделано перед *Джеймсом Данлопом из Хусила и Уильямом Гремледжем* и др. 27 января 1677 года, *ita est Robertus Park, Notarius Publicus*.

"Второе признание - Джона Стюарта, который, будучи допрошен о преступлении колдовства, заявил, что в среду, третьего дня января, *Бесси Вейр*, в Поллоктоне, пришла к декларанту поздно вечером, который был без дверей рядом с его собственным домом, и упомянутая Бесси Вейр сообщила ему, что на следующий день в его доме должно состояться собрание; и что там должны присутствовать дьявол в облике черного человека, Маргарет Джексон, Марджери Крейг и упомянутая Бесси Вейр; и что Бесси Вейр потребовала, чтобы декларант был там, что он и обещал; и что на следующую ночь, когда декларант лег спать, черный человек вошел и тихо назвал декларанта по имени, после чего тот встал с постели, оделся и зажег свечу. Заявляю, что Маргарет Джексон, Бесси Вейр и Марджери Крейг проникли в дом декларанта через окно; и что первое, что потребовал чернокожий, это чтобы декларант отказался от своего крещения и всецело отдался ему; Что декларант и сделал, положив одну руку на макушку своей головы, а другую - на подошву ноги; и что его искушал дьявол, обещая, что он не захочет никаких удовольствий и что его сердце будет наполнено всем, что сделает ему плохо. Заявляет, что он дал ему имя Джонат для имени своего духа; что после этого дьявол потребовал от каждого из них согласия на изготовление чучела из глины, чтобы лишить жизни сэра Джорджа Максвела из Поллока, чтобы отомстить за лишение матери декларанта, Джаннет Мати; что каждый из названных выше людей дал свое согласие на изготовление упомянутого чучела и что они лепили из глины; что чернокожий сделал фигуру головы и лица, а также двух рук для упомянутого чучела; что дьявол вбил в него три булавки, по одной с каждой стороны и одну в грудь; и что декларант держал свечу перед ними все время, пока делалось изображение. Он заметил, что одна из ног чернокожего была сросшейся, что одежда его была черной, что у него была синеватая полоса и наручники, что на ногах у него были калоши, без обуви, и что голос у чернокожего *был хриплый и гортанный*; и далее утверждает, что после того, как они приступили к изготовлению чучела, его сестра, Аннабил Стюарт, ребенок 13 или 14 лет, постучала в дверь, и, будучи впущена декларантом, пробыла с ними значительное время, но ушла раньше остальных, он открыл ей дверь, остальные вышли через окно, через которое они вошли, и что чучело было помещено Бесси Вейр в его кровать на соломе. Далее он заявляет, что сам завидовал сэру Джорджу Максвелу за то, что тот задержал Джаннет Мати, его мать; и что Бесси Вейр имела большую злобу против этого сэра Джорджа Максвела, и что ее ссора была, как полагает декларант, из-за того, что упомянутый сэр Джордж не взял ее мужа к себе на службу; также что упомянутое

чучело было сделано в четвертый день января, и что имя дьявола было *Эхоал*; что духа декларанта звали *Джонас*, а духа Бесси Вейр, которая была офицером, звали *Софа*; и что духа Маргарет Джексон звали *Локас*; и что духа Аннабил Стюарт, сестры декларанта, звали *Эниппа*; но не помнит, как звали духа *Марджери Крейг*. Заявляет, что не умеет писать.

Это признание было сделано в присутствии свидетелей другого признания и в тот же день. Робертус Парк, Notarius Publicus.

Следующее признание - Маргарет, сестры Томаса Шоуза, которая, будучи допрошена судьями на предмет ее виновности в колдовстве, заявляет, что присутствовала при изготовлении первых чучел и изображений, которые были сделаны в доме Джаннет Мати в октябре; и что при их изготовлении присутствовали дьявол в облике черного человека, Джаннет Мати, Бесси Вейр, Марджери Крейг и Аннабил Стюарт, и что они были сделаны для изображения сэра Джорджа Максвела из Поллока, чтобы лишить его жизни. Заявляет, что 40 лет назад или около того она была в Поллокшоу Крофт с несколькими палками на спине, что к ней пришел черный человек, и что она отдала себя ему, от макушки головы до подошвы ноги; и что это было после того, как декларантка отказалась от крещения, и что имя духа, которое он ей начертал, было *Локас*; и что примерно третьего или четвертого января или около того, ночью, когда она проснулась, она обнаружила в постели с собой мужчину, которого она приняла за своего мужа, хотя ее муж умер двадцать лет назад или около того, и что упомянутый мужчина сразу же исчез; что этот исчезнувший мужчина был дьяволом. Заявляет, что в четверг, четвертого января, она присутствовала в доме Джона Стюарта ночью, когда *делали чучело* из глины, и что она видела там черного человека, то сидящего, то стоящего с Джоном Стюартом; и что плащи черного человека были черными, а наручники белыми; и что Бесси Вейр, в Поллоктоне, и Аннабил Стюарт, в Шоусе, и Марджери Крейги были в указанное время и в указанном месте при изготовлении упомянутых чучел из глины; и заявляет, что она дала свое согласие на их изготовление, и что имя дьявола, который *сотворил* фигуру черного человека, было *Эджолл*.

Sic Subscribitur, ita est, Robertus Park, Notarius Publicus, &c.

Далее следуют показания некоторых лиц, согласующиеся с признаниями вышеупомянутых ведьм.

"Андр. Мартин, слуга лорда Поллока, в возрасте тридцати лет или около того, подтверждает, что он присутствовал в доме Джаннет Мати, Паннела, когда в маленьком отверстии в стене сзади от огня была найдена восковая картинка, что сэр Джордж, его болезнь настигла его около восемнадцатого октября, или около того - что картина из воска была найдена в декабре, и что болезнь сэра Джорджа ослабла и отступила примерно в то время, когда картина из воска была найдена и обнаружена в доме Джаннет Мати - что булавки были вставлены в правую и левую стороны; и что сэр Джордж Максвелл из Поллока, его боль, больше всего лежала на правом и левом боку. Полагают, что боли сэра Джорджа ослабли и утихли после того, как он нашел упомянутую восковую картину и вынул булавки, как сказано, - что панна, Джаннет Мати, была известна и известна как ведьма все эти несколько лет. И это правда, как он ответит перед Богом.- Sic Subscribitur, Andr. Мартин".

"Лоуренс Поллок, секретарь лорда Поллока, присягнув и очистившись от пристрастных адвокатов, подтверждает, что в -й день декабря он был в доме Паннела Джаннет Мати, когда была найдена картина; и что он не видел ее до того, как она была принесена к двери

Паннела; что болезнь сэра Джорджа Максвела из Поллока настигла его около 14 октября или около того, и он пробыл в болезни или расстройстве шесть недель, или около того - что болезнь сэра Джорджа ослабла и утихла после обнаружения упомянутого воскового изображения и извлечения булавок, которые были в чучелах - что по открытому слуху и общей славе, Джаннет Мати и Бесси Вейр, и Марджери Крейг, *заклеймены* как ведьмы. Полагаю, что истина такова, как он ответит перед Богом.- Sic Subscrib. Лоуренс Поллок".

"Лодавик Стюарт из Окенхеда, будучи приведен к присяге и очищенный от пристрастных адвокатов, утверждает, что болезнь сэра Джорджа настигла его 14 или 13 октября, что он не присутствовал при находке восковой картины, но видел сэра Джорджа Максвела из Поллока после того, как она была найдена; и, неоднократно видя его в болезни, он заметил, что сэр Джордж заметно поправился после того времени, когда, как говорят, была найдена упомянутая картина, а это было 11 или 12 декабря; что Джаннет Мэти и Марджери Крейги, две из Паннела, что, как говорят в стране, они колдуньи, что, приехав в Поллок, он видел сэра Джорджа Максвела, чьи боли возобновились, и что его боли и мучения значительно усилились по сравнению с теми, что были до нахождения восковой картины, что восьмого января, когда они покинули упомянутого сэра Джорджа Максвела, из Поллока, Джеймс Данлоп из Хоусила, Аллан Дуглас и еще несколько человек отправились в дом Джона Стюарта, колдуна, в Поллокшоу, и там нашли глиняную картину в соломе на кровати Джона Стюарта, и что в этой глиняной картине было три булавки, по одной с каждой стороны, и один в груди, и далее утверждает, что, вернувшись в дом сэра Джорджа, сэр Джордж сказал депоненту, что он нашел большое облегчение своих болей, и что это было до того, как депонент Хаунсил и остальные открыли ему, что они нашли упомянутую картину из глины, и далее, что это правда, как он ответит перед Богом.-Сик. Подписчик. Лодовик Стюарт".

Есть и другие показания подобного рода, из которых были извлечены эти, но и этих достаточно, чтобы понять, что признания этих ведьм - не басни и не сон. Итак, в наш просвещенный век, когда суеверия померкли перед лучами науки и влиянием религии, нам предстоит объяснить распространенное в то время представление о существовании ведьм, которое до сих пор кажется достоверным. Недостаточно сказать, что люди варварские, невежественные или непросвещенные, чтобы оправдать их от обвинений, связанных с такими сильными моментами, как сверхъестественное и человеческое воздействие. На этом этапе расследования нет ничего более естественного, чем спросить, существовали ли когда-нибудь ведьмы? Да. На каком основании? Священное писание. - Существуют ли сейчас такие существа, как ведьмы? Мы не слышали ни об одном из них. Тогда последний великий вопрос, в котором кроется некая важная тайна: что с ними стало? Исчезли ли они в неизвестном воздухе, не оставив после себя ни малейшего обломка; или же они отправлены на "дно бездонной ямы?" Об этом мы, возможно, расскажем позже, а пока мы представляем нашим читателям

Исповедь Агнес Симпсон королю Якову.

"Пункт... Приговорена и осуждена за то, что призналась перед Его Величеством, что дьявол в человеческом обличье встретил ее, когда она выходила в поле, из ее собственного дома Кит, между пятью и шестью часами вечера, когда она была одна, и порекомендовал ей быть в Нортборрик Кирк следующей ночью. И она отправилась туда верхом, ведомая своим добрым сыном по имени Джон Купер, и засветло добралась до кирк-ярда или чуть раньше, около одиннадцати часов пополуночи. Они танцевали вдоль Кирк-ярда, *Гейли Дункан* подыгрывала им на трубе, *Джон Фиен*, растрепанный, вел всех остальных; упомянутая Агнес и ее дочь шли

следом. Кроме того, там были *Кейт Грей*, жена *Джорджа Мойла*, *Роберт Герсон*, *Кэтрин Дункан Бьюкенен*, *Томас Барнхилл* и его жена, *Гилберт Макгил*, *Джон Макгил*, *Кэтрин Макгил* и остальные их сообщники, более ста человек, из которых было шесть мужчин, а все остальные женщины. Сначала женщины отдали дань уважения, а затем мужчины. Мужчины девять раз поворачивались вокруг своей оси, а женщины - шесть раз. Джон Фиен взорвал двери и светильники, которые были похожи на маленькие черные свечи, торчащие вокруг кафедры. Сам дьявол взошел на кафедру, как маленький черный человек, и все отвечали ему. Когда назвали имя мистера Роберта Герсона, все засуетились и разгневались, ибо было обещано, что его будут звать *Робертом Контролером*, он же *Роб Гребец*, для выговорки его имени. Первым делом он потребовал, чтобы они выполнили все обещания и были хорошими слугами, и что они сделали с тех пор, как собирались в последний раз. По его приказу они вскрыли три могилы, две внутри и одну вне Кирки, и сняли суставы пальцев рук, ног и ног, и разделили их между собой: и упомянутая *Агнес Симпсон* получила со своей стороны намотанный лист и два сустава. Дьявол велел им держать суставы на себе, пока они не высохнут, а потом сделать из них порошок, чтобы творить зло. Затем он велел им исполнять его заповеди, которые заключались в том, чтобы делать все возможное зло. Перед уходом они поцеловали его в ягодицу [в записи сказано шире]. На нем [то есть на дьяволе] было одно платье и одна шляпа, обе черные; и все собравшиеся частью стояли, частью сидели: Джон Фиен был ближе всех к дьяволу, у его левого локтя; Греймаркал держал дверь".

Шотландский акцент здесь сохранен для большей достоверности; данное признание, по всей вероятности, стало основной причиной того, что король Яков изменил свое мнение относительно существования ведьм, которые, как сообщалось, он был склонен считать просто выдумкой; поскольку он был тогда еще молод (не старше пяти или шести и двадцати лет), когда перед ним состоялся этот экзамен; и часть третьей главы его "*Демонологии*", похоже, представляет собой стенограмму именно этого признания.

Агнес Симпсон отличалась искусностью в лечении болезней и часто, как говорят, принимала на себя боли и болезни страдальцев, чтобы облегчить их, а затем переводила их на третье лицо: она использовала длинные рифмы и молитвы из Писания, содержащие основные положения христианства, так что казалась не столько белой ведьмой, сколько святой женщиной. Она также использовала бессмысленные рифмы в обучении невежественных людей и научила их произносить белый и черный Pater-noster в метре, в установленных формах, чтобы использовать утром и вечером, а также в другое время, когда может потребоваться.

Белый патер-ностер читается так: -

Бог был моим воспитателем,

Он приютил меня

Под книгой пальмовой.

Святой Михаил был моей дамой,

Он родился в Вифлееме.

Он был создан из плоти и крови,

Господь послал мне мою правильную пищу;

Мою правильную пищу и смерть,

Чтоб в кирху я тоже пошел,
Чтоб читать в ней сладкую книгу,
Которую потряс могучий Бог небес.
Откройте, откройте, небесные яства,
Стайк, стайк, адские яства,
Все святые будьте лучше,
Кто услышит белую молитву, Патер-ностер.

Черный патер-ностер.

В этом доме для святых ангелов есть четыре нарты,
Пост посредине, что Христос Иисус,
Лукас, Марк, Матвей, Иоанн,
Да будет Бог с этим домом и со всеми, кто нам принадлежит".

Когда ей требовался ответ от дьявола по любому поводу, он всегда являлся ей в виде собаки. А когда она желала, чтобы он ушел, она призывала его следующим образом, а именно: "Я поручаю тебе уйти по закону, по которому ты живешь": говорят, что именно таким образом она отстранила его от себя, посоветовавшись с ним о болезни старой леди Эдмистон. Она подняла дьявола такими словами: "Элия, приди и поговори со мной"; когда он, он, как обычно, появлялся перед ней в виде собаки. Ее плавание в лодке с *Кеммерсом* и другими ведьмами - очень примечательная история, в которой дьявол заставил их всех пить хорошее вино и пиво без денег; она не видела ни моряков, ни их, и шторм, который поднял дьявол, в результате чего корабль погиб; также она крестила и использовала другие церемонии на кошке, в компании других ведьм, чтобы предотвратить приезд королевы Анны в Шотландию.

Что наиболее примечательно в случае с Джоном Фейном, так это то, что дьявол явился ему не в черном, а в белом одеянии, хотя он предложил ему такой же адский завет, как и любой другой в черном костюме. Он плывал по поверхности моря вместе со своими спутниками - предсказал течь на корабле королевы - поднял бурю, бросив в море кошку, во время путешествия короля в Данию - поднял туман по возвращении короля, заставив сатану бросить в море предмет, похожий на мяч для игры в лапту, что вызвало такой дым, что поставило под угрозу его величество на побережье Англии - открывал замки с помощью колдовства, он садился в лодку с другими колдунами, плыл по морю, садился на корабль, пил там вино и эль, а потом топил судно со всеми, кто был на борту; он снова целовал руку Сатаны на другом конгрессе; он поднимался в воздух, гоняясь за кошкой, чтобы поднять бурю, согласно предписанию Сатаны. Он также притворялся, что может сказать любому человеку, сколько он проживет, если тот назовет ему день своего рождения.

КОЛДОВСТВО.

Преступление, связанное с колдовством или гаданием с помощью злых духов.

Некоторые считают, что колдовство - это то, что древние называли *Sortilegium*, или гадание с помощью *сорт*ов или жребия.

Лорд Коук (3 Instit. fol. 44) описывает колдуна, *который произносит sortibus, et incantationibus dæmonium*. Колдовство, согласно Статуту 10. Jac., является уголовным преступлением. В другой книге говорится, что оно является разновидностью ереси; а в Статуте 12 Кароля II оно исключено из общего числа помилований.

Считается, что раньше колдовство было очень распространенным явлением; по крайней мере, легкое верие тех веков заставляло выдавать его за таковое; люди часто страдали за него. В более просвещенный и менее верующий век колдовство исчезло перед проникающими лучами науки, как и все остальные виды человеческих суеверий и сложных *диаблерий*. Ибо, действительно, очень вероятно, что несколько ярких примеров колдовства, которые мы встречаем в наших старых книгах законов и исторических источниках, если бы их хорошо исследовали, были бы найдены в основе, чтобы иметь больше человеческого искусства, отчаянной злобы и мстительного коварства о них, чем демонического и сверхъестественного агентства. Если бы не хорошо отрегулированная полиция, действующая в соответствии с мудрыми правилами безопасности и гармонии общества, колдуны и злые духи были бы столь же распространены и разрушительны в наши дни, как и две-три сотни лет назад.

СОРТИРЫ. СОРТИЛЕГИУМ.

У древних был метод решения сомнительных дел, когда не было оснований для предпочтения, с помощью *сорт*ов или жребия, как при бросании костей, розыгрыше билетов и различных других способов, многие из которых используются и сейчас.

Древние *сорта* или *жребии* были учреждены самим Богом; в Ветхом Завете мы встречаем множество постоянных и вечных законов, а также ряд конкретных повелений, предписывающих и регулирующих их использование. Так, Писание сообщает нам, что жребий пал на святого Матфея, когда нужно было избрать преемника Иуды в апостольстве. Сама одежда нашего Спасителя была выбрана по жребию. *Sortiti sunt Christo vestem*.

Сортиры *Пренестинæ* были известны среди греков. Метод их заключался в том, что в урну клали большое количество букв или даже целых слов, трясли их вместе и выбрасывали наружу, и все, что случайно удавалось разобрать в расположении букв и т. д., составляло ответ этого оракула.

М. Дасье отмечает, что во времена Цицерона этот способ гадания пользовался низкой репутацией, так что к нему прибегали лишь самые доверчивые слои населения. Вместо этого в Греции и Италии был введен другой вид *Sortes*, который заключался в том, что какой-нибудь знаменитый поэт, например, Гомер, Еврипид, Вергилий и т. д., открывал книгу, и все, что первым представало перед глазами при открытии, принималось за небесное постановление. Так возникли так называемые "*гомеровские*" и "*вергилиевские*" *роды*, сменившие "*пренестинские*".

Это суеверие перешло в христианство, а христиане взяли свои *роды* из Ветхого и Нового Заветов. Первый отрывок, который появлялся при открытии книги Писания, считался ответом самого Бога. Если первый отрывок, который открывали, не соответствовал цели, ради

которой обращались к *родам*, открывали другую книгу, и так до тех пор, пока не встречали что-то, что можно было, так или иначе, принять за ответ. Это называлось *Sortes Sanctorum*.

Святой Августин не осуждает этот способ узнать будущее, если он не используется в мирских целях; более того, он сам практикует его.

Григорий Турский добавляет, что в обычае было класть Библию на алтарь и молить Господа, чтобы он открыл по ней, что должно произойти. Действительно, примеры использования *Sanctum Sanctorum* очень часто встречаются в истории. Господин Флери рассказывает, что Ираклий во время войны с Коссусом, чтобы узнать, где ему следует расположиться на зиму, очищал свою армию в течение трех дней, а затем открыл Евангелия и узнал, что место, назначенное для них, находится в Албании.

Жильбер из Ногента сообщает нам, что в его время, то есть в начале двенадцатого века, при посвящении епископов в сан было принято обращаться к *Sortes Sanctorum*, чтобы узнать об успехе, судьбе и других особенностях их епископата. Эта практика основана на предположении, что Бог управляет *Сортами*, и это подкрепляется стихом 33 главы хvі книги Прова, где говорится: "*Жребий брошен в круг, но все распоряжение им - от Господа*".

На самом деле, многие богословы считали, да и сейчас многие из них придерживаются, что жребий проводится особым образом по воле Провидения; что это необычный способ, в котором Бог объявляет свою волю путем своего рода непосредственного откровения. Однако *Sortes Sanctorum* были осуждены собором Агды в 506 году, в то время, когда они начали утверждаться во Франции.

Среди христиан распространилась практика случайного открытия священных книг для получения указаний в важных обстоятельствах, чтобы узнать последствия событий и то, чего им следует опасаться от своих правителей.

Эта консультация с божественной волей из Писания была двух видов: первый заключался, как я уже говорил, в случайном открытии этих писаний, но не раньше, чем руководство небес было умоляемо молитвой, постом и другими религиозными действиями. Второй вариант был гораздо проще: первые слова Писания, которые пели или читали в тот самый момент, когда человек, желающий узнать расположение небес, входил в церковь, считались либо советом, либо предсказанием.

Святой Остин в своем послании к Януарию справедливо осуждает эту практику; но св. Григорий Турский следующим примером, который, как он рассказывает, произошел с ним самим, показывает, что он был лучшего мнения об этом: "Леудаст, граф Турский, - говорит он, - который хотел погубить меня с королевой Фредегондой, прибыл в Тур, имея большие злые намерения против меня, я удалился в свою ораторию под сильным беспокойством, где я взял Псалмы, чтобы попытаться, если, открыв их, я должен найти какой-нибудь утешительный стих. Сердце мое оживилось, когда я бросил взгляд на этот стих из 77-го псалма: "Он заставил их идти с уверенностью, в то время как море поглотило их врагов". Соответственно, граф не сказал ни слова в обиду мне; и, покидая Турне в тот же день, лодка, в которой он находился, затонула во время шторма, но его умение плавать спасло его".

У того же автора приводится следующее. "Хранмес восстал против Клотера, своего брата, и, находясь в Дижоне, тамошние церковники, дабы предвидеть успех этой процедуры, обратились к священным книгам; но вместо Псалтири они воспользовались Посланиями святого Павла и пророком Исайей. Открыв последнего, они прочитали такие слова: "Я вырву ограду виноградника Моего, и он будет разрушен, потому что вместо хорошего винограда

приносит плохой". Послания совпали с пророчеством, и было решено, что это верное предвестие трагического конца Кранмеса".

В юности за святой Консорцией страстно ухаживал молодой человек из очень влиятельной семьи, хотя она уже задумала принять постриг. Зная, что отказ подвергнет ее родителей многим неудобствам, а возможно, и опасности, она попросила неделю времени, чтобы определиться с выбором. По истечении этого времени, которое она провела в благочестивых упражнениях, ее возлюбленный в сопровождении самых знатных матрон города пришел узнать ее ответ. "Я не могу ни принять тебя, ни отказать, - сказала она, - все в руках Божьих, но если ты согласен, пойдем в церковь и отслужим мессу; после этого возложим на алтарь святое Евангелие и произнесем совместную молитву; затем откроем книгу, чтобы непременно узнать о божественной воле в этом деле". От такого предложения нельзя было отказать; и первым стихом, который попался на глаза обоим, был следующий: "Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня". На это Консорция сказала: "Видишь, Бог требует меня как свою собственность", и влюбленный согласился.

Но примерно в восьмом веке эта практика начала терять свои позиции, поскольку рано или поздно разум и авторитет одерживают верх над тем, что не основано ни на том, ни на другом. Она была запрещена несколькими папами и соборами, причем в выражениях, которые ставят ее в один ряд с языческими суевериями. Однако некоторые следы этого обычая сохранились еще несколько веков спустя, как в греческой, так и в латинской церкви. При посвящении епископа, после возложения Библии на его голову, все еще сохранялась церемония, согласно которой первый стих, который предлагался, считался предзнаменованием его будущего поведения и добра или зла, которое было уготовано ему в ходе его епископства. Так, епископ Рочестера при посвящении Ланфранком, архиепископом Кентерберийским, получил очень счастливое предвестие в таких словах: "Принесите сюда лучшую мантию и наденьте ее на него". Но еще более благодарным был ответ Писания при посвящении святого Лиетберта, епископа Кембрейского: "Это сын Мой возлюбленный, в котором Я благоволил". Говорят, что о смерти Альберта, епископа Льежского, ему сообщили такие слова, которые архиепископ, посвящавший его, нашел в начале Нового Завета: "И послал король палача, и велел принести голову его; и пошел он и обезглавил его в темнице". После этого предстоятель, ласково обняв нового епископа, со слезами сказал ему: "Сын мой, отдав себя на служение Богу, неси себя праведно и благочестиво и готовься к мученическому испытанию". После этого епископ был убит при коварном попустительстве императора Генриха VI.

Подобные предсказания утверждались по самым важным поводам. Де Гарланд, епископ Орлеанский, стал настолько одиозен для своего духовенства, что оно направило жалобу на него папе Александру III, заключавшуюся следующим образом: "Пусть ваши апостольские руки наберутся сил, чтобы *обнажить* беззакония этого человека, чтобы проклятие, предсказанное в день его посвящения, настигло его; ибо Евангелия были открыты, *согласно обычаю*, первые слова были: *"И юноша, оставив льняную одежду, бежал от них нагой"*".

Уильям Мальмсберийский рассказывает, что Хью де Монтень, епископ Осерра, был вынужден отправиться в Рим, чтобы ответить на различные обвинения, выдвинутые против чистоты его нравов некоторыми из его главы; но те, кто был с епископом, в качестве неопровержимого доказательства его безупречного целомудрия настаивали, что предсказание в день его посвящения было: "Радуйся, Мария, полная благодати".

Я перехожу ко второму способу этой консультации, который заключается в том, чтобы войти в церковь с намерением получить в качестве объявления воли Небес любые слова из

Писания, которые могут случайно пропеть или прочитать в момент входа человека. Так, рассказывают, что святой Антоний, чтобы покончить с нерешительностью в отношении отставки, отправился в церковь, где сразу же услышал, как дьякон произнес эти слова: "Пойди, продай все, что имеешь, и раздай нищим, а потом иди и следуй за мной"; он применил их к себе, как прямое предписание от Бога, и удалился в то уединение, за которое он так прославлен среди католиков.

Следующий отрывок из Григория Турского слишком примечателен, чтобы его опускать. Он рассказывает, что Хлодвиг, первый христианский король Франции, отправившись против Алариха, короля вестготов, и находясь недалеко от города Тур, где хранилось тело св. Мартина, он послал нескольких своих вельмож с подарками, которые должны были быть поднесены к гробнице святого, чтобы узнать, не смогут ли они принести ему многообещающее предсказание, а сам произнес такую молитву: "Господи, если Ты хочешь, чтобы я покарал этот нечестивый народ, дикого врага Твоего святого имени, дай мне какой-нибудь знак, которым я смогу убедиться, что такова Твоя воля". Не успели его посланцы ступить в собор, как услышали, как священник пропевает стих восемнадцатого псалма: "Ты опоясал меня силою для войны, ты покоришь мне восставших против меня". Окрыленные этими словами, возложив подарки к гробнице святого, они поспешили к королю с этим благоприятным предсказанием; Хлодвиг с радостью принял его и, вступив в бой с Аларихом, одержал полную победу.

Сюда же можно отнести отрывок из истории Людовика IX. В первом порыве своего милосердия он помиловал преступника, приговоренного к смерти; но через несколько минут после этого, наткнувшись на стих Псалма "Блажен, кто делает правду во всякое время", он отозвал свое помилование, сказав: "Король, который имеет власть наказывать преступление и не делает этого, в глазах Бога не менее виновен, чем если бы он сам совершил его".

Против *Sortes Sanctorum* выступали различные соборы. Варресский собор "запретил всем церковникам под страхом отлучения заниматься этим видом гадания или заглядывать в будущее, заглядывая в любую книгу или писание". Собор Эйда в 506 году высказался в том же духе; Орлеанский собор в 511 году и Осерский собор в 595 году. Однако, судя по всему, эта практика оставалась весьма распространенной, по крайней мере в Англии, вплоть до XII века: совет Аэнхема, собравшийся там в 1110 году, совместно осудил колдунов, ведьм, прорицателей, тех, кто вызывал смерть с помощью магических действий, и тех, кто занимался гаданием по священным книгам-лотам.

Петр де Блуа, писавший в конце двенадцатого века, относит к колдунам тех, кто под покровом религии обещал с помощью некоторых суеверных практик, таких как гадание по жребиям апостолов и пророков, открыть скрытые и будущие события: Однако тот же Петр де Блуа, один из самых ученых и благочестивых людей своего века, в письме к Реджинальду, избранию которого на кафедру Бата долгое время яростно противились, сообщает ему, что, как он надеется, преодолел все трудности; более того, он верит, что уже утвержден или скоро будет утвержден в своей епархии. "Это убеждение, - говорит он, - я основываю на сне, который я недавно видел две ночи подряд, что я был на вашем освящении; а также на том, что, желая узнать его определенный смысл, с помощью человеческого любопытства и Псалтыря, первые, которые пришли мне в голову, были: "Моисей и Аарон среди его священников"".

Таким образом, хотя древние отцы, а после них и другие, в целом согласны, что *Sortes Sanctorum* не может быть очищен от суеверий, хотя они и утверждают, что это искушение Бога, ожидать, что он сообщит нам будущее и откроет нам тайны своей воли, когда бы

священная книга ни была открыта для этой цели, хотя в ней нет ничего, что выглядело бы как обещание такого рода от Бога; Хотя это не оправдано никаким церковным законом, оно было осуждено несколькими, и, наконец, в более просвещенные времена, было полностью отменено, но они не отрицают, что были случаи, когда благоразумные и благочестивые люди открывали священную книгу, не для того, чтобы узнать будущее, но чтобы встретить некоторые отрывки для поддержки их во времена бедствий и гонений.

СИБИЛЛЫ.

Предполагается, что это слово образовано из двух греческих слов σίου, означающих Θεου *Dei* и βουλή - совет.

В древности сивиллы были девственницами-пророчицами или девами, которые, как предполагалось, были боговдохновенными; в разгар своего энтузиазма они произносили оракулы и предсказывали грядущие события.

Авторы расходятся во мнениях относительно количества сивилл. Капелла считает, что их было всего две: Ерофит из Трои, называемый Сибиллой Фригии, и Синуахий из Эритреи. Солинус упоминает трех: Кумею, Дельфику и Эритрею. Илиан делает их четыре, а Варро увеличивает их число до десяти, называя их по месту их рождения: персидские, дельфийские, кумейские, эритрейские, саамские, куманские, эллиспонтские или троядские, фригийские и тибуртинские. Из них наиболее известны эритрейская, дельфийская и кумейская сивиллы.

Сивиллины оракулы пользовались большим почитанием у более доверчивых древних, но вызывали подозрения у более осведомленных. Книги, в которых они были записаны, римляне хранили с бесконечной тщательностью, и ничего важного не предпринимали, не посоветовавшись с ними. Таркин сначала передал их на хранение двум жрецам-патрициям.

ТАЛИСМАНЫ.

Магические фигурки, выгравированные или вырезанные в соответствии с суеверными представлениями о характеристиках и конфигурациях небес, называются талисманами; некоторые астрологи, философы-герметисты и другие адепты приписывают им чудесные свойства, в частности, способность вызывать небесные влияния.

Автор книги, озаглавленной *"Талисманы оправдывают"*, говорит, что талисман - это печать, фигура, характер или изображение небесного знака, созвездия или планеты, выгравированные на симпатичном камне или на металле, соответствующем звезде, и т. д., чтобы получать его влияние.

Талисманы самофракийцев, столь известные в древности, представляли собой куски железа, сформированные в определенные изображения, вставленные в кольца и т. д. Они служили оберегами от всех видов зла. Были и другие талисманы, сделанные из овощей, и другие - из минералов.

Обычно различают три вида *талисманов*: *астрономические*, которые известны по выгравированным на них знакам или созвездиям небес, а также другим фигурам и непонятным символам. *Магические*, на которых изображены необычные фигуры, суеверные слова и имена неслыханных ангелов. И *смешанные*, состоящие из знаков и варварских слов, но не имеющие ни суеверных, ни ангельских имен.

Некоторые раввины утверждают, что медный змей, поднятый Моисеем в пустыне для уничтожения змей, досаждавших израильтянам, был, собственно, *талисманом*.

Все чудеса, совершенные Аполлоном Тианеом, приписываются силе и влиянию *талисманов*, и этот волшебник, как его называют, даже считается изобретателем талисманов.

Некоторые авторы принимают за талисманы несколько рунических медалей - по крайней мере, тех, надписи на которых сделаны руническими символами, - поскольку известно, что северные народы в своем языческом состоянии были им очень преданы. М. Кедр, однако, показал, что медали, о которых здесь идет речь, - это совсем другие вещи, чем талисманы.

ФИЛЬТРЫ, ЧАРМЫ и т. д.

Лекарство или другой препарат, используемый в качестве притворного талисмана для возбуждения любви. Их разделяют на истинные и поддельные: поддельные - это заклинания или чары, которые, как предполагается, действуют вне обычного закона природы, благодаря некой присущей им магической силе; такими, как говорят, раньше обладали старухи, ведьмы и т. д. - Истинные фильтры должны были действовать благодаря некой естественной и магнетической силе. Существует множество восторженных и столь же легковверных авторов, которые поощряли веру в реальность этих филеров; и приводили факты в подтверждение своих мнений, как и во всех сомнительных случаях. Среди них можно привести слова Ван Хельмонта, который утверждает, что, держа в руке определенную траву, а затем взяв той же рукой за лапку маленькую собачку, животное следовало за ним, куда бы он ни пошел, и совершенно отбросило своего прежнего хозяина. Он также добавляет, что филтерам требуется только подтверждение Мумии^[51]; и на этом принципе он объясняет феномен любви, передаваемой прикосновением травы; ибо, говорит он, тепло, сообщаемое траве, не приходящее само по себе, но оживляемое эманациями природных духов, определяет траву по отношению к человеку и отождествляет ее с ним. Получив этот фермент, она магнетически притягивает дух другого объекта, придавая ему амурное движение. Но все это просто абсурд, и он пал на землю вместе с другими иррациональными гипотезами из того же источника.

Ад,

Место наказания, где, как сказано в Писании, нечестивые получают награду за свои злые дела после этой жизни. В этом смысле ад является противоположностью рая.

У древних ад назывался разными именами: Тартарос, Тартарѡ, *Тартар*, *Тартара*; Ἅδης, *Аид*, *Инфернус*, *Инферна*, *Инфери* и т. д. Евреи, не имея собственного имени, называли его *Геенна*, или Гехиннон, от долины близ Иерусалима, где находился Тофет, или место, где вечно горел огонь.

Боги сводят адские муки к двум видам: *pœna damni* - потеря и лишение блаженного видения; и *pœna sensus* - ужасы тьмы с постоянными муками от неугасимого огня.

Большинство народов и религий имеют представление об аде. Ад поэтов достаточно ужасен: посмотрите на наказание Тития, Прометея, данаидов, лапифов, флегийцев и т. д., описанное Овидием в его "Метаморфозах". Вергилий после осмотра ада в "Энеиде", lib. vi. заявляет, что если бы у него было сто уст и языков, их бы не хватило, чтобы перечислить все язвы мучимых. Новый Завет представляет ад как *озеро огня и серы; и червя, который не умирает*, и т. д. Откр. xx. 10, 14, &c. Марк ix. 43, &c. Лука xvi. 23 и т. д.

Говорят, что в Кафре тринадцать адов и двадцать семь раев, где каждый человек находит место, соответствующее степени добра или зла, которое он совершил.

Есть два больших спора среди писателей, касающихся ада: первый - существует ли местный ад, какое-либо правильное и конкретное место мучений огнем? Второй - должны ли адские муки быть вечными?

I. Вопрос о местонахождении ада и реальности огня в нем оспаривался со времен Оригена. Этот отец в своем трактате "Περὶ Ἀρχαῶν", метафорически толкуя слова Писания, считает, что ад состоит не из вечных наказаний, а из совести грешников, чувства их вины и воспоминаний о прошлых удовольствиях. Св. Августин упоминает несколько представителей того же мнения в свое время; Кальвин и многие его последователи приняли его в наше время.

Сторонники противоположного мнения, составляющие большую часть человечества, расходятся во мнениях относительно ситуации и других обстоятельств этой ужасной сцены. Греки, после Гомера, Гесиода и др., считали ад, *τοπὸν τῆς ἰπὸ τῆν γῆν μεῦσον*, и т. д., большим и темным местом под землей. - Лукиан, *de Luctu*; и Евстафий, *на Гомера*.

Некоторые римляне поселились в подземных областях прямо под озером Авернус в Кампании, куда их привели соображения о ядовитых испарениях, испускаемых этим озером. Через темную пещеру у этого озера Вергилий заставляет Энея спуститься в ад.

Другие помещали ад под Тенаром, мысом в Лаконии, как темное страшное место, окруженное густым лесом, из которого невозможно было найти проход. Этим путем, по словам Овидия, Орфей спустился в ад. Другие считали реку или фонтан Стикс в Аркадии источником ада, потому что воды его были смертельными.

Но все это следует считать лишь баснями поэтов, которые, в соответствии с гением своего искусства, аллегоризируя и олицетворяя каждую вещь, от несомненной смерти, встречающейся в этих местах, воспользовались случаем, чтобы представить их как множество ворот или мест входа в другой мир.

Первобытные христиане, представлявшие себе землю как обширную равнину, а небеса - как арку, прочерченную над ней, считали ад местом на земле, наиболее удаленным от небес; таким образом, их ад был нашими антиподами.

Тертуллиан в "De Anima" представляет христиан своего времени как верующих в то, что ад - это бездна в центре земли: это мнение было основано главным образом на вере в то, что Христос сошел в *хадес*, ад, Матф. xii. 40.

В последнее время мистер Вистон выдвинул новое мнение. Согласно ему, кометы следует рассматривать как множество адов, назначенных в ходе их траекторий или орбит попеременно переносить проклятых в пределы солнца, где они будут испепелены его пламенем, а затем возвращать их на голодную смерть в холодные, унылые, темные области за орбитой Сатурна.

Преподобный и ортодоксальный мистер Т. Сёрнден в своем *исследовании природы и места ада*, не довольствуясь ни одним из ранее назначенных мест, утверждает новое. По его мнению, *местным адом* является само солнце.

Похоже, что это не его собственное открытие: вероятно, к нему его подтолкнул отрывок из Откр. xvi. 8, 9. Хотя следует добавить, что Пифагор, похоже, придерживался аналогичного мнения, поскольку помещал ад в сферу огня, а эту сферу - в центр вселенной. Добавим, что Аристотель упоминает некоторых представителей италийской или пифагорийской школы, которые помещали сферу огня на солнце и даже называли ее тюрьмой Юпитера -De Cælo, lib. ii.

Чтобы освободить место для своей собственной системы, мистер Свинден пытается удалить ад из центра земли, исходя из двух соображений: 1. что там не может быть запасов топлива или серы, достаточных для поддержания столь яростного и постоянного огня; и 2. что для поддержания и сохранения жизни ему должны быть необходимы азотистые частицы в воздухе. И как, говорит он, такой огонь может быть вечным, если постепенно все вещество земли должно быть поглощено им?

Не следует, однако, забывать, что Тертуллиан уже давно устранил первую из этих трудностей, проведя различие между *arcanus* и *publicus ignis*, тайным и открытым огнем: природа первого, по его словам, такова, что он не только поглощает, но и восстанавливает то, на что покушается. Последняя трудность разрешается Святым Августином, который утверждает, что Бог снабжает центральный огонь воздухом, совершая чудо.

Однако г-н Свинден доказывает, что центральные части земли одержимы водой, а не огнем; это он подтверждает тем, что Моисей говорит о *воде под землей*, Исх. xx. из Псалма xxiv. 2 и т. д.

В качестве еще одного доказательства он утверждает, что в центре земли не хватило бы места для такого бесконечного множества обитателей, как падшие ангелы и нечестивые люди.

Дрекслиус, как мы знаем, определил размеры ада в одну немецкую кубическую милю, а число проклятых - в сто тысяч миллионов: *De Damnator, Carcer, &c.* Рого. Но мистер Свинден считает, что он не должен был быть столь скупым в своих цифрах, поскольку их может быть в сто раз больше, и что им должно быть невыносимо тесно в любом пространстве, которое он мог бы предоставить им на нашей земле. Невозможно, заключает он, упрятать такое множество духов в столь скудной квартире без проникновения в размеры, в чем он сомневается, в хорошей философии, даже в отношении духов: "Если так, - добавляет он, - то зачем Богу готовить, *то есть* делать, тюрьму для них, когда все они могли бы тесниться в печи пекаря". p. 206.

Его аргументы в пользу того, что солнце - это местный ад, следующие: 1. Его вместимость. Никто не станет отрицать, что солнце достаточно просторно, чтобы удобно принять всех проклятых; так что недостатка в месте не будет. Не будет недостатка и в огне, если мы примем аргумент г-на Свиндена против Аристотеля, посредством которого он доказывает, что солнце горячее, р. 208, *et seq.* Добрый человек "с изумлением думает, сколько пиренейских гор серы, сколько атлантических океанов обжигающего битума должно быть, чтобы поддерживать такое могучее пламя, как у солнца; по сравнению с которым наши Итна и Везувий - просто светящиеся черви". р. 137.

2. Его удаленность и противоположность Эмпирею, который обычно рассматривался как местное небо: такая противоположность вполне соответствует противоположности в природе и должности места ангелов и дьяволов, избранных и отступников, славы и ужаса, аллиллуйи и проклятий; а расстояние хорошо согласуется с тем, что Дивес видел Авраама *вдали, а между ними - великую пропасть*, которую этот автор принимает за солнечный вихрь.

3. Что Эмпирей - самое высокое, а солнце - самое низкое место творения; рассматривая его как центр нашей системы; и что солнце было первой частью видимого мира, созданной; что согласуется с представлением о том, что оно в первую очередь предназначено или подготовлено для приема ангелов, чье падение, как он полагает, непосредственно предшествовало творению.

4. Раннее и почти всеобщее идолопоклонство, воздаваемое солнцу; что хорошо согласуется с великой тонкостью этого духа, чтобы увлечь человечество поклоняться его трону.

II. Что касается вечности *адских мук*, то Ориген снова стоит во главе тех, кто их отрицает; по учению этого писателя, не только люди, но и сами дьяволы после соответствующего наказания, отвечающего их преступлениям, будут помилованы и возвращены на небо - *De civit. Dei*. l. xxi. с. 17. Главный принцип, на который опирался Ориген, заключался в том, что все наказания носили эмендационный характер; они применялись только к болезненным лекарствам, для восстановления здоровья пациента. Другие возражения, на которых настаивают современные авторы, - несоразмерность временных преступлений и вечных наказаний и т. д.

Фразы Писания, обозначающие вечность, как замечает архиепископ Тиллотсон, не всегда подразумевают бесконечную продолжительность: так, в Ветхом Завете "*навсегда*" часто означает лишь длительное время, в частности, до конца иудейской диспенсации: так, в Послании *Иуды*, гл. 7, говорится, что города Содом и Гоморра служат примером, страдая от мести *вечного огня*; то есть огня, который не угаснет, пока эти города не будут полностью уничтожены. Так говорится, что один род приходит и т. д., а земля пребывает *вовек*".

В сущности, г-н Ле Клерк отмечает, что нет ни одного древнееврейского слова, которое бы правильно выражало вечность: *עולם gnolam* означает только время, начало или конец которого неизвестны; и, соответственно, используется в более или менее широком смысле, в зависимости от того, о чем идет речь.

Таким образом, когда Бог говорит об иудейских законах, что они должны соблюдаться *עולם legnolam*, навсегда, мы должны понимать под этим столь долгий срок, какой сочтем нужным; или срок, конец которого был неизвестен иудеям до прихода Мессии. Все общие законы и такие, которые не касаются конкретных случаев, устанавливаются *навечно*, независимо от того, выражено это в этих законах или нет; что, однако, следует понимать таким образом, как будто суверенная власть не может их изменить.

Архиепископ Тиллотсон, однако, очень упорно доказывает, что там, где говорится об *адских муках*, эти слова следует понимать в строгом смысле бесконечной продолжительности; и то, что он считает безусловным решением вопроса, заключается в том, что продолжительность наказания нечестивых в том же предложении выражается тем же самым словом, которое используется для обозначения продолжительности счастья праведников, которое, по общему мнению, является вечным. "Эти, говоря о нечестивых, пойдут εις πολασιν ονεωνιον, в вечное наказание; а праведники, εις ζωην αιωνι, в жизнь вечную".

Олдхэм в своей "Сатире на иезуитов" упоминает об их "лживых легендах" и многочисленных обманах, которые они практиковали в отношении легковверных. Следующие строки цитируются из этих легендарных чудес, о которых говорится в статье "Легенда", а о любовных похождениях Девы Марии рассказывается в томе ii в статье "Религиозная новизна":-

Расскажите, как *благословенная Дева* спускалась вниз,
Как в машине спускался панк,
Как писала она *билле-ду* и *любовные речи*,
Делала назначения, визиты и свидания;
Как хозяев смяла, плащ на *знамя* надела,
Которые побеждали врагов!
-Как рыба в конвентах встречалась,
И *макрель на приманку учения* ловили;
Как скот благоразумный слушал!
Как освященные ульи с колоколами висели,
И *пчелы* служили мессу, и *пели* святые *гимны*!
Как *свиньи* перед *четками* преклоняли колени, А овец учили
блеять Te Deum и Magnificat;
Как *мухобойки* избавляли дома с церковным порицанием
От насекомых, которые при *проклятии фрайера* умирали.
Как *паромные коровы* религиозные пилигримы несли
по волнам, без помощи паруса или весла;
Как *ревностные крабы* несли *священный образ*,
И плыл католик к далекому берегу.
Подобные обманы вводят в заблуждение легкомысленных людей,
Их глупость и суеверие питают.

Это все экстравагантные выдумки "Золотой легенды". Помимо других грубых и столь же абсурдных попыток обмануть толпу, Олдхэм также нападает на них за некоторые публикации на не менее необычные темы. Пересказанные им истории, говорит Олдхэм, - лишь приманка

для детей, как игрушки на ярмарке; но для ученых и любознательных в них есть свои более глубокие и высокие материи.

Один берется по шкале миль рассказать

О границах, размерах и протяженности ада;

Сколько немецких лиг содержит это царство!

Сколько ад ежегодно тратит

На угли для жарки гугонов и друзей!

Другой пугает полезными рассказами

О диких химерах, лимбах, чистилищах!

Где вздутые души в дымном дурмане висели

Как вестфальский гаммон или язык нетопыря,

чтобы быть искупленными мессами и песней.

Топографические описания ада, чистилища и даже рая когда-то были любимыми исследованиями некоторых ортодоксальных и ревностных защитников папской церкви, которые исчерпывали свои материалы, создавая ад в соответствии со своими представлениями или для своей конкретной цели. Существует трактат кардинала Беллармина, иезуита, о *Чистилище*, в котором он, кажется, обладает всеми знаниями землемера о тайных участках и грозных делениях "бездонной ямы". Этот иезуит сообщает нам, что под землей есть четыре различных места, или места, разделенные на четыре части; самая глубокая из них - ад: в нем содержатся все души проклятых, где также будут находиться их тела после воскресения, а также все демоны. Ближайшее к аду место - *чистилище*, где души очищаются, или, скорее, где они умиротворяют гнев Божий своими страданиями. По его словам, в обоих местах одинаковый огонь и одинаковые муки, единственное различие между *адам* и *чистилищем* заключается в их продолжительности. Рядом с *чистилищем* находится *либ* тех *младенцев*, которые умирают, не приняв причастия; а на четвертом месте - *либ отцов*, то есть тех *праведников*, которые умерли до смерти Христа. Но со времен Искупителя это последнее отделение пусто, как квартира, которую нужно сдавать. Позднейший католический теолог, знаменитый Тиллемон, обрекает всех *прославленных язычников на вечные муки ада*, потому что они жили до времени Иисуса и, следовательно, не могли получить пользу от искупления! Говоря о юном Тибериусе, который был вынужден пасть от собственного меча, Тиллемон добавляет: "Так собственной рукой он закончил свою жалкую жизнь, *чтобы начать другую, страдания которой никогда не закончатся!*" Однако в истории нет ничего плохого об этом принце. Йортин замечает, что он добавил это *размышление* в своем позднем издании, так что с возрастом этот добрый человек становился все более немилосердным в своих религиозных представлениях. Именно в этом вопросе бенедиктинский редактор Иустина Мученика говорит о прославленных язычниках. Этот отец, высоко оценив Сократа и еще нескольких похожих на него людей, склоняется к мысли, что они не заточены в *аду*. Но бенедиктинский редактор прилагает бесконечные усилия, чтобы очистить доброго отца от позорного обвинения в предположении, что *добродетельный язычник может быть спасен* так же, как и бенедиктинский монах^[52] !

Противники, которые были либо философами, либо реформаторами, воспринимали любую подобную информацию с большим подозрением. Антоний Корнелиус, юрист XVI века, написал небольшой трактат, который был так эффективно подавлен, как чудовище атеизма, что его копию теперь можно найти только в руках любопытных. Этот автор высмеивал абсурдную и ужасную доктрину о *проклятии младенцев*, и его тут же объявили атеистом, а печатника преследовали до самой смерти! Знатный итальянец Секундус Курио опубликовал трактат *De Amplitudine beati regno Dei*, чтобы доказать, что в раю больше обитателей, чем в аду, или, по его собственному выражению, что *избранные* более многочисленны, чем *испорченные*. Как бы мы ни относились к этим работам, их замысел был благожелательным. Это были первые проблески утреннего света Реформации. Даже такие работы помогли человечеству более внимательно изучить и с большим презрением отнестись к экстравагантным и пагубным доктринам господствующей папистской церкви.

ИНКВИЗИЦИЯ.

В гражданском и каноническом праве под инквизицией подразумевается способ разбирательства для выявления какого-либо преступления единолично судьей, путем обыска, осмотра или даже пыток. В общем праве оно также используется для обозначения аналогичного процесса от имени короля, для обнаружения земель, прибыли и т.п.; в этом смысле его часто путают с офисом

Инквизиция, или Священная канцелярия,

Которая обозначает церковную юрисдикцию, учрежденную в Испании, Португалии и Италии для суда и допроса лиц, подозреваемых в том, что они придерживаются религиозных взглядов, противоречащих тем, которые исповедуются в Римской церкви. *Инквизицией* она называется потому, что судьи этой канцелярии принимают дела о преступлениях или общеизвестных фактах, не имея никаких законных доказательств, кроме тех, что они сами добывают.

Некоторые полагают, что видят первоначальную инквизицию в конституции, составленной папой Луцием на Веронском соборе в 1184 году, где он приказывает епископам получать информацию, либо самим, либо через своих комиссаров, обо всех тех, кто подозревается в ереси; и различает несколько степеней: подозреваемый, осужденный, кающийся, отступивший и т. д. Как бы то ни было, общепризнанно, что папа Иннокентий III. заложил первое основание *святой канцелярии*; и что Водуа и альбигойцы были тем, что дало повод для этого. Понтифик отправил в Толузу несколько священников со святым Домиником во главе, чтобы раздуть дух рвения и преследования среди прелатов и князей. Эти миссионеры должны были дать отчет о количестве еретиков в тех краях и о поведении князей и лиц, имеющих над ними власть; отсюда они получили название инквизиторов: но эти первоначальные инквизиторы не имели ни суда, ни власти; они были лишь своего рода духовными шпионами, которые должны были докладывать о своих открытиях папе.

Император Фридрих II в начале XIII века значительно расширил их власть: он поручил рассмотрение преступлений ереси церковным судьям; а поскольку наказанием для упрямцев был огонь, инквизиторы определяли косвенно как личности, так и преступления;

таким образом миряне были отрезаны от своей собственной юрисдикции и предоставлены набожному безумию и рвению церковников.

После смерти Фридриха, который уже давно раскаивался в своей власти, которую он дал церковникам, видя некоторые ее плоды, папа Иннокентий IV воздвиг вечный трибунал инквизиторов и лишил епископов и светских судей той небольшой власти, которую оставил им император Фридрих. И эту юрисдикцию, которая зависела непосредственно от него самого, он позаботился ввести в большинстве государств Европы. Но инквизиторы были настолько вспыльчивы и устраивали такие ужасные расправы над отъявленными еретиками, что вызывали всеобщее отвращение даже в некоторых католических странах. Поэтому их правление оказалось очень коротким как во Франции, так и в Германии; даже Испания не была полностью подчинена им до времени Фердинанда и Изабеллы, в 1448 году, когда их власть была увеличена под предлогом очищения страны от иудаизма и магометанства. Власть инквизиции сильно ограничена в некоторых странах, особенно в Венеции, где она принимается с такими изменениями, которые сильно ограничивают ее авторитет. Действительно, в Венеции она кажется скорее политической, чем религиозной, и служит скорее для безопасности государства, чем церкви. Есть обращения от подчиненных инквизиций в Италии к конгрегации святой канцелярии в Риме.

Постоянная практика инквизиции заключается в том, чтобы во всех своих процедурах внушать как можно больше ужаса; все делается в глубочайшем молчании и тайне, с величайшей строгостью и притворной беспристрастностью. Когда человек схвачен, весь мир покидает его; ни один ближайший друг не осмеливается произнести ни слова в его защиту; одного этого достаточно, чтобы заподозрить его в ереси и передать в когти инквизиции. Преступников хватают, допрашивают, судят, пытаются и, если они не отказываются от своих слов, даже осуждают и казнят, никогда не видя и не зная своих обвинителей; таким образом, у мстительных людей есть прекрасная возможность обрушить свою злобу на врагов. Когда инквизиция покончит с ними и приговорит их к смерти, их передают в руки светской власти, с миром молитв и благочестивых мольб, чтобы их жизнь не была затронута.

Время не дает никакой защиты в случае ереси, и сама могила не укрывает обвиняемого от преследований инквизиции; даже над усопшими есть свои суды, и они проходят во всей своей форме и торжественности над мертвыми трупами. Казнь всегда откладывается до тех пор, пока число приговоренных не станет очень большим, чтобы множество страдальцев вызывало еще больший ужас и делало сцену еще более страшной и шокирующей.

Римская инквизиция - это конгрегация из двенадцати кардиналов и некоторых других должностных лиц, где председательствует лично Папа Римский. Это самый высокий трибунал в Риме; он начал свою деятельность во времена Папы Павла IV по случаю лютеранства.

Инквизиция очень сурова в Индиях. Правда, для осуждения человека необходимо принести клятву семи свидетелей, но для этого берутся показания рабов или детей. Человека пытаются до тех пор, пока он сам себя не осудит; ведь его обвинителей никогда не вызывают на очную ставку. Людей обвиняют за самые незначительные высказывания против церкви или даже за непочтительное слово в адрес инквизиторов.

Штандарт инквизиции представляет собой кусок красного дамаста, на котором нарисован крест с оливковой ветвью на одной стороне и мечом на другой; с такими словами из псалма: *Exurge, Domine, et judica causam meam*.

Этот адский двигатель тирании, фанатизма и суеверий стал известен в Испании не ранее 1484 года. Римский двор был обязан этим другому доминиканцу, Иоанну де Торквемаде. Поскольку он был духовником королевы Изабеллы, он вырвал у нее обещание, что если она когда-нибудь взойдет на трон, то будет использовать все средства для искоренения ереси и еретиков. Фердинанд завоевал Гренаду и изгнал из испанских владений множество несчастных мавров. Осталось несколько человек, которых он вместе с евреями заставил стать христианами: они, по крайней мере, приняли это имя, но было хорошо известно, что оба эти народа, естественно, больше уважают свою собственную веру, чем христианскую. Впоследствии эту расу стали называть *Christianos novos*; а при заключении браков считалось, что кровь идальго теряет свою чистоту, смешиваясь с таким подозрительным источником.

Торквемада утверждал, что эта диссимуляция сильно повредит святой религии. Королева с почтительным смирением выслушала своего исповедника и в конце концов убедила короля согласиться на учреждение неумолимого трибунала. Торквемада, неутомимый в своем рвении к святому собору, за четырнадцать лет, что он исполнял обязанности главного инквизитора, как говорят, предал суду около восьмидесяти тысяч человек, из которых шесть тысяч были приговорены к сожжению.

Вольтер объясняет молчаливость испанцев всеобщим ужасом, который вызывали подобные процессы. "Ревность и подозрительность овладели всеми слоями населения: дружбе и общительности был положен конец! Братья боялись братьев, отцы - своих детей".

Положение и чувства человека, заключенного в застенки инквизиции, убедительно рисует Оробио, мягкий, кроткий и ученый человек, чья полемика с Лимборхом хорошо известна. Сбежав из Испании, он укрылся в Голландии, прошел обряд обрезания и умер философствующим евреем. Он оставил восхитительное описание себя в камере инквизиции: "Заключенный в эту темницу, я не мог даже найти достаточно места, чтобы повернуться; я страдал так сильно, что мой мозг был расстроен. Я часто спрашивал себя, действительно ли я дон Батазар Оробио, который гулял по Севилье в свое удовольствие, который так развлекался со своей женой и детьми? Я часто представлял себе, что вся моя жизнь была лишь сном и что я действительно родился в этой темнице! Единственным развлечением, которое я мог придумать, были метафизические диспуты. Я был одновременно оппонентом, респондентом и фессалийцем!" В соборе Сарагоссы находится гробница знаменитого инквизитора; шесть колонн окружают гробницу; к каждой прикован мавр, чтобы подготовить его к сожжению. По этому поводу Сен-Фуа остроумно замечает: "Если когда-нибудь валет-кетч какой-нибудь страны будет достаточно богат, чтобы иметь великолепную гробницу, она может послужить прекрасным образцом".

Бейль сообщает нам, что инквизиция наказывала еретиков огнем, чтобы избежать максимы "*Ecclesia non novit sanguinem*"; ведь сжигание человека, говорят они, не проливает его кровь! Отто, епископ во время норманнского вторжения, на гобелене, сработанном Матильдой, королевой Вильгельма Завоевателя, изображен с булавой в руке, чтобы, *расправляясь* со своим противником, он мог не *проливать кровь*, а только ломать кости! У религии были свои заморочки, как и у закона.

Установлению этого деспотического порядка сопротивлялись во Франции; но, возможно, читателя удивит тот факт, что лондонский регистратор в своей речи призвал к необходимости создания инквизиции в Англии! Это было на суде над квакером Пенном в 1670 году, который был оправдан присяжными, что, по-видимому, очень спровоцировало упомянутого регистратора. "Магна Чарта", - говорится в предисловии к процессу, - "с

лондонским регистратором - не более чем *Магна Ф...*!" Оказывается, что присяжные, продержанные два дня и две ночи, чтобы изменить свой вердикт, в конце концов были и оштрафованы, и заключены в тюрьму. Сэр Джон Хауэлл, регистратор, сказал: "До сих пор я не понимал причин политики и благоразумия испанцев, терпящих инквизицию среди своих; и, конечно, нам не поздоровится, пока в Англии не появится нечто *подобное испанской инквизиции*". Так будет всегда, пока обе партии, борясь за первенство, будут бросаться в резкие крайности и разрушать трепетное равновесие конституции. Но девиз лорда Эрскина должен навсегда остаться девизом каждого британца: "*Суд присяжных*".

Габриэль Малагрида, семидесятилетний старик, в 1761 году был сожжен этими евангелическими палачами. Его судебный процесс был напечатан в Амстердаме, 1762, с лиссабонской копии. За что же был осужден этот несчастный иезуит? Не за то, как думали некоторые, а за участие в заговоре против короля Португалии. На суде ему не предъявлено никаких других обвинений, кроме того, что он потакал некоторым еретическим представлениям, которые любой другой трибунал, кроме инквизиционного, считал бы пагубными причудами фанатичного старика. Поверят ли потомки, что в XVIII веке одного престарелого прорицателя повели на костер за то, что он, среди прочих экстравагантностей, заявил, "что Дева Мария, повелев ему написать жизнь Антихриста, сказала ему, что он, Малагрида, - второй Иоанн, но более ясный, чем Иоанн Евангелист; что Антихристов будет три, и что последний должен родиться в Милане от монаха и монахини в 1920 году; что он женится на Прозерпине, одной из адских фурий".

За подобные бредни несчастный старик был сожжен в недавние времена. Грейнджер уверяет, что лошадь его памяти, которую научили по знакам определять пятна на картах, час дня и т. д., вместе с *хозяином* была отдана в застенки инквизиции за то, что оба они имели дело с дьяволом! Один литератор заявил, что, попав в их руки, ничто так не озадачило его, как невежество инквизитора и его совета; казалось весьма сомнительным, что они читали даже Священное Писание.

Следующий интереснейший анекдот, связанный с ужасной инквизицией и показывающий, как использование дьявольских пыток заставляет людей признаваться в преступлениях, в которых они не были виновны, был рассказан мистеру д'Израэлю одним португальским джентльменом.

Один дворянин в Лиссабоне, узнав, что его врач и друг был заключен в тюрьму инквизицией под черствым предлогом иудаизма, направил одному из них письмо с просьбой о свободе, заверив инквизитора, что его друг - такой же ортодоксальный христианин, как и он сам. Лекарь, несмотря на столь высокую рекомендацию, был подвергнут пытке и, как это обычно бывало, в самый разгар страданий признался во всем, чего они желали. Это разгневало дворянина, и, притворившись больным, он умолял инквизитора прийти, чтобы оказать ему последнюю духовную помощь.

Как только доминиканец прибыл, господин, подготовивший своих доверенных слуг, приказал инквизитору в их присутствии признать себя евреем, написать признание и подписать его. На отказ инквизитора дворянин приказал своим людям надеть на голову инквизитора раскаленный докрасна шлем, который, к его изумлению, откинув ширму, раскалился в небольшой печи. При виде этого нового орудия пытки, "железного венца Луки", монах написал и подписал это отвратительное признание. Тогда дворянин заметил: "Вот видите, как безжалостно вы поступаете с несчастными! Мой бедный лекарь, как и вы, исповедовал иудаизм; но с той разницей, что только муки заставили его признаться в этом, чего от вас добился один лишь страх!"

Инквизиция не осталась без должной похвалы. Маседо, португальский иезуит, обнаружил "происхождение *инквизиции*" в земном Раю и осмелился утверждать, что Бог первым начал выполнять функции инквизитора над Каином и вавилонскими рабочими! Маседо, однако, не такая уж мечтательная личность, как кажется; ведь он получил профессорскую кафедру в Падуе за аргументы против Папы, которые он привел в Венеции и которые были опубликованы под названием "Литературные рыдания Льва Святого Марка"; кроме того, он автор 109 различных работ; но любопытно, насколько наш интерес склонен преобладать над совестью: Маседо превозносит инквизицию до небес, а Папу опускает до ничтожества.

Среди великих революций этого века инквизиция Испании и Португалии была упразднена, но ее история вошла в историю человеческого разума; и история инквизиции Лимборха, переведенная Чандлером, с очень любопытным "Введением", не теряет своей ценности для философского ума. Этот чудовищный трибунал человеческих мнений, нацеленный на суверенитет интеллектуального мира, лишен интеллекта. Он может быть снова восстановлен, чтобы удержать Испанию в неподвижности средневековья!

ДЕМОН,

Так древние называли неких духов, или *джинов*, которые, по их словам, являлись людям, чтобы либо оказать им услугу, либо навредить им.

Первое представление о демонах было привезено из Халдеи; оттуда оно распространилось среди персов, египтян и греков. Пифагор и Фалес были первыми, кто ввел демонов в Греции. Платон подхватил это понятие и объяснил его более четко и полно, чем это сделал кто-либо из прежних философов. Под демонами он понимал духов, низших богов и в то же время высших людей; они обитали в средней части воздуха, поддерживали связь между богами и людьми, несли богам подношения и молитвы людей и доносили до людей волю богов. Но он не допускал никого, кроме добрых и благодетельных: хотя впоследствии его ученики, оказавшись в затруднении, как объяснить происхождение зла, приняли другой род демонов, которые были врагами людей.

В языческом богословии нет ничего более распространенного, чем эти добрые и злые джины. И то же самое суеверное представление мы находим у израильтян в результате их торговли с халдеями. Но под демонами они не подразумевали дьявола или злого духа: они никогда не употребляли слово демон в этом смысле, и оно никогда не использовалось в таком значении до евангелистов и некоторых современных евреев. Слово это греческое, *δαίμων*.

Гейл пытается доказать, что происхождение и инстинкты демонов были подражанием Мессии. Финикийцы называли их *בעלים* *Баалим*. Ибо у них было одно верховное существо, которое они называли *Ваал* (и Молох, и различные низшие божества, называемые Ваалим), о чем мы находим частые упоминания в Ветхом Завете. Первым демоном египтян был Меркурий, или Туэт. Тот же автор находит некоторое сходство между несколькими должностями, приписываемыми демонам, и должностями Мессии.

Демоническое слово применяется к человеку, одержимому духом или демоном. В римской церкви существует специальная служба для изгнания бесов.

Демоники также являются одной из партий или ветвей анабаптистов, отличительным принципом которых является то, что дьявол будет спасен в конце света.- См. Демонология.

ДЕМОНОЛОГИЯ.

- "Духи, когда им вздумается,

Могут принять любой пол, или оба; так мягка

И без примесей их сущность чиста,

Не связаны и не скованы ни суставами, ни конечностями,

И не основана на хрупкой прочности костей,

как хрупкая плоть; но в какой форме они пожелают,

Расширенную или сгущенную, яркую или туманную,

Могут исполнить свои воздушные цели".

Мильтон.

Diabolus, дьявол, или злой ангел, - один из тех небесных духов, низвергнутых с небес за то, что они претендуют на равенство с Богом.

Эфиопы рисуют дьявола белым, чтобы быть вровень с европейцами, которые рисуют его черным.

В Ветхом Завете мы не находим упоминания слова "дьявол", а только "сатана": ни у одного из языческих авторов мы не встречаем слова "дьявол" в том значении, которое придают ему христиане, то есть как существу, восставшему от Бога: их теология не шла дальше злых джиннов или демонов, которые преследовали и преследуют человечество, хотя нам хорошо известно, что дьяволу дано много имен как в священном писании, так и в других местах.

"О ты! Какой бы титул тебе ни подошел,

Auld Hornie, Satan, Nick, or Clootie,

Кто в пещере мрачной и сажистой

Закрыт под люками,

Спарджесы в пронзительных клозетах,

Чтобы пугать бедных несчастных" - Бернс.

Демон - название, данное греками и римлянами неким *джинам* или духам, которые являлись людям с намерением принести им пользу или вред.

Платоники проводили различие между своими богами, или *dei majorum gentium*; своими демонами, или теми существами, которые по своему общему характеру не отличались от добрых и злых ангелов христианской веры; и своими героями. Иудеи и ранние христиане ограничивали название демонов существами злобной природы или дьяволами; именно в

ранних мнениях этого народа можно проследить очертания более поздних систем демонологии.

"Предания иудеев о злых духах разнообразны; некоторые из них основаны на Писании; некоторые заимствованы из представлений язычников; некоторые являются баснями их собственного изобретения; а некоторые - аллегориями". Демоны у иудеев считались либо далеким потомством Адама или Евы, появившимся в результате неправильного общения со сверхъестественными существами, либо Каина. Однако, поскольку эта доктрина вызвала отвращение у некоторых первых христиан, они утверждали, что демоны - это души умерших людей, которым все еще позволено вмешиваться в земные дела, помогать друзьям или преследовать врагов. Однако эта доктрина не получила распространения.

Около двух с половиной веков назад была предпринята попытка в сжатой форме изложить различные мнения, существовавшие в ранний период христианской эры и в средние века, о природе демонов, в которых верили люди. Поэтому мы представим читателям эту главу, которая, будучи столь всеобъемлющей и в то же время столь краткой, не нуждается в сокращении: "Я, со своей стороны, также считаю этот спор о природе и сущности демонов и духов трудным, поскольку убежден, что ни один автор до сих пор не писал об этом в определенном или совершенном виде. В этом отношении я не могу согласиться ни с нечестивыми и профаническими сектами и учениями саддуков и перепатетиков, которые отрицают, что вообще существуют какие-либо духи и дьяволы; ни причудливые и суеверные трактаты Платона, Проктика, Плотена, Порфирия; ни веин и абсурдные мнения Пселла, Нидера, Шпренгера, Кумана, Бодина, Михеля, Анджея, Иакова Матеуса, Лаврентия, Анания, Ямблика и т. д. которые, вместе со многими другими, пишут в этих вопросах такую нелепую ложь, будто они младенцы, надутые клопами; одни утверждают, что души умерших становятся духами, хорошие - ангелами, плохие - прорицателями; другие - что духи или прорицатели в этой жизни одни; третьи - что они мужчины; четвертые - что они женщины; пятые - что прорицатели такого пола, что сами себя перечисляют; Некоторые утверждают, что у них не было начала и не будет конца, как утверждают манекиты; некоторые - что они смертны и умирают, как утверждает Плутарх о Пане; некоторые - что у них вообще нет тел, но они получают тела в соответствии со своими фантазиями и воображением; некоторые - что их тела даны им; некоторые - что они сами себя создают. Некоторые говорят, что они - ветер; некоторые, что один из них породил другого; некоторые, что они были созданы из наименьшей части массы, из которой была сделана земля; а некоторые, что они - субстанции между Богом и человеком, и что некоторые из них земные, некоторые небесные, некоторые водные, некоторые воздушные, некоторые огненные, некоторые звездные, и некоторые из каждой части элементов; и что они знают наши мысли, и доносят наши добрые дела до Бога, и славят Бога, и возвращают нам его блага, и что им следует поклоняться; в этом они встречаются и соглашаются с папистами." *Againe, some saie, that they are meane between terrestrial and celestial bodies, communicating part of each nature; and that, though they are eternal, yet they are moved with affections; and as there are birds in the aire, fishes in the water, and worms in the earth, so in the fourth element, which is the fire, is the habit of spirits and devils.* - "Some saie they are onelie imaginations in the mind of man. Тертуллиан говорит, что они - птицы, и летают быстрее, чем любая птица в воздухе. Некоторые утверждают, что пикировщики не являются, но когда их посылают; поэтому их называют злыми ангелами. Некоторые думают, что дьявол посылает своих ангелов за границу, а сам постоянно обитает в аду, своей обители".

В связи с этим вопросом один из поздних авторов замечает: "Однако только в гораздо более поздний период христианства были установлены более определенные доктрины

относительно происхождения и природы демонов. Эти догматы включали в себя некоторые очень запутанные моменты, связанные с падением тех ангелов, которые за непослушание лишились своей высокой обители на небесах. Гностики раннехристианских времен, подражая классификации различных порядков духов Платона, попытались создать подобную схему иерархии ангелов, градация которой выглядела следующим образом: - Первый, высший, порядок назывался серафимами; второй - херувимами; третий - престолами; четвертый - господствами; пятый - добродетелями; шестой - силами; седьмой - княжествами; восьмой - архангелами; девятый, низший, ангелами. Эта басня была в резкой форме осуждена апостолами, но все же, как ни странно, она почти пережила пневматологов средних веков. Эти школяры, ссылаясь на рассказ о том, что Люцифер восстал против небес и что архангел Михаил воевал против него, долго мучились важным вопросом, какие ангелы пали по этому случаю? В конце концов преобладающим стало мнение, что Люцифер принадлежал к ордену серафимов. После бесконечных исследований было также доказано, что Агарес, Белиал и Барбатос, каждый из этих низложенных ангелов великого ранга, принадлежали к ордену добродетелей; Билет, Фокалор и Финикс - к ордену тронов; Гаап - к ордену сил; Пинсон - к ордену добродетелей и сил, а Мурмур - к ордену тронов и ангелов. Притязания многих других благородных дьяволов были также рассмотрены и столь же удовлетворительным образом определены. После этого возникла необходимость выяснить, сколько падших ангелов участвовало в состязании. Это был жизненно важный вопрос, который вызвал самые кропотливые исследования и множество разноречивых мнений. Далее возникли вопросы: где происходила битва? На низших небесах, в высшей области воздуха, на небосводе или в раю? Сколько времени она длилась? Была ли в течение одной секунды или мгновения времени (*punctum temporis*) две, три или четыре секунды? Это были вопросы, требующие очень сложного решения; но в конце концов возобладало мнение, что схватка завершилась ровно через три секунды с момента ее начала; и что в то время как Люцифер с некоторыми своими последователями попал в ад, остальные остались в воздухе, чтобы искушать людей. В результате всех этих расследований возник еще более новый вопрос: пало ли больше ангелов вместе с Люцифером или осталось на небесах с Михаилом? Ученые клерки, однако, склонялись к мысли, что вождь мятежников был побежден превосходящей силой, и что, следовательно, дьяволы тьмы были меньше по численности, чем ангелы света.

"Эти дискуссии, которые на протяжении нескольких веков интересовали все христианство, слишком часто использовали таланты самых эрудированных персонажей Европы. Последней целью демонологов было собрать в определенном порядке побежденные силы Люцифера и реорганизовать их в соответствии с определенной формой подчинения или управления. Поэтому отдельным вождям, сражавшимся под началом этого генерала, были отданы обширные округа. Был Земимар, "владычный монарх Севера", как его называет Шекспир^[53], которому принадлежала отдельная провинция дьяволов; был Горсон, царь Юга; Амаймон, царь Востока; и Гоап, князь Запада. Этим государям подчинялось множество благородных духов, чьи различные ранги были определены со всей точностью геральдических различий; были дьявольские герцоги, дьявольские маркизы, дьявольские графы, дьявольские рыцари, дьявольские президенты и дьявольские прелаты. Вооруженные силы Люцифера, похоже, состояли из почти 2400 легионов, из которых каждый демон определенного ранга командовал определенным числом. Так, Белет, которого Скотт описывает как "великого царя и ужасного, сидящего на бледном коне, перед которым звучат трубы и вся мелодичная музыка", командовал 85 легионами; Агарер, первый герцог под властью Востока, командовал 31 легионом; Лерай, великий маркиз, 30 легионами; Моракс, великий граф и президент, 36 легионами; Фуркас, рыцарь, 20 легионами; и таким же образом были перечислены силы других вождей дьявола".

Происхождение странных и отвратительных форм дьяволов и т. д.

В средние века, когда в Европе регулярно практиковалось колдовство, дьяволы, занимающие высокие посты, должны были появляться в определенных формах, по которым их узнавали так же хорошо, как главу любого древнего рода по его гербу и гербовым знакам. Формы, которые они привыкли принимать, регистрировались вместе с их именами и характерами. Дьявол появлялся либо в виде ангела, восседающего на огненной колеснице, либо верхом на адском драконе, держа в правой руке гадюку, либо в виде львиной головы, гусиных лап и заячьего хвоста, либо надевая голову ворона и садясь на сильного волка. Другие формы, которые использовали демоны, - это свирепый воин или старик, сидящий верхом на крокодиле с ястребом в руке. Возникала человеческая фигура с крыльями грифона; или с тремя головами, две из которых были похожи на головы жабы и кошки; или с огромными зубами и рогами, вооруженная мечом; или с зубами собаки и большой головой ворона; или верхом на бледном коне и со змеиным хвостом; или в короне и верхом на дромадере; или с мордой льва; или верхом на медведе и с гадюкой в руках. Были и такие фигуры, как лучник или зенофил. Демонический царь садился на бледного коня, принимал морду леопарда и крылья грифона, надевал три головы - быка, человека и барана со змеиным хвостом и ногами гуся - и в этом облачении садился на дракона и нес в руке копье и флаг; или, вместо этого, оседлывал бока разъяренного медведя и нес в кулаке ястреба. Другими формами были рыцарь, или тот, кто нес копье, прапор и даже скипетр, или солдат, либо сидящий на черном коне и окруженный огненным пламенем, либо носящий на голове герцогскую корону и сидящий на крокодиле; или с львиной мордой и огненными глазами, сидящего на гигантском скакуне, или, с тем же ужасающим видом, предстающего во всей пышности фамильного отличия, на бледном коне; или облаченного с головы до ног в пунцовые одежды, носящего на своем смелом лице корону и несущегося вперед на рыжем коне.

Какой-нибудь inferнальный герцог предстанет в своем облике, спокойно восседая на грифоне; другой дух такого же ранга покажет три головы - змеи, человека и кошки; он также оседлает гадюку и будет нести в руке огненный меч; еще один такой же дух предстанет как герцогиня, окруженная огненным поясом и сидящая на верблюде; четвертый будет носить облик мальчика и развлекаться на спине двухголового дракона. Несколько духов, однако, довольствовались простыми одеждами лошади, леопарда, льва, единорога, ночного ворона, аиста, павлина или дромадера; последнее животное свободно говорит на египетском языке. Другие принимали более сложные формы льва или собаки с крыльями грифона на каждом плече; или быка, столь же одаренного; или того же животного, отличающегося необычным придатком в виде человеческого лица; или ворона, облеченного в человеческую плоть; или араба с огненным хвостом. Другим благородным дьяволам приписывались такие облики, как дракон с тремя головами, одна из которых человеческая; волк со змеиным хвостом, изрыгающий пламя огня; волчица с таким же хвостовым придатком, крыльями грифона и извергающая из пасти отвратительную материю. Лев появлялся то с головой заклеянного вора, то верхом на черном коне, играя с гадюкой, то украшенный хвостом змеи и держащий в лапах двух шипящих змей. Таковы были разнообразные облики, которые принимали дьяволы высокого ранга. Тем, кто был ниже по рангу, вменялось в обязанность уносить на землю души осужденных. Их описывали чернее смолы: у них зубы, как у львов, ногти на пальцах, как у кабана, на лбу рога, через конечности которых выделялся яд, широкие уши, истекающие тленом и выпускающие из ноздрей змей, и когтистые ноги^[54]. Но это последнее дополнение, как искусно доказал сэр Томас Браун, является ошибкой, возникшей из-за того, что дьявол

часто являлся евреям в виде грубого и волосатого козла, а это животное было эмблемой жертвоприношений за грех^[55].

Стоит также отметить, говорит доктор Хибберт, что формы демонов, описанные святым Бернардом, мало чем отличаются от тех, которые не менее тщательно изобразил Реджинальд Скотт 350 лет спустя, и, возможно, демонологи наших дней. "В детстве, - говорит он, - служанки наших матерей так пугали нас дьяволом с рогами на голове, яростью во рту и тайлом в ягодицах, ушами, как у таза, клыками, как у собаки, когтями, как у медведя, шкурой, как у тигра, и голосом, ревушим, как у льва, - что мы пугались, когда слышали один *крик*".

Это все еще интересный вопрос, заслуживающий внимания: почему после упадка регулярных систем демонологии, которым обучали в средние века, дьяволу по-прежнему придают ту же отвратительную форму? Ученый Меде заметил, "что дьявол не мог появиться в человеческом облике, пока человек был в целостности; потому что он был духом, падшим от своего первого славного совершенства; и, следовательно, должен был появиться в такой форме, которая могла бы показать его несовершенство и унижение, а это была форма зверя; в противном случае, не может быть приведена причина, почему бы ему не скорее явиться Еве в форме женщины, чем змея. Но после грехопадения человека ситуация изменилась: теперь мы знаем, что он может принимать облик человека. Он появляется, кажется, в форме человеческого несовершенства, либо из-за возраста, либо из-за уродства, как старик (так говорят ведьмы); и, возможно, не совсем ложно утверждение, что дьявол, появляющийся в человеческом облике, всегда имеет уродство какого-то безродного члена или другого, как будто он еще не может полностью принять человеческий облик, поскольку сам человек не является полностью и окончательно падшим, как он есть". Гроуз, с гораздо меньшей серьезностью, замечает, что "хотя дьявол может частично превращать себя в различные формы, он не может изменить свои когтистые ноги, которые всегда будут отмечать его под любым видом".

Покойный доктор Ферриар взял на себя труд проследить реальный источник призрачных фигур, которые были приписаны визитам демонов. В своих замечаниях о работах Реми, уполномоченного в Лотарингии по суду над ведьмами, он делает следующее замечание: "Мое издание этой книги было напечатано Винсенте в Лионе в 1595 году; она называется *Dæmonolatria*. Судебные процессы, по-видимому, начались в 1583 году. Г-н Реми, по-видимому, испытывал большую тревогу, пытаясь установить точные черты и одежду демонов, с которыми, как полагали многие, он был знаком. Однако в ходе его исследований не было обнаружено ничего, что отличалось бы от обычных фигур, представленных на грубых скульптурах и картинах средневековья. Говорят, что они чернолицые, с запавшими, но огненными глазами, их рты широкие и раздуваются от серы, руки волосатые, с когтями, ноги рогатые и когтистые". В другой части книги д-ра Ферриара приводится следующий рассказ о случае, который произошел под его собственным наблюдением: "Мне довелось, - рассказывает он, - видеть молодую замужнюю женщину, первым признаком болезни которой был призрачный бред. Она рассказала мне, что ее квартира внезапно наполнилась чертями, и ужас заставил ее поспешно покинуть дом. Когда она вернулась, то увидела, что вся лестница заполнена дьявольскими формами, и несколько дней находилась в агонии страха. После того как первое впечатление прошло, она услышала голос, искушавший ее к саморазрушению и запрещающий ей все упражнения в благочестии. Так она рассказывала, когда осознавала, что это галлюцинация, но не могла противостоять ужасу, который производила. Когда она недавно выздоровела, мне было любопытно расспросить ее, как я расспрашивал других, о формах демонов, с которыми она встречалась; но я так и не смог получить никакого другого рассказа, кроме того, что они были очень маленькими, сильно

деформированными, с рогами и когтями, как у импов из наших ужасающих современных романов". К этой иллюстрации общего происхождения фигур демонических иллюзий я могу добавить, что в случае с пациентом, страдающим *от делириума тременса*, который попал ко мне в руки, дьяволы, порхавшие вокруг его кровати, были описаны мне как точно такие же формы, которые он недавно видел на сцене в популярной драме "Дон Жуан".

Чтобы проиллюстрировать другие рассказы о явлениях, я вернусь к доктрине демонологии, которую когда-то преподавали. Хотя основные положения этой оккультной науки можно отнести к иудеям и ранним христианам, они получили свое развитие благодаря нашему раннему общению с маврами Испании, которые были главными философами темных веков, и между которыми и коренными жителями Франции и Италии существовала большая связь. Толедо, Севилья и Саламанка стали величайшими школами магии. В последнем городе лекции о черном искусстве, исходя из соображений торжественности предмета, читались в стенах огромной и мрачной пещеры. Школяры учили, что все знания можно получить с помощью падших ангелов. Они были искусны в абстрактных науках, в знании драгоценных камней, в алхимии, в различных языках человечества и низших животных, в написании букв, в моральной философии, пневматологии, божественности, магии, истории и пророчествах. Они могли управлять ветрами, водами и влиянием звезд; они могли вызывать землетрясения, провоцировать болезни или лечить их, совершать все огромные механические операции и освобождать души из чистилища. Они могли влиять на страсти ума, добиваться примирения друзей или врагов, возбуждать взаимные разногласия, вызывать манию и меланхолию или направлять силу и объекты сексуальных привязанностей.

Такова была цель демонологии, как ее преподавали самые ортодоксальные профессора. Однако были придуманы и другие системы, которые возникли по причинам, связанным с распространением христианства. Должно быть, потребовалось немало времени, чтобы искоренить всеобщее убеждение, что языческие божества, которых стало так много, что они заполнили все уголки вселенной, были сказочными существами. Даже многие ученые люди были вынуждены встать на сторону популярного мнения по этому вопросу и не делали ничего другого, как пытались примирить его со своими признанными системами демонологии. Они учили, что эти языческие объекты почитания - падшие ангелы в союзе с князем тьмы, которым до появления нашего Спасителя было позволено бесконтрольно разгуливать по земле и вовлекать мир в духовную тьму и заблуждение. В соответствии с различными рангами, которые эти духи занимали в огромном царстве Люцифера, им было позволено в их деградированном состоянии поселиться в воздухе, в горах, в источниках или в морях. Но, хотя различные атрибуты, приписываемые греческим и римским божествам, рассматривались ранними учителями христианства в скромном свете демонических галлюцинаций, в течение многих веков они имели огромное влияние на умы вульгарных людей. В царствование Адриана Эврё в Нормандии не был обращен в христианскую веру, пока дьявол, который был причиной упрямства жителей, не был окончательно изгнан из храма Дианы. Этой богине во время гонений Диоклесиана приносили жертвы жители Лондона. В V веке поклонение ей существовало в Турине и вызвало упреки святого Максима. С девятого по пятнадцатый век было проведено несколько обличений женщин, которые во Франции и Германии путешествовали по огромным пространствам земли, признавая Диану своей госпожой и проводницей. При перестройке собора Святого Павла в Лондоне были найдены останки нескольких животных, использовавшихся для ее жертвоприношений; легкие следы такого почитания сохранились вплоть до царствования Эдуарда Первого и Марии. В ранний период христианства Аполлон также имел некоторое влияние в Торни, ныне Вестминстер. Примерно в XI веке Венера стала объектом чудовищного явления, которое можно было объяснить только влиянием, которым она все еще должна была обладать. Один

молодой человек по неосторожности надел свое кольцо на мраморный палец ее изображения. Это было истолковано кипрской богиней как обещание вступить в брак; в результате она наведалась ночью в постель жениха, и он не мог избавиться от своей сожительницы, пока не прибег к заклинаниям экзорциста. В 1536 году, незадолго до извержения вулкана Этна, испанский купец, путешествуя по Сицилии, увидел явление Вулкана в сопровождении двадцати своих циклопов, спасавшихся от последствий, которые предвещал перегрев его печи^[56].

Суевериям Греции и Рима мы также обязаны тем подчиненным злым духам, называемым *гениями*, которые на протяжении многих веков были предметом многочисленных спектральных иллюзий. Призрак такого рода явился Бруту в его палатке, пророча, что его снова увидят в Филиппах. Корнелий Силла впервые узнал о внезапном приступе лихорадки, которым он был охвачен, от привидения, обратившегося к нему по имени; решив, что его смерть близка, он приготовился к этому событию, которое произошло вечером следующего дня. Поэт Кассий Север, за некоторое время до того, как он был убит по приказу Августа, увидел ночью человеческую фигуру гигантских размеров - кожа черная, борода всклокоченная, волосы всклокочены. Призрак, возможно, не отличался от злого гения "Манфреда" лорда Байрона: "Я вижу сумрак и сумерки.

"Я вижу, как из сумрака поднимается ужасная фигура.

Как inferнальный бог из земли;

Лицо его окутано мантией, и вид его

Одета, как гневные тучи; он стоит между

тобой и мной, но я его не боюсь".

Императору Юлиану явился призрак, одетый в лохмотья, но держащий в руках рог изобилия, который был покрыт льняной тканью. В таком символическом одеянии дух скорбно прошелся по занавесям шатра отступника^[57].

Теперь мы можем обратиться к суеверным повествованиям средних веков, которые изобилуют сообщениями о подобных чудесных явлениях. Когда Бруно, архиепископ Вирцбургский, за некоторое время до своей внезапной смерти плыл вместе с Генрихом Третьим, он увидел страшный призрак, стоящий на скале, нависающей над пенящимися водами, который приветствовал его следующими словами: "Епископ, я твой злой гений. Иди, куда хочешь, но ты был и будешь моим. Сейчас я не послан за тобой, но скоро ты увидишь меня снова". К духу, которому было поручено подобное задание, можно, вероятно, отнести пророческий голос, который, как говорят, услышал Джон Камерон, епископ Глазго, непосредственно перед своей кончиной. Он был призван им, говорит Споттисвуд, "предстать перед трибуналом Христа, чтобы искупить свою вину за насилие и притеснения".

"Я не буду продолжать тему джинов дальше. Представление о том, что каждому человеку сопутствует злой гений, было отброшено гораздо раньше, чем гораздо более приятная часть той же доктрины, которая учила, что в качестве противоядия от этого влияния каждый человек также сопровождается благотворным духом. "Служение ангелов", - говорит один из авторов афинского оракула, - "несомненно, но как именно, - это узел, который нужно развязать". Древние философы считали, что не только королевства имеют своих хранителей, но и каждый человек имеет своего гения или доброго ангела, который защищает и наставляет его в снах, видениях и т.д. Мы читаем, что Ориген, Иероним, Платон и Эмпедокл у Плутарха также придерживались этого мнения; да и сами иудеи, как видно из того случая,

когда Петр был освобожден из темницы. Они считали, что это мог быть не Петр, а его ангел. Но что касается конкретного присутствия плохих ангелов, то мы этому не верим; и мы должны отрицать это, пока оно не найдет более веских доказательств, чем предположения".

Таковы были объекты суеверного почитания, заимствованные из Пантеона Греции и Рима, весь синод которого, как предполагалось, состоял из демонов, которые все еще активно старались ввести человечество в заблуждение. Но на западе Европы в игру вступали другие демоны, гораздо более грозные, которые брали свое начало в кельтских, тевтонских и даже восточных сказках; и поскольку их существование, как и влияние, смело утверждали не только первые христиане, но даже реформаторы, обряды, к которым они привыкли, были полностью искоренены еще задолго до этого. Так, например, в Оркнее даже в прошлом веке было принято, чтобы влюбленные встречались в пределах большого круга камней, который был посвящен главному из древних скандинавских божеств. Через отверстие в одном из столбов соединялись руки договаривающихся сторон, а клятва, которую они давали, называлась обещанием Одина, нарушать которое было позорно. Но влияние *Ди Майоров* из *Эдды* было незначительным и преходящим, по сравнению с влиянием *Дуэргара* или *карликов*, которые фигурируют в той же мифологии, и о происхождении которых говорится так. Один и его братья убили великана *Имора*, из раны которого вытекло столько крови, что все семьи земли утонули, кроме одного, спасшегося на корабле. Затем эти боги создали из костей великана его плоть и кровь, землю, воды и небеса. Но в теле чудовища в процессе гниения зародилось несколько червей, которые по приказу богов приобрели человеческий облик и разум. Эти маленькие существа обладали самыми изящными фигурами и всегда обитали в подземных пещерах или расщелинах скал. Они отличались богатством, активностью и злобностью^[58]. От них произошли наши современные *фари*, которых в наши дни описывают как людей маленького роста, нарядно одетых в одеяния зеленого цвета^[59]. Они обладают материальными формами, однако умеют делать себя невидимыми. Они размножаются; им нравится та же пища, что и человеческой расе, и когда по какому-то праздничному случаю они хотят побаловать себя хорошей говядиной или бараниной, они используют эльфийские стрелы, чтобы сразить свои жертвы. В то же время они вводят пастухов в заблуждение, подменяя их каким-нибудь мерзким веществом или иллюзорным изображением, имеющим ту же форму, что и животное, которого они лишили жизни. Эти духи очень любят музыку, и, когда они совершают свои экскурсии, самый изысканный музыкальный оркестр не перестает сопровождать их на протяжении всего пути. Они пристрастились к абстрагированию от человеческого рода, вместо которого они оставляют заменители живых существ, называемые *ченджлингами*, неземное происхождение которых известно по их смертельной немощи или какой-либо болезни, приводящей к истощению. Когда конечность поражена параличом, часто возникает подозрение, что ее коснулись эти духи, или что вместо звукового члена была подставлена неосязаемая масса материи.

В Англии мнения, первоначально существовавшие относительно *дуэргаров* или *карликов*, претерпели значительные изменения, поскольку им приписывались те же атрибуты, что и персидским *пери*, воображаемой расе разумных существ, чьи благодеяния противопоставлялись коварному вмешательству злых духов. Откуда взялась эта путаница в тевтонской мифологии, сомнительно; выдвигались предположения, что она может быть связана с общением крестоносцев с сарацинами, и что из Палестины было завезено искаженное название, производное от *peris*, *faries*; под таким названием теперь обычно признаются *дуэгары* из *Эдды*; злобный характер *карликов*, таким образом, утоплен в противоположных качествах *peris*, *фей*. Благословение стало в Англии пословицей: "Даруй, чтобы милые феи могли ночью класть деньги в твои башмаки и убирать твой дом". В более общем смысле пожелание означало: "Мир дому"^[60].

Феи на протяжении многих веков были объектами спектральных впечатлений. В случае с бедной шотландкой Элисон Пирсон, пострадавшей за колдовство в 1586 году, они, вероятно, были следствием какого-то плеторического состояния организма, за которым последовал паралич. Однако за эти иллюзорные образы, порожденные популярным в то время суеверием, бедняжку обвинили в общении с демонами, под которыми тогда понимали фей, и сожгли на костре. Во время болезни ее нередко посещали видения во сне и наяву, в которых она общалась с королевой Эльфландии и *добрыми соседями*. Иногда эти капризные духи снисходили до телесного облегчения, в другое время они усугубляли ее страдания. В таких трансах или снах она наблюдала за своим кузеном, мистером Уильямом Симпсоном из Стирлинга, которого феи перенесли на холмы и от которого она получила мазь, излечивающую от всех болезней, и которую архиепископ Сент-Эндрюс соизволил использовать в своих целях. В обвинении против нее говорится, что "будучи в Грейндж Мьюир с другими людьми, она, будучи больной, прилегла; и , когда она осталась одна, к ней пришел человек в зеленой одежде, который сказал ей, что если она будет верна, он сделает ей добро; но она, испугавшись, закричала; но никто не пришел к ней, и она сказала, что если он пришел во имя Бога и ради блага ее души, то все хорошо; но он ушел; В другой раз он явился, как похотливый человек, и с ним много мужчин и женщин; увидев его, она расписалась, помолилась и прошла с ними, и увидела, как они веселятся с пирами, и с добрым сыром и вином;-ее носили с ними, и когда она рассказывала что-либо из этого, они ее страшно мучили, и в первый раз, когда она с ними зазевалась, она получила от одного из них сильный удар, который отнял у нее всю силу (roustie), и оставил на ее боку плохой след.

"Она видела, как соседи делали свои пили (мази) из панн и филов, и они собирали травы еще до восхода солнца, и они иногда приходили к ней очень страшные, и очень пугали ее, отчего она плакала, и угрожали, что будут использовать ее хуже, чем раньше; и наконец, они отняли у нее силу ее волосистой части головы и заставили ее пролежать много недель. Иногда они приходили и садились рядом с ней, обещая, что она никогда не будет нуждаться, если будет верна, но если она заговорит и расскажет о них, они ее изувечат. С ними мистер Уильям Симпсон, который исцелил ее и рассказал ей обо всем; он молодой человек, не старше ее самой на шесть лет, и он явится к ней до суда; он сказал ей, что его забрали они; и он попросил ее подписать себя, чтобы ее не забрали , потому что эти люди отправляются в ад каждый год^[61] ."

Еще одно явление подобного рода можно найти в памфлете, который был опубликован в 1696 году под патронажем доктора Фаулера, епископа Глочестерского, относительно Энн Джеффрис, "которую в течение шести месяцев кормил небольшой род воздушных людей, называемых феями". Есть все основания предполагать, что эта женщина была больна либо истерией, либо тем состоянием повышенной нервной возбудимости, которое, как я уже показывал, порождает экстатические иллюзии. Рассказ о ее первом припадке - единственный, который имеет отношение к данной теме. В 1695 году, рассказывает ее историк, "ей было девятнадцать лет, и однажды, когда она вязала в беседке в саду, через живую изгородь к ней пришли (как она утверждала) шесть человек небольшого роста, одетые в зеленое, которых она называла *феями*; она так испугалась, что впала в судорожный припадок; но когда мы нашли ее в таком состоянии, мы принесли ее в дом, уложили в постель и очень заботились о ней. Как только она вышла из припадка, она закричала: "Они только что ушли из окна, они только что ушли из окна. Разве вы их не видите? И таким образом, в разгар болезни она часто кричала, и притом с нетерпением; эти выражения мы приписывали ее расстройству, полагая, что у нее легкое головокружение". Этот рассказ девушки показался очень интересным ее суеверным соседям, и она стала рассказывать

гораздо более удивительные истории, на которые нельзя полагаться, поскольку симпатия, которую она вызывала, в конце концов побудила ее стать настоящей самозванкой^[62].

Но помимо фей или эльфов, которые являются предметом многих призрачных иллюзий, следует упомянуть и домашнего духа, который когда-то пользовался немалым почетом. В большинстве северных стран Европы было мало семей, в которых не было бы пронизательного и пронырливого духа, который в обмен на внимание или пренебрежение, которое он испытывал, был известен тем, что

- "иногда трудиться на пасеке,

И безрезультатно заставляя бездыханную хозяйку мешать;

А иногда заставлял пить, чтобы не было бармалея!"

Мистер Дус в своих "Иллюстрациях к Шекспиру" показал, что у самогитов, народа, ранее населявшего берега Балтики и сохранявшего идолопоклонство вплоть до XV века, было божество по имени Путсит, которого они призывали жить с ними, ставя каждую ночь в амбаре стол, накрытый хлебом, маслом, сыром и элем. Если их забирали, то можно было ожидать удачи, а если оставляли, то ничего, кроме несчастья. Этот дух - то же самое, что и гоблин-жених, Пак или Робин Добрый друг англичан, чье лицо и руки были русого или зеленого цвета, одетый в кожаный костюм и вооруженный молотом. За гораздо меньшую плату, чем первоначально, он помогал молоть, взбивать, молоть солод или горчицу, а также подметать дом в полночь^[63]. Похожий высокий "изверг Луббар", одетый в коричневое одеяние, был известен в Шотландии. При условии, что для него будет приготовлено немного сусла или он будет время от времени кропить на жертвенный камень небольшое количество молока, он обеспечивал успех многих домашних дел. Согласно Олаусу Магнусу, северные народы считали домашних духов такого рода душами людей, которые при жизни предавались незаконным удовольствиям и были обречены в наказание скитаться по земле в течение определенного времени в той особой форме, которую они приняли, и быть привязанными к смертным в своего рода рабстве. Поэтому вполне естественно ожидать, что эти знакомые духи станут объектами многих явлений, несколько рассказов о которых приведены в книге Мартина "Рассказ о втором зрении в Шотландии". "Дух, - говорит этот писатель, - по имени Брауни, часто видели во всех самых значительных семьях на островах и на севере Шотландии, в облике высокого мужчины; но в пределах эти двадцать или тридцать лет его видели очень редко".

Бесполезно продолжать эту тему: В течение нескольких столетий сфера суеверий увеличилась почти до неизмеримых размеров; следствием этого стало то, что воздух, скалы, моря, реки, да что там, каждое озеро, бассейн, ручей или источник, были настолько наполнены духами, как добрыми, так и злыми, что о каждой провинции можно было бы сказать словами римского сатирика: "Nosiba regio tam plena est numinibus, ut facilius possis deum quam hominem invenire." Отсюда и модификация, произошедшая в системах демонологии, позволяющая классифицировать все описания дьяволов, будь то тевтонские, кельтские или восточные системы мифологии. "Наши школяры и другие ученые, - пишет Бертон в своей "Анатомии меланхолии", - выделяют девять видов плохих дьяволов, как Дионисий выделяет ангелов. В *первый ранг* входят те ложные боги язычников, которым раньше поклонялись в нескольких идолах и которые давали оракулы в Дельфах и других местах, чей князь - Вельзевул. *Второй чин* - лжецы и двуличные, как Аполлон, Пифий и им подобные. *Третий* - сосуды гнева, изобретатели всех бед, как Тевт у Платона. Эсай называет их сосудами ярости: их князь - Белиал. *Четвертые* - злобные, мстительные дьяволы, их князь - Асмодей. *Пятый вид* - это созерцатели, такие, как маги и ведьмы; их князь - Сатана.

Шестой вид - это те воздушные дьяволы, которые портят воздух и вызывают язвы, громы, пожары и т. д., о которых говорится в Апокалипсисе и Поле; ефесяне называют их князем воздуха: Мересин - их князь. *Седьмой* - разрушитель, начальник фурий, вызывающий войны, беспорядки, сгорания, взрывы, упоминаемый в Апокалипсисе и называемый Абаддоном. *Восьмой* - обвиняющий или клеветущий дьявол, которого греки называют Διάβολος, доводящий нас до отчаяния. *Девятый* - это искусители разных видов, а их князь - Маммона".

Но такое расположение не было достаточно полным, поскольку, как добавляет Бертон, "ни одно место не было пустым, но все было наполнено духами, дьяволами или другими обитателями; ни одна пядь не была пустой на небе, земле или в водах, над или под землей; земля не была так полна мух летом, как во все времена невидимыми дьяволами". Пневматологи, таким образом, делали два больших различия демонов; были небесные демоны, которые населяли области выше луны; в то время как низшие, такие как маны или лемуры, были либо ближе к земле, либо росли на земле. Однако Пселл, "великий наблюдатель природы дьяволов", похоже, считал, что такая классификация уничтожает всякое различие между добрыми и злыми духами: поэтому он отрицал, что последние когда-либо поднимались в области выше Луны, и, отстаивая этот принцип, основал систему демонологии, которая имела в своей основе естественную историю и места обитания всех демонов. Свой первый класс он назвал *огненными дьяволами*. Они бродили в окрестностях Луны, но были удержаны от вступления это светило; они проявляли свою силу в пылающих звездах, в огненных дрейках, в поддельных солнцах и лунах, а также в *euerpo santo*, или метеоритных огнях, которые на морских судах порхают от мачты к мачте и предвещают плохую погоду. Предполагалось, что эти демоны иногда обитают в печах Геклы, Этны или Везувия. Второй класс составляли аэральные дьяволы. Они обитали в атмосфере, вызывая бури, громы и молнии, раскалывая дубы, поджигая шпильи и дома, поражая людей и зверей, низвергая с неба камни^[64], шерсть и даже лягушек, изображая в облаках сражения армий, поднимая вихри, пожары и портя воздух, чтобы вызвать чуму. Третий класс составляли *наземные дьяволы*, такие как лары, гении, фавны, сатиры, лесные нимфы, фолиоты, добрые друзья Робина, или трулли. Четвертый класс - *водные дьяволы*, например, различные виды водяных нимф, русалок и женщин-кудесниц. Пятый класс - *подземные дьяволы*, более известные под именами *dæmones itallici*, люди-металлы, *гетулы* или кобальты. Они хранили сокровища в земле и не давали им внезапно обнаружиться; они также были причиной ужасных землетрясений. Шестой класс дьяволов Пселла назывался *lucifugi*; они наслаждались темнотой, проникали в человеческие недра и мучили тех, кем овладевали, френзией и падучей болезнью. Этой силой они отличались от земных и аэральных дьяволов; те могли проникать только в человеческий разум, который они либо обманывали, либо провоцировали на незаконные привязанности.

Не было недостатка и в предположениях относительно общей природы этих демонов. Пселл полагал, что их тела состоят не только из одного элемента, хотя и не отрицал, что так могло быть до падения Люцифера. По его мнению, дьяволы обладали телесными каркасами, способными к ощущениям; они могли чувствовать и быть чувствуемыми; они могли наносить и быть ранеными; они плакали, когда их били, и, если их ударяли в огонь, они даже оставляли после себя пепел, - факт, который был продемонстрирован в очень удовлетворительном эксперименте, проведенном некоторыми философами на границах Италии; Что они питались свойственной им пищей, не получая ее через пищевод, а впитывая с внешней поверхности своего тела, подобно губке; что они причиняли вред скоту не по злобе, а просто из любви к естественному и умеренному теплу и влаге этих животных; что они не любили солнечного тепла, потому что оно слишком быстро высушивало их; и, наконец, что они достигали большого возраста. Так, Кардан двадцать восемь лет держал на привязи

изверга, которому было сорок два года, но он считался очень молодым. Из этого весьма достоверного источника ему сообщили, что дьяволы живут от двух до трехсот лет и что их души умирают вместе с телами. Это весьма философское утверждение, тем не менее, было опровергнуто другими наблюдателями. "Мани, - говорит Скот, - утверждал, что духи были ярыми, потому что они были разделены на части и снова закрыты, а также потому, что они исчезали так внезапно".

"Рассказ о демоне из Тедворта, или Беспорядки в доме мистера Монпессона, вызванные колдовством и злодейством барабанщика".

"Тоскливыми зимними вечерами сидите у огня

С добрыми стариками; и пусть они рассказывают истории

О печальных веках, что давно прошли".

"Мистер Джон Монпессон из Тедворта в графстве Уилтс, будучи примерно в середине марта 1661 года в соседнем городе под названием Ладлоу и услышав, как там бьет барабанщик, поинтересовался у городского пристава, в доме которого он тогда находился, что это значит. Пристав рассказал ему, что уже несколько дней им досаждают праздный барабанщик, который требует у констебля деньги на основании поддельного пропуска, который, по его мнению, был поддельным. Услышав это, мистер Монпессон послал за этим парнем и спросил его, на каком основании он так носится по деревне со своим барабаном. Барабанщик ответил, что у него есть все полномочия, и предъявил свой пропуск с ордером, выданным сэром Уильямом Коули и полковником Эйлиффом из Гретенхема. Однако мистер Монпессон, знакомый с почерком этих джентльменов, обнаружил, что пропуск и ордер поддельные, и приказал бродяге отложить барабан, а заодно передал его констеблю, чтобы тот отвел его к следующему мировому судье для дальнейшего осмотра и наказания. Тогда парень признался, что пропуск и ордер были поддельными, и очень просил простить его и вернуть барабан; на это мистер Монпессон сказал ему, что если после расспросов полковника Эйлиффа, барабанщиком которого он себя представлял, он окажется честным человеком, то он прислушается к его мольбам и вернет барабан; а пока что он позаботится о нем. Барабан, таким образом, остался в руках пристава, а барабанщик отправился за констеблем, которого, судя по всему, уговоры парня убедили позволить ему скрыться.

Примерно в середине апреля, когда мистер Монпессон готовился к поездке в Лондон, судебный пристав прислал к нему домой барабан. Когда он вернулся из поездки, жена сообщила ему, что ночью их сильно потревожили воры и что дом, похоже, собирались снести. В подтверждение этой тревоги мистер Монпессон пробыл дома не более трех ночей, когда снова раздался тот же шум, который беспокоил семью в его отсутствие. Он состоял из сильного стука в двери и ударов по стенам дома; мистер М. встал с постели, вооружился пистолетом, открыл уличную дверь, чтобы выяснить причину, и не успел он это сделать, как шум переместился к другой двери, которую он также открыл, вышел и обошел дом, но ничего не смог обнаружить, хотя слышал странный шум и пустоту. Не успел он вернуться и лечь в постель, как его снова потревожил шум и барабанный бой в верхней части дома, который продолжался некоторое время, а затем постепенно затих, словно улетел в воздух.

После этого шум, похожий на стук и барабанный бой, повторялся очень часто; обычно в течение пяти ночей подряд, с перерывом в три ночи. Шум доносился с внешней стороны дома, который в основном состоял из досок, и обычно возникал как раз тогда, когда семья ложилась спать, независимо от того, рано это было или поздно. После того как в течение месяца шум продолжался снаружи дома, он, наконец, осмелился прийти в комнату, где лежал барабан, четыре или пять ночей из каждых семи; он всегда появлялся после того, как они ложились в постель, и продолжался в течение двух часов после этого. Сигналом к появлению шума служило колебание воздуха над домом; а когда оно собиралось удалиться, барабан бил так же, как при снятии караула. Это продолжалось в этой комнате в течение двух месяцев, и все это время мистер Монпессон лежал там и наблюдал за ним. В начале ночи он доставлял много хлопот, но после того как он продолжался два часа, все снова затихало.

Во время этого беспокойства миссис Монпессон уложили в постель, а в ночь, когда это произошло, шума было очень мало, и не было вообще в течение трех последующих недель ее заключения. После этого вежливого и своевременного прекращения шум возобновился внезапно и стал еще более сильным, чем прежде; он преследовал и дразнил их младших детей, бил их о кровать с такой силой, что каждый миг можно было ожидать, что они разорвутся на куски. Если в это время положить на них руки, то ударов не ощущалось, хотя чувствовалось, что они сильно трясутся. В течение часа барабан бил в круглые головы и рога носцы, в тат-тоу и несколько других боевых фигур так хорошо, как только может их исполнить любой барабанщик. После этого под кроватями детей послышалось скрежетание, как будто там работало что-то с железными когтями. Оно поднимало детей в кроватях, ходило за ними из одной комнаты в другую и некоторое время только преследовало их, не устраивая никаких других шалостей.

В доме был чердак, который не был замечен в беспокойстве; туда и убирали детей; их всегда укладывали спать до того, как исчезал дневной свет, но не успевали они лечь, как их возмутитель спокойствия снова принимался за свою работу с ними.

Пятого ноября 1661 года поднялся страшный шум, и один из слуг мистера Монпессона, заметив в детской комнате две доски, попросил дать ему одну, на что в ярде от него появилась доска (ничего не двигалось, что он видел); мужчина снова сказал: *дайте мне ее в руки*; тогда ее поднесли совсем близко к нему, и так она продолжала двигаться вверх и вниз, туда и сюда, не менее двадцати минут вместе. Мистер Монпессон, однако, запретил своему слуге впредь возиться с невидимым и беспокойным гостем. Это обстоятельство произошло днем, и свидетелем его стала целая комната, полная людей. Утром, когда это произошло, от него остался очень неприятный сернистый запах. Вечером священник прихода, некий мистер Крэгг, и несколько соседей нанесли визит мистеру М. Священник молился у постели детей, когда демон был очень беспокойным и шумным. Во время молитвы он удалился на чердак, но как только молитва закончилась, он вернулся; в присутствии и на глазах у всех стулья начали ходить по комнате по своей воле, детские ботинки были сброшены через голову, и все вещи свободно перемещались по комнате. В то же время на священника бросили столбик кровати, который ударил его по ноге, но так мягко, что и клочок шерсти не мог бы упасть более мягко; и было замечено, что он остановился именно там, где упал, не покотившись и не сдвинувшись с места.

Вследствие того, что демон так беспрестанно мучил детей, он отвел их в соседский дом, взяв старшую дочь, которой было около десяти лет, в свою собственную комнату, где ее не было уже месяц; но как только она легла в постель, шум снова начался там, и барабанный бой продолжался три недели вместе с другими звуками; и если требовалось, чтобы по барабану били, он выполнял это. Детей снова привели домой, поскольку дом, где они находились, был

переполнен чужими людьми. Их поместили в гостиной, которую, как было замечено, до сих пор никто не беспокоил; но не успели они прийти, как их мучитель, пока они лежали в постели, развлекался тем, что дергал их за волосы и постельные платья, не применяя никакого другого насилия.

Было замечено, что когда шум был самым громким, когда он возникал с самой внезапной и удивительной силой, ни одна собака в доме не шевелилась и не лаяла, хотя стуки и удары часто были такими громкими и грубыми, что их было слышно на значительном расстоянии в поле, и они будили соседей в деревне, некоторые из которых жили совсем рядом с этим домом. Нередко слуг вместе с кроватью поднимали на значительную высоту, а затем осторожно опускали без вреда для здоровья; в других случаях кровать лежала на ногах как огромная тяжесть.

В конце декабря 1661 года барабанный бой стал реже, но затем его сменил шум, похожий на звон денег, вызванный, как считалось, тем, что мать мистера Монпессона накануне сказала соседу, который говорил о феях, оставляющих после себя деньги, *а именно*, что ей должно понравиться, если она оставит им немного, чтобы загладить причиненные неприятности. На следующую ночь по всему дому раздался звон и звяканье денег. После этого оно оставило свои более грубые проделки и развлекалось более простыми и менее хлопотными трюками. В рождественское утро, незадолго до рассвета, один из маленьких мальчиков, вставая с постели, ударился пяткой о дверную защелку, штырь которой, прикреплявший ее к двери, был так мал, что никому другому не составило бы большого труда его выковырять. В ночь после Рождества оно разбросало по комнате одежду старой джентльменши и спрятало ее библию в пепле; кроме того, оно проделало еще несколько подобных озорных трюков.

После этого она стала доставлять много хлопот одному из слуг мистера Монпессона, человеку крепкому и трезвому. Этот человек спал в доме во время большей части беспорядков; в течение нескольких ночей что-то пыталось стянуть с него постельное белье, что он часто, хотя и не всегда, предотвращал с помощью основной силы; его обувь часто бросали ему на голову, и иногда он обнаруживал, что его насильно держат, как бы за руки и за ноги; но он обнаружил, что когда он мог использовать меч, который был при нем, и ударить им, дух ослаблял свою хватку.

Через некоторое время после этих состязаний в дом пришел сын мистера Томаса Беннета, на которого иногда работал барабанщик, и сказал мистеру Монпессону несколько слов, сказанных барабанщиком, которые, похоже, не были восприняты должным образом; поскольку они не успели лечь в постель, как барабан начал бить самым яростным образом: джентльмен встал и позвал своего человека, который лежал вместе со слугой мистера Монпессона, только что упомянутым, которого звали Джон. Как только человек мистера Беннета ушел, Джон услышал в своей комнате шорох, как будто человек в шелках двигался вверх и вниз; он немедленно протянул руку за своей шпагой, которую, как он чувствовал, кто-то удерживал, и с трудом и большими усилиями он снова получил ее в свое распоряжение, и не успел он это сделать, как призрак покинул его; и всегда отмечали, что он избегал шпаги. В начале января 1662 года в дымоходе, прежде чем спуститься, послышалось пение, а однажды ночью в доме появились огни. Один из них появился в комнате мистера Монпессона, он казался голубым и мерцающим и вызвал сильное напряжение в глазах тех, кто его увидел. После того как свет исчез, было слышно, как что-то ходит или крадется по лестнице, как будто без обуви. Свет видели четыре или пять раз в детской комнате; и служанки с уверенностью утверждают, что в их присутствии двери открывались и закрывались по меньшей мере десять раз, и что, когда их открывали, они слышали шум, как

будто полдюжины людей вошли вместе; некоторые из них потом ходили по комнате, а один шуршал, как будто был одет в шелк, подобно тому, что слышал сам мистер Монпессон.

Когда демон был в одном из своих стучащих настроений, и в то время, когда многие присутствовали, один джентльмен из компании сказал: "Сатана, если барабанщик заставил тебя работать, дай три стука и больше не стучи"; что он сделал очень отчетливо и остановился. Затем тот же джентльмен постучал, чтобы услышать, ответит ли он ему так, как привык. Для дальнейшего доказательства он потребовал, чтобы оно, если это действительно тот барабанщик, который нанял его в качестве агента своей злобы, постучало пять раз и больше в эту ночь; что оно и сделало, и спокойно покинуло дом на всю оставшуюся ночь. Это было сделано в присутствии сэра Томаса Чемберлена из Оксфордшира и многих других уважаемых людей.

В субботу утром, за час до рассвета, 10 января, было слышно, как барабан бьет по наружной стороне комнаты мистера Монпессона, откуда он отправился в другой конец дома, где лежали несколько незнакомых джентльменов, и начал играть у их двери четыре или пять различных мелодий; в конце концов он взлетел в воздух. На следующую ночь кузнец из деревни и лежавший с ним Джон, человек мистера Монпессона, слышали в комнате шум, как будто кто-то подковывал лошадь; и что-то пришло с чем-то, похожим на щипцы, и всю ночь щипало кузнеца за нос.

Встав однажды утром, чтобы отправиться в путь, мистер Монпессон услышал сильный шум внизу, где лежали дети, и, мгновенно сбежав вниз с пистолетом в руке, услышал голос, кричавший: "Ведьма! Ведьма!", похожий на тот, что они уже слышали в прошлом. Когда он вошел в квартиру, все снова стало тихо.

Однажды ночью демон, разыграв несколько маленьких шалостей у изножья кровати мистера Монпессона, перебрался в другую кровать, где лежала одна из его дочерей, и перешел с одной стороны на другую, приподнимая ее, когда проходил под ней. В это время в кровати раздавались три вида шума. Они пытались ударить его мечом, но он постоянно уклонялся от них. На следующую ночь оно пришло, пытаясь, как запыхавшаяся собака, когда кто-то из присутствующих взял столб, чтобы ударить его, но он тут же был выхвачен у нее из рук; в то же время компания поднялась по лестнице, и комната наполнилась тошнотворным зловонием, и было очень жарко, хотя в ней не горел огонь, и это было в очень резкую зимнюю ночь. Оно продолжало пытать полтора часа, пытаясь и царапаясь; после этого оно ушло в соседнюю комнату, где начало слегка стучать и, казалось, греметь стулом; так продолжалось две или три ночи подряд. После этого библия старушки снова была найдена среди пепла, листами вниз. Ее взял в руки мистер Монпессон и заметил, что она лежит открытой на третьей главе Евангелия от Марка, где говорится о нечистых духах, падающих перед нашим Спасителем, и о том, что он дал двенадцати апостолам власть изгонять бесов, а книжники считают, что он изгоняет их через Вельзевула.

На следующее утро пепел разбросали по полу палаты, чтобы посмотреть, какие следы на нем останутся; утром в одном месте нашли подобие большого когтя, в другом - меньшего, в третьем - какие-то буквы, которые не удалось расшифровать, кроме того, на пепле множество кругов и царапин, которые никто не понял, кроме самого демона.

Примерно в это время автор повествования отправился в дом, чтобы выяснить истину обстоятельств, которые наделали столько шума в этой части страны. Демон прекратил барабанный бой и ужасные звуки, которые он имел обыкновение издавать до его прихода; но большинство примечательных фактов, о которых уже говорилось, были подтверждены ему несколькими соседями, на правдивость которых он мог положиться, и которые были их

свидетелями. Теперь оно преследовало детей после того, как они ложились спать. В тот вечер, когда он был там, дети легли спать около восьми часов; служанка сразу же спустилась и сообщила нам, что пришел дух. Соседи, присутствовавшие при этом, ушли, как и два священника, которые до этого некоторое время находились в доме, а мистер Монпессон, автор книги, и еще один джентльмен, пришедший с ним, поднялись в комнату, где спали дети. Когда они поднимались по лестнице, послышалось царапанье, и как только они вошли в комнату, оно было замечено прямо за спинкой кровати, на которой лежали дети, и, казалось, лежало против клеща. Шум, который оно издавало, был похож на тот, что издают длинные гвозди, вбитые в спинку кровати. В кровати лежали две маленькие девочки лет семи-восьми. Их руки находились за пределами постельного белья, так что было совершенно очевидно, что шум производили не они, а то, что находилось у них за головой: они так привыкли к этому в последнее время, и всегда при наличии какого-нибудь присутствующего в палате, что, казалось, не обращали на это внимания. Рассказчик, стоявший у изголовья кровати, просунул руку за задвижку, откуда исходил шум, и тут же он раздался в другой части кровати; но как только он убрал руку, он вернулся на то же место, что и раньше. Когда ему сказали, что она будет имитировать звуки, он попробовал, царапая несколько раз по простыне, пять, семь и десять раз: она точно отвечала на них одинаковыми числами. Он, как и его друг, заглянул под кровать и за нее, ухватился за подпорку, простучал стену и предпринял все возможные поиски, чтобы обнаружить какую-нибудь хитрость, уловку или другую причину, но ничего не смог обнаружить. Так что, по правде говоря, он пришел к выводу, что шум производит какой-то дух или демон. После того как он почесывался полчаса или больше, он забрался на середину кровати под детьми, где и лежал, громко пыхтя, как запыхавшаяся собака. Автор положил руку на это место и почувствовал, что кровать упирается в него, как будто внутри нее есть что-то, что толкает ее вверх. Он схватил перо, чтобы почувствовать, нет ли в нем чего-нибудь живого; затем огляделся по сторонам, чтобы убедиться, нет ли в комнате собаки, кошки или другого существа; все присутствующие последовали его примеру, но так ничего и не обнаружили. Движение, которое он вызывал своим пыхтением, было таким сильным, что заметно отражалось на комнате и окнах. Так продолжалось в течение получаса, пока автор присутствовал в комнате. Во время этого пыхтения в льняном мешке, висевшем на другой кровати, было замечено нечто, что было принято за мышь или крысу, но при ближайшем рассмотрении в нем не оказалось ничего подходящего.

После этого автор и его друг спали в той самой палате, где впервые был произведен основной переполох. Его разбудил страшный шум, раздавшийся за дверью палаты. Он разбудил своего друга и трижды спросил, кто там, но ответа не получил. Наконец он воскликнул: *"Во имя Бога, кто это и что ты хочешь?"* На что голос ответил: *"С тобой ничего"*. Подумав, что это кто-то из слуг дома, они снова легли спать. Однако на следующее утро мистеру Монпессону сообщили об этом обстоятельстве, и он заявил, что никто из домашних не лежит в той стороне и не имеет там никаких дел и что никто из его слуг не вставал, пока он не позвал их через некоторое время после рассвета. Слуги подтвердили это и заявили, что шум производили не они. До этого мистер Монпессон рассказывал нам, что он уходил в середине ночи и возвращался в разное время около четырех часов, что, как предполагалось, было примерно в тот час, когда его слышали автор и его друг.

Еще одно обстоятельство, связанное с этим, казалось бы, загадочным делом, заключалось в том, что слуга автора, придя к нему утром, сказал, что одна из его лошадей, та, на которой он ездил, вся в поту и во всех других отношениях выглядит так, как будто она была на улице всю ночь. Его друг вместе с ним спустился в конюшню и обнаружил ее в том состоянии, в котором она была представлена. На вопрос, как обращались с лошадей, его заверили, что животное

хорошо кормили и ухаживали за ним, как обычно; кроме того, его слуга очень бережно относился к своим лошадям. "С лошастью, - рассказывает автор, - у меня было хорошее время, и я никогда не знал, что она очень здоровая. Но после того как я проехал на нем милью или две очень осторожно по равнине вниз от дома мистера Монпессона, он захромал и, с трудом дотащив меня до дома, умер через два или три дня, причем никто не мог понять, чем он болен. Это, признаюсь, могло быть следствием несчастного случая или какой-нибудь необычной болезни, но, если все вместе взятое, кажется весьма вероятным, что это было что-то другое".

Затем мистер Монпессон заявил, что однажды утром в детской комнате появился свет и послышался голос, который кричал: "Ведьма! Ведьма!" не менее ста раз вместе. В другой раз, увидев, что в дымоходе комнаты, где он находился, шевелятся какие-то дрова, он выстрелил в них из пистолета; при последующем осмотре помещения на очаге и на нескольких частях лестницы было обнаружено несколько капель крови. Две или три ночи после выстрела из пистолета ничего не было слышно, но он вернулся и так преследовал маленького ребенка, недавно взятого у кормилицы, что бедный младенец не мог успокоиться ни днем, ни ночью; озорной демон не позволял свечам гореть в комнате, но либо бегал с ними по дымоходу, либо бросал их под кровать. Он так напугал ребенка, прыгнув на него, что продолжал биться в припадках в течение нескольких часов; в конце концов они были вынуждены вывести детей из дома. На следующую ночь, около полуночи, было слышно, как что-то поднимается по лестнице; оно постучалось в дверь мистера Монпессона, но тот, не отвечая, поднялся по другой лестнице в комнату своего человека и предстал перед ним у изножья его кровати. Точную форму и пропорции демона он не смог определить; все, что он видел, - это огромное тело с двумя красными и сверкающими глазами, которые некоторое время неотрывно смотрели на него, а потом исчезли.

В другой раз, в присутствии посторонних, он мурлыкал в детской кровати, как кошка, и поднимал детей с такой силой, что шесть человек не могли их удержать; тогда детей переложили в другую кровать, но не успели они лечь в нее, как эта стала еще более беспокойной, чем первая. Так продолжалось четыре часа, и он так неистово бил бедных детей ногами о столбы, что они были вынуждены сидеть всю ночь. Затем оно опустошило горшки, насыпало пепел в постели, положило длинную железную пику в горшок мистера Монпессона и нож в горшок его матери. Он наполнял пеплом порринджеры, разбрасывал все вещи и устраивал дьявольское развлечение с утра до вечера и с ночи до утра.

Примерно в начале апреля 1663 года у одного джентльмена, который жил в этом доме, все деньги в карманах почернели; а однажды утром мистер Монпессон, зайдя в свою конюшню, обнаружил, что лошадь, на которой он привык ездить, лежит на земле с одной из задних ног во рту и прикреплена там таким образом, что несколько человек с ножовкой с величайшим трудом смогли ее вытащить. После этого произошел еще ряд примечательных событий, но дальше рассказ автора не идет; за исключением того, что мистер Монпессон написал ему, что после этого в течение нескольких ночей в доме находилось семь или восемь существ в форме людей, которые, как только раздавался выстрел, убегали в соседнюю беседку.

Барабанщик, однако, судя по всему, был задержан в связи с этими странными и загадочными явлениями. Сначала его посадили в Глостерскую тюрьму за кражу, где уилтширец, пришедший повидаться с ним, поинтересовался, какие новости в Уилтшире: ему ответили, что никаких: Нет, - ответил он, - разве вы не слышали о барабанном бою в доме одного джентльмена в Тедворте? Слышал, - ответил другой, - достаточно: "Я, - сказал барабанщик, - я ему насолил (или что-то в этом роде), и он никогда не успокоится, пока не принесет мне удовлетворение за то, что отобрал у меня барабан". По полученным сведениям

барабанщик был привлечен к суду в Саруме, и все основные обстоятельства, о которых здесь говорится, были подтверждены присягой священника прихода и нескольких других наиболее разумных и солидных жителей, которые время от времени были их очевидцами и свидетелями на протяжении многих лет; Барабанщик был приговорен к перевозке и, соответственно, отправлен прочь; и, как гласит история, "говорят, что, подняв бурю и напугав моряков, он сумел, так или иначе, вернуться обратно". И что еще не менее примечательно, так это то, что во время его сдерживания и отсутствия дом мистера Монпессона оставался нетронутым; но как только демон его спокойствия вернулся, он снова принялся за свои старые проделки, как никогда плохо".

Барабанщик был солдатом при Кромвеле и много говорил о "галантных книгах", которые у него были от одного старика, считавшегося острословом.

Со слов мистера Гланвила, который получил их от мистера Монпессона, мы имеем следующую историю.

"Джентльмен, мистер Хилл, который был со мной, находясь в компании с неким Комптоном из Сомерсетшира, который занимался врачеванием и претендовал на странные вещи, рассказал ему эту историю о беспокойстве мистера Монпессона. Лекарь сказал ему, что он уверен, что это не что иное, как место встречи ведьм, и что за сто фунтов стерлингов он возьмется избавить дом от всех беспорядков. В продолжение этого разговора он говорил о многих высоких вещах и, увлекши моего друга в другую комнату, отдельно от остальной компании, сказал, что хочет внушить ему, что он может сделать нечто большее, чем обычно, и спросил, кого он желает видеть; мистер Хилл не очень-то верил в его слова, но все же, когда его убедительно попросили назвать кого-нибудь, он сказал, что желает видеть не кого-нибудь, а свою жену, которая тогда находилась за много миль от них в своем доме. На это Комптон взял зазеркалье, стоявшее в комнате, и, опустив его, предложил моему другу посмотреть в него, что тот и сделал, и тогда, как он самым торжественным и серьезным образом утверждает, он увидел точное изображение своей жены, в той привычке, которую она тогда носила, и работающей за иглой в такой части комнаты, там же представленной, в которой и примерно в какое время она действительно находилась, как он обнаружил, расспросив ее по возвращении домой. Джентльмен сам рассказал мне об этом, а он человек трезвый, умный и заслуживающий доверия. Комптон не знал его раньше и был совершенно незнаком с личностью его жены. Этот же человек снова упоминается в истории о колдовстве Элизабет Стайлз, которую он уличил в том, что она была ведьмой, предсказав, что она войдет в дом и выйдет оттуда, не сказав ни слова. По общему мнению, он был очень странным человеком".

ДЕМОН ИЗ ДЖЕДБУРГА.

В 1752 году, когда капитан Арчибальд Дуглас, находившийся с рекрутским отрядом на юге Шотландии, своей родной страны, остановился в городе Джедбург, его сержант пожаловался ему, что в доме, где он квартировал, обитает дух, который несколько раз являлся ему при свете свечи в очень страшном виде. Капитан, который был человеком здравомыслящим и отнюдь не суеверным, отнесся к сержанту как к человеку, потерявшему рассудок, пригрозил ему розгами как трусу и сказал, что гоблины и духи ниже достоинства солдата. Капитану в следующую ночь приснился странный сон, в котором он увидел хозяйку постоялого двора, где лежал сержант, в компании множества других женщин,

поднимающихся в воздух, некоторые ехали на метлах, другие на ослах, третьи на кошках и т. д. Хозяйка предложила ему сопровождать их в воздушной экскурсии, и он, согласившись, сел на козла позади одной из женщин, и его с большой скоростью понесло на большую пустошь близ Лондона, которую он хорошо знал по прибытии.

Когда все женщины сошли на землю, его уши внезапно были встревожены тысячей криков, самых отвратительных, какие только можно придумать, под звуки которых все они заплясали в кругу. Капитан расположился в центре и с удивлением и ужасом наблюдал за всеми этими дикими причудами. Когда музыка стихла, а танцы закончились, он вдруг оказался перед фалангой адских фурий, все вилы которых были нацелены ему в грудь. Ужас этой сцены внезапно пробудил капитана, который был рад, что оказался в безопасности и в крепкой шкуре в доме своей матери, где он и пролежал эту ночь.

На следующее утро сержант, как рыцарь со скорбным лицом, ждал от капитана новых распоряжений, снова заявив, что видел явление, угрожавшее его жизни. Капитан выслушал его с меньшим нетерпением и невниманием, чем накануне, и сказал: "Я сам провел беспокойную ночь и видел страшный сон, но эти вещи, повторяю вам, недостойны внимания солдата". Однако, - продолжал капитан, - я намерен разобраться в этом деле, пока не выясню причину вашей жалобы. У меня есть подозрение, что вы, как и я, слишком вольно обращаетесь с бутылкой. Сержант ответил, самым торжественным образом заявив, что был в полном рассудке, когда увидел страшный призрак, стоявший у его кровати, который, меняя облик, удалился в виде огромной черной кошки, прыгнув из окна на церковный шпиль. А теперь, чтобы открыть вашей чести секрет, - продолжал солдат, - мне сообщили сегодня утром, что хозяйка дома - не больше и не меньше как ведьма, а ее хозяин обладает вторым зрением и, разбудив его ото сна, может назвать точный час ночи и точную минуту.

Короче говоря, капитан ночью отправился с сержантом, снабженным огнестрельным оружием и шпагой, в упомянутую палату. Положив оружие на стол, он улегся рядом с солдатом на кровать без занавесок, но обнесенную рамой из досок с раздвижными дверями. В полночь послышались три стука в одну из створок, капитан встал, подбежал к двери, которая оказалась запертой, и, взяв свечу, обыскал все углы комнаты, не сделав никаких находок. Он лег во второй раз, и примерно через час снова услышал стук, как и прежде, три раза. Попытавшись встать, он обрушил на кровать всю обшивку, сильный шум которой встревожил сержанта, который закричал: "Ведьма! Ведьма внутри! Прошло немало времени, прежде чем они смогли освободиться от пансиона, но едва капитан освободился, как увидел, что к окну подлетает огромная соболиная кошка, в которую он выстрелил из пистолета и отстрелил ей одно из ушей.

На следующее утро капитан позвал хозяина и поинтересовался, как давно в его доме водятся привидения. Хозяин ответил: спросите мою жену, когда она вернется домой, ведь она редко ложится спать после полуночи. Как раз в то время, когда муж говорил это, жена вошла на кухню и, увидев капитана, упала в обморок, распростерлась на полу, скинула головной убор и обнаружила страшную рану на левой стороне головы и отсутствие уха. Капитан поклялся, что отведет ее к прокурору, чтобы ее отдали под суд, но муж вмешался, а капитан, прекрасно зная, что не сможет оставаться в стране до следующей поездки, довольствовался тем, что рассказал эту историю в кругу своих друзей, ни у кого из которых не было ни малейшей причины сомневаться в его правдивости, поскольку он был джентльменом строгой чести, непоколебимого мужества и проверенной честности. Из этого можно сделать вывод, что ведьмы способны менять свой внешний облик и по желанию появляться в виде кошки или чего-то подобного; но это может быть только в воображении капитана и сержанта, так как

трудно объяснить потерю настоящего уха этой ведьмы, если бы она изменила свое тело на тело животного, в которое, как предполагал капитан, он стрелял.

Как примирить эти и другие подобные истории со стандартом общепринятого доверия - задача не менее сложная, чем проблематичная; а выяснение истинной причины скудости, в наши дни таких загадочных и непостижимых происшествий, является, по крайней мере, доказательством того, что дьявол в последнее время по тем или иным причинам теряет большую часть своего превосходства над человеческим разумом. Пытаться объяснить или отменить предположение, что духи, явления, демоны или другие сверхъестественные агенты, "хобгоблины проклятые" или не проклятые, означало бы посягать на основополагающие части христианской религии, которая, как нам говорят и учат, является частью закона страны. Мудрейшие философы, герои и бродяги, начиная с самой далекой древности, свидетельствовали об их появлении; и сами прорицатели были столь же ортодоксальны и активно пропагандировали силу своих свидетельств в поддержку доктрины о сверхъестественном воздействии; Которое ни предположение болезненного воображения, "содержащееся в табличных представлениях^[65] различных сравнительных степеней слабости, живости или интенсивности, предположительно существующих между ощущениями и идеями, когда они совместно возбуждены или подавлены", не может быть объяснено на рациональных принципах, когда разум с любопытством избавляется от всех этих предполагаемых причин. Никто не станет отрицать, что существуют состояния и условия ума, когда от интенсивности возбуждения воображение может быть разыграно; но то, что такие причины должны были существовать всегда, столь же нелепо и абсурдно - все же между ними и самозванством, возможно, лежит истина; и тогда скептицизм, который делает мало чести общественному договору, бросает даже тень сомнения на моральный облик человека, чья правдивость никогда прежде не подвергалась сомнению ни по какому другому вопросу.

ПРИЗРАК ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ.

Марк Брут, один из убийц Юлия Цезаря, находясь однажды ночью в своей палатке, увидел, как около третьего часа ночи в палатку вошла чудовищная фигура. Брут тотчас же воскликнул: кто ты, человек или бог, и зачем ты пришел сюда? Призрак ответил: я - твой злой гений; ты увидишь меня в Филиппах. Брут спокойно ответил: я встречаюсь с тобой там. Однако он не пошел, а рассказал о случившемся Кассию, который, будучи приверженцем Эпикура и ничего не понимая в этих делах, сказал ему, что это просто выдумка; что не существует ни гениев, ни других духов, которые могли бы являться людям; что даже если бы они и являлись, то не могли бы принимать человеческий облик или голос и не имели бы власти над людьми. Хотя Брут был несколько ободрен этими доводами, он не мог полностью избавиться от своего беспокойства: но этот самый Кассий в разгар битвы при Филиппах увидел, как Юлий Цезарь, которого он убил, скачет к нему на полной скорости, что так напугало его, что он упал на свой собственный меч.

Призраки убитых в битве при Марафоне.

Павсаний пишет, что спустя четыреста лет после Марафонской битвы в , где она произошла, все еще были слышны ржание лошадей и крики солдат, побуждавших друг друга к борьбе. Плутарх также рассказывает об увиденных призраках и страшных воплях в общественных банях, где были убиты несколько жителей его родного города Херонеи. Он говорит, что

жители были вынуждены закрыть эти бани, но, несмотря на эту меру предосторожности, шум все равно был слышен, а страшные призраки часто видели соседи. Плутарх, автор признанного серьезного и здравого смысла, часто упоминает о призраках и явлениях; в частности, он говорит, что во время знаменитой битвы, о которой говорилось выше, несколько солдат видели явление Тесея, сражавшегося за греков и против персов.

Знакомый дух или древний брауни.

У Сократа записано, что после поражения афинской армии под командованием претора Лакхеса, когда он летел в компании с афинским генералом и дошел до места, где сходились несколько дорог, он отказался идти той же дорогой, что и остальные, и на вопрос о причине ответил, что его род, или знакомый дух, который часто его сопровождал, отговорил его от этого; и случай оправдал эту предосторожность, так как все, кто пошел другой дорогой, были убиты или взяты в плен вражеской конницей.

ЦЫГАНЕ-ЕГИПТЯНЕ.

В большинстве частей континента цыгане называются *Cingari* или *Zingari*; испанцы называют их *Gitanos*, французы *Bohemiens* или *Bohemiennes*.

Точно не известно, когда цыгане, как их сейчас называют, впервые появились в Европе; но упоминания о них встречаются в Венгрии и Германии уже в 1417 году. В течение 10 лет после этого мы слышим о них во Франции, Швейцарии и Италии. Дата их появления в Англии более неопределенна; наиболее вероятно, что это произошло не ранее чем через столетие после этого. В 1530 году в Уголовном уложении о них говорится следующим образом.

"Поскольку до этого времени разные и многие странные люди, называющие себя египтянами, не пользуясь никаким ремеслом или торговым делом, пришли в это королевство и ходили из графства в графство и из места в место в большой компании, и использовали большие хитроумные и коварные средства, чтобы обмануть людей; помня о том, что они с помощью пальмиции могут предсказывать судьбы мужчин и женщин; и так много раз, с помощью хитрости и ухищрений, обманывали людей в их деньгах; а также совершили много ужасных преступлений и грабежей, к большому ущербу и обману людей, среди которых они пришли" и т. д.

Это преамбула к акту, по которому цыганам предписывалось покинуть королевство под угрозой сурового наказания. Два последующих акта, принятые в 1555 и 1565 годах, сделали смертной казнью для них пребывание в королевстве; и до сих пор известно, что тринадцать человек были казнены по этим актам в графстве Саффолк за несколько лет до реставрации. Они были отменены только в 1783 году.

Цыгане были изгнаны из Франции в 1560 году, а из Испании - в 1591 году, но не похоже, чтобы они были истреблены в какой-либо стране. Их общая численность во всех уголках земного шара оценивается в 7 или 800 000^[66]. Наиболее многочисленны они в Азии и в северных районах Европы. Мнения об их происхождении были различными. Наиболее распространенным было мнение, что они пришли из Египта. Это мнение (из-за которого их здесь называют цыганами, а в Испании - *гиттаносами*) возникло из-за того, что некоторые

из первых, кто прибыл в Европу, выдавали себя за выходцев из этой страны; это они делали, вероятно, для того, чтобы повысить свою репутацию за мастерство в пальмире и оккультных науках. Сейчас мы считаем, что они пришли из Хиндостана; поскольку их язык настолько совпадает с хиндостанским, что даже сейчас, после почти четырех столетий, в течение которых они были рассеяны по разным иностранным государствам, почти половина их слов точно соответствует хиндостанским^[67]; и едва ли можно найти какие-либо различия в словарях, полученных от цыган в Турции, Венгрии, Германии и Англии^[68]. Их манеры, по большей части, совпадают, как и язык, во всех уголках земного шара, где они встречаются; это один и тот же праздный бродячий набор существ, и они редко исповедуют какой-либо способ добывания средств к существованию, кроме гадания^[69]. Их религия всегда той страны, в которой они проживают; и хотя они не очень часто посещают мечети или церкви, они обычно соблюдают обряды и церемонии, как они считают установленными.

Греллман говорит, что в Германии они редко думают о брачной церемонии, но их детей крестят, а матерей воцерковляют. В Англии детей крестят, а умерших хоронят по церковным обрядам; возможно, церемония бракосочетания не так важна, как в Германии, но несомненно, что иногда они венчаются в церквях. В целом, как отмечает Греллман, мы можем с уверенностью считать цыган необычным явлением в Европе. На протяжении трех-четырёх сотен лет они скитались по миру как пилигримы и чужестранцы, но ни время, ни пример не внесли в них никаких изменений: они всегда и везде остаются теми, кем были их отцы: Африка не делает их чернее, а Европа не делает их белее.

Потомков коренных цыган мало где можно встретить в Европе, а в Англии - меньше, чем где-либо еще. Суровость полиции по отношению к этому типу вырождающихся бродяг, существующему в настоящее время, значительно поредела их фаланги и привела их к чему-то вроде должного понимания законов и ожиданий цивилизованного общества. Тем не менее те, кто остался, так или иначе ухитряются ускользнуть от бдительности законов, прикрываясь различными масками, под которыми они якобы ведут свой обычный бизнес.

Современные цыгане притворяются, что ведут свое происхождение от древних египтян, которые славились своими познаниями в астрономии и других науках; под видом гаданий они находят способы грабить и обманывать невежественных и суеверных людей. Для придания цвета своим самозванствам они искусственно обесцвечивают свои лица и говорят на тарабарщине, свойственной только им. Они бродят по стране большими компаниями, наводя ужас на фермеров, с гусей, индеек и птиц которых они берут немалые пожертвования.

Когда новобранца принимают в братство, он должен принести следующую клятву, которую дает главный мародер, пройдя через прилагаемые формы:...

Сначала ему дается новое имя, которым он будет называться впредь; затем, встав посреди собрания и повернувшись лицом к *Димберу Дамберу*, или главному человеку в банде, он повторяет следующую клятву, которую ему диктует какой-нибудь опытный член братства; А именно: "Я, Крэнк Каффин, клянусь быть настоящим братом и во всем повиноваться приказам великого тауни принца, соблюдать его советы и не разглашать секреты моих братьев.

"Я никогда не покину и не оставлю компанию, но буду соблюдать и соблюдать все назначенные времена, как днем, так и ночью, в любом месте.

Я не буду никого учить кантику и не открою им ни одной из наших тайн".

"Я приму участие в борьбе моего принца со всеми, кто выступит против него или кого-либо из нас, в меру своих сил и возможностей; Я не допущу, чтобы он или кто-либо из наших подданных подвергался насилию со стороны каких-нибудь чужих *абрамов, ряженных, крючкомтворов, пайаров, пеленателей, ирландских игрушек, свигменов, кнutowиков, валетов, балаганщиков, доммераров, хлопальщиков, патрициев или курталов*; но я буду защищать его или их, насколько смогу, от всех прочих изгоев, каких только можно. Я не утаю ничего, что выиграю у *Либкинса*^[70], или у *Руффманов*^[71], но сохраню это для использования в компании. И наконец, я прилечу к моей *Докси-вап*^[72], незлобивой, и принесу ей *Дудса*^[73], *Марджери Праторс*^[74], *Гоблеров*^[75], *Ворчливые обманщики*^[76], или *Тибс из Масла*^[77], или все остальное, что я могу придумать, в качестве *выигрыша*^[78] для ее ваппинга."

У кантеров, похоже, есть традиция, что из трех первых статей этой клятвы первые основатели некоего хвастливого, боготворимого братства (претендующего на происхождение из древнейших времен) позаимствовали и намек, и форму своего учреждения; и что их притворное происхождение первого слова *Адам* - подделка, оно происходит только от первого *Адама Тайлера*^[70]. При приеме нового брата делается общий запас *выпивки* или напитков, чтобы повеселиться по этому случаю. Что касается еды, то ее они могут добывать без денег, ибо в то время как одних посылают ломать рухлядь, или лес и кусты, для стрельбы, других отряжают добывать гусей, кур, цыплят, уток, или крякв, и свиней. Их *morts*, или женщины, - это мясники, которые тут же делают кровавую работу с тем, что им приносят; сделав ямки в земле под какой-нибудь изгородью, в неизвестном месте, они разводят огонь и варят или жарят свою пищу; а когда она достаточно приготовлена, приступают к работе; и, питаясь больше как звери, чем как люди, они пьют больше как свиньи, чем как люди, развлекая друг друга в это время песнями на говорливом диалекте. Как живут, так и лежат вместе, беспорядочно, не зная, как претендовать на собственность ни на свое имущество, ни на детей; и этот общий интерес связывает их крепче, чем если бы все их тряпки были скручены в веревки, чтобы связать их неразрывными узами от разлуки, которую отвратительный союз еще больше скрепляет предшествующая клятва.

Все летнее время они толпами ходят вверх и вниз, ловко выворачивают карманы во время гаданий, а деньги, кольца, серебряные наперстки и т. д. которые они получают, мгновенно передаются из рук в руки, пока самый отдаленный человек из шайки (которого не подозревают, потому что он не приближается к ограбленному) не завладевает ими; так что при самом тщательном обыске их невозможно вернуть, а сами несчастные, с проклятиями, клятвами и протестами, отказываются от воровства.

Говорят, что больше всего денег они получают, когда молодые джентльмены из хороших семей и с хорошей репутацией оказываются с ребенком до брака, то среди цыган часто назначается кругленькая сумма, чтобы какой-нибудь смертный забрал ребенка; и поскольку в таких случаях о нем никогда больше не слышали настоящая мать и семья, то позор скрывался от мира; а если ребенок выживал, то его родители никогда не были известны.

Следующий рассказ об этих бродячих существах взят из "Журнала Ивлина" и бросает некоторый свет на их вырождение из первобытных племен.

"В наших законах они называются египтянами, что подразумевает поддельный вид мошенников, которые, "будучи англичанами или валлийцами", переодеваются в непристойные одежды, вымазывают свои лица и тела и, создав для себя неизвестный, крикливый язык, бродят вверх и вниз; и под видом предсказания судьбы, лечения болезней и т.д. издеваются над простыми людьми, выманивают у них деньги и крадут все, что для них не

слишком горячо или слишком тяжело. См. несколько законов, принятых против них, 28 Генрих VIII. с. 10. 1 и 2. Филипп и Мария, с. 4 и 5. Елизавета, с. 20.

"Происхождение этого племени бродяг, называемых *египтянами*, а в народе цыганами, несколько туманно; по крайней мере, причина такого названия такова. Несомненно, древние египтяне носили имя великих обманщиков и славились тонкостью своих самозванств, откуда это название могло впоследствии перейти в пословицы на другие языки, как это, вполне вероятно, произошло в греческом и латинском, или же древние египтяне, будучи весьма сведущими в астрономии, которая в те времена была немногим лучше астрологии, по этому признаку приняли имя этих *diseurs de bonne aventure*, как их называют французы, или предсказателей удачи. Как бы то ни было, в Европе и в наши дни почти нет стран, где бы не было египтян, хотя и не все они под этим названием: латиняне называли их *Egyptii*; итальянцы - *Cingani* и *Cingari*; немцы - *Zigeuna*; французы - *Bohemiens*; другие - *сарацинами*, третьи - *татарами* и т. д.

Мюнстер, Георг. L. III. с. 5. рассказывает, что они впервые появились в Германии в 1417 году, очень сморщенные и обожженные солнцем, в жалкой одежде, хотя и выглядели солидно, и путешествовали с вереницей охотничьих собак за собой, как дворяне. Он добавляет, что у них были паспорта от короля Сигизмунда Богемского и других князей. Через десять лет после этого они попали во Францию, а оттуда перешли в Англию.

Паскье в своих "Исследованиях", L. IV. с. 19, рассказывает о происхождении цыган так: 17 апреля 1427 года в Париж прибыли двенадцать кающихся, или, как они говорили, приговоренных к покаянию, а именно: один герцог, один граф и десять кавалеров, или людей верхом; они приняли на себя образ христиан Нижнего Египта, изгнанных сарацинами; которые, обратившись к Папе и исповедав свои грехи, получили покаяние, что они должны путешествовать по миру в течение семи лет, ни разу не ложась в постель. Их поезд состоял из 120 человек, мужчин, женщин и детей, то есть всех, кто остался из 1200, вышедших вместе из Египта. Им были отведены покои в часовне, и люди толпами шли посмотреть на них. Их уши были проколоты, и на них висели серебряные пряжки. Их волосы были черными и вьющимися; их женщины были уродливы, воровки и претендентки на предсказание судьбы. Вскоре епископ заставил их удалиться и отлучил от церкви тех, кто показывал им свои руки.

Ордонансом орлеанских владений в 1560 году было предписано, чтобы все эти самозванцы под именем *богемцев* и *египтян* покинули королевство под страхом наказания галлиями. После этого они рассеялись на более мелкие компании и распространились по всей Европе. Впервые мы слышим о них в Англии через три года после этого, то есть в 1563 году.

Ральф Волатерран, упоминая о них, утверждает, что сначала они появились или бродили среди уксийев, народа Персиды или Персии. (См. "Цыгане").

В популярном романе Квентина Дурварда, которым мы завершаем эту статью, дана следующая характерная зарисовка одного из первобытных цыган:

Орлеан, который не смог полюбить пару, предоставленную ему королем, смог полюбить Изабель и последовал за ней в сопровождении. Квентин, однако, отвязывает лошадь и вступает в благородную схватку со своим спутником, знаменитым Дунаисом, пока к нему на помощь не подъезжает отряд лучников. Нападавших уводят в плен, а наш победоносный шотландец продолжает свой опасный путь под неуверенным руководством, о чем свидетельствует следующий отрывок:

"Пока он раздумывал, не лучше ли отослать назад одного из своих последователей, он услышал звук рога и, посмотрев в ту сторону, откуда он доносился, увидел всадника, быстро скачущего навстречу. Невысокий рост и дикое, лохматое, необученное состояние животного напомнили Квентину горную породу лошадей в его собственной стране; но у этой лошади были гораздо более тонкие конечности и, при той же твердости, она была более быстрой в движениях. Особенно выделялась голова, которая у шотландских лошадей часто бывает громоздкой и тяжелой, но у этого животного она была маленькой и хорошо поставленной на шее, с тонкими челюстями, полными блестящими глазами и расширенными ноздрями.

"Всадник был еще более необычен внешне, чем лошадь, на которой он ехал, хотя она была совсем не похожа на лошадей Франции. Хотя он управлял своей полуторкой с большой ловкостью, он сидел, поставив ноги в широкие стремяна, чем-то напоминающие лопату, настолько короткие, что его колени были едва ли не выше, чем помель седла. Его одеждой был красный тюрбан небольшого размера, в котором он носил грязный плюмаж, закрепленный серебряной застежкой; его туника, по форме напоминавшая туники эстрадиотов, рода войск, которые венецианцы в то время набирали в провинциях, на восточной стороне залива, была зеленого цвета, и безвкусная, обшитая золотом; На нем были очень широкие кальсоны или штаны белого, хотя и не самого чистого цвета, которые собирались ниже колен, а его смуглые ноги были совершенно голыми, если не считать сложных шнурков, скреплявших пару сандалий на его ногах; у него не было шпор, а края его больших стремян были настолько острыми, что служили для очень сильного понукания лошади. В малиновом кушаке этот необычный всадник носил кинжал на правом боку, на левом - короткий кривой мавританский меч, а на потускневшем балдрике через плечо висел рог, возвещавший о его приближении. Он был смугл и загорелый, с тонкой бородой, пронзительными темными глазами, хорошо очерченным ртом и носом и другими чертами, которые можно было бы назвать красивыми, если бы не черные эльфийские локоны, свисавшие вокруг его лица, и не дикость и истощение, которые скорее указывали на дикаря, чем на цивилизованного человека.

Квентин подъехал к богемцу и сказал ему, когда тот неожиданно занял подобающее ему положение на лошади: "Думаю, друг, ты окажешься слепым поводырем, если будешь смотреть на хвост своей лошади, а не на ее уши".

"А если бы я был слепым, - ответил богемец, - я мог бы провести вас через любое графство этого королевства Франции или прилегающих к нему".

"Но вы же не француз по рождению", - сказал шотландец.

"Нет", - ответил проводник.

Тогда кто же вы по происхождению?" - спросил Квентин.

"Я не из этой страны", - ответил проводник.

"Как! Не из какой страны?" - повторил шотландец.

"Нет!" - ответил богемец, - "ни из какой. Я зингаро, богемец, египтянин, или как там европейцы на своих языках могут называть наш народ; но у меня нет страны".

"Вы христианин?" - спросил шотландец.

"Богемец покачал головой.

"Пес, - сказал Квентин (ибо в те времена дух католицизма был малотерпим), - ты поклоняешься Махуну?"

"Нет", - равнодушно и лаконично ответил проводник, не выглядевший ни обиженным, ни удивленным жестокостью манер молодого человека.

"Тогда ты язычник или кто ты?"

"У меня нет религии", - ответил богемец.

"Дурвард отшатнулся, ибо, хотя он и слышал о сарацинах и идолопоклонниках, ему никогда не приходило в голову, что могут существовать люди, не исповедующие никакой религии. Оправившись от изумления, он спросил, где обычно живет его проводник.

"Где бы я ни оказался на время, - ответил богемец. У меня нет дома".

"Как вы охраняете свое имущество?"

"Кроме одежды, которую я ношу, и лошади, на которой езжу, у меня нет никакого имущества".

"Но вы очень красиво одеваетесь и галантно ездите", - сказал Дурвард. Как вы добываете средства к существованию?"

"Я ем, когда голоден, пью, когда хочу пить, и не имею других средств к существованию, кроме тех, что подбрасывает мне случай", - ответил бродяга.

"По чьим законам вы живете?"

"Я не подчиняюсь никаким, кроме тех, которые мне угодны", - ответил богемец.

"Кто ваш вождь и командует вами?"

"Отец нашего племени - если я захочу ему подчиняться, - ответил проводник, - в противном случае у меня нет командира".

"Значит, - сказал удивленный искатель, - ты лишен всего того, что присуще другим людям: у тебя нет ни закона, ни вождя, ни средств к существованию, ни дома, ни пристанища. У вас, да сжалятся над вами небеса, нет страны - и, да просветят и простят вас небеса, у вас нет Бога! Что же остается вам, лишенным правительства, домашнего счастья и религии?"

"У меня есть свобода, - ответил богемец, - я никому не подчиняюсь, никого не уважаю, хожу, куда хочу, живу, как могу, и умру, когда придет мой день".

"Но вы подлежите немедленной казни по воле судьбы".

"Пусть так, - ответил богемец, - но я могу умереть тем скорее".

"И тюремному заключению тоже, - сказал шотландец, - и где же тогда ваша хваленая свобода?"

"В моих мыслях, - ответил богемец, - которые не могут сковать никакие цепи; в то время как ваши, даже когда ваши конечности свободны, остаются скованными вашими законами и вашими суевериями, вашими мечтами о местной привязанности и вашими фантастическими видениями гражданской политики. Такие, как я, свободны духом, когда наши конечности

скованы - вы же заключены в тюрьму разумом, даже когда ваши конечности наиболее свободны".

"И все же свобода ваших мыслей, - сказал шотландец, - не ослабляет давления гильз на ваши конечности".

"На короткое время это можно вытерпеть, а если за это время я не смогу освободиться и не получу помощи от товарищей, я всегда могу умереть, а смерть - это самая совершенная свобода из всех возможных".

Наступила глубокая пауза, которую Квентин прервал, возобновив свои расспросы.

"Ваша раса - странствующая, неизвестная европейским народам. Откуда они ведут свое происхождение?"

"Я не могу вам сказать", - ответил богемец.

"Когда они освободят это королевство от своего присутствия и вернутся в страну, откуда пришли?" - спросил шотландец.

"Когда закончится день их паломничества", - ответил его бродячий проводник.

Не происходите ли вы от тех израильских племен, которые были уведены в плен за великую реку Евфрат?" - спросил Квентин, не забывший знаний, которым его научили в Абербротоке.

"Если бы мы были такими, - ответил богемец, - мы бы следовали их вере и исполняли их обряды".

"Как твое собственное имя?" - спросил Дурвард.

Мое собственное имя известно только моим братьям - люди за пределами наших палаток называют меня Хайраддин Мауграбин, то есть Хайраддин Африканский Мавр".

"Ты слишком хорошо говоришь для того, кто всегда жил в твоей грязной орде", - сказал шотландец.

"Когда я был маленьким мальчиком, за нашим племенем гнались охотники за человеческой плотью, и я узнал кое-что из знаний об этой земле, - сказал Хейраддин. Стрела попала в голову моей матери, и она умерла. Я запутался в одеяле на ее плечах, и меня забрали преследователи. Один священник выпросил меня у лучников Провоста и два или три года обучал меня франкскому языку".

"Как же ты с ним расстался?" - спросил Дурвард.

"Я украл у него деньги - даже бога, которому он поклонялся, - отвечал Хайраддин с совершенным спокойствием, - он обнаружил меня и избил, я заколол его своим ножом, убежал в лес и снова соединился со своим народом".

"Негодяй!" - сказал Дурвард, - "ты убил своего благодетеля?"

"Что он должен был сделать, чтобы обременять меня своими благами? Мальчик Зингаро не был воспитанным в доме животным, чтобы плыть по пятам за хозяином и приседать под его ударами ради объедков. Он был заключенным волком, который при первой же возможности разорвал свою цепь, растерзал хозяина и вернулся в свою глушь".

Наступила еще одна пауза, и молодой шотландец, желая еще глубже выяснить характер и цели этого подозрительного проводника, спросил Хайраддина: "Не правда ли, что его народ в своем невежестве претендует на знание будущего, которое не дано мудрецам, философам и богам из более изысканного общества?"

"Мы претендуем на это, - ответил Хайраддин, - и это справедливо".

"Как могло случиться, что столь высокий дар достался столь ничтожной расе?" - спросил Квентин.

"Могу ли я сказать тебе?" - ответил Хайраддин - "Да, могу, но только когда ты объяснишь мне, почему собака может уследить за следами человека, в то время как человек, благородное животное, не в состоянии уследить за следами собаки. Эти способности, которые кажутся вам столь удивительными, инстинктивно присущи нашей расе. По линиям на лице и на руке мы можем определить будущую судьбу тех, кто с нами советуется, так же точно, как вы знаете по цвету дерева весной, какие плоды оно принесет в урожай".

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ, их происхождение, примеры и т. д.

Те занятия, которые были крайне необходимы для поддержания существования, несомненно, были самыми первыми, а в младенчестве общества - единственными, которые привлекали внимание. Но когда искусство и промышленность нескольких были признаны достаточными для содержания многих, имущество стало накапливаться в руках отдельных людей, и поскольку все уже не могли заниматься производством предметов первой необходимости, те, кто был исключен, применили свою изобретательность к тем искусствам, которые, способствуя удобству первых, могли бы позволить им участвовать в плодах их труда; и некоторые из них приобрели преимущество над более полезными занятиями. Вкус к удивительному кажется естественным для человека на всех ступенях общества и почти в каждый период жизни; поэтому мы не можем удивляться, что с самых ранних веков находили людей, которые, более праздные или более изобретательные, чем другие, пользовались этой склонностью, чтобы получить легкие средства к существованию, взимая взносы на любопытство публики. Следует ли рассматривать этот вкус как доказательство слабости наших суждений или врожденной любознательности, побуждающей нас расширять сферу наших знаний, нужно оставить на усмотрение метафизиков; для нашей цели достаточно знать, что он породил многочисленный класс людей, которых, будь то исполнители ловких трюков, канатоходцы, конные танцоры, учителя животных для выполнения необычных трюков, или, короче говоря, те, кто обманывает чувства и практикует безобидный обман зрителей, мы включаем под общим названием жонглеры.

Если бы эти искусства не служили никакой другой цели, кроме простого развлечения, они все же заслуживают определенного поощрения, так как представляют собой одновременно дешевое и невинное развлечение: Но жонглеры часто демонстрируют поучительные эксперименты в области натуральной философии, химии и механики; так, солнечный микроскоп был изобретен из инструмента для отражения теней, которым савоярец развлекал немецкое население; а знаменитый сэр Ричард Аркрайт, как говорят, придумал прядильные машины, которые так способствовали процветанию производства хлопка в этой стране, из игрушки, которую он купил для своего ребенка у странствующего шоумена. Кроме того, эти обманы послужили приятным и самым сильным противоядием от суеверия и

популярной веры в чудеса, колдовство и чародейство, которые овладели умами наших предков; а эффекты теней, электричества, зеркал и магнита, которые когда-то были грозными инструментами в руках заинтересованных лиц для наведения ужаса на вульгарных людей, лишились своих ужасов и больше не пугают в своих самых ужасных формах.

То, что этот суеверный страх привел к преследованию многих невинных существ, которые, как предполагалось, были виновны в колдовстве, слишком хорошо известно, чтобы требовать иллюстраций: наши собственные своды законов изобилуют наказаниями за колдовство; в не столь отдаленные времена наши суды были опозорены уголовными процессами такого рода; а судьи, которые до сих пор приводятся в пример как образец юридических знаний и проницательности, не только позволяли таким делам обращаться к жюри, но и выносили приговоры, которые приговаривали признанных колдунов к смертной казни. В Польше даже в 1739 году жонглера подвергали пыткам, пока от него не добились признания, что он колдун, после чего, без дальнейших доказательств, его немедленно повесили; и примеры в других странах можно было бы множить до бесконечности. Но это, хотя и превосходит по жестокости, не сравнится по абсурдности с увлечением трибунала инквизиции в Португалии, который фактически приговорил к огню, как одержимую дьяволом, лошадь, принадлежавшую англичанину, который научил ее выполнять некоторые необычные трюки; и бедное животное, как с уверенностью говорят, было публично сожжено в Лиссабоне в соответствии с приговором в 1601 году.

Единственная часть Европы, где колдовские искусства сегодня пользуются хоть каким-то доверием, - это Лапландия; там, правда, предполагаемые волшебники все еще практикуют заклинания, с помощью которых они претендуют на получение знаний о будущих событиях, и в которые доверчивость людей побуждает их верить самым безоговорочным образом. В таких случаях обычно используется магический барабан. Этот инструмент представляет собой кусок дерева полуовальной формы, полый с плоской стороны и покрытый кожей, на которой изображены различные безлюдные фигуры, среди которых, со времен введения христианства в этой стране, обычно пытаются изобразить деяния нашего Спасителя и апостолов. На это покрытие кладут несколько латунных колец разного размера, а сопровождающие располагаются в разных античных позах, чтобы облегчить заклинание; затем в барабан бьют рогом оленя, отчего кожа вибрирует, кольца приходят в движение вокруг фигур, и, в соответствии с положением, которое они занимают, прорицатель произносит свое предсказание.

К сожалению, из всех книг (а их было несколько), в которых рассказывалось об искусстве колдовства, как оно практиковалось у древних, сегодня не сохранилось ни одной, и все, что мы знаем об этом предмете, собрано из отдельных фактов, случайно упомянутых в других трудах. Из них, однако, следует, что многие из обманов, которые до сих пор вызывают удивление, были в то время обычным делом.

За полтора века до нашей эры, во время восстания рабов на Сицилии, один сириец из их числа, по имени Эвнус, человек весьма одаренный, который, пережив множество превратностей, был доведен до такого состояния, стал вождем своих товарищей, притворившись вдохновителем богов; а чтобы подтвердить божественность своей миссии чудесами, он выдыхал пламя изо рта, когда обращался к своим последователям. Этим искусством раввин Бархшебас заставил поверить доверчивых евреев в то, что он Мессия, во время смуты, которую он возбудил среди них в царствование Адриана; а два века спустя император Констанций был поражен великим страхом, когда ему сообщили, что один из его телохранителей был замечен выдыхающим огонь. Историки рассказывают, что эти обманы совершались путем помещения горючих веществ в ореховую скорлупу, проколотую с обоих

концов, которую затем тайно подносили ко рту и выдыхали через нее. Наши же пожиратели огня довольствуются тем, что скатывают немного льна, чтобы получился небольшой шарик, который выдерживают до тех пор, пока он почти не сгорит; затем вокруг него плотно скатывают еще больше льна, и таким образом огонь остается внутри долгое время, а искры могут вылетать из него без вреда, если воздух вдыхается не через рот, а через ноздри. Древние также проводили любопытные эксперименты с легко воспламеняющимся минеральным маслом, называемым нефтью, которое загорается при простом поднесении к огню. Предполагается, что это упоминается в истории о платье Геркулеса, которое, как говорят, было окунуто в кровь Нессуса. Многие утверждают, что именно этим веществом Медея уничтожила Креусу, послав ей пропитанное им платье, которое вспыхнуло, когда она приблизилась к огню алтаря; и нет сомнений, что оно использовалось жрецами в тех случаях, когда жертвенные приношения незаметно подхватывали огонь.

Суд по ордалии в средние века, когда обвиняемых в определенных преступлениях заставляли доказывать свою невиновность, проходя с завязанными глазами среди горящих лемехов или держа в руках раскаленное железо, был, вероятно, не чем иным, как жонглерским трюком, который жрецы проводили в соответствии со своими представлениями. Обвиняемый был отдан под их опеку на целых три дня до суда и оставался под их опекой столько же после его окончания; испытание проходило в церкви под их непосредственным наблюдением; они не только освящали, но и сами нагревали железо; затем читалась месса и совершались различные обряды, рассчитанные на то, чтобы отвлечь внимание зрителей; А когда операция была закончена, часть, подвергшаяся воздействию огня, была тщательно перевязана и запечатана, чтобы не открывать ее до конца третьего дня; несомненно, поэтому время до испытания было занято подготовкой кожи к сопротивлению воздействию жара, а после - стиранием следов любых повреждений, которые она могла получить. То, что так оно и было, действительно признается в работах Альбертуса Магнуса, доминиканского монаха, который после отмены испытания ордалиями опубликовал секрет этого искусства, который, если его рассказ верен, заключался в том, что руки и ноги через определенные промежутки времени покрывались пастой из сока определенных трав, смешанных с белком яйца.

Однако этот обман практиковался в более отдаленные времена, чем тот период, о котором мы упоминали. В древности на горе Соракте в Этрурии ежегодно проводился фестиваль, на котором некие люди, называемые *хирпи*, ходили по живым углям, за что римский сенат предоставлял им некоторые особые привилегии; Тот же подвиг совершали женщины в храме Дианы в Кастабале, в Каппадокии; и даже в "Антигоне" греческого поэта Софокла, написанной почти за пять веков до нашей эры, есть упоминание о том самом виде ордалий, о котором только что шла речь.

В наше время большое внимание привлекали жонглеры, которые практиковали обман с помощью огня. В конце семнадцатого века некий Ричардсон, англичанин, вызвал большое удивление в Париже, притворяясь, что жует горящие угли и глотает расплавленный свинец, а также совершает множество других столь же необычных подвигов; некоторые из них записаны в дневнике Ивлина: "8 октября 1672 года я покинул мою леди Сандерленд, которая ехала в Гаагу к милорду, ныне находящемуся там послом. Она устроила мне ужин в Лестерхаусе, а после послала за Ричардсоном, знаменитым пожирателем огня. Он на наших глазах пожирал серу на раскаленных углях, жуя и глотая их. Он растопил пчелиное стекло и съел его до дна; затем, взяв живой уголь на язык, он положил на него сырую устрицу; уголь раздували мехи, пока он не вспыхнул и не заискрился у него во рту, и так оставалось до тех пор, пока устрица не сварилась; затем он растопил смолу и воск с серой, которые он уминал, пока они

пылали". Многие из наших читателей наверняка помнят синьору Жирарделли и мисс Роджерс, американскую пожирательницу огня, которая, как было объявлено, вошла в раскаленную печь с бараньей ногой в руке и оставалась там до тех пор, пока она не испеклась! Эта девушка продемонстрировала все трюки, которые обычно проделывают такие люди: она вымыла руки в кипящем масле, а затем позволила налить на них аквафортис; под маслом, несомненно, находилось некоторое количество воды, воздух из которой, нагреваясь, проникал через перекаленное масло, создавая видимость кипения, хотя на самом деле его температура, вероятно, не превышала ста градусов по Фаренгейту; когда руки были хорошо покрыты маслом, аквафортис не представлял никакой опасности. У нее также был ковш с расплавленным свинцом, из которого она, казалось, брала немного ложкой и выливала себе в рот, а затем возвращала обратно в виде твердого комка; но когда она делала вид, что берет свинец в ложку, на самом деле это было зыбучее серебро, которое было получено с помощью ловкого приспособления в ковше, и которое она проглотила, предварительно положив в рот твердый свинец. Кроме того, она неоднократно ставила ногу на брусок раскаленного железа, но быстрота, с которой она его убирала, едва ли давала время повредить самую нежную кожу, даже если бы она не была предварительно подготовлена: кутикула рук и подошв ног, однако, может быть легко сделана достаточно мозолистой, чтобы выдержать более длительный эксперимент. Этот эффект будет достигнут, если ее часто прокалывать или травмировать постоянным контактом с твердыми веществами; многократное смачивание спиртом витриола также в конце концов сделает ее ороговевшей и нечувствительной; поэтому нередко можно видеть, как рабочие на медных заводах берут в руки расплавленную руду.

Выставление кубков и шаров имеет большую древность и полностью зависит от ловкости рук. Оно упоминается в трудах различных древних авторов, один из которых рассказывает об изумлении своего соотечественника, который, впервые увидев это представление, воскликнул, "что хорошо, что у него на ферме нет такого животного, потому что под такими руками, без сомнения, все его имущество скоро исчезнет".

Силовые подвиги были характерны для всех стран во все века. Более пятнадцатисот лет назад находились люди, которые вызывали изумление, показывая, как они держат на груди огромные тяжести, и даже ковали железо на наковальне, поставленной на них. Но это были всего лишь трюки: Для того чтобы поддержать первый груз, нужно только поместить тело в такое положение, чтобы плечи и ноги упирались в какую-нибудь опору, и тогда оно образует дугу; что же касается второго, то если наковальня будет большой, а молот маленьким, то удар едва ли будет ощутим; Ибо действие и реакция равны и взаимны, наковальня весом в двести фунтов выдержит удар молота в два фунта, нанесенный с силой в сто фунтов, или в четыре фунта с импульсом в пятьдесят, без вреда для тела.

В начале семнадцатого века по Европе путешествовал немец под именем Сампсон, прославившийся необычайной силой, которую он демонстрировал: среди многих других необычных подвигов, говорят, он мог так закрепиться между двумя столбами, что две или даже больше лошадей не могли вырвать его из этого положения. Не так давно в этой стране такой же подвиг попытался совершить человек, который уперся ногами в горизонтальное положение в крепкую перекладину; была задействована только одна лошадь, и человек смог противостоять всей силе животного, пока обе его бедренные кости внезапно не раскололись. Другой человек имел смелость попробовать провести тот же эксперимент и, подобным образом, сломал себе обе ноги. Эти случаи ясно показывают, что кажущаяся сила часто является не более чем разумным применением механических сил к человеческому каркасу; а из катастрофы, произошедшей с двумя последними, можно вывести

анатомический факт, что сухожилия рук обладают большей силой сопротивления, чем самые крупные кости тела.

Кувыркание, танец на канате и верховая езда практиковались в очень ранние времена. Ксенофонт упоминает женщину-танцовщицу в Афинах, которая писала и читала, стоя на колесе, вращавшемся с огромной скоростью; но каким образом это происходило, не объясняется. Ювенал, похоже, также ссылался на подобное представление в Риме, в том отрывке, где он говорит:

*"An magis oblectant animum jactata petauro,
Corpora quique solent rectum descendere funem,
Quam tu."* Sat. xiv. v. 265.

которая, однако, также нуждается в пояснении, хотя один из его наиболее благоразумных переводчиков перевел ее так

--"Тот, кто пружинит

Легко через обруч и на канате качается".

Гиффорд.

Аддисон рассказывает, что во время своего путешествия по Италии он стал свидетелем ежегодной выставки, свойственной венецианцам. "Группа ремесленников с помощью шестов, которые они клали друг другу на плечи, выстраивала себя в некое подобие пирамиды, так что вы видели в воздухе груды людей в четыре или пять рядов, поднимающихся один над другим. Вес был распределен настолько равномерно, что каждый человек вполне мог выдержать свою часть веса; истории, если их можно так назвать, становились все меньше и меньше по мере того, как они поднимались все выше и выше. На вершине пирамиды оказался маленький мальчик, который через некоторое время прыгнул с нее с большой ловкостью в объятия того, кто поймал его внизу". Но это было лишь возрождение древнего подвига, который, как мы узнаем из следующих стихов поэта Клавдиана, раньше практиковался среди римлян: - "Vel qui mare arrum".

*"Vel qui mare arrum sese jaculantur in auras,
Corporaque adificant celeri cressentia nexu,
Queram compositam puer augmentatus in arcem
Emicat, et vinctas plantæ, vel eruribus hærens,
Pendulo librato figit vestigia sulca."*

De Pr. et Obyb. Cono.

"Мужчины, опираясь на мужчин, активными прыжками поднимаются,

И возводят дышащую ткань к небесам;

Над топом мачты юный юноша

Красит высокую пирамиду и венчает зрелище".

Аддисон.

В XIII веке эти представления были представлены в Константинополе бродячей труппой из Египта, которая затем отправилась в Рим, а оттуда через большую часть Европы. Они могли стоять в различных позах на лошадях на полном скаку, садиться и съезжать с них, не останавливая их; а их канатные танцоры иногда протягивали веревку, на которой они держались, между мачтами кораблей.

Похоже, что древние учили животных выполнять многие трюки, которые демонстрируются и сейчас, а некоторые даже еще более необычные. В 543 году при византийском дворе был показан ученый пес, который не только выбирал и возвращал нескольким владельцам кольца и украшения зрителей, брошенные перед ним, но и, когда его спросили о характере некоторых присутствовавших женщин, выражал его знаками, одновременно столь значительными и правильными, что люди были убеждены, что он обладает духом прорицания. В правление Гальбы в Риме был выставлен слон, который шел по канату, натянутому через весь театр; и так велика была уверенность в его ловкости, что на него садился человек, пока он совершал этот подвиг.

Чтобы приучить животных проявлять интеллект, приближающийся к человеческому, требуется не только огромное терпение, но и необычайная жестокость, смешанная, возможно, с большой добротой. Говорят, что медведей учат танцевать, помещая их в берлогу с полом из нагретого железа: Животное, пытаясь избежать ударов, которым подвергаются его лапы, встает на задние лапы и попеременно поднимает их с максимальной быстротой, в течение всего этого времени ему играют флажолет; и после того как этот урок часто повторяется, он становится настолько впечатлен ассоциативным воспоминанием о музыке и боли, что, когда бы он ни услышал ту же мелодию, он инстинктивно повторяет те же усилия, чтобы избежать воображаемой опасности.

В середине прошлого века жил англичанин по имени Уайлдмен, который привлекал к себе большое внимание тем, что владел секретом, с помощью которого он заманивал пчел следовать за ним и садиться на его лицо, не жалея его. Аналогичное обстоятельство описано в книге Фрэнсиса Брюса "Путешествие в Африку в 1698 году", в которой упоминается человек, постоянно окруженный роем этих насекомых, и получивший впоследствии титул "короля пчел".

В древней истории зафиксирован только один случай искусства восполнения недостатка рук за счет пальцев ног; это случай с индийским рабом, принадлежавшим императору Августу, который, не имея оружия, мог, тем не менее, владеть луком и стрелами и подносить трубу ко рту ногами.

В последние годы некоторые люди изображали из себя пожирателей камней; но хотя их следует считать простыми жонглерами, похоже, что были и другие, которые действительно обладали способностью переваривать подобные вещества. Из всех зафиксированных случаев мы ограничимся лишь одним, взятым из "Физического словаря" отца Паулиана: "В начале мая 1760 года в Авиньон привезли настоящего литофага, или пожирателя камней, который был найден примерно за три года до этого на одном из северных островов командой голландского корабля. Он глотал не только кремни длиной в полтора дюйма, шириной в целый дюйм и толщиной в полдюйма, но и такие камни, которые он мог истолочь в порошок, например мрамор, гальку и т. д., он превращал в пасту, которая была для него самой приятной и полезной пищей. Я осмотрел этого человека со всем возможным вниманием; я обнаружил, что его пищевод очень большой, зубы очень крепкие, слюна очень едкая, а желудок ниже обычного, что я объяснил огромным количеством проглоченных им кремней, около пяти и двадцати, один день за другим. Смотритель заставлял его есть сырую плоть

вместе с камнями, но никогда не мог побудить его проглотить хлеб; однако он пил воду, вино и бренди, причем последний напиток, казалось, доставлял ему бесконечное удовольствие. Обычно он спал по двенадцать часов в сутки, сидя на земле, положив одно колено на другое и положив на него подбородок; а когда не спал, то большую часть времени проводил в курении". В 1802 году один француз, который, правда, не исповедовал поедание камней, публично съел в амфитеатре в городе Лиссабоне кусок сырой баранины с кроликом и птицей, обе *живые*; он объявил о повторении эксперимента с добавлением живой кошки, но магистрат, посчитав это зрелище слишком жестоким для публики, не разрешил его повторить. Несмотря на то, что публичные выступления этого человека и тот необычный факт, что он, как оказалось, глотал живых животных, могут причислить его к жонглерам, все же можно предположить, что он не был самозванцем; ведь случаи таких необычных способностей желудка отнюдь не редки, и среди прочих мы читаем о другом французе, который имел постоянную привычку, будучи любителем, есть кошек живьем, и даже был сильно заподозрен в том, что он сожрал ребенка.

ЛЕГЕНДЫ и т. д. Чудеса и т. д.

Легенда^[79] первоначально была книгой, используемой в старых римских церквях, содержащей уроки, которые должны были читаться во время богослужения. Отсюда и жития святых и мучеников стали называться легендами, потому что главы из них читались на утрени и в трапезных религиозных домов. Золотая легенда - это сборник житий святых, составленный Джеймсом де Варассом, более известным под латинским именем Дж. де Вераджин, генеральным викарием доминиканцев, а затем епископом Генуи, который умер в 1298 году. Она была принята в церковь с самыми восторженными аплодисментами, которые сохранялись в течение 200 лет; но, по сути, она настолько полна нелепых и абсурдных романтических чудовищ, что сами романисты теперь обычно стыдятся ее. Только по этой причине слово "Легенда" стало предметом всеобщего порицания.

О происхождении церковных историй под названием "Легенды" говорят следующее:- Профессора риторики, до того как в монастырях, где находились школы, были созданы колледжи, часто давали своим ученикам житие какого-нибудь святого для испытания их таланта *к усилению*. Ученики, постоянно испытывая недостаток в оформлении своих страниц, придумывали большинство этих чудесных приключений. Джортин замечает, что христиане собирали из Овидия, Ливия и других языческих поэтов и историков чудеса и предсказания, встречающиеся там, и приспособливали их к своим собственным монахам и святым. Добрые отцы той эпохи, чья простота не уступала их набожности, были так восхищены этими цветами риторики, что побудили их составить сборник этих чудесных сочинений; они не предполагали, что в какой-то отдаленный период они станут предметом веры. Однако когда Джеймс де Вераджин, Питер Нададь и Питер Рибаденейра писали "Жития святых", они искали материалы в библиотеках этих монастырей и, пробуждая от пыли рукописи усиления, воображали, что делают бесценный подарок миру, выкладывая перед ним эти объемистые нелепости. Люди приняли эти благочестивые выдумки со всей мыслимой простотой; а поскольку книга украшена множеством разрезов, эти чудеса были совершенно понятны их глазам. Флери, Тиллемон, Байе, Лауна и Баллендус очистили книгу от мусора. Завидное название "Золотая легенда", которым Джеймс де Вераджин назвал

свою работу, оспаривается; железо или свинец могли бы более точно выразить характер этого фолианта.

Монахи, когда мир стал более критичным в своем чтении, придали более серьезный оборот своим повествованиям и стали более щепетильными в отношении абсурда. Верующий католик утверждает, что линия традиции сохранилась непрерывно, несмотря на то, что оригиналы были утеряны при общем крушении литературы варварами или дошли до нас в самом несовершенном виде. Бароний приводит жития многих апокрифических святых; например, святого *Ксенориса*, которого он называет мучеником Антиохийским; но, похоже, Бароний, прочитав это произведение в Хризостоме, что означает "пара", принял его за имя святого и продолжал приводить самое достоверное жизнеописание святого, которого никогда не существовало! Католики признают, что подобные ошибки нередки, но смеются над ними только глупцы!

В качестве примера более счастливых выдумок приведем одну, приукрашенную дикцией историка Гиббона.

"Среди бессодержательных легенд церковной истории я склонен выделить памятную басню о *семи спящих*, чья вымышленная дата соответствует правлению младшего Феодосия и завоеванию Африки вандалами. Когда император Деций преследовал христиан, семь знатных юношей из Эфеса спрятались в просторной пещере на склоне соседней горы, где были обречены на гибель по приказу тирана, который распорядился, чтобы вход был надежно защищен грудой камней. Они тут же погрузились в глубокий сон, который чудесным образом продлился без ущерба для жизненных сил в течение ста восьмидесяти семи лет. По истечении этого срока рабы Адолиуса, к которым перешло наследство горы, убрали камни, чтобы дать материал для какого-то деревенского строения. Солнце заглянуло в пещеру, и Семерым спящим разрешили проснуться: после сна, длившегося, как им казалось, несколько часов, они были разбужены голодом и решили, что Ямблихус, один из них, должен тайно вернуться в город, чтобы купить хлеба для своих товарищей. Юноша, если мы еще можем использовать это название, уже не мог узнать привычный облик родной страны; его удивление усилилось, когда он увидел большой крест, триумфально водруженный над главными воротами Эфеса. Его необычная одежда и устаревший язык привели в замешательство булочника, которому он предложил древнюю медаль Деция в качестве действующей монеты империи; и Ямблих, заподозрив его в тайном сокровище, был доставлен к судье. В результате их взаимных расспросов выяснилось, что прошло почти два столетия с тех пор, как Ямблих и его друзья спаслись от ярости языческого тирана. Епископ Эфеса, духовенство, магистраты, народ и, говорят, сам император Феодосий поспешили посетить пещеру Семи Спящих; они дали свое благословение, рассказали свою историю и в тот же миг мирно скончались.

"Эту народную сказку Магомет узнал, когда водил своих верблюдов по ярмаркам Сирии; и он ввел ее в Коран как божественное откровение". Эту же историю переняли и украсили туземцы от Бенгалии до Африки, исповедующие магометанскую религию.

Эти монахи воображали, что святость часто пропорциональна нечистоте святого. Святой Игнатий, говорят они, любил появляться за границей в старых грязных башмаках; он никогда не пользовался расческой, но терпел, его волосы сбивались в сгустки, и религиозно воздерживался от стрижки ногтей. Один святой достиг такого уровня благочестия, что на его бриджах было около трехсот заплат, которые после его смерти были выставлены на всеобщее обозрение в качестве стимула для подражания такой *святой жизни*. Святой Франциск на собственном опыте убедился, что дьявол отпугивается подобной *неприметной*

одеждой, но в чистой одежде он искушает и соблазняет ее обладателей; а один из их героев утверждает, что самые чистые души находятся в самых грязных телах. По этому поводу они рассказывают историю, которая, возможно, не очень понравится привередливым деликатесам. Брат Джунипер был джентльменом, совершенно благочестивым в этом отношении; действительно, так велики были его заслуги в этом виде смертной казни, что один брат заявил, что всегда может увидеть брата Джунипера в миле от монастыря, если тот находится в нужной точке. Однажды, когда благословенный можжевельник, а он не был святым, был в гостях, хозяин, гордясь честью принимать столь благочестивого человека, близкого друга святого Франциска, предоставил ему отличную кровать и самые лучшие простыни. Брат ненавидел подобную роскошь, и это тоже явно проявилось после его внезапного ухода утром, неизвестного его любезному хозяину. Великий можжевельник сделал это, говорит его биограф, (рассказав нам, что он сделал) не столько из-за своих привычных наклонностей, за которые он был так справедливо прославлен, сколько из-за своего чрезмерного благочестия, и настолько, насколько он мог, чтобы умерить мирскую гордость и показать, как истинный святой презирает чистые простыни.

Среди прочих гротескных чудес мы находим в житие святого Франциска, где он читал проповедь в пустыне, но вскоре собрал огромную аудиторию. Птицы пронзительно кричали на каждое предложение, вытягивали шеи, раскрывали клювы, а когда он закончил, со святым восторгом разлетелись на четыре компании, чтобы сообщить о его проповеди всем птицам вселенной. Во время отсутствия Девы Марии у святого Франциска неделю жил кузнечик, примостившийся на его голове. Он так сдружился с соловьем, что когда гнездо ласточек начало щебетать, он утихомирив их, пожелав, чтобы они не болтали о его сестре - соловье. Напав на волка с одним лишь крестным знаменем, он вел долгий диалог со своим бешеным обидчиком, пока волк, кроткий, как собака на коленях, не протянул свои лапы в руки святого, не пошел за ним по городам и не стал наполовину христианином. Этот же святой Франциск питал такое отвращение к благам этого мира, что никогда не позволял своим последователям прикасаться к деньгам. Один монах, положив немного денег в витрину, собранную у алтаря, заметил, как тот взял их в рот и бросил на навоз осла! Святой Филипп Нерий был таким поклонником *бедности*, что часто молил Бога довести его до такого состояния, когда он будет нуждаться в копейке и не найдет никого, кто бы дал ему ее! А святой Макейр был так потрясен тем, *что убил вошь*, что семь лет провел в покаянии среди терний и зарослей в лесу.

О двух благочестивых девах рассказывается следующее чудесное происшествие. В ночь на Рождество Христово, после первой мессы, они обе удалились в уединенное место своего женского монастыря, пока не отзвучала вторая месса. Одна спросила другую: "Зачем тебе две подушки, когда у меня есть только одна?" Другая ответила: "Я бы положила ее между нами для младенца Иисуса; как говорит евангелист: "Где собираются двое или трое, там Я посреди них"". Так они и сели, испытывая живейшее удовольствие от своей фантазии; и так они просидели от Рождества Христово до Рождества Иоанна Крестителя; но этот большой промежуток времени прошел для этих святых дев, как два часа для других. Настоятельница и ее монахини были встревожены их отсутствием, так как никто не мог дать о них никаких сведений. В канун дня святого Иоанна один пастух, проходивший мимо них, увидел прекрасное дитя, сидевшее на подушке между этой парой сбежавших монахинь. Он поспешил к настоятельнице с известием о бродячей овце, которая увидела прекрасное дитя, игриво сидящее между этими нимфами, и, покраснев, спросила, не прозвонил ли уже второй колокол? Обе стороны были одинаково поражены, узнав, что наши юные почитатели находятся здесь со дня рождения Христа и до рождения Иоанна Крестителя. Настоятельница

поинтересовалась, что за ребенок сидел между ними: они торжественно заявили, что не видели никакого ребенка между ними, и упорно продолжали свой рассказ".

"Таково, - замечает один из поздних авторов, - одно из чудес "Золотой легенды", которое может прокомментировать злой остроумец, не видя во всей истории ничего необычного. Две монахини могли пропасть между рождествами, а в конце концов их нашли с ребенком, сидящим между ними. Они могли не объяснить ни своего отсутствия, ни ребенка: единственное прикосновение к чуду - это то, что они утверждали, что *не видели ребенка*, что, признаюсь, *немного (слишком)*.

В "Житиях святых" Рибаденейры больше легендарного духа, чем в работе Албана Батлера на ту же тему (которая, кстати, является самой разумной историей этих легенд); ибо, не имея рассудка, а не веры, первый более объемлен в своих деталях и более нелеп в своих повествованиях.

Альбан Батлер утверждает, что святая Женеви́ева, покровительница Парижа, родилась в 422 году в Нантере, в четырех милях от Парижа, недалеко от нынешней Голгофы, и что она умерла девственницей в этот день в 512 году и была похоронена в 545 году у ступеней главного алтаря, в великолепной церкви, посвященной святым Петру и Павлу, начатой Хлодвигом, где был похоронен и он сам. После этого ее мощи были перенесены и помещены в дорожную святыню около 630 года. Конечно, они творили чудеса. Ее святыню из золота и серебра, усыпанную драгоценными камнями, подарками королей и королев, с бриллиантовой гроздьёй на вершине, подаренной интриганкой Марией Медичи, в бедственных случаях проносят по Парижу в процессии, сопровождаемой столь же чудотворными святынями и босыми канониками Святой Женеви́евы.

Чудеса святой Женеви́евы, описанные в "Золотой легенде", были столь же многочисленны и столь же достоверны. В ней говорится, что, когда она была еще ребенком, святой Жермен сказал ее матери: "Знай точно, что в день рождества Женеви́евы ангелы пели с радостью и весельем", и, посмотрев на землю, увидел копейку, подписанную крестом, которая попала туда по воле Божьей; он поднял ее и отдал Женеви́еве, требуя, чтобы она помнила, что она - супруга Христа. Она дала ему соответствующее обещание и часто ходила к священнику, чтобы быть достойной своих супружеских уз. "Тогда, - говорится в "Сказании", - мать разгневалась и ударила ее по щеке - Бог отомстил за ребенка, так что мать ослепла", и так продолжалось в течение одного и двадцати месяцев, когда Женеви́ева принесла ей святой воды, осенила ее крестным знаменем, промыла ей глаза, и она прозрела. Далее рассказывается, что Святым Духом она показывала многим людям их тайные мысли, и что с пятнадцати лет до пятидесяти она постилась каждый день, кроме воскресенья и четверга, когда ела бобы и ячменный хлеб трехнедельной давности. Желая построить церковь и посвятить ее святому Денису и другим мученикам, она потребовала у священников материалы для этой цели. "Дама, - ответили священники, - мы бы рады, но не можем достать ни мела, ни извести". Она велела им отправиться на Парижский мост и принести то, что они там найдут. Так они и делали, пока не пришли два свинопаса, один из которых сказал другому: "Я вчера ходил за одной из своих свиноматок и нашел слой извести"; другой ответил, что тоже нашел его под корнем дерева, которое повалил ветер. Священники Святой Женеви́евы, конечно же, поинтересовались, где были сделаны эти открытия, и, сообщив об этом Женеви́еве, начали строить церковь Сен-Дени. Во время строительства рабочие захотели пить, тогда Женеви́ева позвала сосуд, помолилась над ним, расписалась крестом, и сосуд был немедленно наполнен; "так, - говорится в легенде, - рабочие выпили полный живот", и сосуд продолжал снабжаться таким же образом "напитками" для рабочих, пока церковь не была закончена. В другой раз одна женщина украла туфли святой Женеви́евы, но

как только вернулась домой, потеряла зрение из-за кражи и осталась слепой, пока, вернув туфли, святая Женевьева не вернула женщине зрение. Желая освободить некоторых заключенных, приговоренных к смерти в Париже, она отправилась туда и обнаружила, что городские ворота заперты против нее, но они открылись без всякого другого ключа, кроме ее собственного присутствия. Она молилась над двенадцатью мужчинами в этом городе, одержимыми дьяволами, пока те не зависли в воздухе, а дьяволы не были изгнаны. Ребенок четырех лет упал в яму и погиб; святая Женевьева лишь накрыла его своей мантией и помолилась над ним, и ребенок ожил, а на Пасху был крещен. Во время путешествия в Испанию она прибыла в порт, "где, по обычаю, часто гибли корабли". Ее судно могло удариться о дерево в воде, что, по-видимому, и стало причиной кораблекрушения; она приказала срубить дерево и начала молиться, как вдруг, когда дерево начало падать, "оттуда высунулись две дикие головы, серые и ужасные, которые так воняли, что люди там были отравлены ядом в течение двух часов, и никогда после этого там не погибали корабли; слава Богу и этой святой угоднице".

В Мо один хозяин не простил своему слуге его проступков, хотя святая Женевьева молилась за него, она молилась против него. Его тут же охватила горячка: "на следующий день он пришел к святой деве, бегая с открытым ртом, как немецкий медведь, с высунутым языком, как кабан, и прося прощения". Она благословила его, лихорадка покинула его, и слуга был помилован. Одна девушка шла с бутылкой, святая Женевьева подозвала ее и спросила, что она несет: та ответила, что масло, которое она купила; но святая Женевьева, видя, что на бутылке сидит дьявол, дунула на нее, и бутылка разбилась, но святая благословила масло и заставила ее донести его до дома в целостности и сохранности. В "Золотой легенде" говорится, что люди, видевшие это, удивились, что святая может видеть дьявола, и были очень назидательны.

Следовало ожидать, что святая, обладавшая такими чудодейственными способностями при жизни, будет обладать ими и после смерти, поэтому репутация ее мощей очень высока.

Несколько историй о чудесных способностях святой Женевьевы представляют их как очень удобные в досадных случаях, которые случаются сплошь и рядом; одна из них послужит примером. Темной сырой ночью она шла в церковь со своими девицами, неся перед собой свечу, которую ветер и дождь затушили; святая просто позвала свечу, и как только она взяла ее в руки, она снова зажглась, "без всякого огня мира сего".

Другие истории о том, как она зажигала свечи таким образом, заставляют вспомнить о свече, которую очень почитал Э. Уорсли в "Рассуждении о чудесах, совершаемых в Римско-католической церкви, или полном опровержении несправедливых исключений доктора Стиллингфлита против чудес", октаво, 1676 год. На с. 64 он говорит, "что чудесная восковая свеча, которую видели в Аррасе, главном городе Артуа, может доставить читателю удовольствие, будучи самой достоверной *и никогда никем не подвергаемой сомнению*. В 1105 году, то есть гораздо больше 720 лет назад, (столь велика древность свечи) в Аррасе воцарилась беспощадная чума. Весь город, всегда благоговевший перед Богородицею, в этой своей нужде испытал ее как истинную мать милосердия; дело было так: Дева Мария явилась двум мужчинам и повелела им передать епископу Арраса, что в ближайшую субботу, ближе к утру, она появится в большой церкви и вложит ему в руки горящую восковую свечу, из которой капли воска должны упасть в сосуд с водой, приготовленный епископом. Кроме того, она сказала, что все больные, которые выпьют этой воды, сразу же исцелятся. *Обещанное действительно произошло*. Пресвятая Богородица явилась вся прекрасная, в руках у нее горела восковая свеча, от которой свет разливался по всей церкви; она подала ее епископу; он, благословив ее крестным знамением, поставил в урну с водой, и тогда капли

воска обильно упали в сосуд. Больные пили из него, все исцелялись, зараза прекращалась, а свеча и по сей день, хранимая с большим почтением, тратит себя, но ничего не теряет, а потому остается все той же длины и величины, что и 720 лет назад. Огромное количество воска, образовавшееся множества капель, падающих в воду в те праздничные дни, когда горит свеча, по праву можно назвать стоящим неполноценным чудом".

Эта история со свечой, хотя и приводимая католическим писателем как "не вызывающая сомнений ни у кого" и потому не подлежащая сомнению, чудесным образом не смогла убедить протестанта Стиллинглита, что "чудесам, совершаемым в Римской католической церкви", следует верить.

МОНАХИ И МОНАХИНИ - СВЯТЫЕ И ОТШЕЛЬНИКИ.

Первые монахи привлекли внимание людей строгим исполнением своих набожных обязанностей. Большая часть из них проводила время в пустынных местах, в божественном созерцании и приобретении полезных знаний; вследствие этого их стали почитать и считать небесными людьми, приближающимися к совершенству ангелов; но со временем, и именно по этой причине, их затворничество и уважение, в котором они находились, вскоре побудили многих людей посвятить себя тому же образу жизни, хотя и не с теми же взглядами; как более выгодному, чем вознаграждение, получаемое от их собственных домашних и трудолюбивых занятий. Число людей, принявших эту профессию, стало в конце концов настолько подавляющим и нетерпимым, что среди них вспыхнули группировки, которым вскоре стал подчиняться дух народа, вызывая тем самым тяжкие беспорядки как в церкви, так и в государстве. Многие из бродячих орд под именем монахов представлены Григорием Назианzenом как шайки разбойников и бандитов, а не как трезвомыслящие люди, исповедующие скрупулезную мораль, стремящиеся к улучшению общества и благополучию человечества в целом. Они были жестоки, хищны, коварны, хитры и нередко злобны до крайности, предаваясь самым мерзким склонностям, которые шокируют и отвращают человеческую природу; и если верить их современникам, ни один вид порока не был им неизвестен и не был ими пресечен.

Первый рассвет монашеского влияния и власти в западном мире был дан святым Иеронимом, который, хотя и был представлен как очень благочестивый и добрый человек, но имел некоторые страсти, которые мир еще не удовлетворил, разгневался и удалился на восток, где стал монахом; и, как бы мстя неблагодарному миру, он открыто признался, что вряд ли можно получить спасение в нем, не приняв того же курса, что и он, то есть не став монахом. И хотя благодаря постановлениям Иеронима монашество проложило себе путь на западе, прошло много лет после его смерти, прежде чем в этой местности был учрежден какой-либо монашеский орден.

Бенедикт, живший примерно через сто лет после святого Иеронима, считается отцом этого ордена на западе, и хотя не похоже, чтобы он образовал какой-либо орден монахов с тремя обетами, но поскольку старейший монашеский орден в Римской церкви называется его именем, мы дадим сначала краткий очерк о нем и его ордене; оставив читателя принимать, как в этом, так и в последующих, столько само собой разумеющегося, сколько он может проглотить, не рискуя подавиться.

О рождении, воспитании и образовании *блаженного* Бенедикта мы можем сказать лишь то, что его святость испустил свой первый благочестивый и чудесный вздох в Риме, около 480 года; и что, будучи мальчиком, он устал от злого мира и удалился в пустыню Сабудеа в Италии, где его любезно принял и гостеприимно угостил один монах, которого звали Роман, живший вдали от людей, в расщелине огромной высокой скалы, труднодоступной и опасной. Щедрый и христоролюбивый Роман снабдил своего молодого гостя порцией всего, что тот выпросил, одолжил или украл, или же смог выделить из своего всепожирающего пуза. Но, видимо, устав от своего протеза, чей аппетит, возможно, был слишком большим препятствием для его удачливых ресурсов, или в разгар случайного и неожиданного удара, с которым он столкнулся где-то в канун Пасхи, он забыл снабдить своего гостя, сидящего в щели, своей обычной едой; Как бы то ни было, но покровительствующее Провидение, которое "кормит молодых ворон" и "усмиряет ветер для стриженного ягненка", не осталось в этот раз в стороне от юного Бенедикта; оказалось, что некий священник, чье имя нам не известно, и который, судя по всему, был на Пасху в похожей кормовой экспедиции, как и Роман, был призван голосом с небес и попросил *"не заботиться так сильно о своих собственных кишках, а отнести то, что он обеспечил, туда, где был Бенедикт."* Священник послушался, отдал Бенедикту содержимое своей корзины, а также сообщил ему, что сегодня день Пасхи, о чем он не знал до этого неожиданного визита. Однако впоследствии, когда он был вынужден выйти из своего логова, чтобы добыть пищу, так как не похоже, чтобы Роман или священник когда-либо возвращались, некоторые пастухи обнаружили его ползущим среди кустов, покрытых "звериной шерстью"; они так испугались, что, приняв его за какое-то дикое чудовище, уже собирались уходить, когда им удалось мельком увидеть его *физиономию*, которая, конечно, представляла собой обнадеживающий контраст по сравнению с дочеловеческим развитием его тела; В результате пастухи набрались смелости и подошли к нему; и, как гласит история, получив большое назидание от его беседы, они сообщили об этом окрестностям, благодаря чему юный Бенедикт был снабжен всем необходимым; в обмен на это они были вознаграждены благочестивыми увещеваниями. Но дьявол, который, без сомнения, всегда *на чеку*, когда кто-то из его противников опережает его, решил испытать целомудрие юного Дикта на прочность, явился к нему в облике черного дрозда и приблизился к его устам так близко, что *Дикт* мог бы, если бы счел нужным, схватить его; Но вместо того, чтобы воспользоваться этой возможностью и сокрушить старого Вельзевула, он героически позволил ему сбежать, хотя тот, дьявол, оставил после себя "столь ужасное бесчестное плотское искушение", что Бенедикт никогда, ни до, ни после этого, не испытывал таких странных и неопишуемых ощущений; Словом, он был в таком затруднении, что колебался и сомневался, не лучше ли ему снова вернуться в мир, к плоти, греху и дьяволу; однако, немного оправившись от пароксизма, которым дьявол сумел овладеть им, он сбросил с себя одежду и поплелся среди терний. Но в то время как Бенедикт, по разным причинам и поводам, побуждавшим его к этому, держал ворона, которого вышеупомянутый Бенедикт постоянно каждый день кормил своей рукой; этого ворона Бенедикт, то ли по сходству аппетита, то ли по другой скрытой и особой страсти, всегда называл привычным и родственным именем брата; В этот раз, предложив ему часть отравленного хлеба, прощательный ворон с негодованием отверг его и принялся летать и каркать вокруг своего хозяина, самым *хищным* образом указывая ему на замышляемое им зло. Встревоженный таким поведением, Бенедикт сказал: "Брат, я предложил тебе эту буханку не для того, чтобы ты ее съел, а для того, чтобы ты унес ее и спрятал где-нибудь, чтобы она никогда не причинила вреда". Так и было сделано, ворон избавился от отравленной буханки, вернулся и поужинал как обычно^[80].

Несмотря на это разочарование, Флорентино не перестал преследовать Бенедикта. Он собрал для этой цели несколько обыкновенных трубадуров, которых послал танцевать

голыми перед святым монахом; это таинство, к великой радости Флорентино, они исполнили в точности, что заставило Бенедикта покинуть это место, чтобы не подвергнуться *новому* искушению согрешить против плоти, как это было в пустыне, от дьявола в облике черного дрозда. Но радость эта была недолгой, так как вскоре после этого дом Флорентино обрушился на него и убил его. Когда Бенедикт узнал о его смерти, он очень огорчился, но не потому, что тот умер во время своих злодеяний, а *потому, что, по его словам, он потерял врага, который, останься он жив, намного увеличил бы его заслуги.* После этой великой потери Бенедикту сообщили, что на горе Каллино все еще стоит храм Аполлона, которому приносят жертвы; он собрал несколько своих братьев, пошел и снес его до основания, поджег все рощи, окружавшие его, и, построив на том же месте монастырь, обратил в христианство всю страну вокруг.

Дьявол, как легко предположить, очень разгневался на Бенедикта за то, что тот лишил его этой горы, и позвал Бенедикта, Бенедикта, чтобы поговорить с ним, но Бенедикт, похоже, не пообещал ему ответить; в результате дьявол оставил его, воскликнув, убегая: "Маледикт, Маледикт, что ты делаешь со мной? Почему ты так гонишь меня? И, в порыве дьявольской страсти и отчаяния, обрушил строящуюся стену, которая, к несчастью, упала на мальчика и убила его; но Бенедикт, чтобы отомстить дьяволу, вскоре вернул его к жизни. Брат Плаудо утонул, если бы Бенедикт не послал брата Мауро вытащить его из воды. Возникла большая суматоха, чтобы узнать, кто был автором этого чуда; Бенедикт присвоил заслугу Мауро, а Мауро, столь же учтивый и снисходительный, приписал ее Бенедикту.

Орден, называемый бенедиктинцами, был не только старейшим, но и самым богатым в римской церкви. Костюм был черного цвета, несомненно, в знак уважения к Ворону, который имел честь быть первым братом Бенедикта; а кожаный пояс, который они носили, по поверьям, обладал такой силой, что его целовали на коленях все, кто их посещал, если хотели быть хорошо принятыми.

Вторым монашеским орденом, который, как и другие, возник на основе послаблений бенедиктинцев, был орден *Клюни* во Франции, учрежденный около 900 года аббатом Одо.

Этот орден мало чем отличался от бенедиктинского. Когда Одо был мальчиком, он был в восторге от Вергилия: "он был излечен от этого опасного аппетита, когда ему показали сосуд, который был очень любопытен, но внутри был полон смертоносных змей; и чтобы Одо из-за его большой любви к Вергилию не помешал правильно применить это видение, это было сделано голосом с небес; и Одо услышал, он выбросил своего Вергилия и всех своих змей вместе с ним. И после этого он был очень предан святому Мартину, хотя и не встречал на своем пути змей, когда ночью отправлялся в церковь св. Мартина, чтобы помолиться ему, он встречал стада лисиц, которые так донимали его, что он едва знал, что делать; эта чума продолжалась, пока не пришел добрый волк и не предложил Одо свою помощь, которую Одо принял, и этот волк, когда он путешествовал, так охранял его, а когда он был в дверях, так присматривал за ним, что лисицы больше никогда не досаждали ему".

Третьим монашеским орденом в Римской церкви был Камальдунан в Италии, учрежденный Ромуальдом около 970 года. Он родился в Равенне и был приговорен к 40 дням жизни в монастыре за участие в дуэли, на которой его отец, герцог, убил своего противника; именно благодаря этому обстоятельству он был чудесным образом обращен в монаха, от чего раньше часто отказывался, по просьбе одного из братьев ордена, с которым он был знаком. В конце концов монах спросил, согласится ли он стать одним из них, если *ему явится святой Аполонар*, на что тот ответил, что согласится. Тогда было решено, что святой Аполонар или его представитель должен явиться на самом деле; чтобы принять этот визит,

его друг, монах и он сам провели ночь в молитве перед алтарем. Как только прокричал петух, святой Аполлоний вышел из-под того самого алтаря, где, несомненно, ранее скрывался его доверенный, "одетый в свет и с золотым кадилом в руке: он обошел в своем pontificalibus и воскурил все алтари в церкви, а сделав это, вернулся тем же путем, каким пришел". И хотя не сказано, что Аполоний сказал Ромуальду хоть слово о том, чтобы тот стал монахом, он все же, после этого видения, принял от него постриг; И, не научившись читать и петь псалтырь, он был научен этому монахом, которого звали Маринус, и который так сильно ударил его по левой стороне головы, что его левое ухо потеряло слух; и это было перенесено с такой бодростью, что он сказал Маринусу, чтобы тот ударил его по другой стороне головы, когда он заслужит исправление."

Никогда еще монах не получал столько пинков и подзатыльников, не преследовался и не мучился от дьявола, как бедный Ромуальд. Сначала дьявол так стучал в дверь его кельи, когда он ложился спать, что он не мог сомкнуть глаз от этого шума. В конце концов, изнемогая от нехватки сна, он начал, несмотря на ужасный шум, понемногу дремать, как вдруг дьявол превратился в какое-то тяжелое тело и так сильно навалился на его бедра и ноги, что сильно ушиб их и сломал несколько костей. И хотя монах Ромуальдус часто заставлял своего мучителя выскользнуть из кельи, стыдясь своих дурных поступков, тот все же не переставал его донимать. Армадей так часто навещал его и так часто вступал с ним в конфликты, что брат-монах не мог приблизиться к келье Ромуальда, не приняв его за дьявола, и, полагая, что это так, кричал так громко, как только позволяли его легкие: "*Проклятый, что ты хочешь? Дерзкий пес, я запрещаю тебе приходить сюда; ядовитый змей, низвергнутый с небес, я запрещаю тебе!*" Таково было оружие, с которым этот чудесным образом обращенный монах всегда был готов встретить дьявола, когда бы тот ни явился. Однако однажды вечером, когда он бормотал над своим *Комплетом*, целый отряд дьяволов бросился на него, сбил с ног, избил ногами за то, что он упал, и нанес несколько очень тяжелых ран его драгоценному телу; и хотя он был изможден и потерял сознание от потери крови, он продолжал произносить свой *Комплемент* до конца, когда короткой молитвой он разогнал весь отряд.

После этой великой и славной победы дьявол больше никогда не вступал с ним в схватку, но иногда, в облике ворона, дрофы, эфиопа или какого-нибудь дикого зверя, стоял в отдалении, высунув язык и кривляясь перед ним. И хотя Ромуальд, как мы уже показывали, был неплохим дуэлянтом и вызывал дьявола на поединок, его дьявол был слишком хорошим судьей, чтобы решиться приблизиться к нему; и, обнаружив, что он не может сравниться с Ромуальдом, он подстрекал разных монахов преследовать его, что, собственно, они и делали с большой яростью, но с таким же плохим успехом, как и тот, кто их побуждал.

Четвертый орден монахов - это орден *Валле Умброза*, учрежденный неким Гилбертом, от которого его братство получило название Гильбертинов. Читатель сразу же узнает достаточно об этом господине Гилберте, если мы сразу же сообщим ему, что он был учеником Ромуальда и что стать монахом его призвало распятие, которое, когда он поклонялся ему, кивнуло головой и улыбнулось ему.

Пятый орден - карфузианский, учрежденный конце одиннадцатого века; он управляется институтами собственного изготовления и является самым строгим орденом в Римской церкви. Этот монастырь был, как правило, последним прибежищем недовольных, а не пристанищем неискренней набожности и преданности, которые бросались в это уединенное состояние жизни, к которому они привязывали себя нерушимыми обетами до конца своих дней. Им позволялось вдоволь есть хороший хлеб и вино, и хотя они воздерживались от плоти и всего, что к ней прикасалось, у них был обильный запас хорошей рыбы и фруктов.

Этот бесчеловечный порядок был введен неким Бруно, немцем, но каноником Реймской церкви; О нем читатель узнает достаточно, когда мы сообщим ему, что к этому решению его подтолкнул один парижский врач, с которым он был близко знаком и о благочестии которого, равно как и об учености, он был очень высокого мнения, и который в течение трех дней после своей смерти, когда его уже собирались свести в могилу, встал и громко заявил, *что по справедливому суду Божьему он проклят*; как только он это произнес, он снова лег.^[81]

Есть и другая история о том, что епископу Гренобля, накануне прихода к нему *Бруно* и его шести спутников, искавших уединенное место для жизни, было видение, в котором он увидел Христа, сошедшего с небес и в пустынном месте своей епархии, называемом Шартрез, построившего дворец. Он также видел семь звезд цвета золота, которые, соединившись, образовали корону, которая, оторвавшись от земли, вознеслась на небо. Епископ с первого взгляда узнал в Бруно и его спутниках те самые семь звезд, которые он видел; и в результате этого признания он даровал им все земли, называемые Шартрез. А чтобы Бруно не испытывал недостатка в долге и благодарности, он возвел монастырь в соответствии с видением епископа, насколько позволяли средства и материалы.

Шестой орден монахов в римской церкви - цистерциане, который, как говорят, был учрежден аббатом Робертом; но независимо от того, так это было или иначе, основателем всегда называли Бернарда.

Бернард родился во Франции в XII веке; справедливости ради следует отметить, что он обладал лучшими природными данными и наибольшей образованностью среди всех основателей монастырей; если бы не трагический обман, который он предпринял, чтобы способствовать очень неудачному *крузадо*, и другие махинации в пользу папы, к которому он присоединился во время раскола, его искренность и благочестие можно было бы оценить как равные его остальным талантам.

Его матери во время беременности снилось, что в ее утробе находится белая собака, что, по всей вероятности, послужило причиной того, что цистерцианские монахи одевались в белое, подобно тому, как ворон Бенедикта мог подсказать цвет одеяниям бенедиктинцев.

В младенчестве Бернарда сильно мучила головная боль; и когда к нему прислали старуху, чтобы она его вылечила, он не позволил ей приблизиться к себе, полагая, что она использует чары. Однажды на Рождество, когда он был в церкви, еще в детстве, он молился, чтобы ему открылся тот самый час, когда родился Христос; и когда этот час настал, он увидел новорожденного младенца. Как жаль, что Бернард, написавший так много, не записал этот час, день, месяц и год, о которых до сих пор так много спорят хронологи.

Сильной морозной ночью Бернарда охватил жестокий пароксизм сатириазиса, или сильного плотского влечения: он бросился в пруд с водой и оставался там, пока не замерз почти до смерти.

В другой раз, когда он проповедовал очень многочисленной общине, которая слушала его, в него вселилось искушение тщеславной славы, и он услышал внутри себя голос, говорящий: *смотри, как весь народ внимает твоим словам*. Он уже собирался оставить проповедь, чтобы унять это искушение, но, поняв, что это дьявол обратился к нему, чтобы прервать его проповедь, повернул голову к искусителю и холодно сказал ему: *как я не для тебя начал эту проповедь, так и не для тебя ее закончу*, и продолжал проповедовать, как прежде. Он всегда был очень болезненным и не только радовался, что сам такой, но и считал, что все монахи должны быть такими: по этой причине он построил *Клараваль* и все остальные свои монастыри в низких сырых местах.

Бернард прилагал все усилия, чтобы приучить всех своих монахов непрерывному вниманию к богослужениям; и однажды, когда он ехал верхом, крестьянин сказал ему, что "*находит это легким делом*"; он пообещал ему мула, на котором ехал, если тот будет читать молитву Господню, не отвлекаясь ни на какие мысли. Крестьянин начал молитву, но, не дочитав ее до половины, признался, что "ему пришло в голову, что вместе с мулом он должен получить также седло и уздечку".

Когда он был в Павии, к нему привели женщину, одержимую дьяволом; но не успел Бернард сказать женщине ни слова, как дьявол воскликнул: "Неужели ты думаешь, что такой носитель лука и лука-порея, как этот, способен изгнать меня из владений?" Тогда Бернард приказал отнести женщину в церковь святого Сируса, в которой, хотя Сирус и лишал владения всех, кто когда-либо приходил к нему, он не стал делать этого в данный момент, чтобы Бернарду самому выпала такая честь. Дьявол, однако, бросил им обоим вызов и в насмешливой манере заявил, что ни маленький *Сири*, ни маленький *Барни* не смогут его выгнать. Но дьявол ошибся хоть раз в жизни; маленький *Барни*, как он его называл, вскоре подал на него заявление об изгнании. Другой женщине в том же городе, с которой дьявол поступил очень бесчестно, он подарил палку, которой она так избила его, что он больше никогда ее не беспокоил.

После того как Бернард убедил королей Англии и Франции подчиниться папе римскому, но не смог склонить на свою сторону герцога Аквитанского, он однажды отправился к нему с причастием в руках, когда герцог бросился ему в ноги; тогда Бернард с силой пнул его и велел подняться и признать истинного папу. Герцог немедленно поднялся и, получив пинок, подчинился и признал *Наместника* Небес.

Седьмой орден монахов - кельстинцев, учрежденный Петром Мороном, который, став впоследствии папой, принял имя Келестин. Этот бедный монах был убежден кардиналом Кагестаном, принявшим имя Бонифация 8-го, отказаться от римской кафедры, чтобы проводить все свое время в благочестии. Но его преемник Бонифаций, опасаясь, что, если он будет на свободе в своем монастыре, ему придет в голову вернуться на понтификальную кафедру, держал его в заточении до тех пор, пока тот был жив.

Восьмой орден монахов - вильямиты, называемый также орденом *Монтес Вирджинис* и *Монтис Оливети*, учрежденный неким Вильгельмом, знатным итальянцем, который в свое время владел 47 монастырями. Существовали *отшельники*, которые также назывались вильямитами, от Вильгельма, герцога Аквитанского, но они были объединены с монашеским орденом монахов святого Остина.

Девятым орденом был Сильвестр. Был еще один, учрежденный миланскими дворянами, называвшийся *Униженными*, которые, поссорившись с кардиналом Борromeусом, архиепископом Милана, распустили орден и захватили все его доходы, которые были огромны.

Все предыдущие ордена, кроме картузианцев, находились под властью бенедиктинцев, чьи монахи были и самыми древними, и самыми богатыми, принадлежащими римской церкви, в которой монашеских правил четыре - правило святого Базиля, святого Остина и святого Бенедикта.

Орден монахов под правилом святого Остина, как его называли, состоял из регулярных каноников, *премонстратов*, *доминиканцев*, *иеронимитов* в различных формах, *сервитов*, *иезуитов*, *круцигеров*, *бони-иезуитов*, *тринитариев*, *эремитов св. Августина*;

театинцы; паутесты; военные ордена святого Иоанна Иерусалимского, святого Иакова Компостелльского, Тевтонский орден, святого Лазаря и святого Маврикия.

Доминиканский орден, о котором мы расскажем лишь вкратце, является третьим по счету под руководством святого Остина, был учрежден в начале XIII века и является одновременно первым мендикантским орденом и первым орденом, получившим торжественное подтверждение от Папы. Они очень многочисленны, и до сих пор имеют множество монастырей в Испании и Португалии.

Доминик, основатель этого ордена, родился в Испании в 1170 году. Его матери, когда она была с ним в младенчестве, приснилось, что она рождает борова с горящим факелом во рту - эмблема, вполне подходящая для инквизитора; а когда его крестили, его божья мать, хотя это было никому не видно, увидела звезду, которая осветила весь мир; и когда он лежал в колыбели, рой пчел прильнул к его губам. И хотя со дня своего крещения до дня смерти он, как говорят, не совершил ни одного смертного греха, тем не менее, прежде чем ему исполнилось семь лет, он вставал со своей дорогой кровати, поскольку его родители, как говорят, были очень богаты, и ложился на землю. В детстве он никогда не играл и не пользовался никакими развлечениями, а когда достиг мужского сословия, то все, что оставил ему отец, за исключением книг, раздал бедным, а когда больше нечего было дать, отдал им и свои книги.

Увидев однажды женщину, горько плачущую о потере своего брата, попавшего в плен к маврам, он умолял ее взять его, продать неверным и на вырученные деньги выкупить брата; но, к его крайнему огорчению, женщина отказалась исполнить его желание.

Однажды, когда Доминик находился в своем кабинете, дьявол так донимал его в виде блохи, прыгая и резвясь по листам его книги, что он не мог продолжать чтение: раздраженный таким нелюбезным обращением, он прикрепил его на том самом месте, где он закончил читать, и в таком виде заставил его снова найти это место. Освободив, однако, старого *Ника* от этой демонической дилеммы, он снова явился к нему в кабинет в облике обезьяны и так "ужасно ухмылялся" и так скакал, что он теперь был раздражен еще больше, чем прежде. Чтобы положить конец этим обезьяньим проделкам, Доминик немедленно приказал ему, этой обезьяне, взять подсвечник и держать его для него; обезьяна так и сделала, и Доминик заставил ее держать, пока она не сгорела до самого фитиля, и хотя обезьяна издавала ужасный звук, обжигая пальцы, он был вынужден держать ее, пока она не сгорела, что и произошло, пока она не сожгла пальцы дьявольской обезьяны до кости.

Отправившись во Францию с епископом Осмы, каноником церкви которого был Доминик, он, хотя и проповедуя и творя чудеса, за день тысячами обращал *альбигойцев* в Тулузе, тем не менее так возбудил Симона де Монфора, который был генералом папской *крузады* против этих христиан, что Монфор и его *крузада*, главным капелланом которой был Доминик, перебили многие тысячи этих несчастных христиан.

В то время эта часть Франции обязательно должна была быть очень густонаселенной, иначе не могло бы остаться столько христиан, чтобы Монфор мог их убить, после того как Доминик совершил среди них столь масштабное обращение, ведь Монфор наверняка не стал бы налагать руки на прозелитов. Самое большое обращение Доминика произошло после того, как он получил четки, подаренные ему Пресвятой Девой, чьи добродетели Доминик успешно восхвалял со всем красноречием, которым владел. Нашелся, однако, один человек, достаточно отчаянный, чтобы высмеять и четки, и ораторское искусство горцев в связи с их достоинствами; но он был вскоре наказан за свою дерзость: в него вселилось множество чертей; но Доминик, снисходя к страданиям бесноватого, хотя тот и не заслуживал такого

милосердия его руках, призвал чертей к ответу за поднятый ими шум, когда между ними произошла следующая беседа.

Доминик: - Как вы пришли к этому человеку, и сколько вас?

Мы пришли к нему за то, что он непочтительно отзывался о четках, а также за то, что он смеялся над вашими проповедями и делал из них "*веселую игру*". Нас 15 000 человек, и мы были вынуждены, вопреки нашей воле, уйти от того, кто мог бы оказать нам бесконечные услуги.

Дом.- Почему вас так много - 15 000 человек?

Дев.- Потому что в четках, которые он высмеивал, есть 15 декад.

Дом.- Почему вы допустили, чтобы этого человека привели ко мне?

Это было сделано к нашему большому смятению: мы не могли предотвратить это.

Дом.- Разве не все правда, что я говорил о достоинствах розария?

Проклят час, когда мы вошли в эту *статую*? Горе нам во веки веков! Почему мы не задушили его до того, как он был принесен сюда? Но теперь уже поздно, и мы не можем этого сделать, ибо ты держишь нас в жгучем пламени и огненных цепях, так что мы вынуждены говорить тебе правду, к нашему великому несчастью. О да! О да! Знайте, все христианские мужчины и женщины, что этот жестокий Доминик, этот наш непримиримый враг, никогда не сказал ни одного слова о достоинствах четок, которое не было бы самым правдивым; и знайте также, что если вы не поверите ему, то вас постигнут великие беды.

Дом.- Кого из людей в мире дьявол ненавидел больше всего?

Ты тот самый человек, который своими молитвами, суровыми покаяниями и проповедями указал всем путь в рай и отнял у нас добычу. Но знай, что наша темная община и адский отряд так разгневаны против тебя, что бригада самых сильных и злобных духов имеет поручение обрушиться на тебя и на них.

Не дай Бог, о христиане, поверить всему, что говорят дьяволы, лжецы и изобретатели лжи. Не иначе как Всемогущий способен наделить самого мерзкого и жалкого грешника такой силой, которая одолеет все адские сонмы, как это делаю сейчас я, величайший из грешников.

ДЕВ.- Да будет проклято столь великое смирение, как это, которое так терзает и мучает нас.

Дом. (*Бросая свой посох, поскольку у него еще не было скапулярия, который обладает гораздо большей добродетелью, на шею демониаку*). Из каких людей среди христиан больше всего проклятых?

Тут произошло необычайное обстоятельство: едва посох Доминика коснулся шеи бесноватого, как из его носа хлынуло огромное количество густой крови, а из ушей - ядовитая глина. При виде этого Доминик приказал мятежным дьяволам прекратить мучить бедного грешника.

Дев. Мы сделаем это от всего сердца, если вы позволите нам уйти.

Дом. Вы не должны двигаться, пока не ответите на заданный вам вопрос.

Дев. В аду много епископов и князей, но мало деревенских людей, которые хотя и не совершенны, но не очень большие грешники. Там также много купцов и горожан, таких как

ломбардщики, мошенники, пекари, бакалейщики, евреи, аптекари, игроки, грабители и т. д., которые были посланы туда за любостяжание, мошенничество, сладострастие и т. д.

Дом. Есть ли в аду священники или монахи?

Дев. Там много священников, но нет монахов, за исключением тех, кто нарушил правило своего ордена.

Дом. Как у вас обстоят дела с францисканцами?

Дев. Увы, увy! У нас пока нет ни одного, но мы ожидаем, что их будет много, когда их набожность немного остынет.

Дом. Какого святого на небесах дьявол боится больше всего?

Вместо ответа на этот вопрос дьяволы умоляли Доминика всем, что есть святого, удовлетвориться теми муками, которые он уже причинил им, и теми, на которые они осуждены в аду, умоляя его не настаивать на правдивом ответе на этот вопрос перед столь великим собранием, к гибели их царства; говоря ему, что если он спросит ангелов, они скажут ему, кто это был. Это, однако, не удовлетворило Доминика, который, какими бы добродетелями он ни обладал, в его характере было мало милосердия, особенно, судя по всему, по отношению к дьяволам. Он упорно продолжал их уговаривать, и, видя, как неохотно демоны исполняют его желания, бросился на землю и принялся работать молотком и щипцами со своими четками; при этом из его носа, рта, глаз и ушей вырывалось сернистое пламя огня; После этого явилось более ста ангелов, облаченных в золотые доспехи, и среди них Пресвятая Дева, державшая в руке золотой жезл, которым она ударила бесноватого по спине, приказав в то же время дьяволам дать правдивые ответы на вопросы Доминика; при этом все они громко закричали: *"О враг наш! О наш проклятый! О наш смутьян! Зачем ты спустился с небес, чтобы мучить нас здесь? Почему ты такой могущественный заступник грешников? О ты, самый верный и надежный путь на небеса; но раз уж ты повелел, мы должны сказать правду, хотя она и собьет нас с толку и принесет горе и несчастье нашим князьям тьмы навеки! Слышите, о христиане, -* продолжали дьяволы, - Мать Христова слишком сильна, чтобы уберечь всех своих слуг от ада; именно она, как солнце, рассеивает всю нашу тьму, усыпляет и сводит на нет все наши козни. Мы вынуждены признать, что никто не проклят, кто упорствует в ее святом поклонении и предан ей. Один ее вздох имеет большую силу, чем молитвы всех святых; и мы боимся ее больше, чем всех жителей рая; и вы все должны знать, что огромное количество христиан, вопреки праву, спасаются, взывая к ней во время своей смерти; и что мы давно должны были бы разрушить церковь, если бы не эта маленькая Мария; и теперь, будучи вынужденными к этому, мы должны признать, что никто из тех, кто упорствует в исполнении розария, не может подвергнуться вечным мукам ада, ибо она добивается раскаяния для всех своих благочестивых слуг".

На этом закончилась беседа между 15 000 трусливых дьяволов и Домиником, который увещевал прихожан присоединиться к нему в чтении четок. И вот великое чудо: при каждом ангельском приветствии множество дьяволов вырывалось из бесноватого в виде горящих углей, а Пресвятая Дева, дав прихожанам свое благословение, исчезла, оставив Доминика в поисках новых предприятий против дьявола и его орды.

Доминик был гордым проектировщиком и обладал очень свирепым нравом. Истории, связанные с орденом святых францисканцев, столь же абсурдны и нелепы.

Подобных историй слишком много, поэтому мы завершим эту тему следующим рассказом

Отшельник со столпа.

(Святой Симеон Стилистов, Святой Телесефор, Святой Синклетий).

Альбан Батлер сообщает нам, что святой Симеон Стилистов, икейский отшельник-столпник, поразил всю Римскую империю своей смертностью. В монастыре Гелиодора, 65-летнего мужчины, который провел 62 года в таком отрешении от мира, что не знал самых очевидных вещей в нем; монахи ели только раз в день; Симеон присоединился к общинам и ел только раз в неделю. Гелиодор требовал, чтобы Симеон был более уединенным в своих постригах: "С этой целью", - говорит Батлер, - "считая грубую веревку из колодца, сделанную из скрученных пальмовых листьев, подходящим орудием покаяния; Симеон обвязал ее вокруг своего обнаженного тела, где она оставалась неизвестной как для общины, так и для его начальника, пока она не впиалась в его плоть, и то, что он сделал втайне, было обнаружено по истечениям, исходящим из раны". Батлер говорит, что потребовалось три дня, чтобы снять с святого одежду, и что "разрезы врача, чтобы вырезать пуповину из его тела, сопровождались такими мучениями и болью, что он некоторое время лежал как мертвый". После этого он решил провести все сорок дней Великого поста в полном воздержании и с этой целью удалился в скит. Настоятель монастыря Басс оставил с ним десять хлебов и воду, и, придя навестить его по истечении сорока дней, нашел хлебы и воду нетронутыми, а святого распростертым на земле без признаков жизни. Басус обмакнул губку в воду, смочил губы, дал ему евхаристию, и Симеон понемногу проглотил несколько листьев салата и других трав. Таким же образом он провел двадцать шесть Великих постов. В первую часть Великого поста он молился стоя: ослабевая, он молился сидя, а под конец, будучи почти обессиленным, молился лежа на земле. По истечении трех лет он удалился из своего скита на вершину горы, устроил себе жилище из сыпучих камней, без крыши, и, решив жить, подвергаясь капризам погоды, закрепил свое решение, приковав правую ногу к скале большой железной цепью. Толпы людей стекались к горе, чтобы получить его благословение, и многие больные восстановили свое здоровье. Но поскольку некоторые не были удовлетворены, пока не прикоснулись к нему в его ограде, а Симеон желал удалиться от ежедневного скопления людей, он придумал новый и беспрецедентный образ жизни. Он воздвиг столб высотой в шесть локтей (каждый локоть - восемнадцать дюймов) и прожил на нем четыре года; на втором, высотой в двенадцать локтей, он прожил три года; на третьем, высотой в двадцать два локтя, - десять лет; а на четвертом, высотой в сорок локтей, или шестьдесят футов, который построили для него люди, он провел последние двадцать лет своей жизни. За это его стали называть *Стилистом*, от греческого слова *stylos* - столб. Диаметр этого столба не превышал трех футов в верхней части, так что он не мог лежать на нем, вытянувшись; у него не было с собой сиденья; Он только наклонялся, чтобы немного отдохнуть, и так часто склонял свое тело в молитве, что некий человек, подсчитавший эти позы, нашел, что за день он совершал тысячу двести сорок четыре поклона, что, если он начинал в четыре часа утра и заканчивал в восемь часов вечера, дает поклон каждые три четверти минуты; кроме того, он дважды в день увещевал народ. Его одеждой были звериные шкуры, на шее он носил железный ошейник, а на ноге была ужасная язва. Во время сорокадневного воздержания во время Великого поста он привязывал себя к столбу. Он относился к себе как к изгою мира и худшему из грешников, творил чудеса, произносил пророчества, причащался на столбе и умер, склонившись на него, на шестьдесят девятом году жизни, прожив на столбах шесть и тридцать лет. Его труп был отнесен в Антиохию в сопровождении епископов и всей страны и по дороге творил чудеса. Пока что этот рассказ принадлежит Альбану Батлеру.

Не упоминая об обстоятельствах и чудесах в "Золотой легенде", которые слишком многочисленны, а некоторые и вовсе не стоит приводить; можно заметить, что там о нем говорится, что после пребывания на столпах одно из его бедер гнило целый год, в течение

которого он стоял только на одной ноге. Рядом с Симеоновым столпом обитал дракон, настолько ядовитый, что возле его пещеры ничего не росло. С этим драконом случилось несчастье: в глаз его был воткнут кол, и, придя весь слепой к столпу святого и положив на него глаз, Симеон, не причинив никому вреда, приказал наложить на глаз дракона землю и воду, что и было сделано, и кол вышел на локоть длиной; увидев это чудо, люди прославили Бога и убежали, боясь дракона, который встал, поклонился два часа и вернулся в свою пещеру. Одна женщина проглотила маленькую змею, которая мучила ее много лет, пока она не пришла к Симеону, который, положив ей на рот землю и воду, извлек маленькую змею длиной в четыре фута и полтора. Золотая легенда утверждает, что когда Симеон умер, Антоний почувствовал драгоценный запах, исходящий от его тела; что птицы так кричали, что плакали и люди, и звери; что ангел спустился в облаке; Патриарх Антиохийский, взяв бороду Симеона, чтобы положить ее среди своих мощей, отсек ему руку, и так продолжалось до тех пор, пока за него не было произнесено множество молитв, и он исцелился; и что во время и после погребения Симеона было совершено больше чудес, чем он совершил за всю свою жизнь.

МАНИЯ СВЯТЫХ МОЩЕЙ.

При первом появлении мощей святых мания стала всеобщей; их покупали и продавали, и, как и другие коллекционеры, не гнушались их красть. Небезынтересно отметить необыкновенную пылкость и жадность некоторых обогатиться за счет религиозных лакомств; их малую разборчивость, любопытные навязывания и средства продавца, чтобы навязать добросовестность и искренность покупателя. Нередко местный прелат объявлял пост, чтобы молить Бога о том, чтобы их не обманули с мощами святых, которые он иногда покупал для святого блага деревни или города. Гиберт де Ноген написал трактат о мощах святых: признавая, что существует множество ложных мощей, а также ложных легенд, он обличает изобретателей этих лживых чудес. Именно по случаю одного из зубов Спасителя де Ноген взялся за перо по этому вопросу, с помощью которого монахи Сен-Медар де Суассон притворялись, что творят чудеса; притворство, которое он считает таким же химерическим, как и притворство некоторых людей, полагавших, что они обладают пупком и другими, менее красивыми, частями тела Христа.

Существует история перевода святой Левин, девы и мученицы, монахом из Бергавинка; ее мощи были привезены из Англии в Бергс. Факты были собраны от ее братьев с религиозной тщательностью, особенно от проводника этих мощей из Англии. После истории перевода и панегирика святой он рассказывает о чудесах, совершенных во Фландрии после прибытия ее мощей. Преобладающая в те времена страсть к обладанию фрагментами святых хорошо заметна, когда автор с некоторым самодовольством описывает все беззастенчивые способы, к которым они прибегали, чтобы унести те, о которых идет речь. Тогда никто не возражал против такого грабежа, потому что удовлетворение правящей страсти заставляло их поставлять их на рынок.

Существует история монаха из Ключи о переводе тела святого Индалеса, одного из самых ранних испанских епископов, написанная по приказу аббата Сан-Хуана де ла Пенна; в ней автор протестует против того, чтобы излагать только факты; он сам видел или узнал от других свидетелей все, о чем рассказывает. Ему было нетрудно получить информацию, поскольку именно в монастырь святого Хуана де ла Пенна были перевезены святые мощи, а те, кто их привез, были двумя монахами этого дома. Свои подробные сведения об обстоятельствах он подтвердил, назвав имена людей и места; рассказ был написан к великому празднику, сразу

же учрежденному в честь этого перевода. Он сообщает нам о чудесном способе, которым им посчастливилось обнаружить тело этого епископа, и о различных планах, которые были согласованы, чтобы вынести его; о маршруте двух монахов, сопровождавших святые останки; во время которого они были не мало ободрены в своем долгом и опасном путешествии видениями и чудесами.

Другой автор написал историю того, что он называет переводом мощей святого Мажана в монастырь Виллемань. На самом деле *перевод* - это лишь смягченное выражение для обозначения грабежа, совершенного над мощами святых двумя монахами, которые тайно вывезли их, чтобы обогатить свой монастырь; и они не прибегали ни к каким ухищрениям, ни к какой лжи, чтобы осуществить задуманное. Они воображали, что им все дозволено, лишь бы завладеть этими осколками бренности, которые теперь стали такой важной отраслью торговли. Они даже смотрели на их обладателей враждебно. Таково было религиозное мнение с девятого по двенадцатый век. Наш Канут поручил своему агенту в Риме купить руку святого Августина за сто талантов серебра и один талант золота - гораздо большую сумму, замечает Грейнджер, чем продавалась бы в то время лучшая статуя древности. Другой монах описывает странный акт преданности, засвидетельствованный несколькими современными авторами. Когда святые не охотно подчинялись молитвам своих почитателей, они пороли их мощи прутьями, в духе нетерпения, которое они считали необходимым для принуждения к послушанию. Чтобы вызвать наше восхищение, Теофрау, аббат из Эптернака, рассказывает о ежедневных чудесах, совершаемых мощами святых - их пеплом, одеждой или другими смертными трофеями, и даже орудиями их мученической смерти. Он осуждает роскошь украшений, которой предавались под религиозным предлогом. "Не следует думать, что святые желают такого изобилия золота и серебра. Они не желают, чтобы мы воздвигали для них великолепные церкви, выставляя напоказ этот хитроумный порядок колонн, сияющих золотом; ни богатых потолков, ни алтарей, сверкающих драгоценностями. Они не желают ни пурпурного пергамента для своих трудов, ни жидкого золота для украшения букв, ни драгоценных камней для украшения своих обложек, в то время как вы так мало заботитесь о священнослужителях". Благочестивый писатель не забыл и о себе в своем партнерском счете со *святыми*.

По словам Бейля, римская церковь не может отрицать, что существовали ложные реликвии, которые творили чудеса, и отвечает, что добрые намерения верующих, которые прибегали к ним, получили от Бога награду за их добрую веру! В том же духе, когда было показано, что три тела одного и того же святого, как говорят, существуют в нескольких местах, и поэтому все они не могут быть подлинными, был дан ответ, что все они подлинные, ибо Бог умножил и чудесным образом воспроизвел их для утешения верующих! Любопытный пример нетерпимости к здравому смыслу.

Князь Радзивилл был так сильно поражен распространением Реформации в Литве, что лично отправился оказать Папе все личные почести. По этому случаю его святейшество подарил ему драгоценную шкатулку с реликвиями. По возвращении домой некоторые монахи попросили у князя разрешения испытать их действие на бесноватом, который до сих пор сопротивлялся любому экзорцизму. С торжественной помпой, в сопровождении бесчисленной толпы, их внесли в церковь и положили на алтарь. После обычных заклинаний, которые оказались безуспешными, к мощам приложились. Бесноватый мгновенно выздоровел. Народ воскликнул: "*Чудо!*", а принц, воздев руки и возведя глаза к небу, почувствовал, что его вера подтверждается. Во время этой благочестивой радости он заметил, что молодой джентльмен, хранивший его сокровища реликвий, улыбается и своими движениями высмеивает чудо. Принц, возмущившись, отчитал молодого хранителя реликвий;

тот, пообещав помиловать его, *рассказал* о них следующее. По дороге из Рима он потерял шкатулку с мощами; не смея об этом говорить, он приобрел такую же, которую наполнил мелкими костями собак и кошек и другими мелочами, похожими на те, что были утеряны. Он надеялся, что ему простят улыбку, когда он узнает, что подобная коллекция мусора восхваляется с такой пышностью и даже обладает свойством изгонять демонов. Именно благодаря помощи этого ящика князь раскрыл грубые наветы монахов и бесов, а Радзивилл после этого стал ревностным лютеранином.

Фридрих курфюрст, прозванный *Мудрым*, был неутомимым собирателем реликвий. После его смерти один из нанятых им монахов потребовал плату за несколько посылок, которые он приобрел для нашего *мудрого* курфюрста; но времена изменились! Ему посоветовали оставить это дело; реликвии, за которые он хотел получить плату, они готовы были *вернуть*; что со времен Реформации Лютера цена на такие вещи значительно упала; и что они будут более почитаемы и найдут *лучший рынок* в Италии, чем в Германии!

В своем "Подготовительном трактате к апологии Геродота", с. 39, Стивенс говорит: "Монах святого Антония, побывав в Иерусалиме, увидел там несколько реликвий, среди которых был кусочек перста Святого Духа, такой же здоровый и целый, как и прежде; рыло серафима, явившегося св. Франциску; один из ногтей херувима; одно из ребер *Verbum caro factum* (Слово стало плотью), несколько лучей звезды, явившейся трем царям востока; флакон пота святого Михаила, когда он боролся с дьяволом; подол одежды Иосифа, которую он носил, когда раскалывал дерево, и т. д. Все эти вещи, - замечает наш хранитель реликвий, - я очень благочестиво принес с собой домой". Генрих III, который был глубоко запятнан суевериями эпохи, созвал всех великих людей королевства на встречу в Лондоне. Этот призыв вызвал всеобщее любопытство, и на встречу явились толпы людей. Тогда король сообщил им, что великий магистр рыцарей-храмовников прислал ему флягу с *небольшой порцией священной крови Христа*, пролитой им на кресте, и *подтвердил ее подлинность* печатями патриарха Иерусалимского и других. На следующий день он возглавил процессию, и, добавляет историк, хотя дорога между собором Святого Павла и Вестминстерским аббатством была очень глубокой и грязной, король не сводил глаз с фляги. Два монаха приняли его и передали флягу на хранение в аббатство, "отчего вся Англия засияла славой, посвятив ее Богу и святому Эдуарду".

В своей книге "Жизнь Генриха VIII. Лорд Герберт отмечает *значительное падение цены на реликвии* после роспуска монастырей. "Уважение, оказываемое мощам, и некоторые притворные чудеса упали, настолько, что я обнаружил в наших записях, что *кусочек пальца св. Андрея* (покрытый лишь унцией серебра), отданный монастырем в залог за сорок фунтов, остался невыкупленным при роспуске дома; уполномоченные короля, которые при выдаче какого-либо основания обязались выплатить долги, отказались снова заплатить цену", то есть они не решили выплатить *сорок фунтов, чтобы получить кусочек пальца святого Андрея*. Примерно в это время собственность на реликвии внезапно опустилась до уровня южноморского пузыря; вскоре после этого взору публики открылась хитрость Дороги Благодати в Боксли, в Кенте, и в то же время была выставлена на всеобщее обозрение знаменитая реликвия в Хейлсе, в Глостершире, крови Христа. Она была показана в чашечке, и считалось, что никто не может увидеть ее, находясь в смертном грехе: после многих испытаний, обычно повторявшихся с одним и тем же человеком, заблуждающийся паломник в конце концов уходил полностью удовлетворенным. Эта реликвия представляла собой *кровь утки*, обновляемую каждую неделю и помещенную в чашу, одна сторона которой была *непрозрачной*, а другая - *прозрачной*; любую из сторон поворачивали к паломнику той стороной, которую монах считал нужной. Успех паломника зависел от того, какие

пожертвования он сделал. Те, кто был скуп в своих подношениях, дольше всех не могли увидеть кровь. Когда человек впадал в отчаяние, он обычно становился щедрым.

КОНЕЦ.

W. УИЛСОН, ПЕЧАТНИК, 57, СКИННЕР-СТРИТ, ЛОНДОН.

1. Дисциплина авгуров очень древняя, она была запрещена Моисеем в книге Левит. Чаша, положенная в мешок Иосифа, была той, с помощью которой Иосиф делал предсказания. В более общем значении авгуры включают в себя все различные виды гадания, которые Варроу разделяет на четыре вида авгуров, в соответствии с четырьмя стихиями, а именно: *пиромантия*, или авгурство по огню; *аэромантия*, или авгурство по воздуху; *гидромантия*, или авгурство по воде; и *геомантия*, или авгурство по земле. Римские авгуры получали свои предсказания о будущем от птиц, зверей, видимости неба и т. д.

2. См. Авгуры.

3. Уголь, вылетающий из огня, *предсказывает* либо кошелек, либо гроб, так как воображение может представить на нем либо то, либо другое: часы смерти, разновидность тикающего паука, неразлучного спутника старых домов и старой мебели, когда их слышат, являются *верным* предсказанием смерти в семье: осадок сахара в виде пены, поднимающийся кверху чашки чая, является *безошибочным* предзнаменованием того, что человек собирается получить деньги: зуд в ладони, которую следует немедленно потереть о дерево, "чтобы это пошло на пользу", или о латунь, "чтобы это сбылось" и т. д. это *определенное* предчувствие того, что деньги вот-вот будут выплачены или переданы другим способом.

4. Это лишь малая часть мелких суеверий, которые влияют на слабые и непросвещенные умы во всех странах. Вульгарные люди даже в самые просвещенные эпохи не совсем свободны от веры в колдовские и магические силы, а также в другие фантастические и воображаемые средства, такие как экзорцизм, чары и амулеты. Однако приятно сравнить нынешние времена, в которых эти заблуждения почти исчезли, с веками не столь отдаленными. Прошло всего 182 года (считая с 1819 года) с тех пор, как в Англии огромное количество людей было приговорено к смертной казни за колдовство; и всего 119 лет (с той же даты) прошло с тех пор, как подобные позорные процессы имели место в Шотландии. Подобные процессы, приговоры и казни прошли в Новой Англии в конце XVII века. См. "Мемуары Ивлины", т. xi. с. 35.

5. Дю Канж заметил, что распространенное выражение "*Пусть этот кусок хлеба меня подавит!*" происходит от этого обычая. Анекдот о смерти графа Годвина, который проглотил кусок хлеба, произнося это утверждение, записан в нашей истории. Если это правда, то это было необыкновенное несчастье.

6. Доктор Фладд, или, как он выражался по-латыни, *De Fluctibus*, был вторым сыном сэра Томаса Фладда, военного казначея королевы Елизаветы, родился в Милгейте в Кенте и умер в своем доме на Коулман-Стрит 8 сентября 1637 года. Он был активным сторонником философии росикрусианства, считался человеком, занимающим видное место в своей профессии, и далеко не самым незначительным писателем.

7. Меланктон также был приверженцем судебной астрологии и толкователем снов. Ришелье и Мазарин были настолько суеверны, что наняли и дали пенсию Морину, еще одному

претенденту на астрологию, который предсказал нативы этих двух способных политиков. Сам Тацит, который обычно кажется выше суеверия, также не был запятнан этой глупостью, как видно из двадцать второй главы шестой книги его "Анналов".

8. В XVII веке знаменитый Тумерсен был наделен в Берлине полномочиями придворного печатника, книготорговца, составителя альманахов, астролога, химика и первого врача. Ежедневно из самых респектабельных домов Германии, Польши, Венгрии, Дании и даже Англии к нему прибывали посланцы, чтобы проконсультироваться о будущей судьбе новорожденных, узнать час их рождения и попросить совета и указаний по их уходу. Многие тома этой необычной переписки до сих пор хранятся в Королевской библиотеке в Берлине. Он умер в высокой репутации и благосклонности своих суеверных современников, а его астрологический альманах до сих пор публикуется в некоторых менее просвещенных провинциях Германии.

9. Я так хорошо помню халдейские предсказания Помпею, Крассу и тому же Сезару, что никто из них не умрет, но будет полон лет и славы и в своем доме, что удивляюсь, что еще есть люди, способные верить этим предсказаниям, которые каждый день опровергаются и опровергаются судом.

10. Антипатр и Ахинаполь доказали, что генеталия должна основываться скорее на времени зачатия, чем на времени рождения.

11. Современные астрологи и мудрецы, благодаря паре статут в гражданском кодексе, ограничивают свои способности к наблюдению за звездами составлением календарей или альманахов.

12. В 1523 году, когда астрологи предсказали непрекращающиеся дожди и страшные наводнения, настоятель монастыря Святого Варфоломея в Смитфилде построил дом на Харроу-те-Хилл и запасся провизией. Многие последовали его примеру и перебрались на высокие места. Однако никаких чрезвычайных наводнений не случилось, и разочарованные прорицатели успокоили народ, признав, что ошиблись в своих расчетах всего на сто лет.

13. От этого искусства Соломона, проявленного через кольцо или печать, мы имеем восточные истории, которые прославляют печать Соломона и описывают силу ее воздействия на различные порядки демонов или джиннов, которые, как предполагается, являются непобедимыми мучителями или благодетелями человеческого рода.

14. В качестве примера можно привести открытие достоинств перуанской коры. Рассказывают, что один индеец (по некоторым данным, обезьяна), заболев лихорадкой, утолил жажду в бассейне с водой, сильно пропитанной корой некоторых деревьев, случайно упавших в него, и в результате исцелился.

15. Джон Аткинс, автор книги "Морской хирург": 1742 год.

16. Тернер в своем сборнике "Случаи", стр. 406, рассказывает о женщине, которая умерла от гидрофобии, когда бешеная собака укусила ее за платье; и о молодом человеке, который умер в бешенстве от царапины кошки, через четыре года после происшествия.

17. Этот вид заблуждения напоминает нам о флорентийском шарлатане, который дал деревенскому жителю свои пилюли, которые должны были помочь ему найти потерянного осла. Пилюли начали действовать по дороге домой, и ему пришлось уйти в лес, где он действительно нашел свою задницу. Клоун, как само собой разумеющееся, вскоре разнес

весть о чудесном успехе экспериментатора, который, несомненно, в связи с этим обстоятельством, получил немалое вознаграждение от владельцев бродячего скота.

18. Яков Первый написал против него филиппику, озаглавленную "Против табака", в которой королевский автор, скорее с предубеждением, чем с достоинством, сообщает своим любящим подданным, что *"это растение отвратительно для глаз, ненавистно для носа, болезненно для мозгов, опасно для легких, а по черному зловонному дыму, исходящему от него, больше всего похоже на ужасный стигийский дым из ямы, которая находится на дне"*.

19. Запрет на посещение бани входил в число ограничений, к которым были привязаны некоторые жрицы в соответствии с жесткими правилами их ордена.

20. Выдающийся врач IV века, родившийся в Пергаме или, по мнению других, в Сардах, где он прожил некоторое время.

21. Прозванный Амиденусом по месту своего рождения, процветал в Александрии примерно в конце пятого века.

22. Слово Алхимия, по-видимому, образовано от арабской добавочной частицы *ал* и латинского кемия или греческого χημιά, химия. Эта этимология, однако, вызывает возражения у некоторых, кто отрицает участие арабов в создании этого слова; утверждая, что *алхимия* встречается у автора, который писал до того, как европейцы стали торговать с аравийцами, а аравийцы - учиться, *то есть* до времени Магомета.

23. Philosoph. Magazine, Vol. vi. p. 383.

24. Декарт вообразил, что нашел диету, которая продлит его жизнь на пятьсот лет.

25. Quædam opera magica mulieribus perfecta fuere, sicut de productione aquarum reperimus apud Chaldæos; si decem Virgines se ornent, vestimenta rubra inducant, saltent ita ut una altera impellat, idque progrediendo et retrogrediendo, digitos denique versus solem certis signis extendant, ad finem perducta illâ actione, aquas illici et prodire dicunt. Sic scribunt, si quatuor mulieres in terga jaceant, et pedes suas cum compositione versus cœlum extendant, certa verba, certos item gestus, adhibeat illas turpi hac actione grandinem decidentem avertere. -Tiedman's "Disputatio de quæstione, quæ fuerit artium magicarum origo."

26. Этот метод решения вышеупомянутой проблемы поддерживается авторитетом многих отцов церкви.

27. Amasis cum frui Amplexibus Ladices nequiret impotentem sese ab ea redditum contendebat pertinacissime. Vide Herodotum, lib. 2.

28. Самые ранние записи ясно показывают, что древние владели многими мощными средствами; так, Меламп из Аргоса, древнейший греческий врач, с которым мы знакомы, говорит, что вылечил одного из аргонавтов от бесплодия, применяя ржавчину железа в вине в течение десяти дней; тот же врач использовал хеллебору в качестве очистительного средства для дочерей царя Прета, которые страдали от меланхолии. Кровопускание также было очень ранним средством, так как Подалирий, вернувшись с Троянской войны, вылечил дочь Дамета, упавшую с высоты, пустив ей кровь в обе руки. Опиум или препарат из мака, несомненно, был известен в самые ранние века; и, вероятно, именно опиум Елена смешала с вином и дала гостям Менелая под выразительным названием *"непенте"* (Odys. Δ.), чтобы прогнать их заботы и усилить их веселье; и эта догадка получает большую поддержку от того факта, что *непенте* Гомера было получено из египетских Фив, (откуда настойка опия была

названа *Фебской* настойкой); и если верить мнению доктора Дарвина, кумейская Сибилла никогда не садилась на предвечерний треножник, не проглотив предварительно несколько капель сока вишни-лауреля.

"At Phœbi nondum Patiens, immanis in antro,

Bacchatur vates, magnum si pectore possit

Excussisse deum: tanto magis ille fategat

Os rabidum, fera corda domans, fingitque premendo".

Æneid, l. vi. v. 78.

Есть основания полагать, что языческие жрецы находились под воздействием какого-то наркотика во время демонстрации своих прорицательских способностей, но эффект, который они производили, скорее напоминал опиум или, возможно, страмоний, чем пруссиковую кислоту. Монардус рассказывает, что жрецы американских индейцев, когда к ним обращались за советом главные господа, или *касики*, как их называют, брали несколько листьев табака и бросали их в огонь, а затем принимали дым, который они таким образом производили, в рот, в результате чего падали на землю; после того как они оставались некоторое время в оцепенении, они приходили в себя и давали ответы, которые они якобы получили во время их предполагаемого общения с миром духов. Успокоительные свойства садового латука были известны с древнейших времен. Среди античных басен мы читаем, что после смерти Адониса Венера бросилась на ложе из латука, чтобы утихомирить свою печаль и подавить желания. Морской лук, или *кальмар*, египтяне употребляли при водянке под мистическим названием "Глаз Тифона". В лагере греков перед Троей использовались методы разрезов и скарификации, а также прикладывание спирта к ранам: опытный Нестор прикладывал к ранам Махаона катаплазму, состоящую из сыра, лука и муки, смешанных с вином Прамноса.

29. *Æis addatur quod scripsit Necepsos, draconem radios habentem insculptum, collo suspensum, ita ut contingeret ventriculum, mire ei prodesse.*-Tiedman.

30. По вопросу об иудейских волхвах были использованы работы Баксторфа, Лайтфута, Беккера и других.

31. Юфийцы считают, что Лилис хочет умертвить парней в первый день после их рождения, а девушек - в четвертый. Приведем пример аллеманских евреев, чтобы уберечься от этой опасности. Они выкладывают черты в виде ронды из ракиты или из древесного угля на четырех стенах палаты, в которой они живут, и пишут каждую черту: *Adam! Eva! qui Lilis se retire*. Они также произносят над частью палаты имена трех ангелов, которые являются президентами медицины: *Сенай*, *Сансенай* и *Санмангеллоф*, а также Лилис, которая сама пишет, что нужно делать, когда она хочет, чтобы все они ушли в море. Элиас, как цитирует Беккер.

32. Это замечательное признание можно найти в книге Menange's. *Observations sur la langue François*e, Part II. p. 110.

33. Это было написано в 1560 году, до того, как началась эпоха революций даже среди нас. Он проник в важный принцип лишь силой собственных размышлений.

34. См. "Лекции по френологии" докторов Галля и Шпурцгейма.

35. Предполагается, что это слово образовано от греческого οἰονα, имя; и μαντεία, гадание. На самом деле в этимологии есть нечто необычное, поскольку, строго говоря, онома́нтια должна была бы скорее означать гадание на ослах, будучи образованной от οἶνος, *asinus* и μαντεία. Для обозначения гадания по именам должно быть Ономатомантия.

36. Пифия или Пифия, в древности жрица Аполлона, через которую он произносил оракулы. Она называлась так от самого бога, которого называли *Аполлоном Пифием* за то, что он убил змея Пифона; или, как другие считают, από του ποθέσθαι, потому что Аполлон, солнце, является причиной гниения; или, по мнению других, от πυνθάνομαι, *я слышу*, потому что люди ходили слушать и советоваться с его оракулами; жрица должна была быть чистой девственницей. Она сидела на крышке медного сосуда, установленного на треножнике, и оттуда, после бурного воодушевления, произносила свои оракулы, *то есть* повторяла несколько двусмысленных и непонятных стихов, которые принимались за оракулы.

Все пифии, по-видимому, не обладали одинаковым поэтическим талантом и не имели достаточной памяти, чтобы запомнить урок. Плутарх и Страбон упоминают поэтов, которых Юпитер держал в качестве толкователей.

Торжественные игры, учрежденные в честь Аполлона и в память о том, что он убил стрелами змея Пифона, назывались Пифией или Пифийскими играми.

37. Искусство узнавать юмор, темперамент или склонности человека, наблюдая за линиями лица и характером его членов или черт, называется физиогномикой. Баптист Порта и Роберт Фладд - одни из лучших современных авторов, а с тех пор эту тему возродил Лаватер. Древние авторы - софист Адамантий и Аристотель, чей трактат о физиогномике перевел на латынь де Лакуна.

38. When the thoughts are much troubled, and when a person sleeps without the circumstance of going to bed, or putting off his clothes, as when he nods in his chair; it is very difficult, as Hobbes remarks, to distinguish a dream from a reality. Напротив, тот, кто укладывается спать, в случае какой-либо грубой или нелепой фантазии легко заподозрит, что это был сон" - Левиафан, ч. I. с. 1.

39. О понятии троичной души читайте в следующих стихах, приписываемых Овидию

Bis duo sunt nomini: Manes, Caro, Spiritus, Umbra:

Quatuor ista loci bis duo suscipiunt,

Terra legit Carnem, tumulum circumvolat Umbra

Orcus habet Manes, Spiritus astra petit.

40. Scot's Discoverie of Witchcraft, book xv. chap. 39; также Discourse on Devils and Spirits, chap. 28.

41. Философия явлений, д-р Хибберт.

42. "Когда я вчера вечером сидел в кладовке и считал ложки, - рассказывает дворецкий в "Комедии барабанщика", - свеча, как мне показалось, горела синим пламенем, а стерилизованная сука выглядела так, словно что-то видела".

43. The Friend, a series of Essays, by S. T. Coleridge, Esq. vol. I, page 248.

44. "Есть род, которому в Горных горах приписывают опекунство или руководство определенным кланом или знатной семьей. Так, семью Гурлинбег преследовал дух по имени Гарлен Бодачар; барона Килчардена - Сандеар или Красная Рука, призрак, одна из рук которого красная, как кровь; клана Туллохгорум - Май Мулах, женская фигура, левая рука и рука которой были покрыты волосами, которая также упоминается как знакомый сопровождающий клана Грант." Сэр Вальтер Скотт "Пограничные менестрели".

45. В 1646 году двести человек были судимы, осуждены и казнены за колдовство на судебных заседаниях в Саффолке и Эссексе; а в 1699 году пять человек были судимы специальной комиссией в Пейсли, в Шотландии, осуждены и сожжены заживо за то же мнимое преступление" (см. Howell's Letters).

46. Довольно прискорбно, что из всех книг (а их было несколько), в которых рассказывалось об искусстве колдовства, как оно практиковалось древними, не сохранилось ни одной, и все, что мы знаем по этому вопросу, было собрано из отдельных фактов, случайно упомянутых в других работах. Из них, однако, следует, что многие из обманов, которые до сих пор вызывают удивление, были тогда общеизвестны.

47. Сэр Гилберт Блейн, барт.

48. Гланвил был капелланом Его Величества, членом Королевского общества и автором работы, о которой идет речь, под названием "Saducesmus Triumphatus, или полное и ясное доказательство относительно ведъм и явлений" в двух частях, "доказывающее частично на основании Священного Писания, а частично с помощью избранной коллекции современных отношений, реальное существование явлений, духов и ведъм". Напечатано в 1700 году.

49. Вебстер, другой божественный человек, написал "Критику и толкование Писания" против существования ведъм и т. д.

50. Эта история должна быть объяснена тем или иным способом; или же необходимо поверить в появление явлений. Либо мельник сам был убийцей, либо он был посвящен в это дело, не замеченный теми, кто его совершил; либо он мог быть сообщником до совершения преступления или в момент его совершения, но без нанесения каких-либо ран. Навязчивые посещения его беспокойной совести, страх перед законом в случае разоблачения, исходящего от кого-либо, кроме него самого, несомненно, заставили его решиться на преступление; и притворное сверхъестественное воздействие было самым подходящим каналом, который представился для этого случая. То, что Уокер и Шарп так ни в чем и не признались, не должно вызывать удивления. Против них не было никаких улик, кроме явления мельника, которое, как они были уверены, вряд ли выступит против них; поэтому они были полны решимости не впутывать себя; прекрасно понимая, что, как бы ни обстояло дело, мельник Грейм не может быть осужден, поскольку, если его рассказ о явлении будет отвергнут, они должны быть оправданы, хотя подозрения, обстоятельства беременности и т. д. И опять же, если бы мельник после этого объявил себя свидетелем короны, его показания, если бы они вообще были приняты, были бы восприняты с величайшей осторожностью и недоверием; в результате, по сути, самые сильные подозрения пали бы на него как на настоящего убийцу Анны Кларк; за что, при любом рассмотрении дела, он мог быть несправедливо судим, осужден и казнен. Заявление Ламли не доказывает ничего, что не было бы общеизвестно. То, что Энн Кларк была убита, было хорошо известно, но кем - никто не знал. Впоследствии она явилась к мельнику, но почему именно к мельнику, а не к кому-либо другому, если только он не приложил к этому наименьшую руку? За исключением Шарпа и Уокера, это единственное живое существо, которое было досконально знакомо с катастрофой, но которое само было, по сути, виновно не меньше, чем двое других.

Мистеру Фанхайру, который во время суда клялся, что видел "подобие ребенка, стоящего на плечах Уокера", следовало бы в течение месяца или двух свободно пускать кровь, делать обкалывания, очищать организм и соблюдать диету, пока пары его инфантильного воображения не научились бы сгущаться в надлежащих рамках: тогда, и только тогда, к его клятве можно было бы прислушаться. Кроме того, *ребенок* мог быть только зародышем, на каком сроке беременности, нам неизвестно, и чтобы появиться в надлежащем виде, он должен был иметь при себе свой главный придаток - мать. Однако эти двое могли оказаться тяжеловаты для плеч Уокера: впрочем, галантность того времени, конечно, не отказала бы ей в месте на скамье подсудимых рядом с ее виновным спутником или в кресле в свидетельской ложе, если бы она явилась в качестве свидетеля против него.

51. Под Мумией здесь понимают то, что использовалось некоторыми древними врачами для обозначения некоего имплантированного духа, обнаруживаемого главным образом в трупах, когда вселившийся дух исчезает; или некоего симпатического влияния, передаваемого от одного тела к другому, с помощью которого, как говорили, осуществляются магнитные исцеления и т. д. Теперь, однако, заслуженно взорвана.

52. Любопытным примером этого *odium theologicum* является "Порицание" Сорбонны на "Белисария" Мармонтеля.

53. К этому королю обращаются в первой части пьесы Шекспира о Генрихе Шестом следующим образом:

"Вы, быстрые помощники, что заменяют

Под властным монархом Севера...

Явитесь!"

54. Это описание взято из древней латинской поэмы, описывающей плачевное видение преданного отшельника, и предположительно написанной святым Бернардом в 1238 году; перевод ее был напечатан для частного распространения Уильямом Йейтсом, эсквайром из Манчестера.

55. Сэр Томас Браун, который считает, что это мнение может быть подтверждено толкованиями Священного Писания, замечает, что "в то время как сказано, что вы не должны приносить в жертву дьяволам (оригинальное слово - *seghuirim*), то есть грубым и волосатым козлам, потому что в таком виде дьявол должен был часто появляться, как объясняет Рабин; как также объясняет Тремеллий; и как некоторые считают слово *Ascemah*, бога Эмата".

56. См. интересную диссертацию на эту тему в Douce's Illustrations of Shakspeare, Vol. i. p. 382. Он также упоминается в "Border Minstrelsy", Vol. ii. p. 197.

57. Дио из Сиракуз лично посетила одна из фурий, появление которой прорицатели расценили как предвестие смерти его сына, а также его собственного распада.

58. Сэр Вальтер Скотт предположил, что этот мифологический рассказ о дуэргаре имеет отдаленную аллюзию на реальную историю, имея в конечном итоге отношение к угнетенным финам, которые до прихода захватчиков, под руководством Одина, были главными хозяевами Скандинавии. Последователи этого героя увидели народ, который умел обрабатывать рудники страны лучше, чем они сами, и поэтому из суеверных побуждений превратили их в духов неблагоприятного характера, обитающих в недрах скал и окруженных огромными богатствами.- Border Minstrelsy, v. ii. p. 179.

59. Говорят, что в Оркнее их часто видели облаченными в полные доспехи.- Описание Оркнея у Бранда. 8vo. Edinburgh, 1701. p. 63.

60. В Германии, вероятно, по аналогичным причинам, карлики получили название *эльфов* - слово, отмечает г-н Дус, происходит от тевтонского *helfin*, которое этимологи перевели *juvare*.

61. Менестрели шотландской границы, т. ii. стр. 215.

62. Прежде чем закрыть эту тему о феях, я немного остановлюсь на странном смешении греческих и тевтонских сказок. "Мы видим, - говорит сэр Вальтер Скотт, - что эльфы, соответственно, одеты в костюмы Греции и Рима, а королева фей и ее сопровождающие превращены в Диану и ее нимф, наделены их атрибутами и соответствующими знаками отличия". В 1602 году Харсенет также назвал Меркурия принцем фей.

63. "Он бы очень расстроился, - говорит Скотт, - если бы служанка или добрая жена в доме, сжалившись над его наготой, положила бы для него ани, помимо положенных ему белого хлеба и молока, которые были его постоянной платой. Ибо в этом случае он говорит: что у нас здесь? Hempton hamten, здесь я больше никогда не буду ни ступать, ни топтать".

64. Беллус с презрением отзывается об этом мелком проявлении недоброжелательности к человеческому роду: "С воздуха бросают камни", - замечает он, - "которые не причиняют вреда, так как у дьяволов мало сил и они всего лишь пугала". Таково происхождение метеоритных камней.

65. См. "Философия явлений" Хибберта.

66. История цыган Греллмана.

67. Мнение Греллмана кажется чрезвычайно правдоподобным, что они принадлежат к низшему классу индийцев, называемых *судерами*, и что они покинули Индию, когда Тимур Баг опустошил эту страну в 1408 и 1409 годах, предав смерти огромное количество людей всех сословий.

68. Мистер Марсден впервые навел справки среди английских цыган об их языке - см. *Archæologia*, vol. ii. p. 382-386. Г-н Кокс передал словарь слов, используемых венгерскими цыганами. См. тот же том "Археологии", с. 387. Словари немецких цыган можно найти в книге Греллмана. Любой человек, желающий убедиться в этом сходстве языка и имеющий словарь слов, используемых в Индостане, может убедиться в его истинности, пообщавшись с первым встречным цыганом.

69. Маргарет Финч, знаменитая современная авантюристка, была похоронена 24 октября 1740 года в Бекенхеме, графство Кент. Эта замечательная личность дожила до 109 лет. Она принадлежала к народу, называемому цыганами, и носила титул их королевы. Странствуя по разным частям королевства на протяжении большей части столетия, она поселилась в Норвуде, месте, печально известном среди бродяг такого рода, куда ее великий возраст и слава о ее гаданиях привлекали многочисленных посетителей. От привычки сидеть на земле, опираясь подбородком на колени, сухожилия в конце концов так сжались, что она не могла подняться из этой позы. После ее смерти они были вынуждены поместить ее тело в глубокий

квадратный ящик . На ее похороны приехали две траурные кареты, по этому случаю была прочитана проповедь, и на церемонии присутствовало огромное количество людей.

Существует гравированный портрет Маргарет Финч, сделанный с рисунка, сделанного в 1739 году. Ее изображение украшало вывеску публичного дома в Норвуде под названием "Гипси-хаус", который располагался в небольшой зелени, в долине, окруженной лесом. На этой зелени несколько семей цыган разбивали свои палатки в летний сезон. Зимой они либо снимали жилье в Лондоне, либо устраивались в амбарах в некоторых отдаленных графствах. В коттедже, примыкавшем к дому Гипси, жила старая женщина, внучка королевы Маргариты, унаследовавшая ее титул. Она была племянницей королевы Бюджет, которая была похоронена (см. *Lysons*, vol i. p. 107.) в Далвиче в 1768 году. Однако ее титул, похоже, был всего лишь титулярным; мы не находим, чтобы цыгане оказывали ей какое-то особое уважение или чтобы она отличалась от остальных членов своего племени чем-то иным, кроме того, что была домохозяйкой.

70. Частный жилой дом.

71. Лес, живая изгородь или кустарник.

72. Его девушка и т.д.

73. Одежда.

74. Куры.

75. Турки .

76. Молодые свиньи .

77. Гуси .

78. Грабеж, товары или деньги, приобретенные путем кражи.

79. Легенда также используется авторами для обозначения слов или букв, выгравированных на полях и т. д. монет. Она также применяется к надписям на медалях, где служит для объяснения фигур или устройств. В строгом смысле слова легенда отличается от надписи, последняя правильно обозначает слова, а не фигуры, помещенные на реверсе медали.

80. См. "Трактаты Геддеса".

81. См. "Трактаты Геддеса".

ПРИМЕЧАНИЯ СТЕНОГРАФИСТА

Страница	Изменено с	Изменено на
96	λλη	ηλη.
143	μαν εια	μαντεια
144	χλησων	κληδων
149	υε	υη
152	υαντεια	μαντεια
171	ΦΥΣΙΟΤΝΩΜΙΑ	ΦΥΣΙΟΓΝΩΜΙΑ

229	קסומי נאלי באוכ מענין	קסומי נא לי באוב מעונן
230	הש	נחש
232	חיבר חבר חיבר חבר ἐπαῶων	נחשחובר חבר חובר חבר ἐπάδων
233	חיבר מחכם אשר לא-ישמע לקול מלחשים חובר חברים חיבר חבר	חובר אשר לא-ישמע לקול מלחשים חובר חברים מחכם חובר חבר
234	שיאל אוב Ἐγγασείμυθος שיאל אוב Ἐγγασείμυθος	שואל אוב Ἐγγαστρίμυθος שואל אוב Ἐγγαστρίμυθος
235	כהם אוב באיב Ἐγγασείμυθω	בהם אוב באוב Ἐγγαστρίμυθω
236	בעלת איב בעלת איב איב חיבר חבר חובר	בעלת אוב בעלת אוב אוב חובר חבר
237	ירעני יעשה איב וידעני איב בעלת בוא	ידעני יעשה אוב וידעני אוב בעלת אוב
239	איב כעלוה הטהגים	בעליה אוב המהגים
243	הרטמים מבשפים חבטים להש דהט חדב	חרטמים מכשפים חכמים להט להט חרב
245	בלהטוהם איב Οχ μαντεῖον	קסומי-נא לי אוב Οβχ μαντεῖον
246	Ἡ θεασάμπνυον τὸ γύναιον ἄνδρα σεμνὸν καὶ θεοπρεπῆ ταραττεται, καὶ πρὸς την ὄψιν οὐπλαγέν, οὐ σύ, φησὶ ν, ὁ Βασιλεὺς Σάουλος	Ἡ θεασάμενον τὸ γύναιον ἄνδρα σεμνὸν καὶ θεοπρεπῆ ταραττεται, καὶ πρὸς την ὄψιν οὐπλαγέν, οὐ σύ, φησὶ ν, ὁ Βασιλεὺς Σαοῦλος
247	אלהום Элохим	אלהים Элохим

249	יְדִי	עֲדִי
250	διπλοῖδα ἰερατικῇ	διπλοῖδα ἰερατικὴν
251	Θεῶν μερὶ ὅμοιος	Θεῶν μορφὴν ὅμοιος
292	חלם	חלע
	холам	гнолам
	חלםל	חלעל
	лехолам	гнолам
256	θεοῦς	θεοὺς

1. Обратите внимание, что в авторской транслитерации иврита "hh" обозначает твердый "аитч".
2. Обратите внимание, что в транслитерации автора на иврит "gn" обозначает (немой) твердый глоттальный стоп.
3. Молча исправлены очевидные опечатки и орфографические ошибки.
4. Архаичные, нестандартные и неопределенные написания сохранены в том виде, в котором они были напечатаны.
5. Сноски переиндексированы с помощью номеров и собраны вместе в конце последней главы.